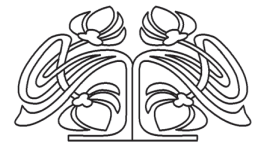

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2018 Том 18

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Мезин С. А.** Французская россика середины XVIII века 276
Королева И. А. Прижизненные портреты Елизаветы Петровны как источник визуального образа власти и правления императрицы 283
Чернов О. А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н. В. Чарыкова 290
Тихонова Н. Е. Идеи российско-турецкого сближения во взглядах и переписке И. Гаспринского и М. О. Меншикова 295
Цыплин В. Г. Советско-американские контакты в военной области в условиях дипломатического непризнания 299

Всеобщая история и международные отношения

- Лесная Е. С.** Несколько комплексов раннеклассического времени из Херсонеса (северо-восточный район) 305
Золотарев А. Ю. Ордалии в англо-нормандское время 314
Лушина М. Г. Города Великой Польши в середине XI – середине XII века 319
Яблонская О. В. Порочная аристократия и добродетельные труженики Джеффри Чосера 323
Бельцер А. А. Королевская администрация и пограничные кланы на англо-шотландском пограничье в 1525–1527 годы 329
Эльфонд И. Я. Проблема сословий и сословного представительства во французской политической литературе XVI века 334
Нохрин И. М. Политическая элита Канады конца XVIII века и происхождение франкоканадского национализма 343
Дуров В. И. Ирландский национализм и Великая война: начало раскола Ирландии 351
Киясов С. Е. «Протоколы сионских мудрецов»: антимасонский аспект 357
Малкин С. Г. Аналитические центры и политика США в странах «Третьего мира» в начале 1960-х годов 363
Шенин С. Ю. Джон Кеннеди и «новые горизонты» американской помощи 368

Региональная история и краеведение

- Брезгунова В. М.** Город Коротояк во время восстания Степана Разина в 1670–1671 годы 372
Герман А. А. Политические и социально-экономические процессы 1918 года в селах Саратовского Поволжья 377
Данилов В. Н. Противовоздушная оборона Саратовского Поволжья в годы Великой Отечественной войны: создание и функционирование 388
Рыбин А. А. Участие молодежи Центральной России в организации сельскохозяйственной инфраструктуры на территории Казахской ССР в начальный период освоения целинных и залежных земель в 1954–1956 годы (по материалам Ивановской, Костромской и Ярославской областей) 400

Критика и библиография

Представляем книгу

- Любичанковский С. В.** Историк в прошлом и настоящем 405
Рахимзянов Б. Р. Казанское ханство в русских летописях 408

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (группы научных специальностей: 07.00.00 – исторические науки и археология)

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56135 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Крылова Елена Борисовна

Адрес учредителя, издателя и издательства:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 28.08.18.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 15,81 (17,0).
Тираж 500 экз. Заказ 104-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2018

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Mezin S. A.** French Rossika in the Middle of the XVIII Century 276
Koroleva I. A. Lifetime Portraits of Elizaveta Petrovna as a Source of Visual Image of Power and Reign of the Empress 283
Chernov O. A. Peace Treaties and the Problem of International Security: the Concept of N. V. Charykov 290
Tikhonova N. Y. The Ideas about Russian-Turkish Rapprochement in the Views and Correspondence between I. Gasprinskiy and M. O. Menshikov 295
Tsyplin V. G. Soviet-American Contacts in the Military Sphere in Conditions of Diplomatic Non-recognition 299

World History and International Relations

- Lesnaya E. S.** Some Early Classical Assemblages from Chersonesos (North-Eastern District) 305
Zolotarev A. Yu. Ordeals in Anglo-Norman England 314
Lushina M. G. Cities of Greater Poland from the Middle of the XI Century to the Middle of the XII Century 319
Yablonskaya O. V. Geoffrey Chaucer's Vicious Aristocracy and Virtuous Workers 323
Beltser A. A. The Royal Administration and the Border Clans on the Anglo-Scottish Borders in 1525–1527 329
Yelfond I. Ya. The Problem of Estates and Estate Representation in French Political Literature in the XVI Century 334
Nokhrin I. M. Canadian Political Elite in the Late XVIII Century and the Origin of French Canadian Nationalism 343
Durov V. I. Irish Nationalism and the Great War: the Origins of Divided Ireland 351
Kiyasov S. E. «The Protocols of the Sages of Zion»: Anti-masonic Aspect 357
Malkin S. G. Think Tanks and USA Politics in the Countries of «the Third World» at the Beginning of the 1960s 363
Shenin S. Yu. John Kennedy and the «New Horizons» of American Aid 368

Regional History and Local Studies

- Brezgunova V. M.** The City of Korotoyak during Stepan Razin's Uprising in 1670–1671 372
German A. A. Political and Socio-economic Processes of 1918 in the Villages of the Saratov Volga Region 377
Danilov V. N. Air Defense of the Saratov Volga Region during the Great Patriotic War: the Establishment and Operation 388
Rybin A. A. The Role of the Youth of Central Russia in the Formation of Agricultural Infrastructure on the Territory of the Kazakh SSR in the Early Period of Development of Virgin and Fallow Lands in 1954–1956 (Based on Materials of the Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl Regions) 400

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Lyubichankovskii S. V.** A Historian of Past and Present 405
Rakhimzianov B. R. The Kazan Khanate in Russian Chronicles 408

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Denningkhauz (Luneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald Rayleigh (Chapel Hill, USA)

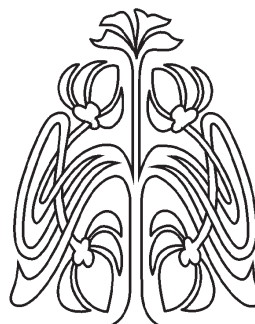
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

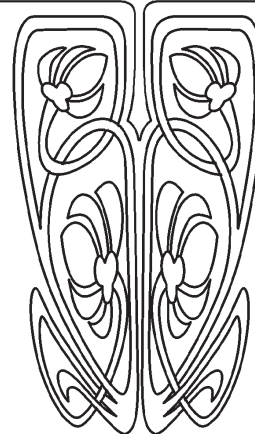
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).06(093.2)=811.133.1

ФРАНЦУЗСКАЯ РОССИКА СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА

С. А. Мезин

Мезин Сергей Алексеевич, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, mezinsa@mail.ru

Автором статьи дан обзор донесений, записок и воспоминаний о России французских дипломатов середины XVIII века – маркиза де Ла Шетарди, графа Дальона, шевалье д'Эона, маркиза де Лопиталья, де Ла Мессельера, Фавье. Вводятся в научный оборот «Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской» д'Эона. Отмечаются особенности текстов каждого автора и выделяются общие черты, характеризующие представления французских дипломатов о России времени императрицы Елизаветы Петровны.

Ключевые слова: французская россика XVIII века, Елизавета Петровна, русско-французские отношения, де Ла Шетарди, Дальон, д'Эон, де Ла Мессельер, Фавье.

French Rossika in the Middle of the XVIII Century

S. A. Mezin

Sergey A. Mezin, ORCID 0000-0002-9992-761X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, mezinsa@mail.ru

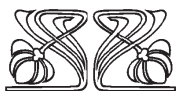
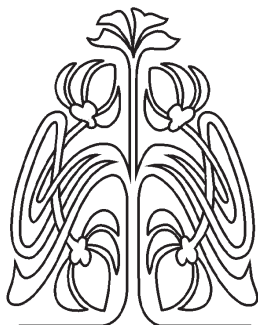
The article gives an overview of the reports, notes and memoires about Russia written by the French diplomats of the mid-eighteenth century – Marquis de La Chétardie, Count d'Allion, Chevalier d'Éon, Marquis de L'Hôpital, de la Messelière, Favier. «Secret anecdotes about the court of the Empress of All-Russia» by d'Éon are introduced for a scientific consideration. The author notes the peculiarities of each work and at the same time highlights the common features that characterize the views of French diplomats about Russia at the time of Empress Elizaveta Petrovna.

Key words: French rossika of the 18th century, Elizaveta Petrovna, Russian-French relations, de La Chétardie, d'Allion, d'Éon, de La Messelière, Favier.

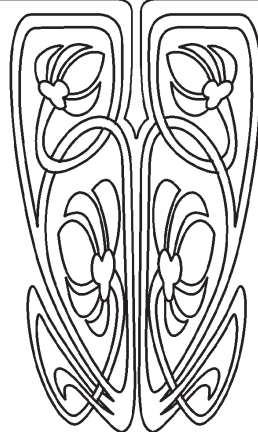
DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-276-282

Сочинения французских авторов XVIII в. о России не оставляли равнодушными их русских современников. Достаточно вспомнить полемические отклики на произведения Локателли, Вольтера, Шаппа д'Отроша, Леклерка, Левека и др. Уже в конце XVIII столетия была осознана историческая ценность донесений французских дипломатов из России. Во время Французской революции граф А. Р. Воронцов обращался к советнику российского посольства в Париже Машкову с просьбой приобрести записки французских дипломатов о России: копии депеш де Ла Шетарди, Дальона, Дугласа, де Лопиталья и др.¹ В XIX и в начале XX в. в России широко публиковались, переводились и использовались в качестве источников записки иностранцев, в том числе французская россика века Просвещения. Однако с середины 1930-х годов внимание историков к сочинениям подобного рода заметно ослабло. Лишь с конца 1980-х годов изучение россика, обогащенное новыми подходами, вновь стало занимать заметное место в исторических исследованиях отечественных авторов.

На сегодняшний день наиболее пристальное внимание исследователей привлекла французская россика петровского времени, а также сочинения французских авторов, посвященные Петру I². Произведения других периодов подвергались лишь «точечному» изучению. Наименее изученными представляются известия французов о России

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

середины XVIII в. Некоторые сочинения этого времени остаются неопубликованными и малоизвестными отечественным историкам.

Французская россика времени царствования Елизаветы Петровны (1741–1761) включает в себя сочинения разных видов. Это и научно-литературные произведения знаменитого Вольтера, которые до сих пор полностью не переведены на русский язык, и частично опубликованная политическая переписка французских послов в России (де Ла Шетарди, Дальон, де Лопиталь и др.), и специальные записки о России французских дипломатов (д'Эон, де Ла Мессельер, Фавье). Это, наконец, записки о путешествии в Сибирь Шаппа д'Отроша, совершенном в конце царствования Елизаветы, опубликованные и получившие широкую огласку уже в 1760-е годы.

В настоящей статье речь пойдет об известиях о России авторов, принадлежавших к дипломатическим кругам. Единственную попытку дать общую характеристику этих сочинений можно найти в недавно изданном томе «Опыта русской историографии» В. С. Иконникова (1841–1923)³. Известный историк дал обзор донесений и сочинений Шетарди, Дальона, Лопиталья, Мессельера, Фавье с точки зрения их ценности в качестве материала для изучения политической и дипломатической истории того времени. В приложении к тому опубликована статья С. Н. Киржаева⁴, содержащая информацию о современном состоянии литературы вопроса и актуальных подходах к изучению известий иностранцев о России. Накопленный опыт изучения «образа другого» позволяет по-новому взглянуть на давно известные тексты французской россики. Сегодня нас интересует не только то, как современник-иностранец характеризует различные явления русской жизни, но и вопрос *почему именно так* воспринимаются русские реалии, какова роль стереотипных представлений в формировании образа чужой страны. Проблема правдивости и ложности информации не снимается вовсе, но приобретает иной смысл при рассмотрении причин ошибок и искажений. Этнокультурные аспекты восприятия находятся в центре внимания. Новые публикации и находки дают возможность расширить исследовательское поле французской россики середины XVIII в.

Первыми в ряду сочинений французских послов о России времени императрицы Елизаветы Петровны стоят дипломатические донесения маркиза де Ла Шетарди. Жак-Иоахим Тротти, маркиз де Ла Шетарди (Jacques-Joachim Trotti, marquis de La Chétardie, 03.10.1705 – 01.01.1759)⁵ родился в Париже в дворянской семье, начал свою дипломатическую карьеру в Пруссии (1731–1738), а в июле 1739 года был назначен чрезвычайным и полномочным послом при дворе российской императрицы Анны Ивановны. Это назначение последовало после длительного охлаждения русско-французских дипломатических отношений

и их полного прекращения из-за вооруженного конфликта в ходе войны за польское наследство 1733–1734 годов⁶. Затем французская дипломатия выступила посредником при заключении Белградского мира России с Турцией (1739). Хотя этот мир оказался крайне невыгодным для России, обе стороны – Россия и Франция – посчитали французское посредничество поводом для возобновления нормальных отношений.

Шетарди прибыл в Петербург в конце декабря 1739 года. Сблизившись с великой княжной Елизаветой Петровной, он (в союзе со шведским послом бароном Э. М. Нолькеном) стал одним из вдохновителей дворцового переворота 25 ноября 1741 года, который привел её к власти. Впрочем, роль Шетарди в перевороте была не настолько существенной, чтобы утверждать, что «именно благодаря Франции дочь Петра возшла на престол»⁷. В начале нового царствования Шетарди занимал выдающееся место при дворе и на некоторое время стал, по выражению английского дипломата, «первым министром» Елизаветы Петровны. Однако открытая защита интересов Швеции вскоре отдалила его от императрицы, и он, нагруженный её подарками, вынужден был покинуть Петербург в сентябре 1742 года. Через год (это был благоприятный момент после раскрытия заговора маркиза Ботты, когда Австрия и её сторонники в России попали под подозрение императрицы) он вернулся в русскую столицу в надежде возродить свое влияние при русском дворе. Сторонник союза с Австрией (Священной Римской империей германской нации) и главный противник Шетарди А. П. Бестужев-Рюмин сумел дешифровать донесения французского дипломата, из которых было ясно, что тот печется об интересах врагов России, вмешивается во внутренние дела и позволяет оскорбительные высказывания в адрес императрицы. Вследствие этого Шетарди был выслан из России в 24 часа 17 июня 1744 года. У бывшего друга императрицы отобрали знаки ордена Андрея Первозванного, миниатюрный портрет Елизаветы и подаренную ей табакерку. Была направлена специальная нота французскому правительству, которое для вида подвергло неудачливого дипломата временному аресту.

Красивый, обладавший утонченными манерами и красноречием Шетарди всем своим видом и поведением стремился дать «понять русским... что такое Франция». В своих действиях маркиз проявил себя как человек крайне расточительный, тщеславный и самовлюбленный. Особое внимание он уделял одежде, церемониалу, тонкостям этикета. Не лишенный наблюдательности и остроумия, он во многих случаях судил и поступал легкомысленно. Эти личные качества проявились и в его сочинениях.

Выписки из донесений маркиза де Ла Шетарди впервые были сделаны А. И. Тургеневым (1784–1846), однако Николай I запретил их пу-

бликацию, считая, что эти материалы «оскорбительны для России и не имеют исторической важности»⁸. Уже в 1862 году эти выписки были переведены и опубликованы П. П. Пекарским в сопровождении содержательных комментариев⁹. Инструкции, данные Шетарди французским правительством, были опубликованы А. Рамбо¹⁰. Наконец, научная публикация донесений Шетарди была осуществлена Г. Ф. Штендманом¹¹.

Смерть императрицы Анны Ивановны, воцарение Ивана Антоновича и регентство Бирона, ссылка последнего, возвышение и падение Миниха, регентство Анны Леопольдовны, подготовка и осуществление переворота 25 ноября 1741 года, начало правления Елизаветы Петровны – эти события нашли отражение в письмах Шетарди министру иностранных дел Ж. Ж. Амело де Шайу. Подчас французский наблюдатель проявлял прозорливость. Так, незадолго до кончины Анны Ивановны Шетарди довольно точно предсказал расстановку сил при дворе после её смерти и возможные политические последствия (борьба между Остерманом и Минихом и стремление Анны Леопольдовны к личной власти)¹². Однако в деле возведения на престол Елизаветы Петровны, одним из инициаторов и вдохновителей которого он сам являлся, он проявлял поразительное непонимание реальной ситуации, когда за день до переворота сомневался в его успехе и рассуждал о том, не является ли «партия» процессы «порождением фантазии», и больше рассчитывал на военную помощь шведов¹³. Подстрекая шведское правительство к началу войны с Россией, Шетарди в своих посланиях сообщал о ничтожестве русской армии и флота, отсутствии денег, офицеров и матросов («нельзя выразить, как плохи у них лошади и оружие... русские морские силы без матросов... это государство не так страшно, как бы оно желало то показать... полки в жалком виде»)¹⁴, а после воцарения Елизаветы распространялся о могуществе России, за что получил выговор от своего министра¹⁵.

Историки, изучавшие депеши Шетарди, отмечали, что они «мало касались внутренней жизни страны» (Иконников), «являлись повторением общих мест» (Фурсенко). Эти общие места (топосы), суждения о России, которые в значительной степени разделяли и другие представители французской россики середины XVIII века, заслуживают специального рассмотрения.

Своеобразным дублёром Шетарди на посту дипломатического представителя Франции в России был Луи д'Юссон, граф Дальон (Louis d'Usson, comte d'Allion, 07.01.1705–31.07.1760)¹⁶. Этот дипломат впервые побывал в России в 1724 году, когда его дядя Жан-Луи д'Юссон де Боннак, бывший послом Франции в Турции, отправил своего племянника с поручением ко двору Петра I. С конца 1739 года он исполнял обязанности секретаря Шетарди, кото-

рый характеризовал коллегу как человека, знающего Россию, честного, усердного и преданного интересам короля¹⁷. После первого отъезда Шетарди из России Дальон был назначен в августе 1742 года посланником при дворе Елизаветы Петровны. Когда в ноябре 1743 года Шетарди возвратился на свой прежний пост, дипломаты не поладили между собой, и в драке Дальон шпагой поранил своему начальнику руку. Он вынужден был покинуть Петербург. После высылки Шетарди Дальон вернулся в Россию в ноябре 1744 года в ранге полномочного посла. Хотя Дальон был уполномочен королем признать императорский титул Елизаветы Петровны, он не принадлежал к числу её любимцев и не имел к ней прямого доступа. Болтливый и неосторожный в своих высказываниях, не слишком любезный с дамами, неопрятный, он получил прозвище «французский дурень», «обезьянья рожа». М. П. Бестужев говорил, что «Дальон незаметно готовит себе дорогу в Сибирь». На самом деле Дальон был неглуп и умел анализировать происходящее, но при этом был вспыльчив, бестактен, не обладал талантом царедворца. Помимо дипломатии он занимался коммерцией – торговал в своем особняке пудрой, помадой и табаком без уплаты таможенной пошлины¹⁸. Наметившийся было при Шетарди франко-русский союз, основанный на его участии в перевороте 1741 года, изворотливости и интригах, не получил развития при Дальоне. Французское посредничество в русско-шведской войне (1741–1743) было отклонено, а в продолжавшейся войне за австрийское наследство (1740–1748) Россия поддержала императрицу Марию Терезию в противовес Франции и Пруссии. Между тем Дальон находился под влиянием прусского посла Мардефельда. Французский посол оставил свой пост в Петербурге в декабре 1747 года. Его ненадолго сменил консул Жан-Батист Декюри де Сен-Совёр, не имевший никакого веса в политических делах. В июне 1748 года Версаль на несколько лет порвал отношения с Россией.

Послания Дальона французским министрам иностранных дел Амело и д'Аржансону¹⁹ содержали сведения о текущих делах в России и поступающих в Петербург внешнеполитических новостях. Ограниченный в средствах, Дальон понимал, что своими интригами он не сможет изменить политическую ситуацию в России, а потому высказывал «свою слабую идею», что Франция не нуждается во внутренних смутах при русском дворе²⁰. Его депеши кажутся прагматичными по сравнению с галантными и витиеватыми эпистолами Шетарди, их отличает заинтересованность в торговых делах и в заключении торгового договора, который мог бы стать шагом к политическому союзу с Россией²¹.

Впрочем, Дальона интересовали и общие вопросы политического развития России, о чем свидетельствует, например, приложенная к

депеше от 19 января 1743 года рукопись «Размышление отшельника», содержащая критику политического курса Елизаветы, которая для конспирации была представлена как сочинение русского автора²². Министр, хотя и одобрил замечания Дальона, но не рекомендовал ему впредь давать императрице советы, касающиеся «столь деликатной материи»²³. Не избегал Дальон и рассуждений о судьбе реформ Петра I.

Пауза в русско-французских дипломатических отношениях продолжалась до 1756 года. Однако в условиях опасного для обеих стран усиления Пруссии Фридриха II вновь появилось стремление к взаимному сближению России и Франции.

В октябре 1755 года в Петербурге побывал агент тайной дипломатической службы Людовика XV (так называемого «секрета короля») шотландец шевалье Александр-Пьер Макензи Дуглас²⁴. Ему удалось встретиться с вице-канцлером М. И. Воронцовым, который заверил его в желании продолжения русско-французского политического диалога. В преддверии Семилетней войны Франция, готовая заключить антипруссский союз с Австрией (Версальский договор 1 мая 1756 г.), получивший название «дипломатической революции», посчитала целесообразным восстановить дипломатические отношения и с Россией, давней союзницей венского двора. Для подготовки обмена посольствами в русскую столицу вновь был направлен шевалье Дуглас. На этот раз он пробыл в Петербурге с апреля 1756 по август 1757 года. При его участии, хотя и с большими трудностями, было оформлено присоединение России к Версальскому договору. Во время своего пребывания в России Дуглас должен был собирать информацию о положении русской армии и флота, о состоянии финансов и торговли, о русских государственных деятелях и фаворитах императрицы, о дворе наследника престола. Насколько шотландец справился с этим заданием, сказать трудно, поскольку депеши Дугласа остаются неопубликованными. В определенной степени эту задачу информирования правительства удалось решить его помощнику шевалье д'Эону де Бомону, прибывшему в Петербург в августе 1756 года.

Шарль Женевиёв Луи Огюст Андре Тимо-те, шевалье д'Эон де Бомон (Charles-Geneviève-Louis-Auguste-André-Thimothée, chevalier d'Éon de Beaumont, 05.10.1728–21.05.1810)²⁵ – один из знаменитых авантюристов века Просвещения. Его имя давно попало на страницы исторических исследований и романов. Известный французский писатель Фредерик Гайярде опубликовал вымышленные «Мемуары шевалье д'Эона»²⁶, в которых описывал приключения юного кавалера в женском облике при дворе русской императрицы Елизаветы Петровны. Миф о шпионе, проникшем под видом девушки в спальню русской императрицы, был развеян еще в классиче-

ской работе А. Вандаля²⁷. Достоверные сведения о жизни и сочинениях шевалье д'Эона можно найти в работах П. П. Черкасова²⁸, А. Ф. Стрелева²⁹, Ф.-Д. Лиштенан. Между тем его сочинения, созданные во время пребывания в России, стали известны исследователям совсем недавно. В 2006 году Лиштенан опубликовала «Записку о России в 1759 году шевалье д'Эона»³⁰. В 2016 году автор этих слов получил от французских экспертов по антиквариату Рока де Колиньи и Гули Маретт транскрипцию рукописи XVIII в. «Anecdotes secretes sur la cour de l'Impératrice de toutes les Russies»³¹ («Секретные анекдоты о дворе императрицы Всероссийской»), которую они атрибутировали как сочинение того же автора. Это произведение французской россики до сих пор не было известно исследователям. Сведения о дворе императрицы Елизаветы Петровны были собраны шевалье д'Эоном во время его пребывания в Петербурге с августа 1756 по июнь 1757 года. Текст составлен в Париже, где летом 1757 года находился шевалье между двумя поездками в Россию. Сочинение относится к популярному в XVIII в. жанру анекдотов – «неопубликованных», устных рассказов о скрытых, неизвестных сторонах жизни известных людей. Рассказы посвящены следующим сюжетам: распорядок дня императрицы, её стол, фавориты, круг общения императрицы (вельможи, статс-дамы, фрейлины, артисты, дипломаты), одежда императрицы и придворных, приемы во дворце, дипломатические приемы, опалы и наказания, ссылка в Сибирь, личные качества императрицы, театр в Петербурге, придворные свадьбы, гвардия. В центре повествования находится личность императрицы Елизаветы Петровны.

Отличие от «Анекдотов» «Записка о России в 1759 году» претендует на обобщение сведений о России. Сам автор указывал, что в первом случае он выступал как литератор (*home de lettres*), а во втором – как государственный деятель (*home d'État*)³². «Записка» была составлена во время повторного пребывания д'Эона в России в качестве первого секретаря французского посольства с сентября 1757 по август 1760 года. Д'Эон включил в неё информацию, которая могла бы быть полезной для руководителей внешнеполитического ведомства и для короля.

Как свидетельствуют комментарии Лиштенан, сведения о географии и истории России автор почерпнул из известных сочинений Д. Перри и Ф. И. Страленберга, которые давно были переведены на французский язык. Другие разделы «Записки», посвященные природным ресурсам страны, Петербургу, Академии наук, правительственным учреждениям, финансам, армии и флоту, торговле и мануфактурам, имеют более оригинальный характер. Автор подчеркивал трудность сбора такого рода информации в России из-за невежества и подозрительности русских, которые к тому же склонны к преувеличенному мнению

о собственной стране³³. Д'Эон, как и многие его предшественники, указывал на необходимость установления прямой торговли между Россией и Францией, которые имеют обоюдную заинтересованность в производимых в их странах товарах, но вынуждены терпеть большие убытки из-за посредников³⁴. Особое внимание он уделил описанию двора, вельмож, их связей и интересов (в этом плане «Записка» является своеобразным продолжением «Анекдотов»). Амбициозный автор стремился показать, что благодаря своим дипломатическим талантам он вхож в высшее общество Петербурга.

К двум названным сочинениям шевалье д'Эона примыкают его записки «Персоны первых рангов этого двора» (1759) с характеристикой главных лиц из окружения Елизаветы Петровны и «Размышление о легкости переворота в России по смерти императрицы с планом, которому должно следовать для достижения успеха, и о возможности его дальнейшего исполнения» (март 1762). Этот сочиненный задним числом план указывал на возможность составить заговор русских вельмож в пользу великого князя Павла Петровича с целью введения в России «свободного» правления по образцу Польши и Швеции, которое привело бы страну к анархии и ослаблению³⁵. Д'Эон мечтал занять место французского посла в России и вдохновлялся примером де Ла Шетарди, также полагавшего в свое время, что дворцовый переворот приведет страну к ослаблению и восстановлению допетровских порядков³⁶. Это была одна из «вечных» идей французской дипломатии при Людовике XV.

Дипломатическая корреспонденция французского посла Поля-Франсуа Галлюси, маркиза де Лопиталья (Paul-François Galluci, marquis de L'Hôpital, 13.01.1697–29.01.1776)³⁷, занимавшего этот пост с июня 1757 по январь 1760 года, частично опубликована А. Рамбо³⁸. В его депешах информация о текущих придворных событиях, личные характеристики императрицы и её окружения перемежаются с сообщениями о действиях русской армии против Фридриха II. Старый вояка маркиз не был склонен к активным интригам при русском дворе. «Я, конечно, знаю сильные и слабые стороны этого двора, но я не могу изменить ни форму правления, ни характер людей, которые влияют на большую политику»³⁹, – писал он. Его донесения дополняются относящимися к тому же времени записками дипломатов д'Эона и Мессельера.

Луи-Александр Фротье де Ла Мессельер (Louis-Alexandre Frotier de La Messelière, 08.04.1710–1777)⁴⁰ к моменту приезда в Россию сделал военную карьеру и занимал высокий пост во французском посольстве в 1757–1759 годах. Он был лично известен императрице Елизавете Петровне, пользовался её благосклонностью и был награжден орденом Св. Анны. Мессельер, как ранее Дуглас, утверждал, что в России на его

жизнь покушались сторонники англо-прусской «партии». В 1772 году он начал писать воспоминания⁴¹, которые частично переведены на русский язык⁴². Мемуары Мессельера по манере и тону изложения отличаются от записок его предшественников. В них нет документальной точности дипломатических донесений, они откровенно субъективны и на редкость благожелательны к России и к русским. Мессельер не свободен от стереотипных представлений о России как об экзотической полуазиатской стране, но эти стереотипы не выливались в данном случае в образ варварской и враждебной державы. Автор выражал уверенность в том, что русские преодолют варварские традиции и деспотизм и станут «одним из первых народов мира». Наблюдая учения русской армии, он восхищался её боеспособностью и храбростью русских солдат, которых «можно повести штурмовать самый ад». Русские дороги (!), Петербург и его архитектура произвели на него самое благоприятное впечатление. Мессельер давал высокую оценку государственным способностям Елизаветы Петровны. Арест канцлера А. П. Бестужева-Рюмина, извечного врага французских дипломатов, породил в авторе надежды на улучшение русско-французских отношений. Заметное место в мемуарах занимает весьма поверхностное описание участия России в Семилетней войне.

В 1760 году произошла смена лиц во французском посольстве в Петербурге. Маркиза Лопиталья заменил Луи-Шарль-Огюст Ле Тоннелье, барон де Бретейль, а на должность секретаря посольства вместо д'Эона был назначен другой агент «секрета короля» – Жан-Луи Фавье (Jean-Louis Favier, ок. 1710–1784)⁴³. Последний прибыл в Петербург в феврале 1761 года вместе с известным ученым путешественником аббатом Шаппом д'Отрошем. Фавье покинул Россию уже в апреле того же года, а в октябре он подал министру иностранных дел герцогу Шуазелю-Пранлену записку «Observations sur la cour de Russie, le ministère et le système actuel» («Заметки о русском дворе, правительстве и нынешней системе»). Копия, снятая с записки в том же 1761 году, хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁴⁴. Отдельные части этого сочинения публиковались в русском переводе⁴⁵.

Записки Фавье привлекательны уже тем, что их автор был известным писателем, эрудитом, полиглотом, знатоком европейской политической системы. Россия могла привлечь его внимание еще в бытность его секретарем маркиза Шетарди, когда последнего после высылки из Петербурга назначили послом в Турине (1749–1752). Еще более важными представляются его контакты с семейством Воронцовых. Будучи агентом «секрета короля», Фавье незадолго до своего приезда в Россию подвизался в качестве воспитателя молодого А. Р. Воронцова во время его путешествия по Испании и Италии. Обшир-

ные знания, наблюдательность, литературный талант придают несомненную ценность «Заметкам» французского дипломата, несмотря на краткость его пребывания в России.

В центре внимания автора – императрица Елизавета Петровна и её окружение, великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна и их двор. Автор анализирует цели, которые Россия преследует в Семилетней войне, характеризует её политику в отношении основных европейских государств, дает описание русской торговли. Личные характеристики отличаются пронизательностью и тонкой нюансировкой образов. Автор, например, показывает, как под влиянием болезни менялись характер и поведение Елизаветы Петровны, её «нравственное состояние».

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что сочинения французских дипломатов в царствование Елизаветы Петровны различаются по целям, которые ставили их авторы, и по жанрам: эпистолярный жанр представлен деловой дипломатической перепиской; присутствуют «аналитические» записки, дающие характеристику страны и двора, мемуары (воспоминания) и «анекдоты». В этих сочинениях сполна отразились личные особенности их авторов – высокомерие и легкомыслие де Ла Шетарди, грубоватый прагматизм Дальона, авантюризм и бахвальство д'Эона, созерцательность Лопиталья, благожелательность Мессельера, аналитический ум и тонкая наблюдательность Фавье. Тем не менее рассмотрение сочинений французской россики середины XVIII в. позволяет выделить общие «родовые» черты, характеризующие представления французских дипломатов о России. Эти представления уходят своими корнями в эпоху Петра I, когда образ России подвергся определенной трансформации при сохранении некоторых стереотипов о «варварской» стране Севера. Подобно их коллегам в петровское время, французские авторы середины XVIII в. часто демонстрировали поверхностность наблюдений, отсутствие подлинного интереса к внутреннему состоянию русского общества, преобладание сюжетов персонального и придворного характера, любовь к интригам, склонность к беллетристике⁴⁶. Французским дипломатам елизаветинского времени Россия представлялась огромной неизведанной страной, которая за исключением столиц и некоторых западных городов оставалась terra incognita для иностранцев. Они подчеркивали глубокое отличие России от других европейских стран, нередко выделяли азиатские черты в быте и нравах народа и двора. Редко касаясь темы простого народа, они отмечали его невежество и забитость. Общим местом были рассуждения о деспотизме русской власти и рабстве всех подданных без различия сословий и званий. Деспотизм изображался следствием недостаточной цивилизованности общества, которым мож-

но управлять только с помощью страха, кнута и угрозы ссылки в Сибирь. Свидетельством внутренней слабости страны была, по мнению авторов-дипломатов, легкость дворцовых переворотов, «революций», совершавшихся с помощью гвардии («янычар»).

Почти все сочинения были проникнуты сознанием огромной роли Петра I как создателя «новой» России, хотя степень её обновления авторы не склонны преувеличивать. Парадоксальным образом отмеченная ими «любовь» народа к наследнику Петра I сочеталась в писаниях французов с «ненавистью» русских к Петербургу и к иностранцам, которые с легкой руки реформатора наводнили страну. Нередко отмечалось стремление всех русских вернуться к «допетровскому» состоянию. Созданная царем сильная армия, состоящая из неприспособленных и смелых солдат, представляла, по мнению дипломатов, серьезную угрозу для соседних государств. Однако стремление России вмешиваться в решение европейских дел они полагали необоснованным.

Авторам рассмотренных сочинений нельзя совсем отказать в верности наблюдений, которые, однако, утрировались и искажались под влиянием как вековых стереотипов «русского варварства», так и нового «мифа Петра Великого». Сложившийся в сочинениях французских дипломатов середины XVIII в. по большей части негативный образ страны был обусловлен также внешнеполитической доктриной версальского двора, которая (подчас вопреки политическим реалиям) отводила России место политического захолустья Европы и потенциального врага Франции.

Ограниченный объем настоящей статьи позволяет лишь обозначить основные черты образа России в произведениях французской россики середины XVIII в., которые заслуживают более пристального изучения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00131).

Примечания

- 1 См.: Архив князя Воронцова : в 40 кн. М., 1879. Кн. 13. С. 481–482.
- 2 См.: *Беспятовых Ю. Н.* Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмалль). СПб., 1998. С. 15–17 ; *Мицлов Р. И.* Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872 ; *Мезин С. А.* Взгляд из Европы : французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003 ; *Он же.* Французская Россика конца XVII – первой четверти XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга : из истории взаимовосприятия. Вып. 7. М., 2016. С. 332–343.
- 3 См.: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии : в 2 т. СПб., 2013. Т. 2, кн. 3. С. 629–635.

- 4 См.: Киржаев С. Н. Небесполезное, хотя и пристрастное «инаковидение» России // Иконников В. С. Указ. соч. Т. 2, кн. 3. С. 717–743.
- 5 См.: Фурсенко В. Шетарди // Русский биографический словарь. Шебанов–Шютц. СПб., 1911. С. 245–267; Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700–1775. М., 1995. С. 32–49; Les Français en Russie au siècle des Lumières. Sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 796–797.
- 6 О русско-французских отношениях середины XVIII века см.: Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии...
- 7 Лиштенан Ф. Д. Россия входит в Европу. Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство 1740–1750. М., 2000. С. 236.
- 8 Искюль С. Н. Александр Иванович Тургенев. 1784–1845 // Тургенев А. И. Российский двор в XVIII веке / пер. с фр. Д. В. Соловьева. СПб., 2005. С. 33.
- 9 См.: Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных делеш французского посольства в Петербурге издал с примечаниями и дополнениями П. Пекарский. СПб., 1862.
- 10 См.: Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France. P., 1890. Т. 8 (1). P. 341–353.
- 11 См.: Сборник Имп. Русского исторического общества: в 148 т. СПб., 1893. Т. 86; СПб., 1894. Т. 92; СПб., 1896. Т. 96; СПб., 1897. Т. 100; СПб., 1899. Т. 105 (в двух последних томах донесения публиковались без перевода).
- 12 Там же. Т. 86. С. 559–563.
- 13 Там же. Т. 96. С. 609.
- 14 Там же. С. 172–173.
- 15 Там же. Т. 100. С. 38.
- 16 Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 2. P. 804.
- 17 См.: Сборник Имп. Русского исторического общества. Т. 100. С. 293.
- 18 См.: Лиштенан Ф. Д. Россия входит в Европу. С. 117.
- 19 См.: Сборник Имп. Русского исторического общества. Т. 100; 105.
- 20 Там же. Т. 105. С. 15.
- 21 Там же. С. 403–410, 549–567.
- 22 Там же. Т. 100. С. 480–484.
- 23 Там же. С. 513, 532.
- 24 См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 2. P. 555–556.
- 25 Ibid. P. 305–307.
- 26 См.: Gaillardet F. Mémoires du chevalier d'Éon, publiés pour la première fois sur les papiers fournis par sa famille, et d'après les matériaux authentiques déposés aux Archives des affaires étrangères. P., 1836. Т. 1–2.
- 27 См.: Vandal A. Louis XV et Élisabeth de Russie. Étude sur les relations de la France et de la Russie au dix-huitième siècle d'après les Archives du Ministère des affaires étrangères. P., 1882. P. 223, 265–269, 300–310.
- 28 См.: Черкасов П. П. Указ. соч. С. 98–100.
- 29 См.: Строев А. Ф. «Те, кто поправляет фортуна». Авантюристы Просвещения. М., 1998.
- 30 En Russie au temps d'Élisabeth. Mémoire sur la Russie en 1759 par le chevalier d'Éon / présenté et annoté par Francine-Dominique Liechtenhan. P., 2006.
- 31 Личный архив автора.
- 32 См.: En Russie au temps d'Élisabeth. P. 17.
- 33 Ibid. P. 84.
- 34 Ibid. P. 124.
- 35 Ibid. P. 141–170.
- 36 См.: Сборник Императ. Русского исторического общества. Т. 96. С. 131, 170.
- 37 См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 2. P. 353–355.
- 38 См.: Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France. Paris, 1890. Т. 8 (2). P. 31–102.
- 39 Ibid. P. 97.
- 40 См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 2. P. 345–346.
- 41 Voyage à Pétersbourg, ou Nouveaux memoires sur la Russie, par M. de La Messelière... Paris, 1803.
- 42 См.: Записки Мессельера / пер., предисл., примеч. и послесл. М. Н. Лонгинова // Русский архив. 1874. Кн. 1, вып. 4. Стб. 952–1031.
- 43 См.: Les Français en Russie au siècle des Lumières... Vol. 2. P. 319–322.
- 44 См.: ОР РНБ. Fr. F IV 186.
- 45 См.: Русский двор в 1761 году // Русская старина: в 174 т. 1878. Т. 23. С. 178–206; Записки Фавье // Исторический вестн.: в 149 т. 1887. Т. 29. С. 384–405.
- 46 См.: Мезин С. А. Французская Россия конца XVII – первой четверти XVIII в. С. 340–341.

Образец для цитирования:

Мезин С. А. Французская Россия середины XVIII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 276–282. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-276-282.

Cite this article as:

Mezin S. A. French Rossika in the Middle of the XVIII Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 276–282 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-276-282.

УДК 929.657

ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПОРТРЕТЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ КАК ИСТОЧНИК ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА ВЛАСТИ И ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ

И. А. Королева

Королева Ирина Аркадиевна, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой музыкально-инструментальной подготовки, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, korolev-saratov@yandex.ru

В статье рассматриваются прижизненные портреты императрицы Елизаветы Петровны, созданные художниками, работавшими в России в середине XVIII века. Автором предпринята попытка исследовать место портретного жанра в презентации образа личности русской императрицы и показать, что портрет как жанр изобразительного искусства, созданный в определенный исторический период, может являться визуальным источником для изучения государственного деятеля, а также дополнять известные документальные свидетельства эпохи.

Ключевые слова: Россия середины XVIII века, императрица Елизавета Петровна, иностранные художники, прижизненные портреты, визуальный источник.

Lifetime Portraits of Elizaveta Petrovna as a Source of Visual Image of Power and Reign of the Empress

I. A. Koroleva

Irina A. Koroleva, ORCID 0000-0003-2603-4893, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, korolev-saratov@yandex.ru

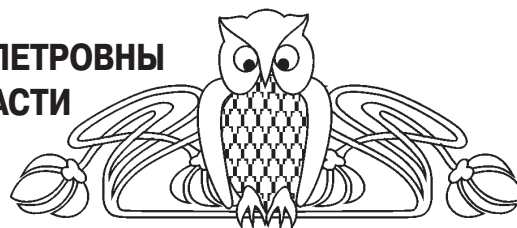
The article considers lifetime portraits of Empress Elizaveta Petrovna, painted by artists that worked in Russia in the middle of the 18th century. The author attempted to identify the place of the portrayal genre in representation of the image of the Russian Empress and to show that a portrait as a genre of fine art created in a certain historical period can be a visual source for studying a statesman, and can also supplement existing documentary evidence of an era.

Key words: mid 18th century Russia, Empress Elizaveta Petrovna, foreign artists, lifetime portraits, a visual source.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-283-289

Абсолютная монархия как форма правления, как система государственной власти определенного исторического периода предполагает пропаганду своего позитивного образа. Как правило, визуальный образ власти персонифицируется в облике его непосредственного носителя – монарха. Идентификация власти с непосредственным образом правителя – одно из важнейших средств поддержания имиджа короны. Оно реализуется, прежде всего, в создании большого количества официальных портретов монарха¹.

Отмеченная выше традиция зародилась в России в начале XVIII века с восшествием на престол Петра I и в связи с его политикой модер-

низации и европеизации России. На первых порах монополия в создании парадных портретов принадлежала иностранным художникам, приглашавшимся в Россию. Ко времени правления императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761) среди авторов парадных портретов появились и русские художники, однако приоритет все еще был за иностранцами.

Время правления и личность императрицы Елизаветы Петровны исследованы достаточно основательно². Однако, как представляется, исследование прижизненных парадных портретов Елизаветы Петровны может добавить некоторые черты к общей картине правления дочери Петра I, а самое главное – к историческому образу самой императрицы.

С восшествием на престол Елизаветы приоритетное право на создание канонического изображения государыни имел Луи (Людвик) Каравакк (1684–1754), занимавший должность гофмалера³. С момента своего прибытия в Петербург (1716) ему неоднократно приходилось писать портреты царственных особ. Каравакк знал цесаревну еще в детстве, а самой Елизавете нравились портреты, выполненные им в духе французского рокайля⁴.

Одним из первых изображений Елизаветы можно назвать портрет восьмилетней цесаревны, написанный Каравакком в 1710-х гг. (ГРМ), где художник изобразил девочку полностью обнаженной с формами взрослой девушки. Без сомнения, представить царскую дочь в таком виде французский художник мог только с разрешения Петра I, ведь в глазах православных людей это было страшным кощунством, а с точки зрения русского искусства – невиданной вольностью. Эту работу называют первым «ню» в России. В ней с помощью аллегорического сюжета была сделана попытка «привить» этот жанр русской живописи. Здесь мастер прибегает к пикантному контрасту детской невинности и соблазнительной округлости форм. Несмотря на то что эта довольно интимная композиция не предназначалась для широкого обозрения, она оставила заметный след в истории русской портретности: ее не раз копировали. Так, например, в 1748–1749 гг. для царского собрания Г. Х. Гроотом была создана так называемая вольная копия («Царское Село»).

В 1717 г. Каравакк создал парный портрет царевен Анны Петровны и Елизаветы Петровны (ГРМ), которому также присущ сдержанный эротизм. Сестры, которым в то время было девять

(Анна) и восемь (Елизавета) лет, изображены в образах древнеримской богини Флоры. Благодаря тонкой драпировке тканей одежды создается эффект неуловимого движения, в результате которого у каждой из девочек приоткрывается грудь. Однако естественным это движение и открывающийся в результате вид назвать трудно. Принято считать, что в этом изображении (как и в ряде других портретов царских детей) художник пытался сочетать рокайльную грациозность и фривольность с изображением величественности моделей, что заставляло его прибегать к средствам классицистической живописи. Этот портрет несет в себе эстетику чувственных наслаждений, незнакомую русским живописцам допетровских времен.

Современные исследователи выдвигают версию о влиянии этих детских портретов на формирование личности цесаревны, ведь Елизавета с юного возраста имела возможность наблюдать себя изображенной в виде соблазнительной Венеры и отождествлять себя с ней⁵. Привитое с детства самомнение о «божественной» внешности и особом социальном статусе вполне соответствовало взбалмошному образу Елизаветы, складывающемуся в процессе знакомства с документами и мемуарами той эпохи.

В изображениях цесаревны, погрудном в овале и пояском (ГРМ, ГЭ), написанных Каравакком несколько позже, в 20-е гг. XVIII века, налет рокайльной фривольности и чувственности, отличающий работы художника предыдущего десятилетия, на наш взгляд, уже не является главной характеристикой образа. Первое впечатление – это прелесть и красота нежной юности, которое при более детальном рассмотрении портретов невольно трансформируется в процесс распознавания черт характера будущей императрицы. Немного тяжеловатый овал подбородка, выразительный изгиб ярких пухлых губ, миндалевидные, широко открытые, уверенно смотрящие на зрителя глаза как будто предупреждают о независимости, самостоятельности и настойчивости будущей императрицы. А безупречная, почти светящаяся кожа, детали модной прически и богатый костюм буквально заявляют о том, что перед нами претендентка на звание первой красавицы государства.

Став императрицей, Елизавета законодательно закрепила строгую регламентацию царского образа⁶. По нововведенному закону Российской империи все изображения царствующей особы должны были проходить «апробацию» (утверждение) императрицы. В противном случае – само изображение уничтожалось, а его автор строго наказывался. В перечне гравированных портретов Елизаветы несколько раз встречаются ссылки на работы Каравакка, среди которых упоминаются поколенный портрет в профиль, с которого самим художником был сделан в 1744 г. рисунок для медали работы И. К. Гедлингера; с другого

же оригинала его, апробованного императрицей, исполнена была в 1746 г. Ив. Соколовым гравюра резцом, взамен уничтоженного портрета лубочной гравировки, причем указом 11 марта 1747 г. велено было, чтобы прочие мастера «делали и писали на подобие этого портрета», под опасением «наижесточайшего истязания без всякой пощады»⁷.

В Государственном Русском музее есть портрет Елизаветы Петровны в мужском костюме, вероятно, тоже написанный Каравакком⁸. Это изображение подтверждает слова Екатерины II о том, что мужской наряд императрице необыкновенно шел⁹. Перед нами – все та же красавица. Однако лицо кажется чуть более худым и вытянутым, глаза как будто прищурены, а губы плотно сжаты. Мужское платье сделало императрицу строже и серьезнее. Только румянец на щеках предательски выдает ее страстную натуру. Думается, что Елизавета была довольна этим портретом. Не случайно появляются его копии.

Известно, что не все изображения, созданные Каравакком, устраивали Елизавету. Так, например, в 1744 г. среди прочих художнику было приказано сделать поколенный портрет императрицы, относительно которого ею были высказаны замечания о том, что правая рука особенно в области запястья чересчур пухлая и что впредь мастеру необходимо быть осторожным в соблюдении пропорций обеих рук¹⁰. Ю. С. Андреева пишет, что Каравакк переложил вину на своего ученика И. Я. Вишнякова, который якобы тот портрет копировал, но не справился с заданием¹¹.

Еще один известный портрет Елизаветы (в рост) был создан Каравакком в 1750 г. для Академии наук (ГРМ). Здесь императрица предстает перед нами зрелой, уже несколько располневшей, но бесспорно блестящей в прямом смысле этого слова и весьма довольной собой особой. По мнению Т. В. Ильиной, этот портрет можно отнести к сложившемуся в творчестве художника типу апробированного репрезентативного изображения царской особы, идущему еще от портрета Анны Иоанновны кисти Каравакка. В 40–50-е гг. XVIII в. такой тип изображения имел широкое распространение. В подобном ключе писали Елизавету и А. Антропов (СПГИХМЗ, ККГ), и иностранные художники, например, Г. Преннер (ГТГ). А блестящий в своем мастерстве Л. Токке в портрете императрицы 1758 г. (ГЭ), с целью написания которого он, собственно, и был приглашен в Россию, предпочел своей привычной рокайльной манере торжественное и величавое изображение, в какой-то мере переключающееся с созданным Каравакком и принятым всеми образцом. Успех такого образа объясняется выражением репрезентативности, а отнюдь не психологизмом изображенного¹².

Итак, Каравакк стал родоначальником официального парадного портрета в русской живописи XVIII в. Однако его искусство современни-

ками критиковалось, портреты его признавались манерными, им не хватало живого выражения и вкуса. Правда, по мнению Я. Штелина, работы Каравакка были похожи и даже изысканны, но «в плохой позе и с плохой драпировкой»¹³. Несмотря на критику, императрица не увольняла художника и исправно платила ему жалование.

Возможно, став императрицей, Елизавета испытывала некое чувство благодарности по отношению к Каравакку за его вклад в формирование пленительного образа «Афродиты на троне». Или же, как предполагает Ю. С. Андреева, они были схожи по характеру духовных запросов. Каравакк писал портрет маленькой Венеры-Елизаветы, и это не мешало ему быть церковным старостой у французов-католиков. Елизавета, обладавшая натурой страстной женщины, искренне верила в Бога и с чувственными наслаждениями перемежала походы на богомолье. Их обоих роднила способность сочетать легкомыслие светских наслаждений с показным благочестием, внешним соблюдением требований религии и даже с видимым религиозным усердием. Такой дуализм являлся чертой «галантного века»¹⁴.

Кроме Луи Каравакка, для художественного освидетельствования коронационного торжества по случаю восшествия на престол Елизаветы Петровны был командирован иностранный мастер Христоф Гроот. Как писал Якоб Штелин, Гроот «не имел счастья видеть императрицу Елизавету, но несравненно хорошо написал ее полностью в манере г-на Риго»¹⁵. Георг Христоф Гроот (1716–1749) создал парадный портрет дочери Петра I («Гатчина»): в нарядном облачении и в царском уборе, на груди – цепь ордена святого Андрея Первозванного. Рядом на бархатной подушке – держава. Правая рука слегка касается скипетра, на запястье – браслет с миниатюрным портретом Петра Великого. Таким приемом художник тонко и неназойливо показал приверженность Елизаветы наследию отца, преемственность его политики.

Г. Х. Гроот подметил важную для Елизаветы Петровны характеристику – искусство восхищать и очаровывать, она «лицом приятно кажет радость, // И сахарной рукой льет сладость» (Ода на всерадостнейшее торжество высочайшего восшествия ее величества... Елизаветы Петровны... на прародительский престол которой ее величеству всеусерднейшее приветствие приносит всеподданнейший раб Иван Галеневский 1751 ноября 25 дня). В самом деле, пухлые цвета сахара ручки первой красавицы выписаны тонко, сплавленными мазками, из-за чего кажутся мраморными. Правая рука слегка касается живописного скипетра. Элегантная головка утонченно сочетается с довольно тяжеловесным, как будто «давящим» нарядом¹⁶. Этот образ великолепной и одновременно достойнейшей продолжательницы дела Петра Великого присутствует во всех парадных портретах Елизаветы, написанных Гроотом.

Л. А. Маркина считает, что «галереи директор и придворный маляр» Гроот в своем творчестве значительно разнообразил иконографию русской императрицы. Ему удалось почувствовать художественный вкус Елизаветы, о котором говорил Е. В. Анисимов, и передать особенностями придворной действительности времени ее правления. Художник представлял императрицу разной: то восседающей на троне премудрой самодержицей, то отчаянной предводительницей храброго войска, то неотразимой незнакомкой на балу, то несравненной богиней¹⁷.

Одна из самых известных работ немецкого художника, ставшая его визитной карточкой, – «Портрет императрицы Елизаветы Петровны с арапчонком» (ГТГ). В архитектонике картины ощущается веселый и грациозный ритм. Главная героиня – восхитительная всадница показана зрителям на фоне живописного парка: пышные кроны деревьев, опускающиеся ветви, красивый сосуд на мраморном основании. Вдали просматривается пруд, вызывающий ассоциации с морской далью, завоеванной Петром. Голубая высь с облаками и лентой розового света служит фоном. Сопровождающий императрицу чернокожий паж – особа в России XVIII столетия диковинная. Арапчонок наряжен в приметный, нарочитый костюм. Видно, что он прокладывает дорогу царице, изящно, почти танцуя, шествуя, и всем своим существом, несколько живописно выражает почтение не только монаршеским достоинством, но и красотой, грацией, женским очарованием Елизаветы. Присутствие рядом с императрицей чернокожего мальчика эффектно высветляет кожу императрицы, делая ее нежнее и румянее.

Невзирая на облачение в форму чина Преображенского полка, главой которого императрица являлась, и презентацию верхом на коне, царица здесь не грозный воин, а скорее участница одного из лицедейств. Портрет имел громкий успех в светских кругах. Его повторял сам живописец, его копировали немецкие помощники, а также русские ученики Гроота. Известны копии этой картины работы Л. К. Пфандцельга (ГРМ) и А. Лосенко («Петергоф»). Варианты-повторения, выполненные неизвестными художниками, хранятся в Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее, в Новгородском музее-заповеднике, в Государственном музее искусства Узбекистана и Шпреевальд-музее (Люббенау, Германия)¹⁸.

Маскарадным костюмированным портретом в стиле рококо можно назвать и «Портрет императрицы Елизаветы Петровны в черном домино, с маской в руке» (ГТГ). Это изображение как будто передает дворцовую атмосферу, созданную императрицей вокруг своей особы, – с игрой, переодеваниями, духом непостоянства. А образ Елизаветы представляется зрителю пикантным и утонченным: едва уловимый пово-

рот аккуратной головки, изящный жест игриво показывающей маску округлой ручки. Плавно чередующиеся пластические формы приводят к появлению нюансов, полутонов, способствуют ощущению воздушного слоя, будто обволакивающего объема и сглаживающего контрасты. Не только внешние атрибуты – костюм и маска – позволяют отнести это произведение к костюмированным портретам стиля рококо, но и его содержание – дух таинственности и недосказанности. Здесь как будто благополучно соседствуют мечта и реальность, живое чувство и светские условности. Копия с портрета предположительно кисти Л. Каравакка, а также копия середины XIX в. работы И. Ломова находятся в собрании ГРМ¹⁹.

Еще одно изображение кисти Гроота в стиле рококо – «Портрет императрицы Елизаветы Петровны в образе Флоры» («Царское село»), где Елизавета отождествляется с античной богиней весны и цветов. Оно создано по образцу изображения царевны Елизаветы ребенком, написанному в 1710-е гг. Л. Каравакком. У Гроота свой взгляд на обращение к теме обнаженной натуры в рамках русской живописи XVIII в. В его образе Елизаветы заметны формы взрослой женщины. В первую очередь, зритель замечает прихотливый изгиб фигуры, незащищенность обнаженной фигуры на фоне нежного меха горноста. Л. А. Маркина отмечает, что императрица в совершенстве освоила «куртуазную» модель поведения, согласно которой знатная особа, перевоплощаясь в богов и героев античной мифологии, ощущала себя персонажем маскарада. На полотне Гроота Елизавета продолжает играть, перевоплощаясь в «костюм Евы». Чтобы немного сгладить невиданный для православных людей поступок, нагая царица кокетливо показывает зрителю цветочный венок. У Гроота получилась изящная «вещица», которая предназначалась для личных апартаментов государыни. Портрет размещался в Малом кабинете Екатерининского дворца и был скрыт от любопытствующих занавеской. Изображение было украшено богатой серебряной рамой, цвет которой удачно сочетается с голубовато-серебристым колоритом живописи, а витиеватые украшения орнамента рамы вторят прихотливым складкам драпировок на портрете²⁰.

По мнению Э. Ф. Голлербаха, замечательны колоритные достоинства работ Гроота, нежные, тонкие краски, полупрозрачные, словно тающие, замкнутые в короткую гамму зеленых, серых, розовых тонов. Придворный живописец Георг Христоф Гроот блестяще владел искусством «комплиментирования» и умел подчеркнуть высокое положение своих моделей в обществе. Художник запечатлел величие Елизаветинского двора, правдиво и точно изобразил духовный облик и светскую внешность прошедших перед ним людей. Просто и верно поведал он о придворной жизни времен Елизаветы Петровны, закрепил множество бытовых подробностей,

представляющих большой интерес. Его портреты веселой и беспечной дочери Петра являются ценным живописным документом, не менее значительным, чем мемуары современников или труды историков²¹.

В 1749 г. в связи с кончиной Гроота освободилось место придворного живописца. В следующем году граф М. И. Воронцов по рекомендации Н. Бьельке пригласил на эту должность австрийского живописца Георга Гаспара Преннера (1720–1766). Художник прожил в России пять лет. Он написал «Портрет императрицы Елизаветы Петровны» (1754), в котором русская царица представлена в цветочном обрамлении (в соответствии с традицией изображения мадонны в западноевропейском искусстве, ГТГ).

В запасниках Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге хранится «Конный портрет императрицы Елизаветы Петровны со свитой». Хотя авторство Преннера находится под сомнением, «Конный портрет» ориентировочно датируется временем пребывания живописца в России. В связи с этим портретом современный исследователь С. Экштут выдвигает и убедительно доказывает то обстоятельство, что задача Преннера как гофмалера состояла не только в том, чтобы писать парадные портреты императрицы и ее приближенных, но и попытаться поставить свое искусство на службу большой дипломатической игре, начавшейся в эти годы. То есть ему надлежало в яркой зрелищной форме парадного портрета воплотить определенные политические идеи, отвечающие интересам Российской империи.

В многофигурном полотне мы видим облаченную в латы императрицу Елизавету Петровну. Государыня окружена многочисленной свитой. Все чины государевой свиты – и мужчины, и женщины – вооружены и держат шпаги наголо. Складывается впечатление, что все они лишь ждут сигнала императрицы, чтобы ринуться в бой. Но шпага государыни покоится в ножнах. Преннер буквально запечатлел метафору Ломоносова из похвальной оды 1748 г.: Елизавета Петровна даровала мир Европе, не обнажив меча²². В левом верхнем углу картины мы видим батальную сцену, пылающий город и очень большой мост через реку. Указующий перст императрицы заставляет нас внимательно посмотреть на эту часть «Конного портрета». Художник напомнил о событиях недавнего прошлого и изобразил захваченный пруссаками Дрезден и знаменитый мост через Эльбу. Кажется, что уже ничто не сможет спасти погибающий Дрезден. Но к городу летят два орла, парящие над головой императрицы. Один – в императорской короне и со скипетром, другой – с золотым императорским вензелем из двух латинских букв EP (Елизавета дочь Петра) и оливковой ветвью в клюве. Орел – это одна из самых древних эмблем, означающая власть, господство, верховенство

и государственную прозорливость. Оливковая ветвь, реже именуемая также масличной ветвью, – это одна из эмблем миролюбия, начиная с Античности до наших дней. Чело государыни увенчано лавровым венком. Это эмблема неувядающей славы и державного величия.

Итак, Елизавета Петровна, положившая конец большой европейской войне и подарившая мир Европе, заслужила за свою государственную прозорливость и постоянное миролюбие право на неувядающую славу, то есть право на бессмертие. Каспар Георг фон Преннер написал картину, не имеющую аналогов в истории изобразительного искусства. Художник запечатлел на холсте елизаветинское время в его незавершенности²³.

При Елизавете, тяготеющей к французской роскоши и модам, в России появились живописцы Де-Велли, Токке, Лоррэн, Моро и Лагрене и др. Все они писали Елизавету, но работ этих художников сохранилось немного. Среди них Э. Ф. Голлербах особо выделял Луи Токке (1696–1772), называя его вдумчивым психологом и блестящим техником живописи. Дивная нежность его кисти, изысканный подбор тонов, характерная передача индивидуальных и типичных особенностей выдвигают Токке, по мнению отечественного искусствоведа, на первое место в массе современных ему французских портретистов. В Россию Токке был приглашен графом М. С. Воронцовым со специальной миссией – написать портрет императрицы Елизаветы Петровны²⁴.

Токке приехал в Петербург в 1756 г. и вскоре приступил к порученной ему работе. По-видимому, портрет удался ему не сразу, так как два предварительных варианта не удовлетворили художника. Э. Ф. Голлербах пишет, что эти варианты изображают императрицу сидящей, с веером в руках²⁵. В России Токке пробыл полтора года, Елизавету Петровну писал несколько раз. Среди его работ – изображения по пояс и во весь рост. Все они пользовались широкой популярностью и неоднократно копировались другими живописцами, в том числе известным крепостным художником графа П. Б. Шереметьева Иваном Аргуновым, а также учащимися Императорской Академии художеств. На одном из поясных портретов (ГТГ) французскому художнику удалось передать женскую красоту и очарование Елизаветы. Он запечатлел ее в пышном туалете, с горностаевой мантией, брошенной на плечи, с лентой и звездой ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Известно, что, невзирая на частые болезненные недомогания, императрица сама терпеливо позировала художнику, была с ним ласкова и улыбочива, благодаря чему на портрете Елизавета получилась необыкновенно милой: кожа сливочного оттенка, легкий румянец на лице, голубые глаза с поволокой, приятная улыбка²⁶.

В Государственном Русском музее хранится картина кисти другого французского художника – Луи Жана Франсуа Лагрене (Старшего) (1725–1805) «Елизавета Петровна (императрица, покровительница искусств)». Как и описанную нами выше работу Преннера, ее можно отнести к так называемому стилю «елизаветинского барокко», с характерными для него пышностью и яркой динамичностью, аллегоричностью. Лагрене в Россию приехал в 1760 г. по приглашению И. И. Шувалова для преподавания в только что открытой Академии художеств. От Шувалова художник получил заказ – написать картину, прославляющую императрицу как покровительницу искусств. Картина была написана в 1761 г.

Елизавета Петровна изображена прекрасной молодой женщиной, сидящей на высоком троне в белокуром парике и маленькой короне. В руках императрицы – держава и скипетр. Она в античных сандалиях и атласном, затканном золотом платье, складки которого пышно и красиво уложены. Женское обаяние государыни подчеркивается присутствием резвых амуров, держащих над Елизаветой балдахин. За ее спиной – богиня мудрости Минерва, поддерживающая державу, рядом – крылатый гений. Перед тронном расположились музы, олицетворяющие архитектуру, скульптуру и живопись. Муза архитектуры – в глубине – показывает чертеж, муза живописи с палитрой в руке указывает на портрет императрицы, над которым работает. Над всеми возвышается статуя Петра Великого в лавровом венке и жезлом в руке. Ее высекает муза скульптуры. На переднем плане, у подножия трона, сидит муза истории Клио, «вносящая в скрижали великие дела славно дочери Петра».

Работа Лагрене отвечала всем особенностям «елизаветинского барокко». Фигуры-аллегии соответствовали представлениям того времени. Композиция картины подчинена кругу. Несмотря на то что все персонажи сидят или стоят, в изображении чувствуется динамика, все находится в движении. Прямых линий почти нет, глубина пространства не выявлена, но ее ощущению способствует взаимодействие фигур. Общий колорит картины светлый и довольно яркий, что придает этой сцене еще больше воодушевления. Изображение Елизаветы как покровительницы искусств отвечало духу времени и было вполне современным.

Стоит также отметить портрет Елизаветы кисти еще одного французского художника Шарля-Анре ван Лоо (1705–1765), который не был в России. В настоящее время работа находится в Туалетной комнате Большого Петергофского дворца («Петергоф»). Созданный за год до смерти царицы, этот портрет был дипломатическим подарком и изготавливался заочно, по миниатюре, находившейся при французском дворе. Это изображение называют «идеальным» в том смысле, что портрет написан не только по пра-

вилам парадного жанра, но и максимально приближен к тому образу, который позиционировала сама Елизавета – неувядающая красавица в шикарном одежде, мудрая, добрая и справедливая императрица. Учитывая, что последние годы Елизавета сильно болела, конечно, невозможно говорить о реалистичности созданного Лоо образа.

С 1756 г. в России по приглашению самой Елизаветы работал итальянский портретист Пьетро Антонио Ротари (1707–1762). Художник неоднократно писал Елизавету Петровну. После его смерти в мастерской осталось пять неоконченных портретов Елизаветы. Портрет «в черной кружевной мантилье» (ГРМ) считается одним из лучших и, по мнению Штелина, самый похожий из изображений императрицы²⁷. Еще один портрет кисти Ротари находится в Государственном музее-заповеднике «Петергоф». Перед нами совершенно другой образ Елизаветы – нет блеска, торжественности, величия. На портретах – отягощенная опытом, уже немолодая, с уставшими глазами женщина. Мы не знаем, имела ли возможность видеть эти изображения сама императрица, но они явно не вписываются в тот образ, который Елизавета сама себе создавала. Однако нужно отдать должное художнику: для болевшей в последние годы жизни царица здесь выглядит достаточно свежо и мило, хотя и несколько простовато.

И в завершение обзора изображений Елизаветы Петровны, созданных иностранными художниками, кратко остановимся на портретах императрицы кисти датского живописца Виргилиуса Эриксона (1722–1782). Его карьера как придворного живописца состоится позже, во время правления Екатерины II. Однако, приехав в Россию в 1757 г., художник успел запечатлеть образ Елизаветы для потомков. В Государственном Эрмитаже хранятся две миниатюры кисти Эриксона, на которых императрица запечатлена сидящей в кресле с веером в руке. Портреты различаются в некоторых деталях, но в целом очень схожи. Декоративность в написании лица, застывшая поза, маленький размер полотна создают впечатление кукольности изображения. Возможно, эти миниатюры были подготовительным этапом к написанию более значительного портрета 1757 г. («Царское село»).

Благодаря Якобу Штелину известна история создания этого портрета. Эриксен был удостоен чести присутствовать на публичном обеде в честь кавалеров ордена Святого апостола Андрея Первозванного, где он и увидел императрицу. Художник, встав напротив Елизаветы, долго смотрел на нее, запоминая ее черты. А дома набросал эскиз будущего портрета, который имел большое сходство. Позднее по распоряжению Елизаветы эскиз забрали ко двору, а художник получил несколько сеансов для завершения работы²⁸.

Эриксен создает портрет не столько правительницы огромной империи, сколько образ красивой и утонченной женщины. Изображение можно назвать полупарадным, так как здесь отсутствует полный набор регалий, который присущ парадным портретам. Однако отсутствие официоза придает ему некоторую теплоту и задушевность. Елизавета усыпана бриллиантами, но при этом очевидно, что меру в них она знает. О чувстве стиля и элегантности императрицы говорит современный историк Е. В. Анисимов.

Таким образом, каждый из художников внес свою лепту в создание образа Елизаветы Петровны. Так, Каравакк стал родоначальником официального парадного портрета в русской живописи XVIII в. и создал образец репрезентативного изображения Елизаветы, которому следовали многие художники того времени. Заслуга Гроота – в разнообразии иконографии русской императрицы, предстающей перед зрителями то восседающей на троне мудрой государыней, то отчаянной предводительницей храброго войска, то прекрасной незнакомкой на балу, то несравненной богиней.

Судя по дошедшим до нас работам Преннера, художник ставил перед собой задачу в яркой зрелищной форме парадного портрета Елизаветы Петровны воплотить определенные политические идеи, отвечающие интересам Российской империи середины XVIII в. (прежде всего, возрождение и продолжение проводившейся ее отцом Петром Великим политики модернизации, укрепления мощи и величия России), а также мудрость Елизаветы, добивающейся своей цели, «не обнажив меча».

Токке и Эриксен стремились запечатлеть красоту и очарование русской императрицы. Ротари предоставил возможность потомкам увидеть Елизавету Петровну, что называется, «без прикрас» – без внешнего блеска, придворной помпезности и шика, но достойно царской особы.

Благодаря изображениям императрицы кисти упомянутых художников Елизавета предстает мудрой правительницей, не только стремящейся к успехам и расцвету империи, но и радеющей о простом народе, являющейся доброй матерью и благодетельницей своим подданным.

В целом же художникам – современникам Елизаветы Петровны удалось создать весьма разносторонний визуальный образ русской императрицы Елизаветы Петровны, а следовательно, показать и многогранный облик ее власти.

Наше исследование не претендует на законченность. Оно представляет собой всего лишь попытку показать, что портрет, созданный в определенный исторический период, может являться визуальным источником для изучения государственного деятеля, образа власти в целом и дополнять известные документальные свидетельства эпохи.

Сокращенные и приводимые в тексте статьи названия учреждений, в которых хранятся исследуемые портреты императрицы Елизаветы Петровны:

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея;
ГЭ – Государственный Эрмитаж;
ГРМ – Государственный Русский музей;
ККГ – Костромская картинная галерея;
СПГИХМЗ – Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник;
«Гатчина» – Государственный музей-заповедник «Гатчина»;
«Петергоф» – Государственный музей-заповедник «Петергоф»;
«Царское Село» – Государственный музей-заповедник «Царское Село».

Примечания

- 1 Подробнее об этом см., например: Эльфонд И. Я. Образ власти : Pro et contra. Саратов, 2011. С. 194–203.
- 2 См.: Вейдемейер А. Царствование Елисаветы Петровны. Сочинение А. Вейдемейера, служащее продолжением обзора главнейших происшествий в России, с кончины Петра Великого... : в 2 ч. : СПб., 1834. Ч. 1. 143 с. ; 1834. Ч. 2. 143 с. ; Валишевский К. Дочь Петра Великого. М., 1990. 564 с. ; Анисимов Е. Елизавета Петровна. М., 2005. 426 с. ; Козлова А. А. Российская императрица Елизавета Петровна в оценках отечественных исследователей. Омск, 2008. 180 с. ; Лиштенан Ф. Д. Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других : [пер. с фр.]. М., 2012. 635 с. ; Павленко Н. И. «Страсти у трона». История дворцовых переворотов. М., 1996. 320 с. ; Павленко Н. И. Елизавета Петровна. М., 2018. 368 с. ; Писаренко К. А. Елизавета Петровна. М., 2014. 462 с. и др.
- 3 Евангулова О. С., Кареев А. А. Портретная живопись в России второй половины XVIII в. М., 1994. 196 с.
- 4 Братья Гроот : портретист и зверописец. Немецкие художники при российском дворе. М., 2017. С. 13.
- 5 Андреева Ю. С. Луи Каравак и секуляризация русского

- искусства // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 4. С. 68–69.
- 6 Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. XII. 1744–1748. СПб., 1830. № 8912 ; № 9371.
 - 7 Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравировальных портретов : в 4 т. Т. II : Е–О. СПб., 1887. Стб. 930.
 - 8 Государственный Русский музей. Живопись. XVIII – начало XX века. Каталог. Л., 1980. С. 129.
 - 9 Записки императрицы Екатерины II / пер. с фр. Лондон, 1859. С. 107.
 - 10 Ровинский Д. А. Указ. соч. Т. II. Стб. 930.
 - 11 Андреева Ю. С. Католик Луи Каравак : к вопросу о религиозности художника эпохи рококо // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 3. С. 19.
 - 12 Ильина Т. В. Иван Вишняков. Л., 1980. С. 31.
 - 13 Записки Я. Штелины об изящных искусствах в России : в 2 т. М., 1990. Т. I. С. 45.
 - 14 Андреева Ю. С. Луи Каравак и секуляризация русского искусства... С. 69.
 - 15 Записки Я. Штелины... С. 57.
 - 16 Братья Гроот : портретист и зверописец... С. 36.
 - 17 Подробнее см.: Маркина Л. А. Портретист Георг Христов Гроот и немецкие живописцы в России середины XVIII века. М., 1999. 296 с.
 - 18 Братья Гроот : портретист и зверописец... С. 46.
 - 19 Там же. С. 40.
 - 20 Там же. С. 44.
 - 21 Голлербах Э. Ф. Портретная живопись в России. XVIII век. М. ; Пг., 1923. С. 34–35.
 - 22 Экитут С. Как Елизавета Петровна Европу к миру принудила. Ломоносов, фон Преннер и большая игра // Родина. 2011. № 11. С. 63.
 - 23 Там же. С. 78–85.
 - 24 Голлербах Э. Ф. Указ. соч. С. 36.
 - 25 Там же. С. 37.
 - 26 Там же.
 - 27 Записки Я. Штелины... С. 74.
 - 28 Там же. С. 83.

Образец для цитирования:

Королева И. А. Прижизненные портреты Елизаветы Петровны как источник визуального образа власти и правления императрицы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 283–289. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-283-289.

Cite this article as:

Koroleva I. A. Lifetime Portraits of Elizaveta Petrovna as a Source of Visual Image of Power and Reign of the Empress. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 283–289 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-283-289.

УДК 94(47):327

МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ Н. В. ЧАРЫКОВА

О. А. Чернов

Чернов Олег Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и археологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, ochernow@gmail.com

В статье анализируются взгляды и дипломатическая практика российского государственного деятеля и учёного Н. В. Чарыкова, направленные на решение проблемы создания системы международной безопасности. Прослеживается формирование взглядов Н. В. Чарыкова и их развитие. Важнейшим аспектом его рассуждений стало рассмотрение эволюции статуса мирных договоров от «вечных» к «относительным» как важное условие для исключения военного способа решения международных проблем.

Ключевые слова: Н. В. Чарыков, внешняя политика России, дипломатия, международные отношения, международная безопасность, мирный договор, Гагская конференция, Лига Наций.

Peace Treaties and the Problem of International Security: the Concept of N. V. Charykov

О. А. Chernov

Oleg A. Chernov, ORCID 0000-0003-1783-8750, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, M. Gorkogo Str., Samara, 443099, Russia, ochernow@gmail.com

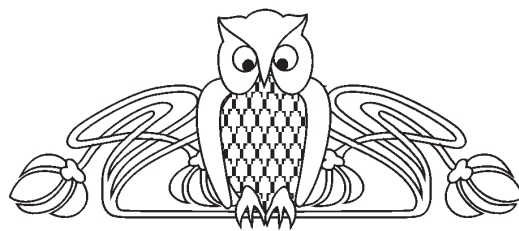
The article analyzes the views and diplomatic practices of the Russian statesman and scholar N. V. Charykov aimed at solving the problem of creating a system of international security. The formation of Charykov's views and their development is traced. The most important aspect of his reasoning was consideration of the evolution of the status of peace treaties from 'eternal' to 'relative' as an important condition for excluding the military way of solving international problems.

Key words: N. V. Charykov, Russian foreign policy, diplomacy, international relations, international security, peace treaty, Hague Conference, League of Nations.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-290-294

Российский государственный деятель и учёный Николай Валерьевич Чарыков получил наибольшую известность как один из главных виновников международного инцидента, вошедшего в историю как «демарш Чарыкова»¹. Однако, следует заметить, что в своей дипломатической практике Н. В. Чарыков имел опыт урегулирования международных проблем в Центральной Азии², на Ближнем Востоке³, Балканах⁴, а также оказал непосредственное влияние на создание международной системы безопасности и международного права⁵.

Еще в период становления Н. В. Чарыкова посещали мысли об устройстве иной системы

международных отношений, способной обеспечить устойчивое и бесконфликтное развитие государств и обществ. Так, когда началась франко-прусская война 1870–1871 гг. его очень неприятно поразило, что учителя-немцы сразу стали плохо относиться к учителю-французу. «Странно и жалко, – писал он, – что люди, жившие в согласии и дружбе, готовы из-за каприза какого-нибудь Наполеона или Вильгельма сделаться врагами». Ему представлялось нелепым, что «народы, осознающие выгоды мира по воле одного человека, готовы совершить самую глупую из всех глупостей – войну»⁶.

Позднее в диссертации, представленной Н. В. Чарыковым по окончании Александровского лицея, он высказал мысль о «естественном росте и развитии движения России на юг и юго-восток». Это движение, по его мнению, продолжалось «только до тех пор, пока Россия не достигает соседней, которые могут соблюдать договоры и обеспечивать мир на ее границах»⁷.

В одной из своих ранних статей Н. В. Чарыков обращается к русско-английским отношениям, где приводит мысль российского царя Бориса Годунова, в которой выражена внешнеполитическая концепция последнего: «Чтобы всем великим государям христианским меж себя быти в любви и в ссылке и в крепкой дружбе и стояти б на басурман за один»⁸.

На данном этапе концепция мира Н. В. Чарыкова облекается в форму европоцентристского мировоззрения, что вероятнее всего объясняется особенностями его обучения и воспитания⁹.

Убежденность в необходимости развития мирных методов для решения международных проблем значительно усилилась, после того как он вернулся с русско-турецкой войны 1877–1878 гг., участником которой был. «Впечатления, полученные на войне, сделали меня принципиальным сторонником мира и мирных дипломатических методов», – вспоминал он позднее¹⁰.

Свои идеи Н. В. Чарыкову представилось возможным реализовать на II Гагской конференции мира, которая открылась 15 июня 1907 г. Н. В. Чарыков был уполномоченным делегатом от России и Черногории¹¹.

Одним из важнейших представлялся ему вопрос о признании неприкосновенности частной собственности на море в военное время¹².

Наибольший вклад Н. В. Чарыков внёс в работу комиссии по международному морскому праву. В ней удалось достичь согласия по вопро-

су об установлении международного морского суда¹³. Несмотря на большие дипломатические трудности, была составлена конвенция относительно прав и обязанностей нейтральных государств в морской войне. Конвенция содержала два нововведения – одно урегулировало продолжительность остановки воюющих военных кораблей в нейтральных портах, а другое – количество топлива, которое воюющие державы могли брать в нейтральных портах.

Н. В. Чарыков выдвинул здесь новые принципы «основанные на суверенитете совершенно нейтральных государств»¹⁴, которые предоставляли им издавать «специальные» правила на данный счёт, чем многие страны, по его замечанию, воспользовались в годы Первой мировой войны.

Журнал «The American Journal of International Law» подробно освещал работу комиссии, в составе которой работал Н. В. Чарыков¹⁵.

Сообщалось, что Н. В. Чарыков предложил установить правило осуществления нейтральным государством его прав. Согласно данному правилу действия нейтрального государства не должны рассматриваться как недружелюбный акт любой из воюющих сторон¹⁶.

Характеризуя работу морской комиссии отмечалось, что были представлены проекты относительно срока пребывания военных судов в нейтральных портах. Точка зрения Н. В. Чарыкова заключалась в том, что определение данного срока является прерогативой конкретного государства¹⁷.

В дальнейшей дипломатической практике Н. В. Чарыков неоднократно обращался к принципам, установленным II Гаагской конференцией мира.

Спустя годы после отставки и уже в эмиграции Н. В. Чарыков написал статью, непосредственно посвященную проблемам, связанным с таким понятием, как «мирный договор»¹⁸. Эпиграф, выбранный им к статье, говорит о той мысли, которую он собирался развивать в ней. Это был отрывок из речи Мак Нейлла, лорда Кушендана, произнесённой им в Кентербери 4 ноября 1927 г.: «Другая война в большем масштабе уничтожила бы европейскую цивилизацию»¹⁹.

Н. В. Чарыков отметил: «Начиная с грозного вопроса: как предотвратить другую войну в большем масштабе, ставшего темой напряженной общественной дискуссии, недостаточно было сказано о новом принципе, введенном в международное право после Великой войны, который может быть, определил относительность в мирных договорах».

Он полагал, что «Эта новая идея была впервые воплощена в мирном договоре в статье 19, части I Версальского соглашения 1919 г.». По его мнению, формулировка и вставка этой статьи в Соглашение Лиги Наций являются заслугой президента США В. Вильсона, который проявил инициативу и настойчивость. Идея состояла в том, чтобы сделать возможным «повторное рассмотре-

ние соглашений, которые стали неприемлемыми и рассмотрение международных условий, продолжительность которых могла бы подвергнуть мир опасности». Такой пересмотр должен был осуществляться при посредничестве Лиги Наций и должен быть направлен на предотвращение войн. «Этот новый поворот в практической политике дает некоторую надежду и обещает гарантию всеобщего мира» – полагал Н. В. Чарыков.

При этом он отмечал, что это добавляет в практику международных отношений метод, который нарушает фундамент классической доктрины относительно святости и постоянства соглашений и уменьшает даже «самые значительные и самые торжественные из них» до статуса временных соглашений, имеющих относительное значение. «Об этом вопросе я желаю сказать несколько слов с точки зрения международного права и дипломатической практики» – пояснил он.

Автор констатирует, что прежде мирные договоры имели очень серьезные обязательства и назывались «вечными», согласно римской юридической формуле благочестивых и остального мира». Такие соглашения обычно являлись началом нового исторического периода, как, например, Вестфальский договор 1648 г., который завершил тридцатилетнюю войну и заложил политическую основу современной Европы.

Н. В. Чарыков относил к подобной категории договоров «вечные соглашения» о «капитуляциях» между европейскими державами и Турцией, а также законы, которые оставались в силе в течение многих столетий и были отменены только Первой мировой войной и Лозаннским соглашением 1923 г.

Таким образом, «мирные договоры должны были рассматриваться как абсолютно обязательные и как защищенные от непредвиденных обстоятельств, относительности и изменений, пока не следовала война, которая обычно рано или поздно случалась между договаривающимися сторонами».

Он полагал, что к той же самой категории можно отнести и Парижское соглашение 1856 г., которое завершило Крымскую войну и также рассматривалось как абсолютное и неограниченное по времени, «пока это не было неожиданно изменено новым способом Лондонской конференцией и Протоколом 1871 г.»²⁰.

Автор указывал, что «Победители Крымской войны, Франция и Великобритания, наложили на Россию в соответствии с Парижским соглашением серьезные ограничения ее прав на Черном море» но «когда пятнадцать лет мира и внутренних реформ устранили в России последствия войны и причин поражения, Императорское правительство использовало в своих интересах падение Наполеона III, чтобы объявить себя свободным от этих ограничений знаменитым циркуляром князя Горчакова 19-ого/31-ого октября, 1870 г.»²¹.

Н. В. Чарыков объясняет этот ход тем, что А. М. Горчаков объявил, что множество оговорок к Парижскому договору установленные другими правительствами, которые затрагивали прямые интересы России, лишили её возможности в дальнейшем соблюдать условия, хотя Россия полностью придерживалась общих принципов договора и была готова к дальнейшему соглашению с другими подписавшими державами.

Он указывает, что на Лондонской конференции, созванной по поводу ноты Горчакова, не оспаривалось требование России по существу, и в текст договора были внесены необходимые изменения. При этом, как отмечает Н. В. Чарыков, «британский министр иностранных дел поднял очень серьезный и принципиальный дипломатический вопрос. Так, впервые в дипломатической практике Держава, подписавшая мирный договор, открыто и искренне сообщила другим Державам об отмене части соглашения, которая стала для неё неприемлемой, и сделала это без какой-либо военной угрозы или подготовки, выражая также готовность вступить в новое мирное урегулирование».

Автор замечает, что до этого не существовало подобных прецедентов, и не было правила относительно того, как в подобном случае поступать. «Один пункт, однако, по мнению лорда Гренвилля, находился вне сомнения: “то, что это – существенный принцип Закона Наций, что никто из них не может освободить себя от обязательств соглашения, ни изменить его соглашения ничем иначе, как через согласие договаривающихся сторон посредством дружественного соглашения”» – отмечает Н. В. Чарыков.

Он подчеркнул, что, когда министр иностранных дел провозгласил этот принцип и получил единодушное одобрение членов конференции, конвенция 13 марта 1871 г. была подписана в Лондоне.

При этом он оговаривал, что «этот закон был ещё очень ограничен в его возможностях и носил только ограниченный характер, но это сформировало, однако, важный новый принцип в международном праве, усовершенствованный позже Гаагскими конференциями мира и соглашением Лиги Наций».

Н. В. Чарыков обращает внимание на то, что за несколько месяцев до начала II Гаагской конференции мира 1907 г. А. И. Нелидов, который был российским послом в Париже и должен был стать председателем намеченной конференции, издал в Париже статью относительно одной из самых частых причин войны».

Он подмечает, что А. И. Нелидов видел причину в том, что «мирный договор фиксирует и отражает относительную политическую и военную ситуацию воюющих сторон на этапе завершения их войны, и устанавливает на том основании их будущие взаимные отношения и элементы их политического, военного, и экономического равновесия навсегда в последующее время»²².

Но поскольку «ни один из этих элементов живого организма, типа государства не может избежать изменения» и «одно государство становится более слабым и более бедным, а другое более сильным и более богатым, то одно имеет тенденцию сжиматься, а другое, чтобы расширяться»²³ – подчеркивал Н. В. Чарыков.

В результате, с течением времени, «если говорить, например, только о территориальных пределах, установленных в соответствии с соглашением, то эти пределы становятся слишком обширными для одного и слишком узкими для другого».

В качестве примера Н. В. Чарыков приводит два случая. Так, австрийская Империя в соответствии с Венским соглашением 1815 г. постепенно увядала и распалась на части под растущим влиянием Италии, Венгрии и ее балканских соседей.

Также «перенаселенная Япония, проигнорировавшая в 1904 г. ограничения 1895 г., наложенные на Японию для защиты Китая Россией, Францией и Германией, в конечном счете, аннексировала Корею и Южную Маньчжурию».

Он подчеркивает, что «Все это осуществлялось военным путем, поскольку, как видно, что никакого другого пути не было тогда известно или реализовано для повторного рассмотрения соглашений, которые стали неприемлемыми».

Автор отмечает, что официальное положение А. И. Нелидова не позволяло подписать статью его именем, и она была издана под псевдонимом. «Но он предоставил её мне, чтобы прочитать в Гааге, и мы часто обсуждали сложные вопросы, которые он умело предложил общественности».

Н. В. Чарыков видел недостатки «вечных соглашений» в том, что они являлись декларациями мирных договоров на неопределённый период времени мира или перемирия, заключаемых, когда война не могла быть ни продолжена, ни выиграна.

Он указывает, что такой мир был подписан на двадцать лет между императором и султаном в 1606 г., и признавался независимо от персоны правителей. В этом же ряду он отмечает «важное Андрусовское перемирие между Россией и Польшей, подписанное в 1667 г. на шесть лет и измененное в 1686 г. на “вечный” мир»²⁴.

Еще ранее Н. В. Чарыков уделил весьма пристальное внимание Андрусовскому договору. Он подчёркивал многосложность сложившейся ситуации. С одной стороны, между Россией и Польшей не могло быть подписано мирного договора, поскольку «их вековой спор еще не был доведен до конца», но, с другой стороны, оба государства не считали возможным уступить спорную территорию Турции. Так появился компромиссный вариант в виде андрусовского перемирия на 13,5 лет, целью которого был оборонительный союз против Турции и Крыма. Договор обязывал обеих государей «давать общими силами отпор басурманам и препятствовать, чтобы Украина не

отошла к последним. Было договорено также, в случае нападения турок или крымцев, известить об этом великих государей христианских и обратиться к ним за помощью»²⁵.

При этом он отмечает, что в его время подобные договоры вышли из употребления, и дипломатия должна искать другие средства²⁶.

«В своё время “Тройственный союз” Германии, Австро-Венгрии и Италии, порожденный Бисмарком, был рассчитан на существование в течение десяти лет и был дважды продлен. И оборонительное франко-британское “Сердечное согласие”, было заключено ввиду возможной германской агрессии и продолжалось, пока та не началась и не закончилась» – отметил он.

По мнению Н. В. Чарыкова, Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг. не смогли, вопреки ожиданиям, подойти к главной проблеме изменения или замены неприменимых соглашений. Но они создали и дали развитие различным инструментам, типа систематического арбитража, стабильных учреждений и посредничества, и международных комиссий по расследованию, которые фактически работали и действительно помогали государствам, искренне настроенным поддерживать мир и избежать войны. «Гаагский трибунал, который построен на аполитичных принципах, также показал себя как самое полезное и авторитетное учреждение для того, чтобы содействовать миру»²⁷ – заметил он.

Н. В. Чарыков полагал, что это стало возможным «только после того, как человечество испытало бедствия мировой войны и все еще находилось в страхе от перспективы возобновления войны, и время казалось подходящим для включения в условия мирного договора возможность мирного изменения или непосредственной отмены данного соглашения, и аналогично всех видов “неприменимых” соглашений»²⁸.

Он считал, что часть 1, статьи 19 Версальского договора, поддерживая Устав Лиги Наций, обязывает государства сделать так, и считать таким же образом любые международные условия, угрожающие присутствующим на ассамблее членам Лиги. Тем самым «новый и многообещающий гибкий принцип относительности и практической адаптируемости соглашений к меняющейся ситуации занял место старой доктрины их монархов, ожесточенной и опасной неизменности» – подчеркнул он.

Н. В. Чарыков обращает внимание на то, что «Соглашение» непосредственно, хотя это формально самый главный закон, допускает, что подписавшие его государства могут быть освобождены от его обязательств при осуществлении необходимого уведомления, как было сделано Аргентиной, Бразилией и Испанией.

По его мнению, «Этот принцип ... устанавливает в международном праве и дипломатии, помимо “права войны” и “права мира” времени Гуго Гроция, нового посредника, “право между-

народного рассмотрения”, посредством которого войны могут быть предотвращены вовремя и общим мирным согласием».

Н. В. Чарыков полагал, что независимо от того, что будет дальше необходимо соблюдать нормы Версальского договора и устава Лиги Наций и особенно тщательно должен соблюдаться, развиваться и применяться всеми нациями в дальнейшем в общих интересах человечества»²⁹ принцип, установленный в статье 19³⁰.

Он заметил, что Германия присоединилась к Лиге Наций, надеясь получить послабления без войны, в виде если и не отмены некоторых обязанностей, наложенных на нее в соответствии с Версальским соглашением, то хотя бы на условиях Трианонского договора для Венгрии³¹.

Автор отмечал, что, когда британский государственный деятель Д. Ллойд Джордж говорил в октябре 1927 г. о «регуляторах», которые могут появиться позднее для внедрения “с терпением и осмотрительностью” в существующие договоры, он осуждал широко распространившееся мнение, что «поддержание мира во всем мире будет зависеть теперь от снисходительной интерпретации определенных соглашений в свете статьи 19 Соглашения».

Н. В. Чарыков заключал, что благодаря новой доктрине международного права можно надеяться на мир. Она при определенных условиях допускает коллективный, мирный и своевременный пересмотр всех соглашений, тогда, когда вместо обеспечения мира они начинают провоцировать войну. Он выражал надежду, что к данному принципу относительности в мирных договорах будут обращаться под давлением интересов общей безопасности, «независимо от успеха или разоружения или арбитража»³².

Впоследствии Н. В. Чарыков внимательно следил за деятельностью Лиги Наций. По его мнению, данное международное учреждение уступало Гаагским конференциям, где были не нужны «какие-либо выборы государств для того, чтобы иметь представительство», все государства-участники имели равные права. Он считал, что Лига Наций превратится со временем в инструмент давления, в то время как Гаагские конференции имели, прежде всего, позитивно-законодательное значение³³.

Таким образом, Н. В. Чарыков достаточно рано задумался о создании системы, которая поддерживала бы международную стабильность и обеспечивала дипломатическое решение спорных вопросов. Его личный практический вклад наиболее весом в установлении норм в области международного морского права.

Н. В. Чарыков всю свою жизнь боролся за мирные международные отношения. Безусловно, его нельзя назвать пацифистом, так как он не отвергал силовых методов категорически. Но необходимо отметить, что силовые методы он рассматривал как крайнюю меру, ибо был с детства твердо

убеждён, что война является неприемлемым способом решения международных проблем.

В конечном счёте, он обратился к вопросу о модернизации темпорального и семантического элементов мирных договоров, рассматривая эволюцию их статуса от «вечных» к «относительным» как важное условие создания системы международной безопасности.

Примечания

- 1 Британский исследователь Д. Ливен обратил внимание на различные подходы к оценке «демарша Чарыкова». Он отметил, что автор данной статьи, в отличие от ранее сложившейся и доминирующей точки зрения, придерживается в своих работах иной аксиологической позиции, состоящей в том, что степень ответственности Н. В. Чарыкова в неудачном исходе переговоров о режиме черноморских проливов с Турцией не столь велика. См.: *Lieven D. The End of Tsarist Russia : The March to World War I and Revolution. N.Y., 2016. P. 403.*
- 2 См.: *Чернов О. А. Деятельность российского политического агента Н. В. Чарыкова в Бухарском эмирате // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2008. Т. 8, вып. 1. С. 52–56.*
- 3 См.: *Чернов О. А. К вопросу о «демарше Чарыкова» // Война и общество. К 90-летию начала первой мировой войны. Самара, 2004. С. 37–46.*
- 4 См.: *Чернов О. А. Н. В. Чарыков и военно-морская программа Турции накануне Первой мировой войны // Российская государственность : от истоков до современности : Междунар. науч. конф., приуроченная к 1150-летию российской государственности. Самара, 2012. С. 172–177.*
- 5 См.: *Чернов О. А. Деятельность Н. В. Чарыкова на Второй Гаагской конференции мира // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 5(11), ч. 2. С. 204–205 ; *Чернов О. А. Н. В. Чарыков и подготовка Второй Гаагской конференции мира // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Беллинского. 2012. № 27. Гуманитарные исследования. С. 1089–1093.**
- 6 Центральный Государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 77. Л. 231.
- 7 Там же. Д. 78. Л. 311.
- 8 *Чарыков Н. В. Посольство в Англию дворянина Григория Микулина в 1600 и 1601 гг. СПб., 1876. С. 4.*
- 9 См.: *Чернов О. А. Ранние годы российского дипломата и учёного Н. В. Чарыкова. По документам Центрального государственного архива Самарской области // Вестн. архивиста. М., 2012. № 4. С. 292–299 ; *Чернов О. А. Британский фактор в становлении российского дипломата Н. В. Чарыкова // Британские чтения : материалы II Всерос. с междунар. участием конф., посвящ. 90-летию проф. Марии Моисеевны Ябровой (Саратов, 19–20 сентября 2013 г.). Саратов, 2014. С. 133–140.**
- 10 См.: *Tcharykow N. V. Glimpses of High Politics. L., 1931. P. 18.*
- 11 См.: *Debidour A. Histoire diplomatique l'Europe. Depuis le congres de Berlin jusqu'a nos joirs. Seconde partie vers la grande guerre (1904–1916). P. : LIBRAIRIE FÉLIX ALCAN, 1917. P. 78 ; *Пустогаров В. В. «... С пальмовой ветвью мира». Ф. Ф. Мартенс – юрист, дипломат, публицист. М., 1993. С. 257.**
- 12 См.: Архив внешней политики Российской истории (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 4906. Л. 5 об. Доверительная записка Д.С. С. Чарыкова. 31 мая 1906 г.
- 13 См.: *Tcharykow N. V. Glimpses ... P. 257–258.*
- 14 *Ibid. P. 258.*
- 15 См.: *The American Journal of International Law. 1908. (Jul.). Vol. 2, № 3. P. 507.*
- 16 *Ibid. P. 526.*
- 17 *Ibid. P. 516–518.*
- 18 *Tcharykow N. V. Relativity in treaties of peace // The Contemporary Review. 1928. Vol. CXXXIV (134). Jul. P. 191–194.*
- 19 *Ibid. P. 191.*
- 20 *Ibid.*
- 21 *Ibid. P. 192.*
- 22 *Ibid.*
- 23 *Ibid. P. 193.*
- 24 *Ibid.*
- 25 *Чарыков Н. В. Павел Менезий. Его дипломатическая и военная служба при Московском дворе и предполагаемое наставничество при Петре Великом // Исторический вестн. 1900. № 11. С. 526.*
- 26 *Tcharykow N. V. Relativity... P. 193.*
- 27 *Ibid.*
- 28 *Ibid. P. 194.*
- 29 *Ibid.*
- 30 Статья 19 : «Собрание может от времени до времени приглашать Членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир» // *Устав Лиги Наций. М., 1925. С. 12.*
- 31 *Tcharykow N. V. Relativity... P. 194.*
- 32 *Ibid.*
- 33 *Tcharykow N. V. Glimpses... P. 260–261.*

Образец для цитирования:

Чернов О. А. Мирные договоры и проблемы международной безопасности: концепция Н. В. Чарыкова // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 290–294. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-290-294.

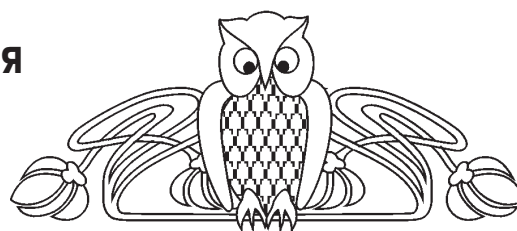
Cite this article as:

Chernov O. A. Peace Treaties and the Problem of International Security: the Concept of N. V. Charykov. Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 290–294 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-290-294.

УДК 93/94+929

ИДЕИ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКОГО СБЛИЖЕНИЯ ВО ВЗГЛЯДАХ И ПЕРЕПИСКЕ И. ГАСПРИНСКОГО И М. О. МЕНЬШИКОВА

Н. Е. Тихонова

Тихонова Надежда Евгеньевна, младший научный сотрудник, Центр междисциплинарных гуманитарных исследований (Южный федеральный университет), Ростов н/Д, tikhonovane@sfedu.ru

В настоящей статье анализируется переписка в 1908 г. двух видных российских публицистов рубежа XIX–XX вв. Исмаила Гаспринского и Михаила Осиповича Меньшикова в контексте усиления военно-политического кризиса в Европе и неразрешенности «Восточного вопроса». Кроме того, проводится сопоставление взглядов И. Гаспринского и М. О. Меньшикова о необходимости складывания российско-турецкого политического союза.

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский, Михаил Меньшиков, газета «Переводчик-Терджиман», газета «Новое время», «Восточный вопрос», Российская империя, Османская империя.

**The Ideas about Russian-Turkish Rapprochement
in the Views and Correspondence between I. Gasprinskiy
and M. O. Menshikov**

N. Y. Tikhonova

Nadezhda Y. Tikhonova, ORCID 0000-0003-0462-8711, Centre for interdisciplinary Studies in the Humanities (Southern Federal University), 160, Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia, tikhonovane@sfedu.ru

In the present paper we analyze the correspondence in 1908 between two prominent Russian publicists at the turn of the 19th and 20th centuries Ismail Gasprinsky and Mikhail Menshikov in the context of intensification of the military and political crisis in Europe and the unresolved «Eastern question». Furthermore, we compare their views on the necessity to form a Russian-Turkish political union.

Key words: Ismail Gasprinskiy, Mikhail Menshikov, «The Terciman» newspaper, «Novoye vremya» newspaper, «Eastern question», Russian Empire, Ottoman Empire.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-295-298

Изучение жизни и творческого наследия двух видных российских публицистов рубежа XIX–XX вв. Исмаила Гаспринского и Михаила Осиповича Меньшикова началось в России относительно недавно, около трех десятилетий назад. Это связано с тем, что в советское время на их имена был наложен запрет из-за обвинений в «буржуазном национализме». Между тем исследование их биографий и творчества представляет значительный интерес, поскольку И. Гаспринский и М. О. Меньшиков были авторами и проводниками новых для своего времени идей и впоследствии оказали заметное влияние на формирование отдельных идеологических течений.

Исмаил Гаспринский (1851–1914) – крымско-татарский просветитель, писатель, педагог и публицист, основатель и главный редактор первой двуязычной русско-тюркской газеты «Переводчик-Терджиман» (1883–1918), которая к тому же до 1905 г. оставалась единственной газетой для тюркско-мусульманского населения Российской империи. На страницах газеты он призывал к просвещению и модернизации тюрк-мусульман под эгидой России, освещал актуальные внутри- и внешнеполитические вопросы, выступал за сближение России и Турции.

И. Гаспринский считается идейным вдохновителем проекта объединения тюркских народов мира на основе единства языка, культуры и религии. В настоящее время лозунг «Единство в языке, мыслях, делах»¹, под которым с 1912 г. выходила его газета «Переводчик-Терджиман», является широко растиражированным и узнаваемым во всем тюркском мире и символизирует стремление ко всемирному тюркскому единству. Однако анализ идейных представлений И. Гаспринского показывает, что сам он выступал с позиции «русского государственника» и призывал к более тесной консолидации тюркско-мусульманского населения России в российское общество, а его взгляды во многом были близки идеям классического евразийства².

В свою очередь, М. О. Меньшиков (1859–1918), который считается одним из идеологов русского этнического национализма, являлся авторитетнейшим отечественным публицистом, ведущим сотрудником влиятельных российских газет «Неделя» и «Новое время».

Главной темой публицистики М. О. Меньшикова была судьба и интересы России как национального русского государства. В своих статьях он выступал, прежде всего, с позиции национально мыслящего «государственника». В частности, он высказывался с критикой политики российского правительства, которое, по его мнению, забывая об интересах коренных русских, занималось исполнением требований «иногородцев»³.

В своих статьях влиятельные публицисты И. Гаспринский как мусульманин-кинородец и М. О. Меньшиков как представитель господствующей русской народности занимали разные позиции в вопросе внутренней, национальной политики Российской империи, но при этом демонстрировали взаимную солидарность в своем отношении к политике внешней, в первую очередь, на Балканах и в Османской империи.

В начале XX в. публицистическая деятельность И. Гаспринского и М. О. Меньшикова протекала в контексте усиления военно-политического кризиса в Европе и назревания Первой мировой войны (1914–1918). В тех условиях, когда Российской и Османским империям выгоднее всего было вступить в военно-политический союз и отказаться от взаимного соперничества, И. Гаспринский и М. О. Меньшиков высказывались за российско-турецкое сближение, выражая тем самым мнение широкого круга российской общественности. Таким образом, отдельный интерес представляет сопоставление высказываемых обоими публицистами в контексте «Восточного вопроса» идей, имевших большое влияние на общественное мнение того периода.

Говоря о влиянии на общественное мнение, достаточно будет упомянуть, что среди читателей газеты «Новое время», ведущим сотрудником которой являлся М. О. Меньшиков, был император России Николай II⁴, а газеты И. Гаспринского «Переводчик-Терджиман» – султан Османской империи Абдул Гамид II⁵.

На фоне усиливающегося балканского кризиса и неразрешенности «Восточного вопроса» оба публициста сходились в вопросе необходимости создания российско-турецкого союза в противовес Европе, политика которой в преддверии Первой мировой войны была направлена на ослабление позиций и сталкивание интересов Российской и Османской империй. Следует отметить, что И. Гаспринский в своей газете «Переводчик-Терджиман» к тому же регулярно ссылался на материалы из «Нового времени»⁶ и лестно отзывался о самом М. О. Меньшикове, называя его «талантливым фельетонистом»⁷.

Более полное представление о схожести идей И. Гаспринского и М. О. Меньшикова в контексте «Восточного вопроса» дает их взаимное цитирование на страницах газет и состоявшаяся осенью 1908 г. переписка.

Так, в сентябре 1908 г. после провозглашения независимости Болгарии от Османской империи вышла статья М. О. Меньшикова «Умиряющая империя», в которой он писал: «*Османцы знают закулисных подстрекателей Болгарии. С Болгарией османцы не должны ссориться. В действительности Болгария уже была автономной. Нынешнее заявление – чистая формальность. Однако действия Австрии не так уж незначительны. Она удерживает два османских вилайета; османцы не могут принять такое положение дел. Они должны протестовать вмешательство Австрии и получить одобрение великих держав*»⁸.

В ответ на эту статью И. Гаспринский 6 октября 1908 г. опубликовал в «Переводчике-Терджимане» статью «Восточный вопрос и русская пресса», в которой он, соглашаясь с высказанными М. О. Меньшиковым размышлениями по данному вопросу, дает собственные комментарии:

*«В этот и в любой другой раз турки прекрасно знают закулисных подстрекателей балканских народов против турок. Касаясь Боснии и Герцеговины, турки обращают вопрос к «Европе». Пусть будет котел с бузой, а Европа пусть бурлит; на данный момент они удовлетворились протестом... Гораздо большую пользу, чем одобрение великих держав, туркам сослужит их презрение к самим себе, так как они не найдут способа для резкого удара»*⁹.

В той же статье И. Гаспринский цитирует слова М. О. Меньшикова о неготовности России участвовать в разрешении балканского кризиса: «*То, что Восточный вопрос разрешается без России, очень задевает русских. Как жаль, что мы не готовы к войне. Те события, которых ждали 200 лет, сегодня получили свое развитие. Если бы у нас была готовность и потенциал, то именно в данный момент стоило брать Стамбул. Но мы не готовы взглянуть на собственное положение дел. Нужно открыто, не скрывая, объяснять, что мы не сумеем помочь даже Болгарии*». Далее И. Гаспринский добавляет от себя: «*Господин Меньшиков сказал без прикрас. Коль уж мы не готовы, коль уж от нас не будет зависеть, то лучше было бы, если бы нам не напоминали, что «Мы должны взять Стамбул»*!»¹⁰

Таким образом, И. Гаспринский и М. О. Меньшиков сходились в понимании антироссийской и антиосманской политики европейских держав на Балканах и выражали свое сожаление в связи с тем, что «Восточный вопрос» решается без участия России.

Впоследствии И. Гаспринский написал М. О. Меньшикову письмо и отправил несколько своих статей, в которых выступает за «великовосточный союз» России и Турции. Об их переписке М. О. Меньшиков сообщил в своей статье «Велико-восточный вопрос»¹¹.

В ней М. О. Меньшиков отмечал, что полученное от И. Гаспринского письмо отражает положительное отношение российских мусульман к вопросу сближения между Россией и Турцией: «*Что со стороны турок нет к России фанатичной ненависти доказывает то, что идея русско-турецкого сближения приветствуется в Константинополе. По-видимому, она нашла бы сочувственный отклик и среди наших мусульман. Недавно я получил <...> письмо от известного мусульманского публициста Измаила Гаспринского, редактора «Терджумана»*»¹².

Рассуждая там же о российско-турецком сближении, сам М. О. Меньшиков утверждал: «*Из всех реформируемых держав наиболее сильной является пока Россия; может быть ей должна принадлежать инициатива создать русско-турецкий союз в Европе и русско-китайский в Азии*»¹³. И далее добавлял: «*Крымская война разделила народы, которым всего выгоднее было бы идти рука об руку. Славянская автономия, а потом независимость, была добыта по-*

токама крови, между тем тот же результат мог бы быть достигнут на почве политического союза славянства с турками»¹⁴.

Кроме того, М. О. Меньшиков выражал солидарность со своим крымско-татарским коллегой и в том, что русско-мусульманский мир переживает поворотный момент своей истории, и в том, что России давно нужно было бы отказаться от проевропейской внешней политики. В частности, он соглашался со следующим мнением И. Гаспринского: «Русская политика должна была переменить курс тотчас после Парижского конгресса, но это совершится теперь, напором новых условий. <...> Смотрите: венгерец, серб, болгарин, грек, армянин, друз и маронит и сыты и обуты, а русский и тюркский человек оборваны и голодны! За что? Немножко эгоизма не мешает»¹⁵.

Данная переписка показывает, что оба публициста сходились в вопросе необходимости складывания взаимовыгодного российско-турецкого союза в существовавших геополитических условиях и выступали за смену внешнеполитического курса Российской империи в «Восточном вопросе».

Следует отметить, что Исмаил Гаспринский вообще регулярно высказывался за более тесное сближение России и Турции. Так, например, в своей программной работе «Русско-восточное соглашение» он заявлял: «Эти последние [европейцы] всегда ловко пользовались враждой Турции и России и, эксплуатируя первую, подрывали, сколько могли, силы последней. Мы думаем, что было бы умно и полезно, забыв прошлое, искренне сблизиться туркам и русским»¹⁶. Более того, на страницах своей газеты «Переводчик-Терджиман» он всегда поднимал тему «Восточного вопроса» именно с точки зрения интересов России на Балканах и в Средиземноморских проливах [Босфор и Дарданеллы].

В подобном же ключе высказывался и М. О. Меньшиков, считая неверной позицию многих российских общественных и политических деятелей, согласно которой война России и Турции представляется необходимой в свете «христианского долга» России перед «православным Востоком». Он указывал на то, что исторической необходимостью было только «изгнание турок из Европы», что уже произошло к началу XX в., и теперь балканские народы вместо благодарности к России в своей политике склоняются к Европе. По его мнению, Россия должна в «Восточном вопросе» руководствоваться исключительно своими собственными интересами и ей следует отказаться от навязанного ей «долга»¹⁷.

Помимо солидарности в «Восточном вопросе», взгляды И. Гаспринского и М. О. Меньшикова объединяет критическое отношение к европейской цивилизации и попыткам Европы навязать восточным народам свои ценности. В

этой связи можно привести следующие слова М. О. Меньшикова: «Европейская цивилизация принесла цивилизаторам несомненную пользу, но нет ни одного цивилизуемого народа, который по своим обедневшим деревням не плакался бы, вспоминая старые – может быть темные, – но сытые времена»¹⁸. Многие работы Исмаила Гаспринского, в свою очередь, также пронизаны критикой европоцентризма: «Европейский уклад жизни и культура напоминают сильно накрашенную, роскошную, симпатичную даму; однако, если получше присмотреться – зубы у нее вставные, волосы – накладные, а пышный бюст набит ватой...»¹⁹

Как показывают приведенные материалы, во взглядах И. Гаспринского и М. О. Меньшикова на внешнеполитическую ситуацию в Европе в начале XX в. прослеживается целый ряд схожих идей. Оба они с разных позиций критиковали Европу и губительную прозападную политику Российской и Османской империй на фоне усиливающегося политического кризиса в Европе и неразрешенности «Восточного вопроса».

Несмотря на то что И. Гаспринский представлял позицию тюркско-мусульманского населения России, а М. О. Меньшиков – русского, они оба, в первую очередь, выступали с точки зрения государственных интересов Российской империи.

Видные российские публицисты И. Гаспринский и М. О. Меньшиков, имевшие значительное влияние на общественное мнение, призывали к российско-турецкому сближению и созданию взаимовыгодного политического союза Российской и Османской империй в тот период, когда это могло еще изменить расклад сил перед Первой мировой войной, которая в результате привела к развалу обеих империй. В современных геополитических условиях российско-турецкое сближение также представляется необходимым шагом. В этой связи особенно актуально изучение творческого наследия И. Гаспринского и М. О. Меньшикова в данном ключе.

Примечания

- 1 Тур. «Dilde, fikirde, işte birlik».
- 2 См., например: Yılmaz S., Bahrevskiy E. Rusya ve Türkiye. Avrasya pakti mümkün mü? Ankara, 2017. P. 37–39.
- 3 См., например: Меньшиков М. О. Векорусская партия // Новое время. 1907. 23 июня.
- 4 Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004. С. 45.
- 5 Гаспринский И. Его величество турецкий султан // Переводчик-Терджиман. 1894. 12 нояб.
- 6 См., например: Гаспринский И. Напоминание из истории // Переводчик-Терджиман. 1908. 29 сент.
- 7 Гаспринский И. Талантливый фельетонист // Переводчик-Терджиман. 1905. 12 июля.

- ⁸ *Меньшиков М. О.* Велико-восточный вопрос // Новое время. 1908. 4 нояб.
- ⁹ Статья была опубликована на крымско-татарском языке. Перевод наш. См.: *Гаспринский И.* Восточный вопрос и русская пресса // Переводчик-Терджиман, 1908. 6 окт.
- ¹⁰ *Гаспринский И.* Восточный вопрос и русская пресса // Переводчик-Терджиман, 1908. 6 окт.
- ¹¹ *Меньшиков М. О.* Велико-восточный вопрос.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Меньшиков М. О.* Велико-восточный вопрос.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение. Исмаил бей Гаспринский. Россия и Восток. Казань, 1993. С. 65.
- ¹⁷ *Меньшиков М. О.* Кто кому должен // Новое время. 1912. 3 авг.
- ¹⁸ *Меньшиков М. О.* Велико-восточный вопрос.
- ¹⁹ *Gasprinskiy I.* Avrupa'ya bir nazar-ı muvazene. Istanbul, 1885. P. 22.

Образец для цитирования:

Тихонова Н. Е. Идеи российско-турецкого сближения во взглядах и переписке И. Гаспринского и М. О. Меньшикова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 295–298. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-295-298.

Cite this article as:

Tikhonova N. Y. The Ideas about Russian-Turkish Rapprochement in the Views and Correspondence between I. Gasprinskiy and M. O. Menshikov. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 295–298 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-295-298.

УДК 947.084.5

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ КОНТАКТЫ В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО НЕПРИЗНАНИЯ

В. Г. Цыплин

Цыплин Виталий Геннадьевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, v.tsyplin@yandex.ru

В статье на характерных примерах рассматривается теория и практика модернизации и усовершенствования оборонной промышленности СССР с использованием опыта США в 1920-е годы, содержащие целый ряд решений и мероприятий. Проводится анализ действий фирмы «Амторг», которая на протяжении многих лет, пока США не признавали СССР, была посольством, торгпредством и коммерческим предприятием. Дается характеристика барьерам на пути установления советско-американских дипломатических отношений.

Ключевые слова: советско-американские отношения, период непризнания СССР, «Амторг», оборонная промышленность СССР.

Soviet-American Contacts in the Military Sphere in Conditions of Diplomatic Non-recognition

V. G. Tsyplin

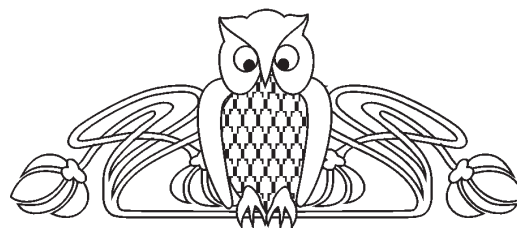
Vitaly G. Tsyplin, ORCID 0000-0003-1216-7900, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, v.tsyplin@yandex.ru

In the article on some characteristic examples the theory and practice of modernization and improvement of the defense industry of the USSR using the experience of the USA in 1920s containing a number of decisions and actions are considered. The analysis of actions of the firm «Amorg» which for many years, while the USA did not recognize the USSR, was an Embassy, a trade mission and a commercial enterprise is carried out. The author characterizes the barriers to the establishment of Soviet-American diplomatic relations.

Key words: Soviet-American relations, period of non-recognition of the USSR, «Amorg», defense industry of the USSR.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-299-304

В начале 1920-х годов советское руководство преследовало в первую очередь политические цели: предотвращение интервенции, дипломатическое признание со стороны стран Запада, недопущение открытой реституции. На протяжении десятилетия оборонная промышленность СССР создавалась практически с нуля. Шел процесс конструирования и разработки техники по всему спектру вооружений, налаживались опытное и серийное производство. К концу 1920-х годов производство не обеспечивало армию военным имуществом, количественно и качественно достаточном для собственных нужд с

точки зрения безопасности и военной политики государства. Многие в советско-американских отношениях можно объяснить именно с этих позиций. В США эмбарго на торговлю с Россией формально отменили в июне 1920 года. На протяжении всего десятилетия госдепартамент запрашивал предоставлять долгосрочные кредиты СССР. Бизнесмены, представлявшие в основном мелкие и средние компании, в ходе переговоров с российскими представителями действовали на свой страх и риск¹. Осенью 1920 года советское руководство в случае прихода к власти новой республиканской администрации рассчитывало на признание и установление дипломатических отношений с США.

Советское руководство в некоторой степени считалось с мнением дипломатов, которые формулировали одно из правил ведения советской внешней политики, как необходимость устранения всяких лишних поводов к нападениям, за которые могли бы уцепиться противники или недоброжелатели². В этом ключе Л. Б. Красиным были разработаны предложения о выделении на Камчатке территорий для предоставления концессий американским предпринимателям при небольшой оплате государству и для расположения военно-морской базы на Камчатке³. Возможно, это делалось на волне, когда решения Вашингтонской конференции несколько улучшили международное положение Советской России на Дальнем Востоке⁴. В любом случае после серии скандалов в правительстве США и прессе госсекретарю Бейнбриджу Колби пришлось выпускать официальное сообщение, в котором говорилось о непризнании руководством США Советского государства и незаинтересованности в концессиях и в военно-морских базах на территории России⁵. Президенты США менялись, а курс на изоляцию Советской России при Вильсоне, Гардинге, Кулидже и Гувере оставался неизменным. В этих условиях советское правительство находило потенциальных союзников среди любых государств антизападной направленности, не обращая особого внимания на их внутрисполитический курс, устанавливало с ними возможные контакты⁶.

Американская фирма «Амторг», имеющая официальное название «Амторг Трейдинг Корпорейшн», в период дипломатического непризнания США Советской России до 1933 года была посольством, торгпредством и коммерческим предприятием. Эта компания образована

в ходе объединения в Нью-Йорке «Аркус-Америка» и «Продекско» 1 мая 1924 года в качестве частного акционерного общества по выполнению экспортных и импортных операций. Она допускалась к торговым операциям в СССР постановлением Главконцесскома при Совнаркоме. Юридически «Амторг» являлся иностранной частной организацией, работавшей в СССР на основании постановления ВЦИК и СНК от 12 апреля 1923 года «О торговых операциях иностранных фирм». Советское торгпредство через «Амторг» представляло советские ведомства, имевшие какие-либо экономические интересы в США. К ним относились «Госторг», «Дальгосторг», «Заггосторг», «Сахаротдел ВСНХ», «Севзапгосторг», «Укргосторг», «Экспортхлеб» и другие⁶. При этом в адрес «Амторга» постоянно сыпались обвинения в разжигании расовой розни в США, в финансировании компартии США и шпионаже. Пайщиками-совладельцами «Амторга» были Наркомат внешней торговли, «Аркус» и «Госторг». В результате деятельности «Амторга» советские товары в небольшом количестве попадали на американский рынок, а американские фабрикаты и технологии стали поступать в Советскую Россию. Кроме этого «Амторг» был ориентирован на закупку в США военного имущества и лицензий на производство техники.

Еще в середине 1920-х годов Л. Д. Троцкий, будучи на посту председателя РВС, считал опасной ошибкой политику укрепления обороноспособности страны с опорой только на военную помощь из США и Европы, необходимо развивать свою военную промышленность⁸. Позднее, 5 декабря 1929 года, Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании приняло постановление «О выполнении танко-строительной программы»⁹. Из этого документа видно, что СССР в рассматриваемый период был ограничен в финансовых ресурсах, из-за чего предпринимались попытки закупки различных видов боевой техники в единичных экземплярах, но с технической документацией. Из экономических соображений подобная практика распространялась на всю продукцию. Заказы и закупки осуществлялись там, где товар продавали дешевле, где выгоднее кредитные условия и где можно было бесплатно заполучить секреты производства. Поставки станков или механизмов производились в 1–2 экземплярах, чтобы попытаться создать их действующие советские копии. Руководитель производственных операций «Ford Motor Company» Ч. Соренсен в ходе своей поездки в СССР в августе 1929 года передал гласности попытку контрафактного выпуска с 1924 года советских копий тракторов «фордзон» на Краснопутиловском заводе в Ленинграде¹⁰.

По мнению американского советолога Л. Фишера, президент США Герберт Гувер сразу после инаугурации все вопросы, касающиеся дипломатического признания СССР, отложил до лучших времен. Новый руководитель, по мне-

нию его современников, не стремился к сближению с СССР, а наоборот, активизировал антисоветский курс. Еще во время предвыборной кампании Гувер заявлял о своем негативном отношении к русскому вопросу. В официальных и неофициальных выступлениях он демонстрировал неприятие государственного и общественного строя в СССР, отстаивая при этом политику непризнания. Но на экономический блок это не распространялось, так как на национальном съезде республиканской партии, проходившем в июне 1928 года в Канзас-Сити, было объявлено о наступлении в США новой эры беспрерывного процветания американской экономики. Тогда же съезд и выдвинул кандидатом в президенты Герберта Гувера. С момента вступления его в должность улучшение советско-американских отношений характеризовалось увеличением оборота «Амторга» и давлением американских компаний на процесс предоставления различных льгот. В своих статьях Л. Фишер неоднократно отмечал постоянную заинтересованность в торговле с СССР со стороны Гувера, считающегося у наших современников самым непопулярным президентом США XX века¹¹. В СССР к весне 1928 года IV разведывательное управление Штаба РККА подготовило фундаментальное исследование «Будущая война», где США фигурировали как государство, которое могло при определенных обстоятельствах примкнуть к антисоветскому блоку¹². С другой стороны, к 1930 году в США наивысшей точки достигла истерия по поводу финансирования «Амторгом» протестных движений в Америке. В США под руководством конгрессмена Г. Фиша был создан особый комитет. На него была возложена функция расследования подрывной коммунистической деятельности, в основу которой было положено содержание более 3000 шифротелеграмм «Амторга». Для дешифровки документов обращались к американским военным. Проводили допрос руководителя Амторга П. А. Богданова¹³.

В исследуемый период сотрудники внешней разведки СССР вели в США изучение обстановки и сбор информации по экономической и технической линии, но к «Амторгу» это соотносить никак нельзя. Например, в США в качестве бизнесмена с нелегальных позиций работал разведчик Эйнгорн, который занимался изучением рынка, потенциалом закупки машин и оборудования якобы с целью открытия своего представительства в Иране или на Ближнем Востоке. По линии технической разведки резидентуре А. О. Эйнгорна удалось добыть и переслать в Москву комплект чертежей военного самолета конструктора И. Сикорского. В одном из рапортов на имя зампреда ОГПУ С. А. Мессинга сообщалось, что за последнее время сильно оживилась работа по техразведке в Америке, получены материалы исследований в химической промыш-

ленности, образцы документов по дизель-мотору «паккард»¹⁴.

В свою очередь, «Амторг» регулярно отправлял в Москву конъюнктурные обзоры американской экономики, копии которых доставлялись руководителям государства. Их нельзя назвать экономическим шпионажем. Составление таких документов являлось обычной работой торгпредства, тем более что техническое консультирование американскими инженерами крупных индустриальных проектов на территории СССР было общеизвестным фактом. По мнению некоторых историков, под видом инженеров и менеджеров на работу в «Амторг» все же направлялись чекисты, коминтерновцы и военные разведчики, которым американские власти нередко отказывали в визах. Постоянная разведывательная работа советских спецслужб в США началась после установления дипломатических отношений. Первый директор «Амторга» И. Я. Хургин, назначенный в США сначала как уполномоченный Наркомнешторга в статусе секретности, предлагал подкупить несколько американских консулов, которые выдавали визы для представителей советской стороны, но осуществить этот замысел не получилось. Руководство СССР направляло в «Амторг» как в ссылку большевиков, находившихся в оппозиции к сталинскому руководству. Так, по настоянию И. В. Сталина вторым руководителем «Амторга» стал Э. М. Склянский – соратник Л. Троцкого. Для СССР желательным партнером был Д. Хаммер – один из основателей компартии США, но ни он, ни три его сына директорами «Амторга» назначены не были¹⁵. После гибели И. Я. Хургина и Э. М. Склянского на озере Лонг Лэйк в окрестностях Нью-Йорка при невыясненных до конца обстоятельствах «Амторг» возглавляли люди И. В. Сталина. Американская полиция причиной происшествия на озере назвала внезапно возникшую бурю¹⁶.

Некоторые современные исследователи отмечают, что СССР по совокупности общих показателей промышленного производства к 1930-м годам занимал после США второе место за счет контрафактного копирования образцов машин, механизмов и промышленного шпионажа¹⁷. Советские организации использовали договоры о технической помощи и контракты на поставку оборудования для поездок многочисленных практикантов на предприятия компаний. Советский инженер-механик И. Б. Шейнман с удивлением описывал открытость американцев. Он и его товарищи получили беспрепятственный доступ к разнообразным техническим данным, разрешение делать зарисовки и бесплатно снимать копии. Запатентованные секреты не разглашались, но предоставление информации обо всем остальном считалось лучшей рекламой для фирмы¹⁸.

Внешние экономические связи СССР переориентировались на платную техническую по-

мощь и масштабные закупки оборудования, причем у сталинской экономической политики был выраженный «американский вектор»¹⁹. Особо важным для СССР являлся доступ к военным технологиям в области новейших видов вооружения США в авиации и бронетехнике, производство которых в СССР в те годы находилось в зачаточном состоянии.

Военные теоретики СССР отмечали две опасные тенденции в развитии советской авиации: недооценка значения авиации военными руководителями для обороны страны и стремление приобрести авиатехнику за границей, не расходуя силы и время на собственные разработки. В СССР в конце 1920-х годов, например, были проанализированы 675 конструкций самолетов зарубежного производства, из которых были выбраны только 62 варианта самолетов для внедрения в опытно-экспериментальные производства. Это подтверждает документ управления ВВС РККА, датируемый 20 октября 1929 года, который был направлен в адрес Совета труда и обороны. В нем излагались предложения о пятилетнем плане опытного строительства ВВС на 1928–1933 годы²⁰.

Нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР К. Е. Ворошилов в своей докладной записке, датируемой 1929 годом, сообщал о переговорах с американской авиационной фирмой «Кертис» о технической поддержке СССР по мощным моторам²¹. Опытные образцы попадали на засекреченные военные заводы, которым в конце 1920-х годов стали присваиваться номера, скрывающие бывшие названия. В 1927 году насчитывалось 56 таких предприятий²². Тогда руководство СССР выбирало, по какому пути должна развиваться советская военная промышленность: по пути создания кадровых заводов, выпускающих военную продукцию, или по пути промышленной мобилизации американского типа, основанной на развитии предприятий «двойного» назначения²³. Ввиду необходимости организации быстрой и секретной доставки подобных грузов в Наркомторге был создан Специальный отдел экспортных заказов, которым руководил К. Е. Ворошилов.

Первая попытка закупки в США самолета была предпринята в 1928 году, когда пытались приобрести трехмоторный металлический самолет в кредит на 3 года, но она не увенчалась успехом. «Амторг» сразу ответил, что на условиях такого кредита он приобрести летательный аппарат не сможет.

В конце 1920-х годов группа военных руководителей во главе с Главкомом ВВС СССР П. И. Барановым считала, что для усиления советской авиации все средства хороши²⁴. С целью закупок авиатехнологий П. И. Баранов несколько раз посещал иностранные государства под чужой фамилией, нелегально. Курьезный случай произошел в 1929 году при въезде в США со-

ветской делегации в составе: начальника управления ВВС РККА П. И. Баранова, профессора Б. С. Стечкина, конструктора А. Н. Туполева, председателя научно-технического комитета управления ВВС Харламова, инженера-конструктора Научного автомобильного института Е. В. Урмина и начальника иностранного отдела управления ВВС Фельдмана. Таможенный чиновник принял решение оставить подозрительных русских на недельный карантин. На вопрос о цели визита в США П. И. Баранов озвучил сумму планируемой покупки продукции машиностроения в США. В этот момент встречающиеся представители заинтересованных фирм стали звонить в Вашингтон. После этого сразу было получено разрешение сойти на американский берег, а уже через час делегация, сопровождаемая сотрудниками «Амторга», на омнибусе ехала по Нью-Йорку к гостинице²⁵.

В США с корпорацией «Кертисс-Райт» велись переговоры о выпуске в Советском Союзе трех типов двигателей воздушного охлаждения. Собрание УВВС, проходившее 28 декабря 1929 года, утвердило решение отказаться от французских моторов и поставить американские моторы на все серийные машины АНТ-9. В январе 1930 года П. И. Баранов заказал в Америке небольшую партию моторов. Их планировали установить на советские самолеты в феврале, но они были доставлены в СССР в середине лета. Первый опытный образец самолета появился только в сентябре. Все выпущенные машины требовали серьезных доработок. В СССР запасы американских моторов закончились. Руководство СССР с учетом депрессии в США сделало предложение американской стороне об организации на своей территории специального литейного моторного производства, но переговоры с США о строительстве нового завода по выпуску моторов зашли в тупик²⁶. В СССР стали искать возможность продолжения производства самолетов с использованием небольшого количества американских моторов, но и в этом случае у советской стороны возникла проблема с выделением для этого дополнительной валюты²⁷.

Результаты поездки российской делегации во главе с П. И. Барановым оказались неутешительными. Американские компании не стали устанавливать прямые контакты с советскими представителями. В отсутствии дипломатических отношений с США все торгово-посреднические операции продолжали осуществляться через «Амторг».

Заслуживает особого внимания командировка в США комбрига Л. Г. Минова, датированная 1929 годом. Он с помощью работников «Амторга» посетил предприятие фирмы «Ирвин» в городе Буффало, специализирующееся на производстве парашютной техники, и изучил возможность закупок снаряжения. Ему удалось лично совершить три прыжка. После своего воз-

вращения в СССР комбриг Л. Г. Минов летом 1930 года в 11-й авиабригаде Московского военного округа создал группу парашютистов численностью 30 человек. В ходе войсковых учений округа, состоявшихся 2 августа 1930 года, 12 человек провели десантирование с помощью парашюта, что являлось тогда первым экспериментальным случаем высадки воздушного десанта. В качестве места высадки было выбрано свободное от посевов поле вблизи хутора Клочково, в двух километрах от Воронежа²⁸. Таким образом, день 2 августа считается датой рождения ВДВ.

Перспективы покупки серии летающих лодок у компании «Глен Мартин» обсуждались в 1929 году, но госдеп не позволил достигнуть договоренностей по этому вопросу²⁹. Необходимо отметить, что советская конструкторская мысль к 1925 году в одном самолете ТБ-1 объединила все признаки бомбардировщика. Это было приоритетом СССР и заслугой А. Н. Туполева³⁰. В 1930 году в США начали копировать этот самолет³¹.

На некоторых советских самолетах до конца 1920-х годов были установлены моторы М-5, являвшиеся точной копией американского «Либерти» образца 1917 года. В начале 1930-х годов эти двигатели, выработавшие свой срок в авиации, стали устанавливать на танки, а с руководством американских компаний велись переговоры о поставке из США 100 штук уже довольно устаревших моторов для установки их на танки БТ³².

В конце 1929 года в СССР была создана закупочная комиссия под руководством начальника управления механизации и моторизации Красной армии И. А. Халепского и начальника инженерно-конструкторского отдела С. А. Гинзбурга, которая посетила крупные промышленные центры за пределами СССР с целью знакомства с автобронетанковой техникой зарубежных армий. Примечательно, что 6 декабря 1929 г. комиссия под председательством главы Наркомтяжпрома С. Орджоникидзе приняла решение о выделении средств на закупку иностранных танков. При этом рассматривались различные варианты размещения заказов на разработку проектов и приобретения образцов техники³³. После посещения Германии и Англии комиссия продолжила работу в США, где организация мотобронетанковых частей как отдельного рода войск в принципе запрещалась законодательным актом о национальной обороне, принятом в 1920-м году³⁴. В ходе переговоров с представителями фирмы «Cunningham» о приобретении танка Т1.Е1. и подробном ознакомлении с образцами продукции выяснилось, что реальные характеристики танков оказались ниже заявленных. Кроме того, представители СССР не имели финансовых возможностей приобрести 50 танков с предоплатой в 50%³⁵.

Далее комиссия провела переговоры с фирмой «U. S. Wheel Track Layer Corporation» в Ра-

вей, штат Нью-Джерси, американского изобретателя, конструктора и бизнесмена Джона Уолтера Кристи о возможности приобретения нескольких экземпляров танка конструкции М1931, а также лицензии на производство военной техники в СССР. В конструкции танка содержалось множество новейших инженерных решений того времени. Этим танком в 1929 году еще до визита советских представителей интересовался представитель Польши, которая в те годы воспринималась руководством СССР как один из потенциальных противников. Польским военным танк понравился, после чего 26 февраля 1930 года в США прибыл начальник Военного института конструкторских исследований Польши Т. Коссаковский. Был подписан договор на приобретение готового экземпляра танка и лицензии на его изготовление в Польше, внесен 50%-й аванс. Руководство СССР перекупило танк у поляков. Американская сторона расторгла договор с Польшей в одностороннем порядке и вернула им деньги. Хотя между США и Польшей были установлены дипломатические отношения с 1919, а между СССР – США это произошло только в 1933 году. Испытывая нехватку финансирования, по причине отказа армии США приобретать его танки, Кристи охотно пошел на контакт с советской делегацией, хотя к СССР относился с недоверием. Таким образом, по договору в СССР поставались два танка М1931 стоимостью 60 тыс. \$. По условиям договора СССР обязался перечислить фирме Кристи 100 тыс. \$ за право производить эти танки в течение 10 лет³⁶.

При подписании договора между американской стороной в лице президента корпорации Дж. У. Кристи и советской стороной президентом «Амторга» А. В. Петровым присутствовали И. А. Халепский и американцы Дж. Майкель, Дж. Раймонд и Тиффани. Необходимо отметить, что никаких официальных документов американская и советская сторона не подписывали. Планировался проезд Кристи в Советский Союз для оказания помощи в налаживании серийного производства танков. Практически сразу был поднят вопрос о производстве танков Кристи на Ярославском автомобильном заводе.

Танки М1931 были отправлены в СССР 24 декабря 1930 года неукомплектованными, без башен, а техническую документацию американцы предоставили не полном объеме. Но это сути дела уже не меняло. В целях изучения организации производства и контроля за выполнением заказа, в Нью-Йорк 14 июля 1930 года прибыл член Научно-технического комитета Н. М. Тоскин³⁷, который в ходе общения с конструкторским бюро получил 127 листов чертежей опытного танка. Эти документы были направлены в СССР. В ходе реализации договора Кристи недоплатили 25 тыс. \$, в ответ он отказался приезжать в Москву, и сотрудничество с ним медленно сворачивалось³⁸.

Все события вокруг этого договора позднее стали предметом расследования Комиссии Фиша в Конгрессе США. Халепского обвинили в получении секретных данных при посещении американских арсеналов. Военный министр США во время публичных слушаний заявил, что Халепский государственные арсеналы не посещал³⁹.

Закупки в США образцов новой техники, станков, технологий имело колоссальное значение как для научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, так и для внедрения в оборонную промышленность передовых производственных методов. На основе изучения образцов приобретенной техники делались заключения о степени необходимости производства аналогичных агрегатов в СССР. Особое внимание при этом обращалось на организацию собственного опытного и серийного производства боевой техники: танков и самолетов. Можно уверенно утверждать, что военно-техническое сотрудничество советской авиационной и танковой промышленности с американскими фирмами было в 1920-е годы в целом эффективным. Наиболее ценным для советских инженеров были технологические решения, повышающие производительность труда и снижающие требования к качеству рабочей силы. В дальнейшем заимствование технологий явилось важнейшим вкладом американской иностранной военной технической помощи в становление советской военной промышленности.

Примечания

- 1 См.: *Косых Е. С.* Американский бизнес в экономике Советской России // Великая российская революция 1917 г. : методология, источники, историография : сб. науч. тр. по итогам науч. конф. (Стерлитамак, 29 сентября 2017 г.). Стерлитамак, 2017. С. 170.
- 2 См.: *Редченко Д. В.* Г. В. Чичерин и советская внешняя политика в странах Востока // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2009. Т. 9, вып. 1. С. 104.
- 3 См.: Письмо народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) относительно переговоров с американским предпринимателем В. Б. Вандерлипом. 28 сентября 1920 г. // Советско-американские отношения. Годы непризнания. 1918–1926. М., 2002. С. 152–153.
- 4 См.: *Цыплин В. Г.* К российским вопросам на Вашингтонской конференции 1921–1922 годов // Военная история России : проблемы, поиски, решения : материалы IV междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве (Волгоград, 20–21 окт. 2017 г.). Волгоград, 2017. С. 247.
- 5 См.: Официальное сообщение Б. Колби // Нью-Йорк Таймс. 1920. 27 окт.
- 6 См.: *Цыплин В. Г.* Советские поставки вооружения в азиатские страны в 1920-х годах // Изв. Саратов. ун-та.

- Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 356.
- ⁷ См.: Мухин М. А. Амторг. Американские танки для РККА // Отечественная история. 2001. № 3. С. 52.
- ⁸ См.: Красных Ю. Г. Л. Д. Троицкий и военное строительство. 1920–1924 гг. // Вопр. истории. 2009. № 8. С. 105.
- ⁹ См.: Клемантович С. П. Военная политика ВКП(б) и советского государства в 1920–1930-е гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. С. 232.
- ¹⁰ См.: Шпотов Б. М. Шаг назад и два вперед : западная техническая помощь и «институциональные ловушки» советской индустриализации (1930-е гг.) // Вестн. Института экономики Российской академии наук. 2014. № 1. С. 149.
- ¹¹ См.: Швецов А. А. Луис Фишер и советско-американские отношения первой половины XX века : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. С. 86.
- ¹² См.: Кантор Ю. З. Заклятая дружба. Секретное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1930-е годы. СПб., 2009. С. 31.
- ¹³ См.: Якутин Н., Князев А. Белым пятном на карте // Экономика и жизнь. 2013. № 43(9509). С. 49.
- ¹⁴ См.: Чертопруд С. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. М., 2002. С. 47.
- ¹⁵ См.: Журнов Е. В авангарде коварно-денежных отношений // Коммерсант. 2008. 13 окт.
- ¹⁶ См.: Шевякин А. Кто готовил развал СССР. М., 2014. С. 164.
- ¹⁷ См.: Шпотов Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е годы : лабиринты экономического сотрудничества. М., 2013. С. 214–216, 296.
- ¹⁸ См.: Шейнман И. Б. Что я видел в Америке. Что я сделал в СССР. М., 1934. С. 28–29.
- ¹⁹ См.: Шпотов Б. М. Шаг назад и два вперед : роль технико-технологических инноваций в индустриализации СССР // Экономические реформы в России и за рубежом : сб. ст. М., 2014. Вып. 3. С. 277–278.
- ²⁰ Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 8418. Оп. 8. Д. 157. Л. 21–30.
- ²¹ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 10. Л. 5–6.
- ²² См.: Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-е – 1980-е гг. : экономические аспекты развития // Экономическая история : ежегодник. М., 2004. С. 235.
- ²³ См.: Маркевич А. М. Нужды обороны и планирование военной промышленности в СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. // Экономическая история : ежегодник. М., 2008. С. 444.
- ²⁴ См.: Баранов П. И. Я знаю, это трудное дело, но наш воздушный флот будет первым в мире. URL: <https://topwar.ru/126000-pi-baranov-ya-znayu-eto-trudnoe-delo-no-nash-vozdushnyy-flot-budet-pervym-v-mire.html> (дата обращения: 25.01.2018).
- ²⁵ См.: Чуев Ф. Стечкин. М., 1978. С. 178.
- ²⁶ См.: АНТ-9. URL: <http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/article.php?nid=5343> (дата обращения: 25.01.2018).
- ²⁷ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 8418. Оп. 5. Д. 59. Л. 36–37.
- ²⁸ См.: Ненахов Ю. Воздушно-десантные войска во Второй мировой войне. Минск, 1998. С. 135.
- ²⁹ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 204а. Л. 220.
- ³⁰ См.: Шавров В. Б. История конструкций самолетов в СССР до 1938 г. М., 1985. С. 396.
- ³¹ См.: Мишанов С. А. Строительство Красной Армии и Флота. 1921 – июнь 1941 гг. Анализ западной историографии. М., 1992. С. 194.
- ³² ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 5. Д. 59. Л. 36–37.
- ³³ См.: Верещак М. И. Роль иностранной технической помощи в создании и развитии советской бронетанковой промышленности (1925–1935) // Экономическая история : ежегодник. М., 2014. С. 234.
- ³⁴ См.: Мостовенко В. Д. Танки. 2-е изд. М., 1958. С. 125.
- ³⁵ См.: Свириц М. Н. Броня крепка. История советского танка 1919–37. М., 2006. С. 130.
- ³⁶ См.: Павлов М. В., Желтов И. Г., Павлов И. В. Танки БТ. М., 2001. С. 25–26.
- ³⁷ РГВА. Ф. 4. Д. 1974. Оп. 14. Л. 1.
- ³⁸ См.: Юферев С. Путь от танка «Кристи» до БТ-2 // Военное обозрение. 2016. 27 апр. URL: <https://topwar.ru/94557-put-ot-tanki-kristi-do-bt-2.html> (дата обращения: 25.01.2018).
- ³⁹ См.: Верещак М. И. Роль иностранной технической помощи в создании и развитии советской бронетанковой промышленности (1925–1935) // Экономическая история : ежегодник. 2013. М., 2014. С. 229–250.

Образец для цитирования:

Цыплин В. Г. Советско-американские контакты в военной области в условиях дипломатического непризнания // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 299–304. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-299-304.

Cite this article as:

Tsyplin V. G. Soviet-American Contacts in the Military Sphere in Conditions of Diplomatic Non-recognition. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 299–304 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-299-304.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 904

НЕСКОЛЬКО КОМПЛЕКСОВ РАННЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ХЕРСОНЕСА (северо-восточный район)

Е. С. Лесная

Лесная Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры истории древнего мира, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, lesnaya.kat@gmail.com

В статье представлен анализ керамических комплексов, открытых в Северо-Восточном районе Херсонеса в 1982 г. Это несколько скальных углублений искусственного происхождения и перекрывающий их культурный слой. Материал представлен как импортными изделиями, так и местными (причерноморскими) реминисценциями привозных образцов. Эти находки представляют несомненный интерес для изучения состава ранней керамической коллекции памятника и хозяйственной жизни его населения на начальном этапе существования поселения.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, амфорная тара, керамические клейма, расписная и чернолаковая керамика, светильники, хронология.

Some Early Classical Assemblages from Chersonesos (North-Eastern District)

Е. С. Lesnaya

Ekaterina S. Lesnaya, ORCID 0000-0001-9976-0832, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, lesnaya.kat@gmail.com

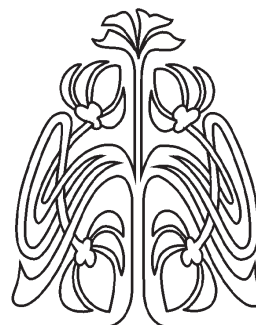
The analysis of the ceramic assemblages revealed in the North-Eastern district of Chersonesos in 1982 is presented in the article. They are a few rocky cavities of artificial origin and overlying cultural layer. The material is represented by both imported products and local (the Black Sea region) reminiscences of imported samples. Undoubtedly, these findings are interesting for the study of the early ceramic collection of the site and the economic life of its population at the initial stage of the settlement.

Key words: Tauric Chersonesos, amphora tare, ceramic stamps, painted and black-glazed pottery, lamps, chronology.

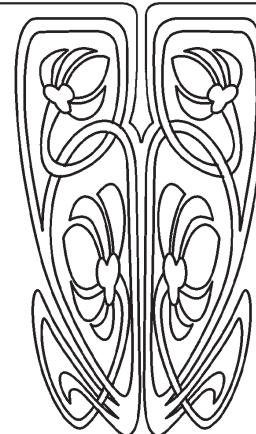
DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-305-313

В ходе дискуссии о дате и причинах основания Херсонеса Таврического, которая особенно активно развернулась в 1990–2000-х гг., М. И. Золотарёвым были опубликованы некоторые группы находок из раскопок на городище¹. Материалы же из раннего городского некрополя были частично представлены в работах Р. В. Стоянова². Собственно эти исследования и составили «археологическую» основу для дальнейших разработок проблемы истории Херсонеса в V – первой половине IV в. до н. э.³ В связи с этим представляется актуальной публикация нескольких ранних комплексов из раскопок в Северо-Восточном районе городища.

В 1982 г. при раскопках средневековой бани в IX квартале и на прилегающей к нему 7-й поперечной улице С. Г. Рыжовым была исследована группа скальных углублений и перекрывающий их культурный слой с находками V–IV вв.⁴ Всего было открыто семь таких

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ям, расположенных к югу от ванны № 1 (рис. 1). Эти сооружения, вырубленные в скале, имели округлую форму и различную глубину. Все они были заполнены глиной. В верхнем слое мощностью до 30–40 см заполнение нескольких ям содержало большое количество обломков керамики⁵. Всего в углублениях было найдено более 200 фрагментов амфор, столовой посуды и светильников⁶. По объективным причинам в настоящее время нам, к сожалению, недоступны чертежи (подробные планы, обмеры и стратиграфии), а в коллекции Херсонесского музея хранится лишь небольшая часть найденных предметов⁷ (однако рисунки части отсутствующих находок сохранились в полевой описи).

Яма № 1. В отчете о раскопках указано, что в её заполнении было найдено 67 фрагментов керамики⁸, в полевой описи зафиксированы находки амфор, чернолаковых, сероглиняных и красноглиняных столовых сосудов, многорожковых светильников, кухонной посуды и лутериев⁹. Амфоры из этого комплекса совсем недавно были опубликованы в каталоге¹⁰. Они представлены горлом фасосского сосуда «фанагорийского» варианта третьей четверти V в.¹¹ (рис. 1, 2). Сохранилось фрагментированное горло амфоры Хиоса варианта «ботрос» 420–410-х гг.¹² (рис. 1, 3). К продукции Лесбоса может быть отнесён фрагмент горла сероглиняной амфоры «классического» типа варианта III-A, который датируется последней четвертью V в.¹³ (рис. 1, 1). Под венцом сосуда по сырой глине прочерчено граффити «Δ». Кроме того, по рисункам из полевой описи находок¹⁴ восстанавливаются ещё несколько фрагментов хиосских амфор: венец «развитого пухлогорлого» варианта второй четверти V в., венцы и ножки варианта «ботрос»¹⁵; ножка фасосского сосуда; фрагменты амфор Айноса третьей четверти V в.¹⁶; венец «протофасосской» амфоры середины V в.¹⁷

Также в заполнении ямы № 1 были найдены стенка краснофигурного кратера с изображением пальметты, датирующегося около середины V в.¹⁸ (рис. 1, 4) и придонная часть чаши типа Stemless Largeplainrim, последней четверти столетия¹⁹ (рис. 1, 5). Особый интерес представляет фрагмент красноглиняного кувшина с граффити. Надписи процарапаны на стенке в придонной части тулова и на внешней поверхности дна (рис. 1, 6). Как полагает С. Р. Тохтасев²⁰, обе надписи были выполнены одной рукой, но является ли граффито на дне продолжением написанного на стенке или это отдельный текст, неясно. С наружной стороны (а) читается: κλαίέτω καί [- - -] «плачь (imperativ.) и...!». На дне (б): αγαθαί δι[- - -] или Δι[- - -] (имя собственное) «доброй (дат. п. ж.р.) ...». Из-за плохой сохранности сосуда интерпретация граффити затруднена, но по мнению исследователя надпись на тулове может быть началом стихотворного текста, или же текстом заклятия (defixio) в форме угрозы.

Яма № 2 самая глубокая, глубина её достигает 1,75 м²¹. Согласно полевой описи в её заполнении найдено 136 обломков керамики: амфоры, чернолаковые сосуды, красноглиняные чаши и кувшины с черными и красными полосами по тулову, светильники²². В фондах музея хранятся несколько предметов: фрагмент горла красноглиняного кувшина (рис. 2, 1), нижняя часть чернолакового лекифа (рис. 2, 2) и два открытых светильника. Один из них близок типу Howland 19A – ионийский двухрожковый с втулкой в центре дна, его плечи и вместилище покрыты светло-коричневым лаком (рис. 2, 3). Подобные светильники обычно датируются последней четвертью VI – первой четвертью V в.²³ Второй экземпляр – чернолаковый однорожковый светильник аттического производства типа Howland 21B²⁴ (рис. 2, 4), датирующийся второй – третьей четвертями V столетия²⁵.

Яма № 4. В полевой описи находок из этого сооружения отмечены фрагменты амфор, чернолаковых и красноглиняных сосудов, лепных горшков²⁶. Для изучения сейчас доступны только две находки. В первую очередь, это верхняя часть столовой амфоры, декорированной полосой серой краски по горлу и тремя полосами красно-коричневой краски по тулову под ручками (рис. 2, 5). Керамическое тесто сосуда плотное, с включениями светлых частиц и мелкого шамота. Предположительно этот сосуд можно отнести к местным (причерноморским) ремисценциям ионийских столовых амфор V в.²⁷, но без характерного для них ребра по горлу и упрощённым декором. Вторая находка представлена открытым двухрожковым сероглиняным светильником на кольцевом поддоне с втулкой в центре дна (рис. 2, 6). Керамическое тесто плотное, содержит светлые частицы. В этом случае мы также можем предполагать причерноморское происхождение светильника и датировать его в рамках V в.

Ямы № 6–7. Возможно, что изначально это были две ямы, отделявшиеся друг от друга скальной перегородкой, которая разрушилась в более позднее время²⁸. В заполнении была обнаружена стенка амфоры Фасоса с граффито на горле в виде буквы «B» (рис. 3, 1). Несколько образцами представлена расписная керамика: венчик канфара группы St.-Valentin (рис. 3, 2), стенки кратеров с изображением руки с тирсом и двух фигур в гиматиях второй половины V в. (рис. 3, 3, 4), а также фрагмент глубокого килика. На его внешней стороне сохранилось изображение мужчины в венке и стригиль, по внутреннему краю венца нанесен венчик плуща (рис. 3, 5). Подобные килики датируются более поздним временем – концом V – первой половиной IV в.²⁹

К чернолаковой керамике относится солонка с вогнутыми стенками (рис. 3, 6) и фрагмент малой чаши (small bowl) последней четверти V в.³⁰ (рис. 3, 7), на внешней поверхности дна прочерче-

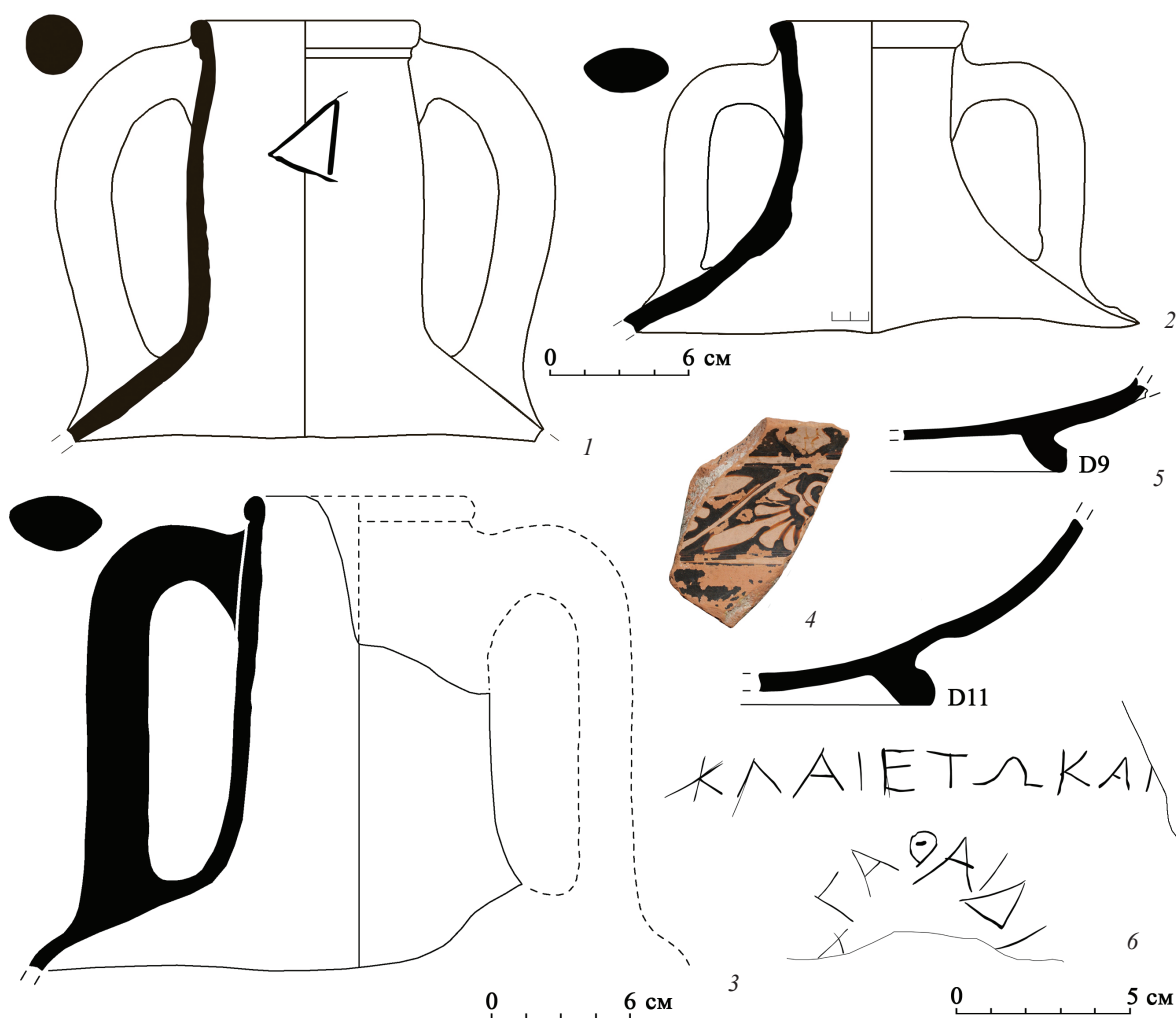

Рис. 1. Ямы на 7-й поперечной улице. Находки из ямы № 1: 1–3 – амфоры (3 – [10], с. 17, кат. № Ch. 4); 4 – стенка кратера; 5 – фрагмент чернолаковой чаши; 6 – фрагмент кувшина с граффити

Рис. 2. Находки из ямы № 2: 1 – фрагмент чернолакового лекифа; 2 – венец кувшина; 3, 4 – открытые светильники. Находки из ямы № 4: 5 – столовая амфора; 6 – сероглиняный светильник

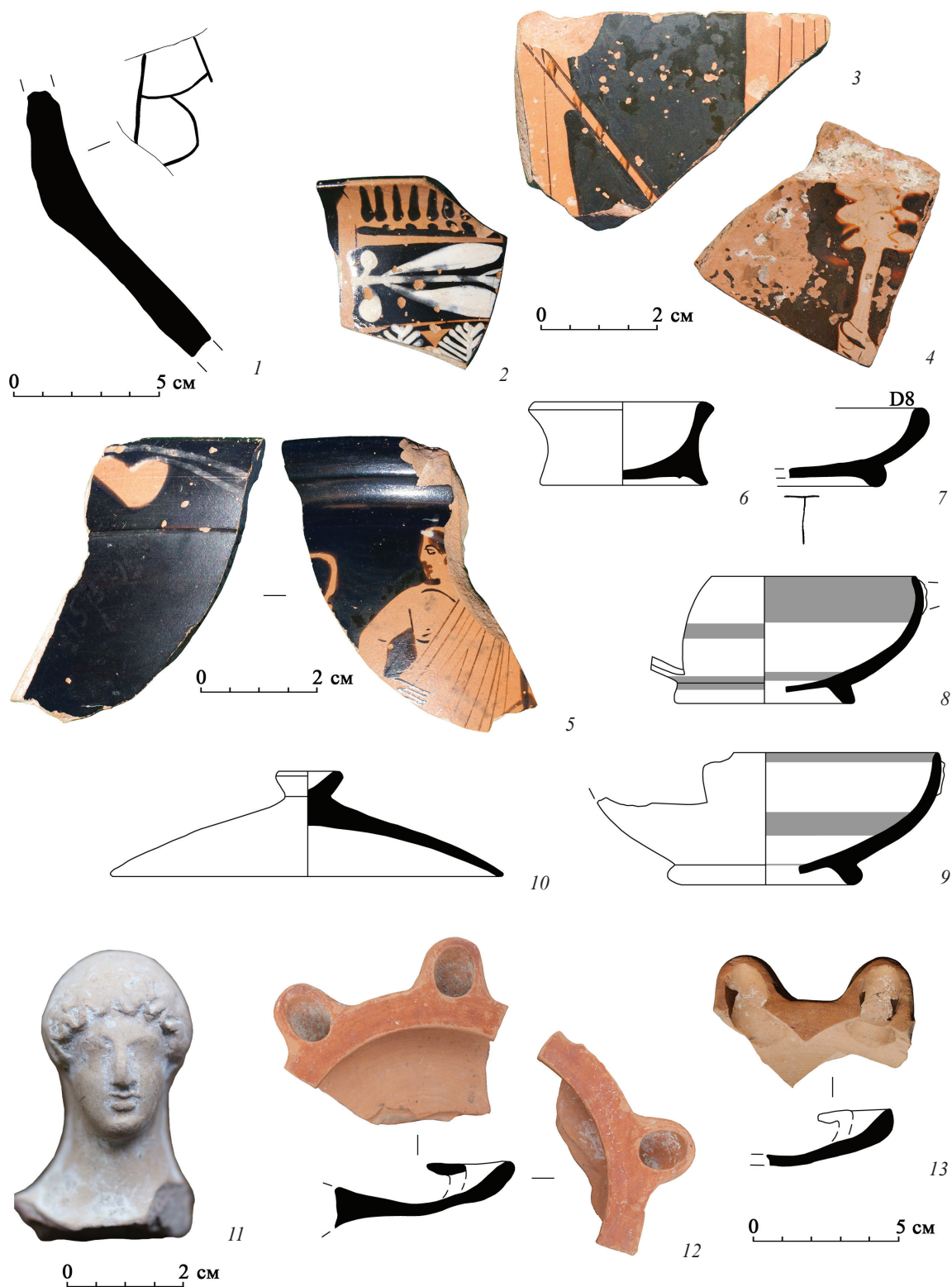

Рис. 3. Находки из ямы № 6-7: 1 – стенка амфоры с граффити; 2-5 – фрагменты расписных сосудов; 6-7 – фрагменты чернолаковой керамики; 8-9 – одноручные чаши; 10 – крышка; 11 – фрагмент терракоты; 12-13 – фрагменты многорожковых светильников

но граффито «Т». Также в заполнении были найдены две красноглиняные одноручные чаши, декорированные полосами красной краски (рис. 3, 8, 9). Такие сосуды М. И. Золотарёв относил к ионийскому импорту³¹, однако состав керамического теста и форма чаш не позволяют с этим согласиться. Более вероятным кажется, что они являются причерноморским подражанием поздним ионийским киликам. Во всяком случае, производство подобных сосудов существовало в Ольвии с середины VI в.³² В Херсонесе такие чаши известны в комплексе с датой не позднее конца V столетия³³. Кроме того, из засыпи сооружений № 6–7 происходит фрагмент терракотовой статуэтки стоящей (или сидящей на троне) богини в покрывале (рис. 3, 11). Подобные терракоты исследователи относят к аттическому производству и датируют второй четвертью – серединой V в.³⁴ Отметим также фрагмент крышки кухонного сосуда (рис. 3, 10) и находки обломков многорожковых светильников с красной полосой по плечам (рис. 3, 12).

Как видим, находки из заполнения ям датируются достаточно широко – началом V – первой четвертью IV в. Эта группа сооружений была перекрыта глинистым слоем, лежащим непосредственно на скале (слой 4)³⁵. Указанный слой содержал находки конца V – первой половины IV в. В частности, такую дату дают амфорные клейма³⁶ (рис. 4, 1–4):

– клеймо на ручке амфоры Фасоса магистрата Аристомена (середина 80 – первая половина 70-х годов IV в.)³⁷;

– английское клеймо Δ(-) на ручке амфоры Менды (конец V – первая половина IV в.)³⁸;

– на горле гераклеийской амфоры английское клеймо фабриканта Тимасандра ранней фабрикантской группы (конец V – 90-е годы IV в.)³⁹;

– рельефное клеймо-монограмма на горле амфоры Гераклеи Ер(-). Аналогичное клеймо известно на амфоре из раскопок кургана у с. Сторожеево, которую С. Ю. Монахов датирует концом V в.⁴⁰

Также из глинистого слоя происходит фрагментированная одноручная чаша с красными полосами (рис. 4, 5), аналогичная описанным выше, и несколько светильников. В первую очередь, это сероглиняный открытый однорожковый светильник на кольцевом поддоне (рис. 4, 6). Его плечи и внешняя поверхность покрыты черным лаком, глина плотная, содержит светлые включения. Аналогий ему пока подобрать не удалось, но судя по морфологии и контексту данный светильник можно датировать второй половиной V – первой половиной IV в. Ещё один светлоглиняный экземпляр, по всей видимости, представляет собой некий прототип эллинистических светильников типа «кувшинчика» (рис. 4, 7). Близкие по форме светильники известны по материалам Ольвии (вариант 1 по И. Н. Шейко⁴¹) и Боспора (тип 1 по Д. В. Журавлёву⁴²). Вопрос датировки этих экземпляров пока окончательно не решён, наи-

более ранней находкой является светильник из Тиритаки, обнаруженный в комплексе первой половины V в.⁴³ Также из глинистого слоя происходят фрагменты одно- и многорожковых светильников, сходных с теми, что были найдены в заполнении сооружений № 6–7 (рис. 4, 8–11).

С целью выяснения времени строительства бани у северной стены помещения 2 был заложен шурф размерами 1×2 м, глубиной 0,8 м. В ходе этих работ под фундаментом бани был открыт тот же наскальный глинистый слой, исследованный прежде на улице⁴⁴. На этом участке в нём был найден фрагмент верхней части гераклеийской амфоры с клеймом фабриканта Рамфия ранней фабрикантской группы конца V – начала IV в.⁴⁵, в нижней части горла коричневой краской нанесено дипинто «Δ»⁴⁶ (рис. 5, 1). Чернолаковая керамика представлена находкой килика типа Cup-skyphos heavy wall начала IV в.⁴⁷ (рис. 5, 2) и двумя фрагментами сосудов с граффито (рис. 5, 3, 4). Также в слое был найден фрагмент чернолакового аттического светильника типа Howland 21B, который относится ко второй – третьей четвертям V в.⁴⁸ (рис. 5, 5). Особенно интересна находка закраины ионийского тарного сосуда, декорированного волнистой полосой лака по плечам (рис. 5, 6). В Северном Причерноморье подобные сосуды известны из раскопок Ольвии, где их датировка не заходит дальше первой четверти V столетия⁴⁹.

Следует отметить, что засыпь ям на 7-й поперечной улице (в начале – первой четверти IV в.) произошла одновременно с засыпью скальных сооружений в III квартале, интерпретированных М. И. Золотарёвым как «полуземлянки»⁵⁰. Учитывая, что некоторые ямы (№ 3 и № 5), были затрамбованы только чистой глиной, можно связывать засыпь всех углублений на 7-й поперечной улице с нивелировочными работами, которые осуществлялись на этом участке во второй четверти IV столетия. Ямы, открытые С. Г. Рыжовым в 1982 г., очевидно, имели хозяйственное назначение. Однако и в случае с этими сооружениями, и с «полуземлянками» в III квартале остаётся открытым вопрос о дате их сооружения. Тем не менее рассмотренные находки из заполнения ям и наскального слоя представляют несомненный интерес для изучения ранней керамической коллекции Херсонеса и его торговых связей на начальном этапе существования поселения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00096).

Список сокращений

БИ – Боспорские исследования.
ВДИ – Вестник древней истории.
НА ГИАМЗХТ – Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический».
ХС – Херсонесский сборник.

Рис. 4. Находки из Слоя 4: 1–4 – амфорные клейма; 5 – одноручная чаша; 6 – сероглиняный светильник; 7 – светлоглиняный светильник; 8–11 – фрагменты одно- и многоручковых светильников

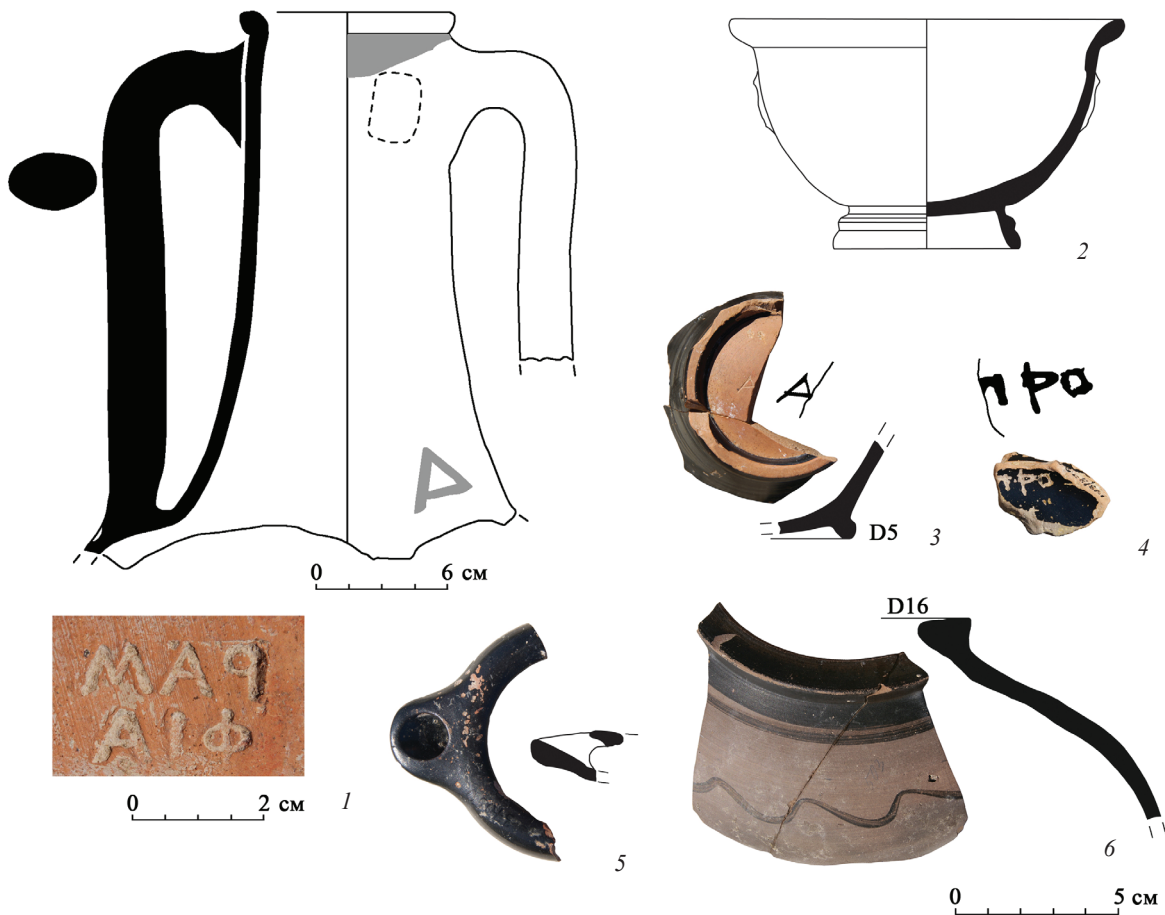

Рис. 5. Находки из Шуфра № 2: 1 – амфора [10, с. 119, кат. № НР.4]; 2 – чернолаковый килик; 3, 4 – фрагменты сосудов с граффити; 5 – чернолаковый светильник; 6 – закраина ионийского тарного сосуда

Примечания

- 1 Золотарёв М. И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. 98 с. ; *Он же*. К хронологии древнейшего Херсонеса // *Античные полисы и местное население Причерноморья : материалы междунар. науч. конф. «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура»*. Севастополь, 1995. С. 100–106 ; *Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И.* Год рождения Херсонеса Таврического // *ХС*. 1998. Вып. IX. С. 36–46 ; *Золотарёв М. И.* Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // *ХС*. 1998. Вып. IX. С. 25–35.
- 2 Стоянов Р. В. Расписная и чернолаковая столовая керамика из некрополя Херсонеса Таврического V–II вв. до н.э. // *БИ*. 2005. Вып. VIII. С. 39–53 ; *Он же*. Несколько замечаний о времени и причинах основания Херсонеса Таврического // *ВДИ*. 2007. № 2. С. 125–144 ; *Он же*. Керамические погребальные урны в форме гидрий из некрополя Херсонеса Таврического IV–III вв. до н.э. // *Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья*. Краснодар, 2013. С. 82–89.
- 3 Здесь и далее все даты указаны до н.э.

- 4 Выражаю глубокую признательность С. Г. Рыжову за разрешение опубликовать этот материал.
- 5 *Рыжов С. Г.* Отчёт о раскопках IX квартала в Северном районе Херсонеса в 1982 г. // *НА ГИАМЗХТ*. Д. № 2346. Л. 8.
- 6 Там же. Л. 26.
- 7 Коллекция находок за 1982 г. хранится в фондах ГИАМЗ «Херсонес Таврический» под № 37050.
- 8 *Рыжов С. Г.* Отчёт о раскопках IX квартала... Л. 26.
- 9 *Рыжов С. Г.* Полевая опись находок из раскопок Северо-восточного района Херсонеса в 1982 г. // *НА ГИАМЗХТ*. Д. № 2383. Л. 73–76.
- 10 *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры V–II вв. до н.э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» : Каталог. Саратов, 2017. С. 26, 84.
- 11 *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре : Каталог-определитель. М. ; Саратов, 2003. С. 65–66. Табл. 39–40.
- 12 Там же. С. 20. Табл. 9 ; *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Указ. соч. С. 26, 70.
- 13 *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Указ. соч. С. 78.

- ¹⁴ Рыжов С. Г. Приложение к отчёту о раскопках в 1982 г. в IX квартале в Северо-восточном районе Херсонеса // НА ГИАМЗХТ. Д. № 2382/2. Л. 6–33.
- ¹⁵ Монахов С. Ю. Указ. соч. С. 17. Табл. 5 ; Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Указ. соч. С. 26. Рис. 3, 7, 9–11.
- ¹⁶ Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Указ. соч. С. 26. Рис. 3, 4–6.
- ¹⁷ Там же. Рис. 3, 12.
- ¹⁸ Moore M. B. Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. The Athenian Agora. Vol. XXX. New Jersey ; Princeton, 1997. № 266, 269.
- ¹⁹ Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6, 5, 4 centuries B. C. The Athenian Agora. Vol. XII. New Jersey ; Princeton, 1970. № 481.
- ²⁰ Благодарю С. Р. Тохтасьева, любезно взявшего на себя труд по прочтению граффити.
- ²¹ Рыжов С. Г. Отчёт о раскопках... Л. 27.
- ²² Рыжов С. Г. Полевая опись находок... Л. 77.
- ²³ Журавлёв Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. Светильники VI – первой половины III вв. до н.э. Киев, 2007. С. 31–32.
- ²⁴ Howland R. H. Greek Lamps and Their Survivals. The Athenian Agora. Vol. IV. New Jersey ; Princeton, 1958. P. 46–47.
- ²⁵ Журавлёв Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. Светильники VI – первой половины III вв. до н.э. С. 61.
- ²⁶ Рыжов С. Г. Полевая опись находок... Л. 78.
- ²⁷ Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев, 2013. С. 119.
- ²⁸ Рыжов С. Г. Полевая опись находок... Л. 78–79.
- ²⁹ Фрагменты опубликованы : Вдовиченко И. И., Рыжов С. Г., Жесткова Г. И. Античная расписная керамика VI– IV вв. до н.э. из Северного и Северо-Восточного районов Херсонеса (раскопки С. Г. Рыжова в 1976–2010 гг.) // ХС. 2012. Вып. 17. С. 22. Табл. 7.
- ³⁰ Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6, 5, 4 centuries B. C. № 934, 870.
- ³¹ Золотарёв М. И. Херсонесская архаика... С. 10–11.
- ³² Буйских А. В. Указ. соч. С. 140.
- ³³ Ушаков С. В., Лесная Е. С., Тюрин М. И. Новый керамический комплекс V в. до н.э. из Северо-Восточного района Херсонеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время : сб. науч. тр., посвящ. 65-летию профессора В. П. Копылова. Ростов н/Д, 2013. Рис. 7.
- ³⁴ Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь, 2016. Кат. № 77. Аналогии см.: Higgins R. A. Catalogue of the terracottas in the department of Greek and roman antiquities British Museum. L., 1954. № 673. Die figürlichen Terrakotten der Staatlichen Antikensammlungen München. Band 1 / Bearbeitet von F. W. Hamdorf. München, 2014. № S. 152, D 3.
- ³⁵ Рыжов С. Г. Отчёт о раскопках... Л. 26.
- ³⁶ Благодарю М. В. Иващенко за помощь в определении клейм.
- ³⁷ Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. С. 414. Прил. II.
- ³⁸ Там же. С. 172.
- ³⁹ Там же. С. 429. Прил. V.
- ⁴⁰ Монахов С. Ю. Указ. соч. С. 128. Табл. 87, 1.
- ⁴¹ Шейко І. М. Світильники «глечикоподібного» типу з Ольвії. LAUREA I. Античний мир і середні століття : чтення пам'яті професора В. І. Кадеєва. Харків, 2015. С. 60–61.
- ⁴² Журавлёв Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. Светильники второй половины III в. до н.э. – IV в. н.э. Киев, 2010. С. 46–47.
- ⁴³ Буйских А. В. Приложение 1. Амфоры и столовая керамика. В : Зинько В. Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II. Археологические комплексы VI–V вв. до н.э. // БИ. Suppl. 11. 2014. Кат. № IV.7.194.
- ⁴⁴ Рыжов С. Г. Отчёт о раскопках... Л. 32.
- ⁴⁵ Кац В. И. Указ. соч. С. 429, Прил. V.
- ⁴⁶ Фрагмент опубликован : Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Указ. соч. Кат. НР.4.
- ⁴⁷ Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6, 5, 4 centuries B. C. № 621 ; Егорова Т. В. Черноразовая керамика V–IV вв. до н.э. с прочерченным и штампованным орнаментом из раскопок Пантикапея // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М., 2015. С. 65. Рис. 5.1.
- ⁴⁸ Журавлёв Д. В., Быковская Н. В., Желтикова А. Л. Светильники VI – первой половины... С. 61–62.
- ⁴⁹ Буйских А. В. Архаическая расписная керамика... С. 117–118.
- ⁵⁰ Золотарёв М. И. Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі // Археологія. 1990. № 3. С. 23 ; Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Указ. соч. С. 30–32.

Образец для цитирования:

Лесная Е. С. Несколько комплексов раннеклассического времени из Херсонеса (северо-восточный район) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 305–313. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-305-313.

Cite this article as:

Lesnaya E. S. Some Early Classical Assemblages from Chersonesos (North-Eastern District). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 305–313 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-305-313.

УДК 94(410)

ОРДАЛИИ В АНГЛО-НОРМАНДСКОЕ ВРЕМЯ

А. Ю. Золотарев

Золотарев Антон Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет, aurelianus@mail.ru

В статье рассматриваются особенности ордалий («Божьего суда») в Англии после нормандского завоевания 1066 г. в сравнении с предшествующей англосаксонской эпохой и современными континентальными практиками. Отмечается появление судебного поединка, неизвестного в Англии ранее, но обычного во Франции, при продолжении использования испытаний каленым железом, в сохранении которых важную роль сыграла Церковь, которая контролировала их проведение. При этом в источниках зафиксировано лишь небольшое количество реально проведенных ордалий, что отличает англо-нормандскую эпоху от последующего правления Плантагенетов.

Ключевые слова: Англия, нормандское завоевание, ордалии, суд, судебный поединок, Церковь.

Ordeals in Anglo-Norman England

A. Yu. Zolotarev

Anton Y. Zolotarev, ORCID 0000-0002-9789-4877, Voronezh State Technical University, 14, Moskovsky Prosp., Voronezh, 394026, Russia, aurelianus@mail.ru

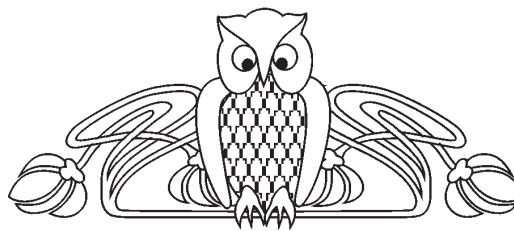
The article deals with ordeals («iudicium Dei») and their features after the Conquest compared with those of Anglo-Saxon age and contemporary continental practice. An introduction of the trial by battle, well-known in France, but unknown in England prior to 1066 is given. Meanwhile, common for pre-Conquest ordeal by hot iron was continued to be used with the help of the English Church, which controlled it. In addition it must be kept in mind that there are few real cases of ordeals known from sources, contradictory to the subsequent age of the Plantagenets.

Key words: England, Norman Conquest, ordeals, lawsuit, trial by battle, Church.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-314-318

Термин «ордалия» происходит от немецкого слова «Urteil» («истина»). Он означает процедуру отыскания истины в судебном споре, подразумевающую вмешательство сверхъестественных сил. Это процедура предусматривала, что ответчик или истец или они оба или их представители должны были подвергнуться определенного рода испытаниям, в ход которых и должно было вмешаться божество, чтобы видимым образом обозначить правого и виноватого.

Ордалии были двух типов: односторонние и двусторонние. К односторонним ордалиям из тех видов, что встречались в средневековой Европе, относятся испытания кипящей водой

(«котелок»), каленым железом, холодной водой, хлебом или сыром, проход под торфом, бросание жребия. К двусторонним ордалиям относятся судебный поединок и ордалия крестом.

Ордалии сразу всех видов никогда не встречались в какой-либо одной стране и в одну историческую эпоху¹. В Англии до нормандского завоевания их набор был достаточно разнообразным: кипящей водой, каленым железом, холодной водой, хлебом или сыром – все односторонние ордалии. Суть этих испытаний заключалась в следующем. Ордалии кипящей водой могли быть простые или тройные. При простой ордалии кипящей водой руку надлежало опустить на глубину кулака, при тройной – на локоть. Именно на такой глубине находился камень, который испытываемый должен был достать из котелка². При одинарной ордалии каленым железом брусок этого металла весил один фунт, и его надлежало пронести в руке на расстояние в 9 футов; при тройной ордалии он весил три фунта³. Рука обматывалась повязкой и запечатывалась. Через три дня бинты снимались, после чего судьи «удостоверяли, изменилась ли она в цвете и чистоте»⁴. Следы ожогов трактовались как изобличающие неправого. При испытании холодной водой для его успешного прохождения необходимо было погрузиться на полтора эльна (178,5 см)⁵.

Божий суд посредством жевания хлеба или сыра (corsnaed) упоминается только в английских источниках и был привилегией священников. Этот вид испытания заключался в том, что надлежало прожевать кусок ячменной лепешки или сыра весом в одну унцию, не подавившись и не поперхнувшись⁶.

Основными источниками наших знаний об ордалиях англосаксонского периода является законодательство, а также ряд памятников, занимающих промежуточное положение между нормативными и литургическими текстами. Это неудивительно, поскольку проведение ордалий находилось под контролем Церкви и духовенства. Перед проведением испытаний необходимо было поститься в течение трех дней, присутствовать на богослужениях, в день ордалии надо было причаститься и произнести клятву в своей невинности⁷. Пламя, на котором предстояло нагреть котелок или раскалить брусок железа, поддерживалось в церкви, и никто не имел права туда входить, кроме священника и лица, подвергавшегося испытанию⁸. При испытании холодной водой вода освящалась, отсюда следовало

толкование исхода ордалии: при погружении на обозначенную глубину испытуемый признавался невиновным, при меньшем – виновным, то есть в первом случае святая вода принимала его, во втором – отторгала⁹. Ордалия хлебом и сыром сопровождалась чтением молитв, а сама процедура именовалась экзорцизмом¹⁰. В одном из источников англо-нормандского периода право проводить ордалию обозначено среди принадлежащих соответствующей церковной институции *consuetudines*¹¹. И нам известны всего только два казуса применения ордалии на практике¹². Один из них, повествующий о событиях 971–972 гг., содержится в литературном тексте – «Чудесах св. Свитхуна» – поэтому тут мы имеем дело скорее с типизацией практики, чем с реальным случаем. Второй описан в одной из грамот 970-х гг., однако из ее содержания не ясно, было ли бросание подозреваемой в ведовстве с моста в Темзу испытанием или казнью. Если первое, то оно находилось в противоречии с процедурой, описанной в юридических источниках.

В англо-нормандское время упоминаний об ордалиях становится больше. За период с 1066 по 1135 г. их насчитывается 24¹³. При этом, однако, 16 из них содержатся в «Книге Страшного суда», составители которой фиксировали наличие земельных споров и готовность тяжущихся сторон защитить свои права при помощи «Божьего суда»¹⁴. Из оставшихся восьми казусов лишь в четырех случаях речь идет о реально имевших место ордалиях¹⁵. Что касается законодательных текстов, то, как прекрасно известно, Вильгельм Завоеватель и его преемники утратили вкус к изданию торжественных по форме и обширных по содержанию законодательных актов, ограничившись небольшими указами в форме writ. Зато от этой эпохи до нас дошли очень объемные юридические тексты неофициального характера, написанные на латыни и имевшие, очевидно, целью познакомить новых хозяев Англии с ее правом и обычаями. Вследствие этого они неизбежно носили компилятивный характер, но содержали при этом и ряд новых норм, многие из которых имели явно континентальное происхождение.

К числу таковых относится появление судебного поединка (*bellum*), неизвестного англосаксам, но хорошо известного в континентальной Европе. Судебный поединок (*rigna, campio*) известен еще по Бургундским законам (начало VI в.). Там сказано следующее: «Если сторона, которой была предложена [очистительная] клятва, не пожелает ее принять, не скажет, что противник может доказать истинность [своих слов] только оружием, и если противная сторона не уступит, то не следует отказывать в поединке... И если свидетель с той стороны, которая предлагала клятву, терпел поражение в поединке, то все [прочие] свидетели, которые обещали стать соприсяжниками, безотлагательно присуждают-

ся к уплате трехсот солидов в качестве штрафа. Но если тот, кто отказался принимать клятву, будет убит, из его имущества победившей стороне следует заплатить то, что он был должен, в девятикратном размере»¹⁶. На рубеже VIII–IX вв., как свидетельствуют королевские капитулярии и *leges* тюрингов, саксов и фризгов, судебные поединки были обыденными по всей Франкской империи¹⁷. Нельзя не отметить, что франкский поединок отличался от бургундского большим гуманизмом и разумностью. Капитулярии прямо указывали, что сражение велось на палках (*fustes*), а не боевым оружием¹⁸. К началу XII в. ордалия посредством судебного поединка была обычным явлением во Франции, которая использовалась при спорах о недвижимости, статусе зависимых людей и феодальных правах¹⁹. Причем дошедшие до нас источники во множестве случаев говорят не о реально имевших место испытаниях, а о предложениях их провести, которые были частью сложной стратегии давления на оппонента в ходе тяжбы. Видимо, жители Англии достаточно быстро, уже ко времени составления «Книги Страшного суда», освоили поединок и как способ доказывания, и как стратегию ведения тяжб²⁰. Например, некий управляющий (*darifer*) Годрик (по имени – явно англосакс) предложил доказать через своего человека Ральфа испытанием или поединком (*per hominem suum iudicio vel bello*) свои права на держание против Роджера Бигот²¹. В другом случае испытание или поединок уже против иска Годрика предложил некий *liber homo* Анслек (тоже явно англосакс)²². Всего в указателе ван Канегема отмечено 7 случаев, когда дело могло быть решено или было решено судебным поединком²³. Из них лишь в трех обе стороны были нормандцами (франками)²⁴, в трех обе стороны были англосаксами²⁵, в остальных четырех *franci* и *angli* противостояли друг другу. Обращает на себя внимание, что в «Книге Страшного суда», наиболее формализованном из всех наших источников, везде употреблена формула «*iudicium vel bellum*». Это не случайно, поскольку аналогичная формула содержится в единственном дошедшем до нас законодательном акте Вильгельма Завоевателя, где сказано, что в случае, если «англ обвинит франка [так, что ему надо будет доказывать свою невиновность] поединком, в воровстве, убийстве или во всем том, по поводу чего между двумя людьми поединок или приговор (*ornest odde dom*), пусть имеет полное соизволение так и сделать. Если англ откажет ему в поединке, пусть франк очистит себя клятвой со своими свидетелями, согласно нормандскому праву. Если франк обвинит англа по тем же делам, пусть англ имеет полное соизволение защитить себя поединком или железом (*mid orneste odde mid irene*), как ему будет угодно»²⁶. При переводе на латынь с текстом случилась примечательная метамор-

фоза: dom и iren превратились в iudicium²⁷. Так что, строго говоря, везде ли, где в «Книге Страшного суда» мы встречаем выражение, что некто «предложил iudicium portare/ferre», речь идет именно об ордалии железом, как то указывает ван Канегем, а не о принесении клятвы, мы не знаем. В несколько более поздней компиляции «Законы Генриха Первого» формула имела следующий вид: «iudicium ferri calidi vel bellum vel testes legitimi vel consacramentales adhibiti vel idoneum legis examen»²⁸. Таким образом, поединок рассматривался в англо-нормандское время как одна из возможных альтернатив наряду с более привычными для англосаксов способами доказывания: ордалией каленым железом и соприсяжничеством. Нормандцам они тоже были знакомы²⁹.

Впрочем, единственный достоверно известный нам случай реального проведения судебного поединка касался не воровства, не убийства, не земельной тяжбы, а измены королю, и к нему были присуждены Жоффруа Байнар и Гийом, граф д'Э. Первый обвинил последнего в участии в заговоре против короля. В поединке граф д'Э проиграл, и король приказал ослепить его и кастрировать, хотя он был его родственником. Его управляющий Гийом был повешен на кресте³⁰.

Дж. Гарнетт считает, что приведенная выше норма из указа Вильгельма Завоевателя была направлена на то, чтобы лишить англосаксов преимущества, которое они имели, принося клятву, поскольку в Англии они легко могли найти необходимое количество соприсяжников, а французы испытывали с этим проблемы³¹. Однако нормандцы, составившие значительную часть государственного аппарата, вполне могли запугать присяжных для получения выгодного для себя решения. Это наглядно видно из тяжбы, зафиксированной в Рочестерском картулярии (Registrum Roffense), которая имела место где-то между 1077 г. и смертью Вильгельма I 9 сентября 1087 г. Шериф Кембриджшира Пико запугал всех людей графства (omnes illius comitatus homines), и они заявили, что спорная земля принадлежит королю (от имени которого ею пользовался шериф), а не Рочестерской церкви. 12 из них дали присягу об этом. Через некоторое время они признались в клятвopеступлении, за что были приговорены в ордалии каленым железом, которую проиграли и уплатили королю в качестве штрафа 300 фунтов³².

Этот случай говорит нам и о том, что куда более значимым фактором исхода дела был контроль над односторонними ордалиями со стороны Церкви. В связи с тем, что английское духовенство в течение англо-нормандского периода оставалось по большей части англосаксонским, испытание железом или водой могло давать англам не меньшее преимущество. Разумеется, на основании единичных казусов проведенных ор-

далий сложно делать выводы о каких-то имевшихся тогда предпочтениях³³, но еще один слу-чай тоже весьма красноречив.

В своей «Новой истории» Эадмер рассказывает, что в правление Вильгельма II в 1098 г. около 50 человек были обвинены в том, что убили и съели оленей в королевских лесах. Они это отрицали и были приговорены к прохождению ордалии каленым железом. «Был назначен день, и без колебаний и милосердия подвергнуты они были наказанию (роена), предусмотренному этим решением. О жалкое зрелище! Но Господь Всемогуший, чья милость и правосудие воспеты в псалме Давида, милосердно сохранил руки их всех от ожогов, открыв всем их невиновность, и своим справедливым судом объявил, сколько неправедна была злоба тех людей, которые хотели их погубить. Когда король был извещен об этом на третий день после ордалии, эти обвиняемые были приведены [к нему] с необожженными руками, он возмущенно воскликнул: «Да что же это? Разве Бог справедливый судья? Пусть сгинет тот, кто так думает. С сего момента и в будущем, я клянусь, буду судить я, а не Бог, который склоняется то к одним, то к другим, в зависимости от того, кто ему молится»³⁴. Очевидно, что обвиняемые были невысокого статуса, а значит, почти наверняка были англами. Но определяющим в их судьбе было не только сочувствие к ним со стороны духовенства, но историческая обстановка, характеризовавшаяся острым конфликтом Вильгельма II с Церковью, чему, собственно, и посвящены соответствующие страницы в труде Эадмера.

При этом было бы недопустимой модернизацией считать, как иногда делается, что Вильгельм II выразил недоверие ордалии как способу доказывания³⁵. Скорее он проявил свое раздражение по отношению к Церкви (если Эадмер вообще не придумал эту деталь). Действительно, с конца XI в. на волне григорианских реформ среди духовенства, особенно континентального, стал распространяться скептический взгляд на ордалию. Но критика касалась исключительно судебных поединков (в нашем случае это был не поединок) и – даже уже – участия в них духовенства, поскольку такая процедура не находила обоснования в Священном Писании и иных источниках канонического права. При этом, например, видный канонист конца XI – начала XII в. Ив Шартрский считал, что если нет свидетелей, то и этот способ доказывания допустим. Что касается светской власти, то она на протяжении XII столетия относилась к ордалиям вполне лояльно, и в правление Генриха II они (а именно поединок и односторонние ордалии, преимущественно кипящей водой) были поставлены на службу королевской юстиции и стали стандартным способом доказывания как в случаях земельных споров (поединок), так и при обвинении в фелонии и измене (оба вида)³⁶.

Примечания

- ¹ Подробнее об ордалиях в раннесредневековой Европе см.: Глебов А. Г., Золотарев А. Ю. Ордалии в Англии и Западной Европе раннего средневековья : проблемы источниковедения и историографии // Право в средневековом мире. 2008 : сб. ст. / под ред. И. И. Варьяш и Г. А. Поповой. М., 2008. С. 155–169.
- ² Ordal, 1.2. (Здесь и далее цитаты из англосаксонских законов и правовых текстов приведены по изданию : Die Gesetze der Angelsachsen / hg. von F. Liebermann. Bd. 1. Text und Übersetzung. Halle, 1903.)
- ³ I Eg, 9 ; Ordal, 1.
- ⁴ Ordal, 5.
- ⁵ II As, 23.1.
- ⁶ VIII Atr, 22 ; 24 = I Cn 5.2a ; 5.2c. См.: Keefer S. L. «Ut in omnibus honorificetur Deus» : the corsnaed ordeal in Anglo-Saxon England // The community, the family and the saint / eds. J. Hill, M. Swan. Turnhout, 1998. P. 237–264.
- ⁷ II As, 23.
- ⁸ Ordal, 1.
- ⁹ Bartlett R. Trial by fire and water. Oxford, 1986. P. 11.
- ¹⁰ Keefer S. L. Op. cit. P. 255 : “Incipit exorcismus panis ordeacei et casei”.
- ¹¹ English lawsuits from William I to Richard I / ed. R. C. van Caenegem. L., 1990. Vol. I. P. 199 (№ 234): «... dedit ... ecclesiam de Westerfelde dictam cum una wista terre, et iudicio aque ad eam pertinente. cum omnibus consuetudinibus suis».
- ¹² Из 178 известных. В указателе Уормальда они находятся под номерами 154 и 43 соответственно (Wormald P. A handlist of Anglo-Saxon lawsuits // Wormald P. Legal culture in the Early Medieval West. Law as text, image and experience. L., 1999. P. 267, 274).
- ¹³ Из 287, приведенных за данный период в указателе ван Канегема (English lawsuits from William I to Richard I. Vol. I. P. 1–242). Это следующие казусы : № 3, 15, 19, 31, 85, 95, 99–102, 104, 105, 110–113, 118, 120, 121, 143, 150, 194, 204, 234.
- ¹⁴ Казусы с № 31 по 121. Например (№ 95) : «В Бреклиз [Норфолк] четверть акра и обычная доля в пастбище. Она принадлежала Сагему [королевскому манору] и во времена короля Эдуарда, и сейчас. Но Годрик вчинил иск (revocat) о том, что она принадлежит фьефу Стоу эрла Ральфа, утверждая, что он владел ею за два года до конфискации [фьефов Ральфа в 1075 г.] и два года после. По этому делу некий [человек] из королевского дома (famulus regis) предложил провести ордалию (offert ... portare iudicium)» (English lawsuits from William I to Richard I. Vol. I. P. 75–76).
- ¹⁵ Три казуса изложены в нарративных источниках : «Хроника Флоренция Вустерского» (№ 3), «Англосаксонская хроника» (№ 143), «Новая история» Эадмера (№ 150). Один в картулярии Рочестерского собора (№ 19).
- ¹⁶ MGH. LL nat. Germ., 2.1 : Leges Burgundionum. Liber Constitutionum, XLV. Отметим, что бой велся, скорее всего, боевым оружием, поскольку закон оговаривает возможную гибель одного из участников.
- ¹⁷ MGH. Capit. I, 41, 7 ; 70, 5 ; 100, 4 ; 105, 8 ; 136, 15. MGH. LL. 5. Lex Saxonum, 63 ; Lex Thuringorum, 39 ; 55–56 ; MGH. Fontes iuris, 12. Lex Frisionum, 14, 5. В последних двух случаях прямо говорится о том, что сражались палками (fustes), а не боевым оружием.
- ¹⁸ MGH. Capit. I, 105, 8 ; 136, 15.
- ¹⁹ От периода середины XI – начала XII в. до нас дошли картулярии преимущественно аббатств Анжу и Турени, поэтому более-менее репрезентативные данные мы имеем только оттуда. Судебные поединки были проведены в 14 случаях, из которых только два имели уголовный характер. В восьми казусах предметом тяжбы была земля. Впрочем, далеко идущие выводы из этого делать вряд ли стоит, учитывая что наибольший шанс сохраниться в монастырском архиве имели те документы, которые монахи могли использовать для обоснования своих земельных прав (см.: Guillot O. Le duel judiciaire : du champ légal (sous Louis le Pieux) au champ de la pratique en France (XIe s.) // La Giustizia nell'Alto Medioevo (secoli IX–XI). Spoleto, 1997. P. 774–783 ; Elema A. Trial by battle in France and England (PhD thesis). Toronto, 2012. P. 63–64, 89–90).
- ²⁰ White S. D. Proposing the ordeal and avoiding it : strategy and power in Western French litigation, 1050 to 1110 // Cultures of power / ed. by T. Bisson. Philadelphia, 1995. P. 89–121.
- ²¹ English lawsuits from William I to Richard I. Vol. I. P. 79 (№ 105).
- ²² Ibid. P. 85 (№ 121).
- ²³ Ibid. № 15, 85, 105, 113, 121, 143, 194.
- ²⁴ English lawsuits from William I to Richard I. Vol. I. № 85, 143, 194.
- ²⁵ Ibid. № 105, 113, 121. В казусе № 105 нормандцем был представитель в возможной ордалии управляющего Годрика Ральфа.
- ²⁶ Die Gesetze der Angelsachsen / Hg. von F. Liebermann. Bd. 1. Text und Übersetzung. Halle, 1903. S. 483.
- ²⁷ В компиляции начала XII в. «Quadripartitus» переведено как «iudicium vel bellum» (Die Gesetze der Angelsachsen / hg. von F. Liebermann. Bd. 1. S. 483). В переложении этого указа Вильгельма, известном как «Willelmi I articuli» мы встречаем «iudicium aut duellum» (Ibid. S. 487).
- ²⁸ Ibid. S. 602 (Hn., 87,6).
- ²⁹ Примеры см. в статье С. Уайта (White S. D. Op. cit. P. 89–90, 104). Всего, по его сведениям, из 500 диспутов, зафиксированных между 1040 и 1149 г. в картуляриях аббатств Анжу и Турени, в 50 фигурировали предложения провести тот или иной вид ордалии.
- ³⁰ English lawsuits from William I to Richard I. Vol. I. № 143. The Anglo-Saxon chronicle / ed. and transl. by M. Swanton. N. Y., 1998. P. 232. Флоренций Вустерский сообщает, что Гийом участвовал в заговоре Мобрея (Florentii Wigorniensis monachi Chronicon ex chronicis / ed. B. Thorpe. Vol. II. L., 1849. P. 38).
- ³¹ Garnett G. Franci et Angli : the legal distinctions between peoples after the Conquest // Anglo-Norman studies. Vol. 13. 1985. P. 132–133.
- ³² English lawsuits from William I to Richard I. Vol. I. P. 50–51 (№ 19).

- ³³ Из четырех описанных реальных случаев ордалий (см. выше примеч. 15) в одном речь идет о судебном поединке (№ 143), в двух – об ордалии каленым железом (№ 19, 150), еще в одном сказано просто о «iudicium». В двух случаях (из тех, которые зафиксированы не в «Книге Страшного суда») – о поединке, предложенном, но не состоявшемся (№ 15, 194), в одном – о предложенной, но не состоявшейся ордалии железом (№ 204).
- ³⁴ English lawsuits from William I to Richard I. Vol. I. № 143. Eadmeri Historia novorum in Anglia / ed. M. Rule. L., 1884. P. 102. Относительно рациональных объяснений того, как могли не пострадать руки людей, подвергавшихся такому испытанию, см.: *Kerr M., Forsyth R., Pyley M.* Cold water and hot iron : trial by ordeal in England // *Journal of interdisciplinary history.* 1992. Vol. 22. P. 573–595.
- ³⁵ *Shirley K. L.* The secular jurisdiction of monasteries in Anglo-Norman and Angevin England. Rochester, N. Y., 2004. P. 30.
- ³⁶ См.: *Hyams P.* Trial by ordeal : the key to proof in early Common Law // *On the laws and customs of England.* Chapel Hill, 1981. P. 90–126 ; *Baldwin J. W.* The crisis of the ordeal : literature, law, and religion around 1200 // *Journal of medieval and Renaissance studies.* 1994. Vol. 24. P. 327–353 ; *Martindale J.* Between law and politic : the judicial duel under the Angevin kings // *Law, laity and solidarities* / eds. P. Stafford, J. L. Nelson, J. Martindale. Manchester, 2001. P. 116–149.

Образец для цитирования:

Золотарев А. Ю. Ордалии в англо-нормандское время // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 314–318. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-314-318.

Cite this article as:

Zolotarev A. Y. Ordeals in Anglo-Norman England. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History: International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 314–318 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-314-318.

УДК 94(368)

ГОРОДА ВЕЛИКОЙ ПОЛЬШИ В СЕРЕДИНЕ XI – СЕРЕДИНЕ XII ВЕКА

М. Г. Лушина

Лушина Мария Григорьевна, аспирант кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, maria_lushina@mail.ru

В статье анализируется положение городов Великой Польши до середины XII века. Автор отмечает своеобразие эпохи и сложность в исследовании обозначенного периода. Значимую роль, по мнению автора, в судьбе великопольских городов сыграла архиепископская кафедра. В статье показано развитие городов Великой Польши со времен упадка в середине XI века и до постепенного возрождения в XII веке.

Ключевые слова: история Польши, Великая Польша.

Cities of Greater Poland from the Middle of the XI Century to the Middle of the XII Century

M. G. Lushina

Maria G. Lushina, ORCID 0000-0002-8030-2927, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, maria_lushina@mail.ru

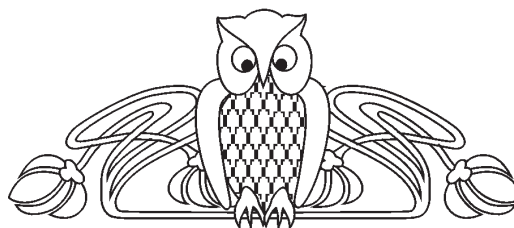
The article analyzes the position of the cities of Greater Poland till the middle of XII century. The author notes the specificity and the complexity in the study of this period. According to the author, the fate of the Archbishop's Department played the significant role in the development of the Greater Poland cities. The article shows the development of the cities of Greater Poland since their decline in the middle of the XI century till the gradual revival in the XII century.

Key words: history of Poland, Greater Poland.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-319-322

Обозначенный нами период не оставил значительного следа в письменных источниках по истории Средневековой Польши. Особенности развития польских городов в этот период трудно проследить и на археологическом материале. Тем не менее представляется важным обратить специальное внимание на этот период в истории средневековых городов Польши, поскольку он обладает качественной спецификой.

Вторая половина XI в. была тем временем, когда в Польше сложилась и достигла своего расцвета система градской организации общества и государства – самобытная, свойственная странам Центральной Европы (Польша, Чехия, Венгрия) модель средневекового общественно-государственного устройства. Ключевыми звеньями последней, в которых были сосредоточены все важнейшие функции государственного управления, были города – укрепленные резиденции княжеских наместников и окружавшей их дружины¹.

Польские гроды (чешские грады) являлись центрами администрации, судебной власти в пределах прилежавших к ним территориальных округов. Грады являлись также опорными пунктами церковной организации. Здесь концентрировалась военно-служилая знать. Сюда стекались собираемые с населения налоги и именно здесь бился пульс торговли.

Что касается городов Великой Польши, то для них это время было отмечено заметным шагом назад по сравнению с прошлым периодом. В предшествующий период они выступали в качестве главных центров политической власти представителей династии Пястов, уже в X – начале XI в. вошедших в историю Европы благодаря знаменитым воинам и завоевателям. Римский император Оттон III во время визита в Великую Польшу и поклонения гробу национального польского святого Адальберта Пражского, по свидетельству хрониста Галла Анонима, отмечал «славу, мощь и богатство польского князя» Болеслава Храброго (992–1025), «даровитого полководца»² из рода Пястов³.

В годы правления Болеслава Храброго в Великую Польшу поступали не только доходы с внутренних территорий, но и добыча из соседних стран, в особенности пленные, которые доставляли завоевания и грабительские походы. В этой связи уместно вспомнить слова «Повести временных лет» о походе Болеслава Храброго на Русь: «Болеславъ же вниде въ Кыевъ съ Святополкомъ. И рече Болеславъ: «Разведѣте дружину мою по городомъ на покорьмъ». И бысть тако»⁴.

В начальный период истории Польского государства города Великой Польши отличались многолюдностью и богатством. Сравниться с ними зачастую не могли не только города других польских областей (Малая Польша), но и города соседних стран.

Однако после смерти Болеслава Храброго завоевательные походы прекратились, а в середине 30-х гг. XI в. в Польше вспыхнул языческий мятеж, поставивший под вопрос само существование Польского государства. Именно Великая Польша наиболее сильно пострадала от языческого мятежа и во многом по этой причине утратила прошлые позиции. Как отмечает хронист, «золотой век сменился свинцовым. Польша, прежде царица, разукрашенная в сверкающее золото и драгоценности, теперь засыпана прахом во вдовьем одеянии, а звуки кифары сменились печальными знаками, радость – горечью, звуки органа – вздохами»⁵.

Наиболее ярким проявлением «запустения» великопольских городов стало то обстоятельство, что в Гнезно, первой столице Польского государства была утрачена архиепископская кафедра.

Весьма вероятно, что князь (с 1076 г. – король) Болеслав II Смелый (Щедрый) (1058–1079) намеревался перенести архиепископскую кафедру в новую (со второй половины 30-х гг. XI в.) столицу Польши – Краков. Однако этому помешал вспыхнувший после коронации Болеслава II королевской короной его конфликт с краковским епископом Станиславом.

Источники не дают ясного ответа на вопрос о причинах этого конфликта, хотя можно предположить, что в нём нашла отражение разгоревшаяся тогда в западно-христианском мире борьба светской и церковной властей за политическое верховенство. Великопольская хроника рассказывает об этих событиях следующее: «Святой Станислав, краковский епископ, видя, что Болеслав, как бешеный зверь, бросается на овец, что от меча тирана льется кровь невинных, что права супружеского ложа попираются, поскольку страх перед богом исчез, что сам Болеслав, забыв о королевском достоинстве, пренебрегает справедливостью, спешит к нему с отеческими увещеваниями и затем отказывает ему в праве посещать церковь. А тот, забыв об отеческих наставлениях и прибавляя к своим грехам еще большие, жестокой рукой своим мечом убивает святого мужа, совершающего мессу в капелле св. Михаила на Скальце, а затем, вытащив его из капеллы, четвертует»⁶.

Исследователи склоняются к мнению о том, что жестокая расправа с епископом Станиславом была связана с его властными притязаниями. При этом епископ, по всей вероятности, сумел заручиться поддержкой части военно-служилой знати, недовольной тем местом, которое она занимала в структуре государственной власти при Болеславе II.

Против восстановления Гнезненского архиепископства действовал помимо отмеченных обстоятельств и ряд других факторов. Безусловно, в восстановлении Гнезненского архиепископства не были заинтересованы германские императоры, надеявшиеся использовать церковные институты для утверждения зависимости Польши от Священной Римской империи. Пример Чехии, которая до 1344 г. оставалась в зависимости от Майнцского архиепископа, был очень наглядным и показательным. Северные и восточные архиепископства Германии развернули в это время энергичную миссионерскую деятельность в землях полабских и прибалтийских славян, и это способствовало укреплению их статуса и авторитета в глазах императоров и римских первосвященников.

Восстановлению Гнезненского архиепископа препятствовали также и те силы, которые

вызревали внутри Польши. Польша в первые десятилетия XII в. всё глубже погружалась в состояние политической раздробленности.

Тем не менее постепенно жизнь в разорённые в 30-е гг. XI в. города Великой Польши возвращалась. Определённое преимущество сохранялось за городом Гнезно, который в исторической памяти продолжал рассматриваться как коронационный город. И возрождение Великопольского региона определялось во многом теми же факторами, которые в своё время вызвали к жизни основание города Гнезно.

Укреплению международно-правового статуса Польского государства существенно способствовало вмешательство Болеслава II во вспыхнувший в 70-е гг. XI в. спор за инвестиру между императором Священной Римской империи Генрихом IV и папой Григорием VII, который имел важное значение для всего дальнейшего развития стран Западной и Центральной Европы.

Приняв в споре сторону папы, польский правитель добился серьёзных успехов: пользуясь поддержкой апостольского престола, он в 1072 г. объявил о независимости Польского государства от империи и отказался выплачивать дань императору. Когда же в 1074 г. Болеслав II заявил о признании Польского государства леном папского престола, это не было связано со сколько-нибудь обременительными обязательствами, однако привело к важным последствиям: в 1075 г. в Польшу прибыл папский легат, который подтвердил нерушимость статуса Гнезненского архиепископа, а 25 декабря 1076 г. с благословения папы Григория VII Болеслав II был коронован королем Польши.

Обряд коронации состоялся в древней польской столице – Гнезно, в кафедральном соборе Успения Пресвятой Девы Марии, для чего он был восстановлен из руин⁷ и вновь приобрёл великолепное убранство.

В этот период города Великой Польши сначала были восстановлены после разорения и постепенно вновь обрели основы для стабильного существования и дальнейшего развития. Поскольку грабительские походы польских правителей ушли в прошлое, основу благосостояния военно-служилой знати стали составлять систематические налоги, собираемые с польского населения. Гроды Великой Польши, утратив роль главных центров Польского государства, превратились в его местные локальные опорные пункты.

Как и повсеместно, они являлись не только очагами концентрации военно-служилой знати, но также и пунктами сосредоточения торгово-ремесленного населения, которое составляли служилые люди, в значительной части ремесленники, занятые обеспечением насущных потребностей знатных обитателей гродов⁸. И хотя условия для возникновения устойчивого рыночного

обмена между городом и деревней во второй половине XI в. ещё не существовало, постепенно стали складываться предпосылки, способствующие этому процессу. Перемены состояли в развитии сельскохозяйственного производства, а также в усилении процессов внутренней колонизации, в изменениях, происходивших в самосознании представителей военно-служилой знати.

XII в. принёс важные перемены в развитие польских земель. Их наиболее ярким предвестником стало возрождение гнезненского архиепископства в 1136 г. Решение о восстановлении польской епархии принималось с большим трудом и было принято в результате борьбы различных сил. Одним из главных действующих лиц выступал при этом Норберт Ксантейский – архиепископ Магдебурга⁹. Он предпринял ряд решительных действий для подчинения польской церкви Магдебургской епархии. В 1133 г. по его настоянию папа Иннокентий II издал буллу, которая утверждала главенство Магдебургского архиепископства над Польской церковью¹⁰. Однако со смертью Норберта положение изменилось. В результате совместных дипломатических усилий польского князя Болеслава III Кривоустого и гнезненского епископа Якуба из Жнина папой Иннокентием II в 1136 г. была издана новая булла, в которой вновь устанавливалась независимость Гнезненской церкви от Магдебургского архиепископства. В силу её особой значимости к булле была приложена золотая печать, и в исторической литературе этот документ принято называть Золотой Гнезненской буллой 1136 г.

Основное содержание этого документа составляли предписания, связанные с заботами об обеспечении материальных основ существования Гнезненского архиепископа, о чем папа заявляет в преамбуле: «Поскольку мы знаем, что королевство Польское расположено в удаленных частях мира, то тем более благосклонное участие подобает ему уделять и оказывать покровительство и апостольскую защиту, а также необходимо обеспечивать защиту власти»¹¹.

В Золотой булле были перечислены несколько провинций (областей Польского государства, будущих удельных княжеств), находившихся в распоряжении архиепископства 24 деревни и 237 служилых людей. В составе дарения нет ни одного пожалованного архиепископству города, поскольку последние являлись центрами административного управления прилегающими к ним округами и являлись главными средоточиями княжеской власти. В ней были зафиксированы все доходы и налоги, которые церковь получает с этих земель и от этих зависимых людей. Упоминаются подати, взимаемые в натуральной форме: десятины хлеба, меда, железа, присутствуют сведения о промыслах: охоте, рыболовстве, виноградарстве, а также провозные и рыночные пошлины.

Восстановление архиепископства сыграло очень важную роль для дальнейшего развития

великопольского региона, в том числе экономического. Во-первых, сам архиепископский двор был крупным потребителем продуктов сельского хозяйства и ремесла. Во-вторых, в города Великой Польши стали направляться средства римской курии, сюда вновь устремились потоки миссионеров, рыцарей.

В 1138 г. произошло событие, которое принято считать началом нового периода польской истории – удельного, когда согласно завещанию Болеслава III Кривоустого Польша была разделена на несколько уделов между его сыновьями. Как повествует хронист, «когда он (Болеслав III. – М. Л.) почувствовал приближение кончины, утомленный более тяжестью сражений, нежели годами, и зная, что он выполнил долг, предназначенный судьбою, приказывает написать завещание, по которому делит свое королевство между четырьмя сыновьями. Владиславу, первенцу, он предписывает правление в [землях] Кракова, Серадза, Ленчицы, Силезии, на Поморье; Болеславу Кудрявому отдает Мазовию, Куявию и хелминскую каштелянию; Мешко – Гнезно, Познань и Калиш с окрестностями; Генриху первому – Сандомир и Люблин, равным образом отдает провинции и княжества в соответствии с границами, некогда окружавшими упомянутые провинции»¹².

Можем отметить, что, согласно завещанию Болеслава Кривоусутого, принципа равенства при разделе владений не было. Старшему сыну в княжеском роде принадлежал центральный удел с городами, значительно более развитыми в экономическом плане или имеющими важное значение в политической жизни. При этом права младших братьев ограничивались: они должны были подчиняться старшему в роде. Если говорить о городах в этих землях, то наиболее выгодные территории получал старший сын, Владислав, а также Мешко. Характерно, что названия городов во владениях Болеслава Кудрявого даже не перечислены, поскольку в сравнении с городами Великой Польши они играли не столь значимую роль.

Первоначальный замысел Болеслава Кривоусутого не был достигнут: после его смерти Польша вступила в период глубокой политической раздробленности, которая характеризовалась усилением городов и отдельных областей, на которые опирались князья в борьбе с центральной властью.

Удельный период польской истории был отмечен важными изменениями в судьбах городов. Анализ характера этих изменений требует специального рассмотрения.

Таким образом, обозначенный период стал важным этапом средневекового развития городов Великой Польши. Как и другие города страны, они являлись в это время военными, административными центрами, важнейшими очагами духовной и экономической жизни. Особенностью

исторической судьбы городов Великой Польши было то, что для Гнезно, Познани и Калиша, в отличие от городов других областей страны, рассматриваемый период не был столь очевидным периодом подъёма и упрочения основ городской жизни, поскольку в начальный период истории Польского государства они выступали в роли его главных центров, значительно превосходивших все остальные города и протогородские поселения страны.

Примечания

- ¹ См.: *Тржешитик Д.* Средневековая модель государства периода раннего феодализма // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 124–133.
- ² См.: *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М., 1957. С. 151.
- ³ См.: *Галл Аноним.* Хроника и деяния князей польских / вступ. ст., пер. и коммент. Л. М. Поповой. М., 1961. С. 38.
- ⁴ См.: *Лаврентьевская Летопись* // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 62.
- ⁵ См.: *Галл Аноним.* Указ. соч. С. 45.
- ⁶ См.: *Великая хроника о Польше, Руси и их соседях* / подгот. к печати: В. Л. Янин. Л. М. Попова, Н. И. Щавелева. М., 1987. С. 74.
- ⁷ *Галл Аноним* красноречиво передает масштаб бедствий, постигнувших Гнезно: «В то время чехи разорили Гнезно и Познань и похитили тело св. Адальберта. Те же, кто спасся от врагов и избежал мятежа своих слуг, бежали за Вислу в Мазовию, и вышеназванные города оставались безлюдными так долго, что в церкви святого мученика Адальберта и святого апостола Петра дикие звери устроили себе логово». См.: *Галл Аноним.* Указ. соч. С. 51.
- ⁸ См.: *Modzelewski K.* Organizacja gospodarcza państwa piastowskiego X–XIII wiek. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdansk, 1975 ; *Флоря Б. Н.* «Служебная организация» и её роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.
- ⁹ См.: *Саксон Анналист.* Хроника / пер. с лат. и коммент. И. В. Дьяконова. М., 2012. С. 247.
- ¹⁰ *Codex diplomaticus majoris Polonia.* URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/doccontent?id=20061> (дата обращения: 27.01.2018).
- ¹¹ Там же.
- ¹² См.: *Великая хроника о Польше, Руси и их соседях.* С. 106.

Образец для цитирования:

Лушина М. Г. Города Великой Польши в середине XI – середине XII века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 319–322. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-319-322.

Cite this article as:

Lushina M. G. Cities of Greater Poland from the Middle of the XI Century to the Middle of the XII Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 319–322 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-319-322.

УДК 94(411).03

ПОРОЧНАЯ АРИСТОКРАТИЯ И ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЕ ТРУЖЕНИКИ ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА

О. В. Яблонская

Яблонская Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Oyablonskii@yandex.ru

Джеффри Чосер – представитель раннегуманистической литературы Англии, сумевший на страницах «Кентерберийских рассказов» отобразить всю панораму общественной жизни Англии XIV века. Его рассказы отражают эпохальные изменения, формирование новых ценностей, новой элиты. Чосер отмечает разложение светской и духовной аристократии, приветствует обогащение и укрепление третьего сословия, связывает с ним будущее своей страны, восхищается тружениками-крестьянами, сохранившими нравственную чистоту в «продажный век» поэта.

Ключевые слова: Чосер, гуманизм, «Кентерберийские рассказы», Англия, Эдуард III, Ричард II, Джон Гонт, Столетняя война, аристократия.

Geoffrey Chaucer's Vicious Aristocracy and Virtuous Workers

O. V. Yablonskaya

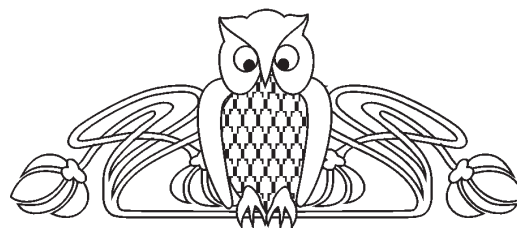
Olga V. Yablonskaya, ORCID 0000-0002-5479-5561, The State University of Nizhni Novgorod Arzamas Branch, 36, Karl Marx Str., Arzamas, 607220, Russia, Oyablonskii@yandex.ru

Geoffrey Chaucer is a representative of an early English humanistic literature, who in his «The Canterbury tales» managed to show the whole panorama of social life in England of the XIV century. His short stories reflect the epochal change, the formation of new values and a new elite. Chaucer notes the degradation of the secular and spiritual aristocracy, welcomes the enrichment and strengthening of the third estate, connects it with the future of their country, admires workers-peasants that preserved the moral purity of the «corrupt age» of the poet.

Key words: Chaucer, humanism, «The Canterbury tales», England, Edward III, Richard II, John of Gaunt, Hundred Years' War, aristocracy.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-323-328

Джеффри Чосер жил и творил в переломную эпоху английской и европейской истории, когда в недрах феодализма зарождались зачатки новых экономических отношений, когда на смену инертной аристократии пришли свободные от феодальных оков трудолюбивые и предприимчивые купцы и ремесленники. Но крупные общественные изменения не проходят безболезненно, сопровождающая их ломка социальной структуры приводит к кризису во всех сферах жизни общества. Особенно ощущались кризисные явления в Англии в последней трети XIV века. Именно в это время достигает наивысшего расцвета творчество

Чосера, когда были написаны прославившие его «Кентерберийские рассказы»¹.

Социально-политическая нестабильность усугублялась действием природных катаклизмов, сопровождавшихся голодом и мором. В 1368 г. страну поразила эпидемия, 1369 г. – неурожай, в 1373–1375 гг. англичане снова пережили испытание мором, следствием чего были высокая смертность и взвинченные цены на продовольствие. Неслучайно 1370-е гг. вошли в английскую историю как «the great dear year»². Ленгленд, описывавший начало 1360-х гг. как счастливейшее время, о последовавшем периоде пишет как о тревожном: «...не приезжали телеги булочников в Лондон из Страттфорда, нищие плакали, а рабочие были поражены ужасом»³. Последствия от мора и голода усугублялись вымогательствами королевских провиантмейстеров⁴ и возобновлением войны с Францией в 1369 г., причем неудачно для Англии. Для войны изыскивались все возможные источники средств⁵, но постоянные поборы и займы не приносили желанных побед, англичане терпели одно поражение за другим. Против королевского двора зрело недовольство. Апогеем противостояния верхов и низов общества стало восстание Уота Тайлера, когда крестьянские массы с оружием в руках выступили против государственной власти и выразили свой протест феодальным устоям. Военные поражения, мятежи, экономический и политический кризис – все это свидетельствовало о разложении политической элиты, неспособности ее к управлению обществом.

Джеффри Чосер происходил из семьи богатых купцов-винооторговцев. В 17 лет стал пажом жены Лионеля, сына короля, затем становится камердинером, оруженосцем Эдуарда III. Чосер получил выгодную должность таможенного надсмотрщика лондонского порта по шерсти, коже и мехам⁶. Особым покровительством поэт пользовался у Джона Гонта. Их объединяли не только интерес к литературе и идеи Уиклифа, но они были связаны родственными узами. Жена Чосера была фрейлиной второй супруги герцога, а свояченица стала третьей женой Ланкастера. Чосер понимал, что близость ко двору не означает принадлежность к кругу высшей знати. Для аристократов образованный сын винооторговца был лишь развлечением, за которое они щедро платили, причем цена его была ниже стоимости породистой лошади⁷. Себя же Чосер в «Кентерберийских рассказах» отождествляет с простыми людьми: «Я грубый человек, ... Я грубо говорю»⁸.

Основными представителями феодальной аристократии в «Кентерберийских рассказах» являются Рыцарь и его сын Сквайр. Их в первую очередь характеризует автор, соблюдая иерархию средневекового общества. Рыцарский дух, проявляющийся главным образом в личной храбрости и чести, в полной мере присущ отцу. Самоотверженный рыцарь – воплощение ценностей уходящего мира воинской аристократии. Он усердный, преданный вассал, человек долга, храбрый солдат, «он был в пятнадцати больших боях»⁹. На поле боя заслужил он право иметь привилегии: «Победой ты стяжал и честь, и славу, и нам нельзя завидовать тебе» – говорит Чосер о таких героях в рассказе о Тезее¹⁰. Он как истинный рыцарь не кичится своим положением, скромн, мягок, «бранью уст своих не осквернял»¹¹. Но на фоне всех этих добродетелей автор подчеркивает его бедность: «Был конь хорош, но сам он не наряден; потерт кольчугой был его камзол, пробит, залатан, в пятнах весь подол»¹². Бедный Рыцарь с его рассказами о выдуманном героическом прошлом выглядит в произведении ненужным в современной жизни атавизмом. Его эпоха ратных подвигов ушла, на смену бескорыстным рыцарям пришел человек-творец, человек-делец, создающий и потребляющий материальные блага.

XIV век был важным переломным столетием в английской истории. Достижения Англии были грандиозными: из отсталой, подчиненной иностранному капиталу страны, она превращается в сильнейшее государство Европы. Всё английское общество приобщилось к товарно-денежным отношениям, заразившись пороками продажного века Чосера – корыстолюбием, расточительством. Ржа стяжательства поразила многих дворян, уничтожив в них лучшие качества. Не похож на самоотверженного, аскетичного рыцаря его сын Сквайр, но в то же время он органично вписывается в современную эпоху потребительства. «Веселый, влюбчивый юнец лет двадцати, кудрявый и румяный» был одет в соответствии с требованиями моды гламурной эпохи короля-дэнди Ричарда II. Сквайр, как и отец, был физически натренирован, умело владел копьем¹³. Чосер утверждает, что он уже неоднократно ходил походом во Францию¹⁴. Но у читателя создается впечатление, что этот франт, озабоченный своей внешностью, тратящий все свои силы на развлечения, способен завоевать только сердце милой дамы, а никак не победить сильного врага. А истинными бойцами были сопровождающие рыцарей и сквайров йомены.

Во время Столетней войны Эдуард III основной костяк армии комплектовал йоменами, вооруженными «большими луками». Французская рыцарская конница и даже генуэзские арбалетчики не выдерживали их натиска. Йомен, «студеным ветром, солнцем опаленный»¹⁵, едущий в компании Рыцаря и его сына, представлен Чосером настоящим оружейным арсеналом. Помимо могучего лука, всегда начищенного, сверкающего,

в любой момент готового к выстрелу на далекое расстояние, он повсюду носит с собой щит, меч, кинжал, ведь с врагом можно столкнуться лицом к лицу и на пути на богомолье. Йомен представляет собой brutальное дополнение изящного сквайра. Читатель, сравнивая его со знатными спутниками, хорошо понимает, кто действительно уничтожал врагов, а кто рассказами о подвигах лишь «милостей любимой добивался»¹⁶. Для аристократов война – это выполнение долга перед сюзереном, это возможность трофеями обеспечить себе роскошную жизнь, рассказами о подвигах завоевать сердце дамы, что мы и видим в образе Сквайра. Для йомена же это была возможность выбраться из нищеты, получить единственный шанс обеспечить достойную жизнь себе и своим потомкам. Чосер не скрывает своего восхищения этим удалцем, превосходящего ратными качествами привилегированное военное сословие.

Жестокость – неотъемлемая часть воинства. Это было всегда. Как бы не симпатизировал Чосер своему Рыцарю и персонажам его рассказа – Тесею, Паламону, Арсите, но не отметить их бессмысленную агрессивность он не может. Это проявляется в подробном описании боев с реками крови, отрубленными частями человеческих тел: «Боец под грудью чует острие... Потоком красным грозно кровь бежит. Здесь кость разбита тяжелой булавою...»¹⁷ Чосер не принимает рыцарского бессмысленного кровопролития, когда брат жаждет убить брата, превзойдя в ярости голодного и загнанного собаками льва¹⁸. Никакая любовь к даме не оправдывает эти убийства! В XIV в. цели войны стали еще более низкими, это уже не столько выполнение рыцарского долга, сколько мелкая жажда наживы. Стерлись различия между грабителем и воинственным аристократом: «С разбойником, как брат родимый, схож, ведь нрав у них по существу все то же»¹⁹. Таким образом, в период Столетней войны стало очевидно, что монополия рыцарства на воинскую доблесть и славу была утрачена. Высокий статус аристократии и связанные с ним привилегии уже не подтверждались их ролью в войне. Аристократия лишилась своей основы: идеологического оправдания.

События Столетней войны подтверждают эту деградацию «лучших» людей страны. Возобновление военной кампании в 1369 г. оказалось неудачным для Англии. Эдуард Черный принц, разорив налогами Пуату, спровоцировал там восстание. В 1373 г. неудача во Франции постигла Ланкастера, который во время рейда растерял армию, так и не вступив в битву с врагом. К 1374 г. Англия лишилась всех юго-западных земель Франции и удерживала лишь прибрежную линию Бордо-Байона. Неудачи во многом были связаны с неумелым командованием и моральным растлением армии, отправляющейся на континент лишь грабить и убивать.

Разложение аристократии проявлялось не только в войне, но и в государственном управле-

нии. Эдуард III, страдая старческим слабоумием, попав под влияние Алисы Перрерс, уже не мог эффективно управлять государством, предоставив его на разграбление жадному окружению. Ослабление монаршей власти привело к обострению борьбы придворных группировок. С 1372 г. фактически правителем государства, «некоронованным королем» стал герцог Ланкастерский²⁰. Его поддерживали богатые лондонские купцы Р. Лайонс, Д. Печ, А. Бер, а также лорд Невиль, чемберлен Латимер²¹, контролировавшие все финансы страны. Ланкастеру противостояла партия, включавшая графа Марча, Эдмунда Мортимера, Генри Перси, епископа Лондона, баронские семьи Стаффордов и Эрунделей, а также среднее и мелкое рыцарство.

В конце апреля 1376 г. Эдуард III, а фактически Ланкастер, испытывая нужду в деньгах, созывают парламент. Нижняя палата выбрала спикером очень популярного в столице рыцаря Герифорда, сенешала графа Марча, Питера де ла Мара²², и развернула войну против королевских приближенных. Пользуясь общим настроением парламентариев, Питер де ла Мар произносит блестящую речь, в которой указал, что король окружил себя советниками и военачальниками, обкрадывающими казну. В субсидии короне было отказано²³. Латимера на этом же парламенте обвинили во взяточничестве, казнокрадстве, предательской сдаче крепостей французам²⁴. Ричарду Лайонсу²⁵, Адаму Беру²⁶ и Джону Печу вменяли в вину мошенничество, «обман короля» и другие финансовые преступления²⁷. «Удалена от короля» была и Алиса Перрерс²⁸. Финансовые отношения связывали обвиненных купцов с самим Гонттом, с А. Перрерс и с Латимером. Таким образом, расследования Доброго парламента показали коррумпированность высшего эшелона государственной власти, в первую очередь партии Джона Гонта²⁹.

Разлагающаяся аристократия, обирающая короля и всю страну, вызвала ненависть у населения, что и привело к восстанию 1381 г. Мятежники виновными во всем считали дурных советников короля, поэтому, пишет Уолсингем, «они поднялись не против короля, а против лордов»³⁰. Ланкастер особенно пострадал во время восстания, его дворец Савой был разгромлен³¹.

Чосер был свидетелем придворной борьбы, дестабилизирующей страну. Но в его произведениях мы не найдем осуждения Ланкастера, который был главным ее участником. Ведь он был его покровителем. Возможно, подачки мещената сделали Чосера близоруким, и он не увидел пороков герцога. Однако за эту близость поэту пришлось пострадать. После победы герцога Глостерского над Ланкастером Чосер оказался без выгодных должностей и средств к существованию. В 1389 г. возмужавший Ричард II вспомнил о великом поэте, сделав его смотрителем королевских поместий и кладовых, но в 1391 г. его снова сместили. Наступило время одиночества и бедности.

Подачками Ричарда II Чосер обеспечивал весьма скромный уровень жизни³², он едва не оказался в долговой тюрьме – спасло королевское заступничество. Лишь в последний год жизни Фортуна вновь улыбнулась ему. Взошедший на трон сын Ланкастера Генрих IV Болинброк приблизил к себе поэта. Но дни Чосера уже были сочтены, он умер в октябре 1400 г.

Эти взлеты и падения, милости и опалы, богатства и нищета позволили Чосеру трезво и объективно оценить высший свет, увидеть его несовершенство. Вероятно, к этому кругу обращены слова поэта: «Увы! Скольких льстецов и прихлебал, что ложью слово правды заглушают, к себе владыки часто приближают»³³. У Чосера много рассуждений об истинном и мнимом аристократизме, деградации дворянства. Он наблюдал, как дети лордов, получив в наследство от отцов своих богатств и власть, низко и бесчестно падали. «Тот благороден, в ком есть благородство, а родовитость без него – уродство» – утверждает автор «Кентерберийских рассказов». Аристократическое происхождение еще не гарантирует наличие аристократического духа, ведь «благородство не в самой природе, оно от бога на людей нисходит»³⁴. Подлинное благородство достигается лишь благими делами.

Еще резче Чосер характеризует духовную знать. Католическая организация погрязла в пороках. Церковный Пристав, чья обязанность следить за нравственностью, является образцом безнравственности: «Прожженный был игрок он и гуляка, лихой добытчик, дерзкий забияка»³⁵. Клирики не стесняются обирать нищих, бедных вдов, «сдирать шкуру с простаков»³⁶. Священнослужители знали, что проповедью и поученьем «народ склонить нетрудно к подношеньям»³⁷. Собранные с народа средства они тратят не на религиозные нужды, а на свои собственные³⁸. Не аскетизм, а гедонизм исповедует духовенство. Своей любовью к земным благам представители клира не только нарушали монашеские принципы, но и мирские законы приличия. Любовь к роскоши представителей клира ярко подмечена Чосером через описание нарядных костюмов и украшений героев. Кокетливая Аббатиса одета в «ладно скроенный плащ»³⁹. Весельчак Монах, ненавидящий «монашеский томительный острог, устав Маврикия и Бенедикта», выглядит как настоящий стилига: плащ «лучшей белкою подбит», «богато вышит и отлично шит, застежку он, как подобает франтам, украсил золотым “любовным бантом”»⁴⁰. Кармелит шеголяет в богатой рясе из лучшего сукна, а «не вытертой монашеской рядницы», в капюшоне у него комплект «булавок, ниток, кружев для своих подружек»⁴¹. Чосер разделял взгляд Уиклифа, что такие монашеские ордена, приносящие лишь вред обществу, должны быть запрещены⁴². Священники должны жить по Писанию, сверять по нему свою жизнь, и учить этому других людей⁴³.

Церковники, думающие лишь о земных удовольствиях, предпочитают водить дружбу не «с

нищими и бедняками», «а с торговцами да с богачами». Их грехи они всегда отпускали, «коль не скупилась грешника рука»⁴⁴. Неудивительно, что жулик-кармелит предпочитает компанию Купца, а не бедного Пахаря или приходского Священника.

Купцы, разбогатевшие в XIV в. на заморской торговле, выгодной военной конъюнктуре, ростовщичестве, возросшем ремесленном производстве, играют в эпоху Чосера особенно важную роль. Богатые торговцы спонсировали военные кампании⁴⁵, отстраивали города, налаживали хозяйственную жизнь страны. Купцы находились на службе короля, представляя собой «совершенную» группу, располагавшуюся на уровне непосредственной близости к центру⁴⁶. Английская история эпохи Чосера сохранила на века имена многих великих деятелей купеческого происхождения. Это «Король Лондона» и победитель пиратов, бакалейщик, Дж. Филпот⁴⁷, усмиритель Уота Тайлера, рыботорговец, У. Уолворт, знаменитые своей благотворительностью «Цветок купчества» Дик Уиттингтон⁴⁸, Адам Фрэнси⁴⁹ и другие. Чосер, сын винооторговца, понимал, что именно такие богатые, деятельные граждане обеспечивают процветание страны, а не нищие аристократы. Поэт прославляет этих неутомимых тружеников, обеспечивающих жизненными благами все государство.

В произведениях Чосера торговцы встречаются довольно часто, в том числе им является один из главных персонажей кентерберийских историй. Автор кратко, но содержательно характеризует его. Купец не только торгует, но занимается ростовщичеством, обменом денег. За умение вести сложные денежные и кредитные операции он «пользовался ото всех почетом»⁵⁰. Вся жизнь коммерсантов – это продажи, покупки, счета и пересчеты, «нет времени у них для лишних слов – не то чтоб выпить иль повеселиться»⁵¹. Торговцы обладали широким кругозором, ведь им приходилось путешествовать по всему миру. Султан в «Кентерберийских рассказах» всегда рад послушать их истории «про берег отдаленный, про нравы и дела чужих краев»⁵². Но при всех достижениях богачей Чосер не может не отметить, что их капиталы получены нечестным путем. Торговцы и сами признают, что обман является главным способом обогащения⁵³. Мнение Чосера разделяли Ленгленд⁵⁴ и Гауэр⁵⁵, утверждавшие, что коварство и обман – вот главное оружие купцов. Вся жизнь их направлена на накопительство, даже в пути к святым мощам Купец толкует лишь о том, «как сберечь доход»⁵⁶.

Порочных торговцев «кормляют» еще более порочные клирики. Купцы способны еще осознать свою греховность и с удовольствием принимают в свою компанию пастырей, не скупясь на оплаты религиозных треб. Но вряд ли жуликоватый монах поможет их спасению, наоборот, наблюдая стяжательство, разврат церковников, можно было лишь обрасти новыми пороками, а не избавиться

от старых. Выполняет великую спасительную миссию только бедный Приходской священник, работающий с бедняками. Но бедные труженики, живущие по заповедям, оставлены бесами в покое, на них им «нечем поживиться»⁵⁷. А вот подсудность аду угрожает процветающим богачам, опекаемым развращенным духовенством.

Чосер, обличая пороки священников, не призывает, по-Вольтеровски «Écrasez l'infâme!» («Раздавить гадину!»). Критика действующих церковных порядков еще не вносит поэта в лагерь неутомимых и беспощадных борцов с католичеством, этому еще не пришло время. Чосер лишь хотел, чтобы и в богатые лондонские приходы пришли бедные священники и помогли купцам и ремесленникам в создании счастливой жизни, наполненной глубоким смыслом и радостным творчеством.

На контрасте с пороками светской и духовной знати выигрышно высвечиваются добродетели простых людей. Материальные блага, обладанию которыми так стремились представители всех слоев, создавались простыми тружениками – крестьянами, ремесленниками, перевозились рискованными купцами и отчаянными шкиперами. Век Чосера наполнен грандиозными событиями и процессами – Черная смерть, Столетняя война, восстание Уота Тайлера, виклифизм, позволившими простым крестьянам и горожанам по-новому посмотреть на себя и свою роль в жизни общества. Эти люди, выдержавшие испытания чумой, одержавшие победы на полях сражений, заработавшие капиталы рискованной заморской торговлей, осознали свою значимость и в своей жизни, и всей страны⁵⁸.

В богомольческой процессии в одной группе едут Красильщик, Плотник, Шапочник, Ткач, Обойщик. Принадлежность к своей профессиональной корпорации они подчеркивают «одеждой пышной цехового братства»⁵⁹. Каждый из них является мастером в своем деле, и высокое мастерство приносит им хороший доход, уважение в обществе. Чосер относится к ним с большим уважением, ведь их богатство, в отличие от купцов, получено самым достойным образом – честным трудом. Но сами они еще не осознали свою важность в обществе, поэтому «не пускались вскачь» рядом с Купцом и Рыцарем⁶⁰.

Наиболее колоритным персонажем среди богомольцев является Батская ткачиха, прославившаяся вместе с другими труженицами своим мастерством родной город и всю Англию⁶¹. Батская ткачиха – сильная, независимая женщина, ни в чем не уступающая мужчинам. Чосер, судя по тому, с какой любовью и веселым смехом описывает эту Бой-бабу, приветствует исторически оправданную эмансипацию женщин. Батская ткачиха – яркий образ чувственности, в ее уста Чосер вложил настоящий гуманистический гимн плотским чувствам: «Звезда моя велит неугомно не подавлять того, к чему мы склонны... Не

признаю любви я робкой, скрытой, а голод утоляю я досыта...»⁶² Более того, ткачиха справедливо возмущается тем, что у дворянства право на проявление чувства, в том числе через предательство брачного ложа, никогда не осуждалось: «Когда миледи согрешит в постели, меж ней и девкой разница в одном: ее любовника зовут “дружком”,... а девка с хахалем сойдут в могилу, позоримы прозванием своим. Не лучше ль словом грубым и одним равно обеих грешниц называть, и в слове том поступок их сравнять?»⁶³ Конечно, Чосер не был сторонником адюльтера, но вместе со своей героиней он осуждает двойные стандарты в любви для знати и простолюдинов.

Любовь, преданность, семья – для поэта это высшие ценности. Их свято оберегает бедная вдова в рассказе монастырского Капеллана. Жила она с двумя дочерьми в ветхой лачуге, едва сводя концы с концами: «Лишь черное да белое шло в пищу»⁶⁴. Вся жизнь ее в работе и в заботах, но тяжкий труд лишь укрепил бедную женщину⁶⁵. Среди этих невзгод, она сохраняет жизнерадостность, «в праздник поплясать подагра не могла ей помешать»⁶⁶. Чосер с большим почтением относится к ней, без «ропота на горе и невзгоды»⁶⁷ принявшей вдовью долю.

Поэт идеализирует сельскую жизнь, где дни текут, заполненные нелегким, но благостным трудом, крестьяне питаются дарами земли, живут в ладу с собой, с природой, с божьей волей⁶⁸. Такой крестьянкой была героиня студенческого рассказа – добродетельная красавица Гризельда, дочь бедняка Яниколы⁶⁹. Она смогла не утратить нравственную чистоту, став женой богатого маркграфа⁷⁰.

Эталоном добродетелей является еще один крестьянский персонаж Чосера – бедный Пахарь. На контрасте с богатыми спутниками, разодетыми в нарядные костюмы, крестьянин едет с заплатами на штанах на заморенной кляче. Но убогость внешнего вида не принижает его достоинства, он богат терпением и душой⁷¹. Пахарь называется Чосером братом бедного священника. Он не грешит, помогает ближним своим, смирен, тих, неприхотлив. На таких, как Пахарь и приходской Священник, считает Чосер, держится мир – один кормит всех, а другой спасает от грехов.

Таким образом, придворный поэт, эсквайр Эдуарда III и приближенный Ланкастера смог понять и принять кардинальные изменения в общественной системе Англии. Было очевидно, что рыцарская доблесть утратила свое значение, рыцари оказались не у дел или же деградировали в развлечениях, роскоши, растеряв свои воинские качества. Тем самым они потеряли свое право на привилегированное положение. Эпоха благородных аристократов ушла, ей на смену пришло время мирной созидательной деятельности. Как истинный гуманист, автор «Кентерберийских рассказов» приветствует человека-творца, создающего материальные блага, понимая, что материальный рост – это проявление прогресса

человеческой мысли, его силы и воли. Но Чосер видит и недостатки новой потребительской цивилизации. Духовная и светская знать к своим прежним порокам – жестокость, туеядство, расточительство, присоединила еще и новые – алчность, продажность. Чистоту и добродетельность смогли сохранить только бедные крестьяне. Что касается ремесленников и кушцов, то к их грехам поэт более снисходителен. Ведь они получили богатство своим трудом, пусть и сопряженным иногда с обманом.

Примечания

- ¹ Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. М., 1975.
- ² Carus-Wilson E. M. Medieval Merchant Ventures. L., 1967. P. 252.
- ³ The Vision of William Concerning Piers the Plowman / ed. W. W. Skeat. Oxford, 1886. P. 402.
- ⁴ Грин Д. Р. История английского народа : в 2 т. М., 1891–1892. Т. I. С. 358.
- ⁵ В 1371 г. правительство кроме обычной субсидии просит еще и чрезвычайную эйд. Нижняя палата парламента согласилась предоставить 50000 ф. при условии, что без согласия парламента не будет вводиться новая таксация на шерсть. См.: Tout T. E. History of England from the accession of Henry III to the death Edward III (1216-1377). N. Y., 1930. P. 433. В том же году узаконили на два года сбор «фунтовой» и «бочечной» пошлины. Кроме того, не поскупились и местные богачи, предоставив крупные займы короне. В 1373 г. Ланкастер, для пополнения казны и компенсации убытков неудачно проведенной им экспедиции, предлагал повысить обычный налог, но парламент отверг это предложение. См.: Stow J. Annales of England. L., 1601. P. 427.
- ⁶ Survey of London : Vol. 15 / eds. G. H. Gater, W. H. Godfrey. L., 1934. P. 31-43. URL: British History Online <http://www.british-history.ac.uk/survey-london/vol15/pt2/pp31-43> (дата обращения: 26.12.2017).
- ⁷ Король выкупил поэта из плена за шестнадцать ливров, а за двух лошадей он заплатил сто двадцать ливров. См.: Кашкин И. А. Джеффри Чосер // Статьи и исследования. М., 1977. URL: <http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/kashkin-choser.htm> (дата обращения: 20.12.2017).
- ⁸ Чосер Дж. Указ. соч. С. 483.
- ⁹ Там же. С. 34–35. Возможно, этот образ списан с Генриха Болингброка, сын Джона Гентского, покровителя Чосера.
- ¹⁰ Там же. С. 57.
- ¹¹ Там же. С. 35.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 36.
- ¹⁶ Там же. С. 35.
- ¹⁷ Там же. С. 97.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 483.

- ²⁰ *Stow J.* Op. cit. P. 426. Джон Гонт, четвертый сын Эдуарда III, был богачом. В его дружине было 132 сквайра, 125 рыцарей. См.: *Steel A.* Richard II. Cambridge, 1941. P. 20.
- ²¹ *Taut T. F.* Op. cit. P. 433–435.
- ²² *Chronicon Anglie 1328–1388. Auctore Monacho quodam Sancti Albani* / ed. E. M. Thomson // *Rerum Britannicarum Medii Aevi Scriptores, or Chronicles and Memorials of Great Britain and Ireland during the Middle Ages.* L., 1874. P. XLI.
- ²³ *Ibid.* P. 72–75, 391–392.
- ²⁴ *Ibid.* P. 76, 391.
- ²⁵ Лайонс погиб в 1381 г. во время восстания Уота Тайлера. См.: *Memorials of London and London Life in the XIII, XIV and XV centuries* / ed. H. Th. Riley. L., 1868. P. 450.
- ²⁶ Когда мэром был Бер, Чосер приобрел особняк в Олдгейте в Лондоне в 1374 г. // *Calendar of Letter-Books of the City of London : G, 1352–1374* / ed. R. Sharpe. L., 1905. P. 327–334. URL: [British History Online http://www.british-history.ac.uk/london-letter-books/volg/pp327-334](http://www.british-history.ac.uk/london-letter-books/volg/pp327-334) (дата обращения: 25.12.2017).
- ²⁷ *Chronicon Anglie 1328–1388.* P. 93–94 ; *Rotuli Parliamentorum.* L., 1835. Vol. II. P. 330, 332.
- ²⁸ *Stow J.* Op. cit. P. 429.
- ²⁹ В 1377 г. Ланкастер взял реванш. Еще осенью 1376 г. он отправил в тюрьму Ньюгейт Питера де ла Мара, где тот пробыл до смерти Эдуарда III. А Генри Перси герцог смог привлечь на свою сторону, подкупив должностью маршала. См.: *Chronicon Anglie 1328–1388.* P. 103, 108.
- ³⁰ *Chronicle of London* / ed. Ch. L. Kingsford. L., 1977. P. 15.
- ³¹ *Memorials of London and London Life.* P. 449 ; *Chronicon Anglie 1328–1388.* P. 288–289.
- ³² *Rymer's Foedera.* Vol. 8 / ed. T. Rymer. L., 1739–1745. P. 46–65. URL: [British History Online http://www.british-history.ac.uk/rymer-foedera/vol8/pp46-65](http://www.british-history.ac.uk/rymer-foedera/vol8/pp46-65) (дата обращения: 25.12.2017).
- ³³ *Чосер Дж.* Указ. соч. С. 230.
- ³⁴ Там же. С. 191.
- ³⁵ Там же. С. 49.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 51.
- ³⁸ Там же. С. 37.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. С. 37–38.
- ⁴¹ Там же. С. 39.
- ⁴² *Чугунова Т. Г., Новикова А. М.* Sola Scriptura в трактате Дж. Веклифа «Как антихрист и его слуги стараются разрушить Священное Писание» // *Анализ современных тенденций развития науки* : сб. ст. : в 2 ч. Ч. 2. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2017. С. 98–99.
- ⁴³ *Веклиф Дж.* Зерцало об Антихристе. Как антихрист и его слуги уведут истинных священников от проповеди Евангелия Христа четырьмя неправдами / перевод и вступ. статья Т. Г. Чугуновой // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* 2013. Вып. 43. С. 375.
- ⁴⁴ *Чосер Дж.* Указ. соч. С. 39.
- ⁴⁵ За период правления Эдуарда III было введено 11 обычных налогов и 7 чрезвычайных эйд. См.: *Роджерс Д. Э. Т.* История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX вв. / пер. В. Д. Коткова. СПб., 1899. С. 160.
- ⁴⁶ *Чернова Л. Н.* Правящая элита Лондона XIV–XVI веков : иерархия статусов и власти // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2015. Т. 15, вып. 3. С. 52.
- ⁴⁷ *Chronicon Anglie 1328–1388.* P. LXI.
- ⁴⁸ *Яблонская О. В.* «Self-made man» средневекового Лондона // *Cursor Mundi : человек Античности, Средневековья и Возрождения.* 2011. № 4. С. 6–22.
- ⁴⁹ *Чернова Л. Н.* Лондонский купец второй половины XIV века : деловые интересы, круг общения, судьба // *Вестн. ВГУ. Сер. : История. Политология. Социология.* 2016. № 2. С. 120–124.
- ⁵⁰ *Чосер Дж.* Указ. соч. С. 40.
- ⁵¹ Там же. С. 191–192.
- ⁵² Там же. С. 155.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ *The Vision of William's Concerning Piers the Plowman.* P. 101.
- ⁵⁵ *Gower J.* The Mayor Latin Works of John Gower Introduction by W. Stockton. Seattle, 1962. P. 760.
- ⁵⁶ *Чосер Дж.* Указ. соч. С. 40.
- ⁵⁷ Там же. С. 307.
- ⁵⁸ *Яблонская О. В.* Демократический гуманизм Джеффри Чосера // *World Science : Problems and Innovations* : сб. ст. XV Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 ч. Пенза, 2017. Ч. 4. С. 35.
- ⁵⁹ *Чосер Дж.* Указ. соч. С. 42.
- ⁶⁰ Там же. С. 42–43.
- ⁶¹ Там же. С. 45.
- ⁶² Там же. С. 279.
- ⁶³ Там же. С. 483.
- ⁶⁴ Там же. С. 217.
- ⁶⁵ Там же. С. 218.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. С. 217.
- ⁶⁸ *Яблонская О. В.* Простые люди чосеровской Англии // *Политическая жизнь Западной Европы : античность, средние века, новое и новейшее время* : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Р. Панова. Арзамас, 2017. С. 19.
- ⁶⁹ *Чосер Дж.* Указ. соч. С. 336–337.
- ⁷⁰ Там же. С. 340.
- ⁷¹ Там же. С. 47.

Образец для цитирования:

Яблонская О. В. Порочная аристократия и добродетельные труженики Джеффри Чосера // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2018. Т. 18, вып. 3. С. 323–328. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-323-328.

Cite this article as:

Yablonskaya O. V. Geoffrey Chaucer's Vicious Aristocracy and Virtuous Workers. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 323–328 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-323-328.

УДК 94(415).05

КОРОЛЕВСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И ПОГРАНИЧНЫЕ КЛАНЫ НА АНГЛО-ШОТЛАНДСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ В 1525–1527 ГОДЫ

А. А. Бельцер

Бельцер Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документоведения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, abelhist@yandex.ru

Работа посвящена англо-шотландскому пограничью в 1525–1527 гг. На примере политики по отношению к жителям Тайндейла и Риддесдейла рассмотрены мероприятия короны в пограничных землях в этот период. По мнению автора, радикальных изменений в указанной области не произошло. Основным способом умиротворения горцев оставались строгое наказание за преступления, карательные походы, взятие заложников, требование от шотландской администрации выдачи преступников. Однако, как и раньше, эти меры успеха не принесли. Сохранялась военная угроза со стороны Шотландии и отсутствовало взаимопонимание между администрацией и местным дворянством. Поэтому радикальных шагов в отношении горцев предпринять не удалось, и ситуация с ними не изменилась.

Ключевые слова: англо-шотландское пограничье, Тайндейл, Риддесдейл, Нортумберленд, Камберленд.

The Royal Administration and the Border Clans on the Anglo-Scottish Borders in 1525–1527

A. A. Beltser

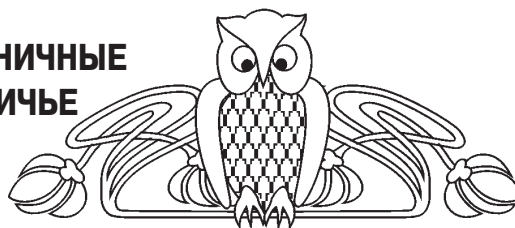
Alexander A. Beltser, ORCID 0000-0002-3545-4948, Samara National Research University, 34, Moskovskoye Shos., Samara, 443086, Russia, abelhist@yandex.ru

The paper is devoted to the Anglo-Scottish border in 1525–1527. The policy in relation to the inhabitants of Tynedale and Redesdale was taken as an example of considered actions of the Crown in the border lands during this period. According to the author, radical changes in this area have not occurred. Harsh punishment for crimes, punitive campaigns, hostage-taking, the request of extradition from the Scottish administration remained the main ways of pacification of highlanders. However, as before, these measures were unsuccessful. Military threat from Scotland continued and there was no understanding between the administration and the local nobility. Therefore, radical steps against the highlanders failed and the situation has not changed.

Key words: Anglo-Scottish border, Tynedale, Riddesdale, Northumberland, Cumberland.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-329-333

Короткий период 1525–1527 гг. занимает особое место в повествованиях об английском северном пограничье эпохи первых Тюдоров. Под пером многочисленных историков этот временной отрезок предстает либо преддверием

институциональных изменений в управлении северными землями, последующих десятилетие спустя, либо временной попыткой решить сиюминутные сложности с персоналом королевской администрации.

Действительно, в 1525 г. был смещен с должности многолетний страж пограничья Томас, барон Дакр. Несмотря на то что его оценки у современников и потомков расходятся полярно, с ним в прошлое ушла эпоха. Был ли Дакр «бароном-разбойником», «неэффективным администратором» или, наоборот, надежной защитой пограничья, павшей жертвой непонимания в Лондоне реалий пограничных земель – в любом случае на протяжении четверти века он являлся одной из ключевых фигур Северной Англии.

Формальным поводом для отставки Дакра послужили обвинения от дворян Нортумберленда в пособничестве разбойным нападениям жителей Тайндейла и Риддесдейла. Таким образом, отношения с горными кланами и неудачи в налаживании отношений с дворянством Средней и Восточной марки оказались теми подводными камнями, о которые и споткнулся барон. Удалось ли его ближайшим преемникам решить эти важные, можно сказать, ключевые проблемы? Какими методами они и корона пытались решить их? Можно ли говорить о каких-то новациях в политике в пограничных землях в эти годы? Не прошло и двух лет после смещения Дакра, как власть в пограничье вернулась к представителям местной знати. Сын Томаса Дакра, Уильям, 4-й лорд Дакр, стал стражем Западной марки; Генрих Перси, граф Нортумберленд, – стражем Восточной и Средней марки. Был ли это отказ от королевской политики, нацеленной на отстранение аристократии от власти? На эти вопросы мы и попытаемся ответить, сосредоточившись на политике по отношению к жителям Тайндейла и Риддесдейла, тем самым горным кланам английского Севера.

Тайндейл и Риддесдейл, два иммунитета на англо-шотландской границе, на протяжении средневековья неоднократно оказывались в руках то английского, то шотландского монарха¹. Англо-шотландские войны XI–XIII вв., казалось, завершили размежевание двух королевств. Однако начало войн за независимость привело к тому, что вновь пограничные земли оказались жертвами как мелких набегов, так и крупных вторжений. Тайндейл и Риддесдейл оказались в эпицентре этих событий. Постоянные разорения

привели к тому, что занятия мирным трудом стали невозможны. Имунитеты и раньше давали прибежище разбойникам, и их жители пользовались дурной славой. Под влиянием войн разбой стал основным занятием их обитателей, социальная организация упростилась и стала клановой.

К концу XV в. горцы Тайндейла и Риддсдейла превратились в серьезную военную и политическую силу. Наличие значительного числа воинов, которых можно было быстро мобилизовать, тесные связи с такими же кланами, но с шотландской стороны границы, все это заставляло считаться с ними и королевскую администрацию, и местных жителей. С одной стороны, горцы своими набегами разоряли английские приграничные земли, объединяясь в этом несправедном деле и со своими шотландскими сородичами. С другой стороны, они представляли значительные вооруженные отряды в английскую армию. В результате английская администрация не могла проводить последовательную политику в их отношении. Томас, барон Дакр, генеральный страж пограничных марок в 1511–1525 гг., не пользовался популярностью у дворян Нортумберленда, не имел там прочных корней и обширных владений. Он не мог рассчитывать на энтузиазм местного дворянства, поэтому еще больше зависел от той военной силы, которую могли предоставить горцы. В обмен на военную помощь Дакр, судя по всему, периодически закрывал глаза на «проказы» клансменов. Попустительство разбоям вызывало недовольство дворян и пограничной администрации. Совместными усилиями им удалось добиться отставки Дакра. Генеральный страж предстал перед судом, был признан виновным, смещен со всех постов, оштрафован и подвергнут тюремному заключению.

Дакр был низложен, но проблемы, связанные с активностью жителей Тайндейла и Риддсдейла, остались. Значительную роль в информировании Уолси о ситуации в приграничных землях играл канцлер епископа Даремского Уильям Франклин. Он неоднократно доносил о бесчинствах разбойников и нежелании Дакра бороться с ними. Франклин продолжал отправлять Уолси донесения и в дальнейшем. Судя по ним, разбойная активность жителей Тайндейла и Риддсдейла после процесса над Дакром не только не снизилась, но, наоборот, возрасла. Уже 30 марта 1525 г. Франклин писал, что «люди взволнованы разбойниками, проживающими в Тайндейле, которые объединились с жителями Бьюкастлдейла и Гилсленда, и с изгнанниками из Англии и Шотландии, и насчитывают 400 человек и более»². 28 марта несколько сот человек, включающих в себя не только английских горцев, но и выходцев из Шотландии, пограбили окрестности Ньюкасла³.

Впрочем, по мнению Франклина, виной тому был опять-таки Дакр. Франклин считал, что все разбойные нападения должны заставить

короля считать, что после смещения барона стало только хуже, и восстановить его в должности. Более того, сторонники барона, как сообщает в одном из писем Франклин, распускают слухи, что Дакр скоро вернется на свой пост, из-за чего и происходят нападения⁴. Создается впечатление, что Уильям Франклин был крайне незаинтересован в сохранении Дакра в должности.

Виноват или нет был Дакр в бесчинствах жителей Тайндейла, какие-то меры предпринимать было необходимо. В первую очередь, на церкви Тайндейла был наложен интердикт⁵. Мера эта была уже не новая, жители разбойных регионов периодически отлучались от церкви. Разбоев эта мера не прекращала, хотя некоторые из клансменов и могли раскаяться в своих преступлениях⁶. Впрочем, в этот раз интердикт не позволил достичь желаемого. Разбойники похитили из церкви в Беллингаме причастие, бочонок вина и 800 облаток, перенесли их в Тарсет Холл и заставили шотландского священника провести там соответствующую церемонию⁷. Следующей мерой должны были стать военные экспедиции в Тайндейл с последующим размещением на его территории гарнизонов. Наконец, предполагалось потребовать от шотландских властей изгнания разбойников, что нашли там убежище.

Все эти меры были в последующем реализованы. 16 мая Уильям Балмер и Уильям Юр писали Уолси, что они отправили просьбу Шотландскому Королевскому совету не поддерживать тех выходцев из Тайндейла, что скрываются в Шотландии. Такое же письмо было отправлено и графу Ангусу, фактически правившему страной при малолетнем короле. В том же письме от 16 мая сообщалось о размещении гарнизонов в Тайндейле – в Тарсет Холле, Чипчейзе и Хеслисайде. В общей сложности численность гарнизонов составляла 200 человек⁸. Однако ситуацию радикально исправить эти мероприятия не смогли. Так, в течение мая – июня 1525 г. объединенные банды шотландских и английских горцев грабили и разоряли пограничные земли, невзирая на присутствие гарнизонов⁹. Английские власти совершали ответные рейды. В конце июня Уильям Юр произвел набег на Тайндейл и вынудил разбойников подчиниться. В начале июля Уильям Юр и Ральф Фенвик совершили поход в Тайндейл, который носил карательный характер. Как писал Юр в донесении от 8 июля, «мы сожгли их дома, захватили их самих и их скот»¹⁰. Во время этой карательной экспедиции Ральф Фенвик подвергся нападению шотландцев¹¹.

Летом 1525 г. в системе управления пограничными землями произошли изменения. В июне малолетнему бастарду Генриха VIII Генри Фитц Рою были пожалованы титулы графа Ноттингема и герцога Ричмонда¹². Молодой герцог был назначен хранителем Карлайла. Чуть позже герцог Ричмонд был сделан стражем пограничных марок¹³. Герцог был отправлен в северные

земли представлять там интересы короны в качестве Генерального наместника земель севернее р. Трент. Помогать в этом юному Генри Фитц Рою должен был Совет, состоявший из опытных государственных деятелей. Для непосредственного управления пограничными марками были назначены заместители стража в каждой марке. В Западной марке этот пост получил граф Камберленд, в Средней – Уильям Юр, а в Восточной – сначала граф Уэстморленд, а затем Кристофер Дакр. Уильям Юр стал также хранителем Тайндейла и хранителем Риддесдейла, получив, таким образом, судебную и административную власть в этих беспокойных районах¹⁴.

Новая администрация (хотя и состоявшая в основном из людей уже давно занимающих различные посты в пограничье) попыталась навести порядок и добиться торжества правосудия в пограничных графствах. Члены Совета герцога Ричмонда инициировали проведение нескольких заседаний суда ассиз, на которых предстали и выходцы из Тайндейла и Риддесдейла, обвиняемые в различных преступлениях. Так, в августе 1526 г. по решению суда ассиз в Ньюкасле было казнено 16 человек, «в том числе простых кланменов и их предводителей из Тайндейла и Риддесдейла»¹⁵.

Продолжил Совет и старую практику требования от горцев заложников в качестве гарантии их хорошего поведения. Например, 10 октября 1525 г. Уильям Франклин сообщал Уолси о решении перевезти заложников, которых предоставили жители Тайндейла в качестве гарантии хорошего поведения, из Гексама в Шерифхаттон¹⁶. Однако пребывание заложников в графстве Йорк вызывало у Совета беспокойство. По мнению Томаса Магнуса, одного из членов Совета, горцы не должны были иметь возможности ознакомиться с Йоркширом. Размещение же значительного числа заложников в резиденции Совета позволяло жителям Тайндейла получить информацию о графстве, которое было, несомненно, богаче их родных земель и привлекательнее для разбоя. Кроме того, расходы на содержание заложников ложились на плечи непосредственно Совета, чей бюджет и так был ограничен. В то же время нельзя было оставлять заложников и в родном графстве, где им легко могли помочь сбежать. Магнус предложил отправлять заложников из Тайндейла в Берик на Твиде. По его мнению, необходимо было взимать 36 заложников с горцев, по 12 человек 3 раза в год и отправлять их в Берик, где бы они могли и принять участие в защите города, возможно проявив себя не хуже, нежели солдаты из тамошнего гарнизона¹⁷.

Совет герцога Ричмонда старался держать под контролем и отношения с шотландской пограничной и центральной администрацией. Как шотландским стражам пограничья, так и в шотландский королевский Совет регулярно отправлялись предложения о выдаче сбежавших

за границу разбойников, прекращении набегов со стороны Лиддесдейла, чьи жители часто нападали на английские земли совместно с обитателями Тайндейла и Риддесдейла. Кроме того, Совет наблюдал за тем, чтобы не прерывалась рутинная работа пограничной администрации – сбор жалоб на грабежи выходцев с шотландской стороны, встречи с шотландскими чиновниками и обмен жалобами с последующим возмещением ущерба, поимка и наказание разбойников.

В результате работы Совета казалось в пограничные земли наконец-то пришло спокойствие. В английских тюрьмах, особенно в Ньюкасле, накопилось большое количество разбойников, ожидающих суда. Однако в середине 1527 г. Нортумберленд вновь оказался подвержен разгулу разбоя. Горцы Тайндейла и Риддесдейла, заключенные под стражу в Ньюкасле, смогли бежать из заточения. Возглавили их томившиеся в той же тюрьме дворяне из Нортумберленда Уильям Лайл и его сын Хамфри. Уильям Лайл, владеец имунитета Фелтон вблизи Риддесдейла, был опытным воином, многократно отличившимся в схватках с шотландцами. Однако столкновение с шерифом Нортумберленда Уильямом Эллеркером оборвало карьеру Лайла. Недовольный решением, которое Эллеркер вынес в пользу соседа Лайла Роджера Херона, Лайл украл у него скот. Когда шериф попытался вразумить обидчика, то Лайл дерзко ответил ему, заявив, что он так же свободен, как король, и «ни король, ни его должностные лица не могут вторгаться в его иммунитет»¹⁸. Столь же резкие высказывания в адрес властей сэра Уильяма допустил и в перепалке с Роджером Хероном. Херон и Эллеркер воспользовались несдержанностью сэра Уильяма и подали иск в суд Звездной палаты. Дело Уильяма Лайла рассматривалось перед Советом герцога Ричмонда. Лайл вместе с сыном были заключены в тюрьму. Спустя год на заседании суда Ассиз с участием и членов Совета Лайлы были признаны виновными в насильственном вторжении и мятеже. Окончательного приговора они и ожидали в тюрьме Ньюкасла.

Вырвавшись на свободу, Уильям Лайл объявил себя предводителем всех разбойников Англии и Шотландии. В число его сообщников вошли выходцы из числа нортумберлендского дворянства, шотландские горцы из Лиддесдейла (Армстронги) и, конечно, выходцы из Тайндейла и Риддесдейла (Карлтоны, Никсоны, Додды)¹⁹. Это пестрое сборище нашло убежище на территории Шотландии и оттуда совершало набеги на английские пограничные земли. Горцы совершали разбойные нападения не только непосредственно под руководством Лайла, но и самостоятельно. Набеги горцев во главе с сэром Уильямом охватили практически весь Нортумберленд, включая Олнвик, резиденцию Перси, Дарем и Гексам. Разбойники похищали скот, сжигали дома и захватывали заложников.

Совету герцога Ричмонда и должностным лицам пограничной администрации пришлось искать способ поймать разбойников. Они попытались лишить их убежища в Шотландии и с этой целью стали бомбардировать письмами шотландскую администрацию. Все сообщники Лайла были объявлены вне закона. На сессиях суда Ассиз и заседаниях мировых судей горцы подвергались суровым наказаниям. Однако справиться с разбоями не удавалось. В результате корона решила передать пост стража Восточной и Средней марки Генриху Перси, графу Нортумберленду. Нортумберленд решительно принялся за дело. Он отправил своего помощника Роджера Ласселса в Фелтон, родовое владение Лайлов, где тому удалось захватить не только советника Лайлов Алекса Кроухоу, но и с десятком обитателей Тайндейла и Риддесдейла, известных своими разбойными нападениями. Граф провел суд Стража марки в своей резиденции, Олнвике. В ходе заседания были приговорены к казни 14 человек за измену и разбой²⁰. 18 января 1528 г. Нортумберленд отчитывался перед Уолси в том, что он издал прокламацию, призывающую жителей Тайндейла подчиниться, в противном случае они будут убиты на месте поимки, их дома разрушены, а их жены и дети высланы. 500 жителей Тайндейла пришли к графу и преклонили колени, отдаваясь на его милость. Точно так же выразили готовность подчиниться и жители Риддесдейла. С теми, кто отказался подчиниться, граф и его люди поступали так, как обещали в прокламации²¹. 28 января Генрих Перси отчитывался перед кардиналом о новых успехах в борьбе с разбойниками. Более того, Нортумберленд пустил слух, что он готов даже вторгнуться в Шотландию, если граф Ангус не прекратит укрывать разбойников²². В результате этих мероприятий Нортумберленду удалось схватить Лайла. Сэр Уильям и группа его сподвижников сдались на милость графа.

Вслед за успехами графа Нортумберленда в усмирении пограничья Восточной и Средней марки пост стража Западной марки вернулся в руки семьи Дакр. Новым стражем стал сын Томаса, Уильям. Несмотря на то что Совет герцога Ричмонда не исчез, его деятельность в последующем касалась преимущественно Йоркшира. Номинальная власть в пограничных землях вновь перешла к представителям аристократических фамилий. Довольно часто события 1525–1527 гг. считают неким экспериментом по умалению власти пограничной знати. Кроме того, в последние десятилетия эта точка зрения подвергается острой критике, она до сих пор присутствует в работах исследователей²³. Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, ибо она требует отдельного сюжета, попытаемся подвести итоги и ответить на вопросы, поставленные в начале статьи.

Как нам кажется, в отношении политики по отношению к пограничным кланам приемники

Дакра не привнесли ничего принципиально нового. В дело шел тот же стандартный набор методов успокоения – беспристрастное судебное разбирательство и наказание грабителей на сессиях суда ассиз и квартальных сессиях мировых судей, взятие заложников в качестве гарантии хорошего поведения горцев, карательные походы в Тайндейл и Риддесдейл и размещение там гарнизонов, наконец, налаживание сотрудничества с шотландской пограничной администрацией. Все эти меры, так или иначе, были уже ранее опробованы и приносили успех лишь на короткий период. Отношения с Шотландией, по-прежнему, оставались весьма противоречивыми, и это препятствовало радикальным мерам в отношении горцев. «Если будет война, то не очень хорошо, чтобы Тайндейл был враждебен Англии...», – писал летом 1525 г. Томас Магнус, на тот момент посланник в Шотландии²⁴.

Другим препятствием в решении «проблемы Тайндейла и Риддесдейла» были отношения должностных лиц с местным населением. Королевские чиновники не доверяли жителям Нортумберленда. «Джентльмены этого региона скорее сочувствуют этим разбойникам, чем будут ловить их», – сообщал Уолси Уильям Юр²⁵. «Здесь все становится известно за четыре дня до того, как что-либо предпримут», – сетовал Томас Магнус²⁶. Жалобы на отсутствие сотрудничества со стороны местных жителей, подчеркивание примеров обратного как нетипичного явления постоянно встречается в переписке Совета герцога Ричмонда, Уолси и должностных лиц пограничной администрации. Именно представители пограничной администрации изначально начали говорить о необходимости назначения «кого-то из знатных людей большой власти»²⁷. Во многом эти обвинения были оправданы. Жители пограничья не любили «чужаков» (что было характерно и для других регионов Англии) и неохотно подчинялись им. Дакр также сталкивался с этой проблемой и именно поэтому вынужден был заходить в сотрудничестве с горцами дальше приемлемой для местного сообщества и уж тем более, центральных властей, норм. Горцы были частью местного политического пейзажа, «своими». Их ловили, если заставляли за грабежом, но в то же время и скрывали от преследования властей. Горцы посещали городские рынки, пировали в городских тавернах²⁸. Показателем связей между клансменами и дворянством Нортумберленда служит и история Уильяма Лайла, который объединил под своим началом как выходцев из нортумберлендских дворян, так и жителей Тайндейла, Риддесдейла и шотландского Лиддесдейла. История Лайла – всего лишь одна в череде подобных примеров до и после него.

Таким образом, подводя итоги, можно отметить следующее. Проблемы, с которыми столкнулась корона на англо-шотландском пограни-

че, и методы, к которым она прибегла для их решения, оставались традиционными. Анализ политики в отношении горцев из Тайндейла и Риддсейла, как нам кажется, это лишний раз подтверждает. Соответственно говорить о революционности мероприятий короны в этом направлении и о полном их провале нет оснований. Деятельность пограничной администрации в 1525–1527 гг. столкнулась с теми же трудностями, что и ранее, и преуспела (или не преуспела) в такой же степени.

Примечания

- ¹ См.: *Robson R.* The Rise and Fall of the English Highland clans. Tudor response to a Mediaeval Problem. Edinburgh, 1989 ; *Holford M., Stringer K.* Border Liberties and Loyalties. North-East England, c. 1200 to c. 1400. Edinburgh, 2010.
- ² Letters & Papers, foreign & domestic, of the Reign of Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England : in 21 vols. L., 1862–1921. Vol. 4 ; L., 1875. № 1223 (далее – Letters & Papers.).
- ³ Ibid. № 1239.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Ibid. № 1289.
- ⁶ См.: *Summerson H.* Peacekeepers and lawbreakers in Medieval Northumberland, 1200–1500 // *Liberties and Identities in Medieval British Isles* / ed. by M. Prestwick. L., 2008. P. 74–75.
- ⁷ Letters & Papers... № 1239, 1429.
- ⁸ Ibid. № 1338.
- ⁹ Ibid. № 1428.

- ¹⁰ *Summerson H.* Peacekeepers and lawbreakers in Medieval Northumberland.
- ¹¹ Ibid. № 1482.
- ¹² Ibid. № 1431.
- ¹³ Ibid. № 1510.
- ¹⁴ Ibid. № 1727 ; *Reid R.* King's Council in the North. Totowa, 1975. P. 104–105.
- ¹⁵ Letters & Papers. № 2402.
- ¹⁶ Ibid. № 1690.
- ¹⁷ State Papers Henry VIII : in 11 vols. L., 1830–1841. Vol. 4 ; L., 1836. P. 472–473.
- ¹⁸ Letters & Papers. № 2370.
- ¹⁹ Ibid. № 3421.
- ²⁰ Ibid. № 3795.
- ²¹ Ibid. № 3816.
- ²² Ibid. № 3849.
- ²³ См.: *Ellis S. G.* A Border baron and the Tudor State : The rise and fall of lord Dacre of the North // *Historical journal.* 1992. Vol. 35. № 2. P. 253–277 ; *idem.* Tudor Frontiers and Noble Power : The Making of British State. Oxford, 1995 ; *Bernard G.* The Tudor nobility in perspective // *The Tudor nobility* / ed. by G. Bernard. Manchester, 1992. P. 1–48 ; *Idem.* The continuing power of Tudor nobility // *Bernard G.* Power and Politics in Tudor England. Aldershot, 2000. P. 20–50 ; *Ety C.* Tudor Revolution? Royal Control of the Anglo-Scottish Border, 1483–1530. Unpublished PhD thesis. Durham, 2006.
- ²⁴ Letters & Papers. № 1438.
- ²⁵ Ibid. № 1482.
- ²⁶ Ibid. № 1438.
- ²⁷ Ibid. № 1289.
- ²⁸ Ibid. № 1517.

Образец для цитирования:

Бельцер А. А. Королевская администрация и пограничные кланы на англо-шотландском пограничье в 1525–1527 годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 329–333. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-329-333.

Cite this article as:

Beltser A. A. The Royal Administration and the Border Clans on the Anglo-Scottish Borders in 1525–1527. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 329–333 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-329-333.

УДК 94(44).028/029

ПРОБЛЕМА СОСЛОВИЙ И СОСЛОВНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI ВЕКА

И. Я. Эльфонд

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна архитектурной среды, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., iyelfond@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы французской политической мысли в XVI в. и особенности интерпретации проблемы сословий и сословного представительства. Автор анализирует значение проблемы сословного представительства в формировании идеи народного суверенитета и идейную борьбу между тираноборцами и легитимистами, как и проблему эволюции конституционалистских идей.

Ключевые слова: политическая мысль, сословия, сословное представительство, народный суверенитет.

The Problem of Estates and Estate Representation in French Political Literature in the XVI Century

I. Ya. Yelfond

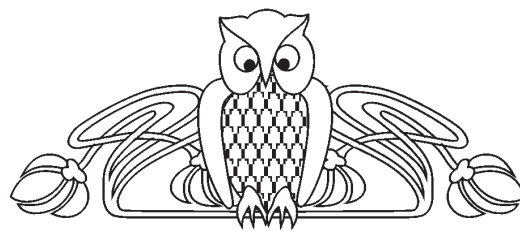
Irina Ya. Elfond, ORCID 0000-0002-8665-5926, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politehnicheskaja Str., Saratov, 410054, Russia, iyelfond@mail.ru

The paper deals with problem of French political thought in XVI century France and focuses on the interpretation of the estates. The author attempts to analyse the role of estates and estate representation in forming the idea of sovereignty of the people and the ideological struggle between tyranny fighters and legitimists as well as the evolution of constitutionalism.

Key words: political thought, estates, estates representation, sovereignty of the people.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-334-342

В эпоху Средневековья деление общества на сословия, пожалуй, раньше всего установилось во Франции; естественно, что это отразилось в представлениях эпохи. Еще в IX в. монах Эмон из Осера уподобил разделение христианского сообщества на воинов, священников и земледельцев разделению Ромулом римского общества древнейших времен¹. Трехчленная формула укоренилась и была популяризована в сочинениях более позднего времени. Так, в сочинении Адальберона Ланского (ок. 1030) излагается учение о тройственной организации общества и подразделении его на три сословия (*ordines*) в соответствии с социальными функциями и предназначением каждого из них². Классические *oratores*, *pugnatores* и *laboratores* в дальнейшем юридически оформились в три сословия, что нашло свое отражение не только в политической

мысли, но и в праве. В массовых представлениях Средневековья общество состояло из духовенства, дворянства и третьего сословия. Развитие французского средневекового общества, однако, привело к тому, что в рамках этих сословий выделяются все новые социальные группы: третье сословие, чем дальше, тем больше понималось, прежде всего, как совокупность лиц, облагаемых налогами, т. е. в него входили не только крестьяне. Со времени оформления аппарата управления все более отчетливо выделяется как особая группа – чиновничество, впоследствии известная как «дворянство мантии». Аноблирование и все более усложнявшаяся структура городского населения, однако, не меняли утвердившуюся систему сословий, тем более что появление и развитие сословного представительства (Генеральных Штатов) окончательно ее закрепило.

Проблема сословий, их прав, характера представительства, его политического значения играла большую роль в развитии политической мысли Средневековья особенно в XV веке. С XVI в. в связи с развитием абсолютизма падает значение Генеральных Штатов, но учение о сословиях и их представительстве сохраняет свое значение в политической идеологии XVI в., в особенности в периоды политической конфронтации и появления идейной оппозиции монархии в ходе гражданских войн XVI века³. Тираноборцы, а затем и их оппоненты – защитники абсолютной монархии использовали учение о сословиях для своих политических положений и аргументов.

Однако к XVI в. в связи с широким распространением политической мысли гуманизма и соответственно обращением к античным политическим учениям – от Платона и Аристотеля до Цицерона – постепенно утверждается и другое представление о социальной модели, восходящее к античной политической мысли. Античное понимание термина «народ» (*populus*) укореняется среди образованной части населения. Согласно античной модели это понятие включало плебс и знать (*nobiles*), в понятийный аппарат эпохи входят и другие античные термины, прежде всего, *optimates* и *vulgus*. Они начинают использоваться для уточнения и корректировки средневековых понятий, обозначающих социальную структуру, для более точного определения новых явлений, не вписывающихся в средневековую характеристику общества. Далекое не всегда в политических рассуждениях о народе и обществе при-

сутствуют четкие определения содержания этих терминов, да и сами политические характеристики социальной структуры.

Во Франции раннего нового времени первым к этой проблеме обратился Клод де Сейсель, выходец из Италии, в течение почти 20 лет верно служивший французской короне. Член Большого совета короля писал свое сочинение «Великая французская монархия», посвященное средневековой институциональной истории страны, по личной просьбе короля Франциска I. Анализ общественного строя Франции и характера власти, естественно, предполагал и рассмотрение истории сословий и органов сословного представительства. И хотя автор, ставший родоначальником конституционализма во Франции, выступает как последовательный сторонник наследственной монархии, он убежден, что и сословия установлены от Бога. Сейсель полагал, что власть короны должна ограничиваться религией, правосудием и политией, то есть совокупностью законов, обычаев, традиций и политических учреждений (включая органы сословного представительства), при этом считая, что реальный контроль над королевской властью должен осуществляться не органами сословного представительства (полагая, что они могут создать опасность для государства), а парламентами.

В целом Сейсель стоял на строго охранительных позициях, утверждая, что исторически сложившийся во Франции социально-политический строй наиболее соответствует французскому обществу, поскольку наилучшей формой государства считал ту, которая исторически более привычна для каждого народа. Соответственно он относился к проблеме сословий, полагая, что классическая схема идеально подходит именно для французского общества. Этим определялась его трактовка проблемы сословий и сословного представительства. Он полагал, что сословное представительство получило название (Генеральные Штаты) в связи с наличием трех сословий во Франции. Самое показательное, что Сейсель, сохраняя трехчленную схему Средневековья, наполняет ее иным содержанием. По его убеждению, «духовенство не следует считать сословием, поскольку оно представляет собой смесь выходцев из трех прочих»⁴. Сейсель, католический епископ, таким образом, вносит серьезную коррективу в средневековое понимание сословий, вызванную изменениями в социальном строе Франции. В его изображении схема сословной структуры общества выглядит следующим образом: «Первое сословие – дворянство, средний слой состоит из тех людей из народа, о которых говорят, что они являются зажиточными, последнее же сословие – это простонародье (*menu peuple*)»⁵. Самое любопытное в предложенной Сейселем схеме социальной структуры, это определение «среднего слоя». Он связывает второе сословие с юристами и городской верхуш-

кой, то есть речь идет, судя по всему, о дворянстве мантии, хотя он этот термин не употребляет. К третьему сословию гуманист относит не горожан в совокупности, а только ремесленников. В состав третьего сословия Сейсель включает также и крестьян, хотя во Франции крестьянство в Генеральных Штатах никогда не было представлено. Стабильность государства определяется существованием этих сословий, а сохранение их статуса служит препятствием для возникновения социальной борьбы: «Каждое из сословий имеет свои установленные прерогативы и пока они существуют, ни одно из них не может низвергнуть другое, а все три вместе не могут составить заговор против короля и монархии»⁶. Подобная структура определяет трактовку роли и значения сословного представительства. По его убеждению, сам этот политический орган достоин восхищения; значение сословного представительства Сейсель усматривает в очень необычной главной функции: он считает его цементирующим фактором в обществе: Генеральные Штаты должны служить «для установления гармонии между всеми сословиями»⁷. В свою очередь, факт наличия гармонии между сословиями служит безопасности государства: «не вызывает сомнений, что государство трудно уничтожить до тех пор, пока в нем сохраняется законное право и достоинство каждого сословия»⁸.

Учение Сейселя активно использовалось во второй половине века – в период становления и развития тираноборчества. Идеологи этого направления отталкивались от конституционалистских идей Сейселя, делая более радикальные выводы. Они пропагандировали учение о правах сословий и народа, реализуемых в органах сословного представительства, и переходили к идеям народного суверенитета, воплощавшегося в их представлении в органах сословного представительства, отсюда стремление доказать историческую значимость этого институционального явления.

Во «Франкогаллии» (принадлежавшей перу ведущего теоретика французского тираноборчества Ф. Отмана), ставшей политической программой протестантской партии и ведущим политическим сочинением тираноборчества, отчетливо изложено именно такое понимание исторической роли сословий и органов сословного представительства. До этого Отман обращался к проблеме сословий во Франции как юрист, но у него отсутствует трехчленная формула сословной организации общества. Он проводит иное различие, выделяя два сословия из трех: «у нас одни люди являются знатными (*nobiles*), другие же – выходцами из простого народа (*roturier*)»⁹. Само понятие *roturier* в юридической и политической литературе данной эпохи понимается как совокупность неблагородных слоев общества, тем более что для простого народа чаще использовался термин *menu peuple*. Народом (*peuple*)

же Отман считал совокупность *totuŕie* и дворянства, то есть он стоял ближе к гуманистической схеме структуры общества, меняет античные термины на современные ему. Картина социальной структуры французского общества, данная им, значительно отличается от обычной средневековой схемы. Он проводит главное различие по принципу личной свободы: «имеется различие между теми, кто наделен свободой, и теми, кто пребывает в статусе серва»¹⁰. Часть лично свободного населения вместе с зависимым населением составляет простой народ (*menu peuple*), который в социальной иерархии находится ниже прочих. Внутри дворянства он выделяет вассалов и сеньоров, «одни у нас являются феодальными сеньорами, другие же вассалами»¹¹. По сути, эта структура достаточно далеко ушла от средневековой системы трех сословий.

Во «Франкогаллии» Отмана предметом исследования и мифологизации становится, прежде всего, история государственных учреждений страны. Но институциональная история интерпретируется своеобразно: Отман развивает два основных положения, доказывая существование электоральной центральной власти со времен легендарных королей и до Людовика XI включительно и господство принципа народного суверенитета со времен древней Галлии. Реализацию принципа народного суверенитета Отман связывал с деятельностью органов сословного представительства. История сословий связана, прежде всего, с трактовкой понятия сословного представительства. Именно в этом труде была детально изложена концепция народного суверенитета, верховная власть не просто принадлежала народу, но нашла свое воплощение в функционировании органов народного представительства и праве низложения и возведения на престол монархов. Сословное представительство при этом раздвигалось во временных рамках, возводилось к истории франков раннего Средневековья. Тем самым доказывалась и извечность существования во Франции сословной системы.

Историческое доказательство якобы существовавшего у франков народного суверенитета Отман усматривал, прежде всего, в праве распоряжаться престолом и его передачей. Он стремится доказать существование принципа выборности королей в эпоху Меровингов и Каролингов, отмечая все, что противоречит его генеральному тезису: «верховная власть при избрании и при низложении короля принадлежит народу», реализуется это право через его представителей. Тезис о правах народа и сословий используется Отманом для легитимации смены династий: «право народа являлось решающим не только при избрании короля, но и тогда, когда народ отвергал сыновей умершего короля и избирал на престол [лиц] из других родов, что было обычаем»¹².

Немалое значение в мифе о народном суверенитете Отмана приобретает понятие «обще-

ственного совета» (*publicum gentem consilium*) как некоего верховного органа власти. Сам термин был заимствован у Цезаря, и Отман употребляет его применительно к самым разным исторически институтам, но образ вечного народного представительства подается как нечто неизменное и постоянное, «ведь верховная власть как в том, чтобы передавать королевство, так и в том, чтобы его забирать, принадлежала собранию народа и общественному совету народа»¹³. Именно эта персонификация власти народа осуществляла управление государством; общественный совет народа идентифицировался с собранием сословий, и, по сути, для него понятия народ и сословия являются почти взаимозаменяемыми. Короли даже не могли распоряжаться владениями, так как «собственником этих владений оставался народ, и даже малая часть их не могла быть отчуждена королем без свидетельства народа, то есть без согласия сословий или общественного совета»¹⁴.

Ответ на вопрос об отношении к проблеме сословий дает трактовка Отмана самого понятия «народ» и «сословное представительство». Чрезвычайно важным для понимания его политической и идейной концепции является то, что если в своей теории народного суверенитета он отразил наиболее передовые идеи гуманистической мысли (развитой впоследствии уже в эпоху Просвещения), то в трактовке категорий «народ» и «сословия» проявил идейную близость к средневековой политической мысли, отразив взгляды на народ и абсолютную монархию дворянства, стремившегося к восстановлению своей политической самостоятельности путем возвращения к сословно-представительной монархии (а то и к феодальной раздробленности).

Показательно, что во «Франкогаллии» Отман, если и не отождествляет «народ» со знатью, дворянами, то, во всяком случае, неразрывно связывает с нею. В его концепции народ как бы делегирует «лучшим», «первым» свои права. Именно ими, «знатью и избранными, которым и предоставляет эту власть народ»¹⁵, должна контролироваться королевская власть. Реально этот контроль в представлении Ф. Отмана должны были проводить «народные собрания», «общественный совет». Под этим термином Отман понимает практически все общественные институты от Меровингских сотенных собраний до Генеральных Штатов включительно, объединяя судебные, исполнительные и консультативные органы, существовавшие с древнейших времен. Все свидетельства из ранней истории Франции служат во «Франкогаллии» генеральной идее – политическая власть в стране должна принадлежать представительству сословий. Собственно он открыто призывает к возвращению к временам прошлого и к передаче власти сословно-представительным учреждениям (которые во Франции никогда не имели подобных полномо-

чий). Практическую роль Генеральных Штатов Отман представляет многогранной, он утверждает, что организация борьбы с тираническими правителями должна принадлежать органам сословного представительства при использовании легальных способов борьбы, в частности обращений и петиций. Но наиболее важные вопросы должны рассматриваться в еще более узком кругу в совете, избранном собранием представителей сословий. Главным образом это касается вопроса о центральной власти – избрания или низложения короля, определение временного правителя. По убеждению Отмана эти вопросы могут решаться только названным советом и он является наиболее правомочным органом в государстве – вся власть «принадлежит исключительно обществу совету»¹⁶.

Уже перечень вопросов, находившихся в компетенции этого политического органа, свидетельствует о том, что его гипертрофированная роль является фантазией Отмана. Автор предельно целенаправленно создает миф о верховном коллегиальном органе власти – органе сословного представительства. В изображении Отмана «в самых общих чертах совет занимался следующими делами: во-первых, возведением на престол и низложением королей; далее, вопросами войны и мира, общественными законами, назначением на величайшие государственные должности, различными поручениями, определением части наследия детям умершего государя или установлением приданого его дочерям. Кроме того, совет занимался денежными и финансовыми делами. И наконец, всеми теми делами, которые и сейчас среди простого народа в обиходе обычно и именуется государственными делами (*negotia statuum*), поскольку на протяжении многих столетий их, как я уже сказал, не имели права решать никакие государственные ведомства или учреждения, за исключением совета сословий или их представителей»¹⁷. Мифологизация становится очевидной, когда автор наконец-то называет этот загадочный орган – Генеральные Штаты (идентифицируя его также с советом знати и курией эпохи Каролингов и даже майскими полями эпохи Меровингов). Он считает нужным уточнить свой тезис: «В позднейшие времена курия во Франции стала иногда называться курией собрания трех сословий, иногда же – курией короля Франции, а иной раз – предельно точно собранием сословий». Отман определяет и характер формирования этого сословного представительства, отмечая выборный характер представительства и наличие опыта у избираемых: «некие испытанные люди должны были быть избраны от каждого сословия, чтобы восстановить порядок в государстве и обеспечить правосудие и справедливость»¹⁸.

Приписывая сословному представительству во Франции исключительные права (как известно, Генеральные Штаты могли заниматься

только обсуждением налогообложения), Отман уже не мифологизирует историю, а рисует свой политический идеал, суть которого сводится к торжеству идеи конституционализма; власть короны должна быть ограничена либо законом, либо сословным представительством. Сословному представительству придавалось уникальное политическое значение и, следовательно, сословия имелись на всех этапах исторического развития французского государства. Иногда образ этого института усложняется: речь идет уже о двух политических органах, и суверенитет находил свое воплощение не только в деятельности общественного совета народа, но одновременно и в собрании сословий: «хотя высшая власть и выбор при переходе короны принадлежали собранию сословий и обществу совету всего народа»¹⁹.

Отман последовательно проводит свой излюбленный политический тезис, подгоняя и даже подтасовывая исторические факты; он прямо заявляет, что принцип народного суверенитета нашел воплощение в деятельности органов сословного представительства. По его убеждению, «верховная государственная власть в королевстве Франкогаллии принадлежала обществу совету (*publicum gentem consilium*), который в более поздние времена стал называться собранием трех сословий»²⁰. При этом постоянно оговаривается наличие древней традиции (которая возводится к временам, когда эти сословия не сложились). По мнению Отмана, решение важнейших государственных дел отдавалось на усмотрение мифического совета народа: «полная власть в решении этих дел принадлежала обществу совету народа и сословий»²¹.

Фактически Отман передавал и законодательную и исполнительную власть сословному представительству, считая это обстоятельство гарантией стабильного существования государства: «наши предки... строго соблюдали прекрасный принцип «Благо народа – вот высший закон», отдав и препоручив все политическое руководство государством в распоряжение собрания сословий»²². Более того, читателям настойчиво внедрялась в сознание мысль о том, что сословное представительство извечно. Автор последовательно пытается доказать, что существовала супрематия власти общественного собрания, и короли покорно склонялись перед этим порядком: «на протяжении более чем пятисот пятидесяти лет суд и решение всех важных дел принадлежали собранию народа или, как мы выражаемся теперь, собранию сословий или штатов, что это установление наших предков соблюдалось как нечто священное на протяжении столь длительного времени»²³. Этот тезис Отману был очень дорог, он неоднократно его повторяет. При этом политик полагает, что «разделение общества на три сословия не следует считать описанием обычных основ общества»,

но должно рассматривать совместно с деятельностью общественного совета народа («поэтому совет обычно и называют советом трех сословий»). Тем самым Отман идентифицирует свой общественный совет народа с сословно-представительным учреждением, Генеральными Штатами. Эта идея сочетается с учением о смешанном государстве, поскольку автор соотносит каждое сословие с одной из форм государства (монархией, аристократией и демократией). Отман открыто утверждает не только принадлежность верховной власти народу и его представителям, но и существование этого порядка со времен галлов: «Наши предки при создании государства установили, что государство будет управляться общим собранием всех сословий»²⁴. При этом не всегда четко проводится разница между понятиями «сословие» и «народ». Согласно Отману, исторически существовали советы разных социальных групп (еще не сословий), и при короле существовал совет знати (вероятно, имелась в виду курия). Но, уже говоря о Каролингах, Отман говорит как о едином целом – представительстве народа и сословий, дополняя эти институты еще и постоянно действующим советом знати (*nobilitas*), то есть употребляет тот же самый термин, что и для обозначения второго сословия – дворянства: «на совет знати было призвано собрание народа и сословий»²⁵. Именно это представительство и занималось в период кризиса государственными делами: «суд и решение всех важных дел принадлежали собранию народа, или как мы выражаемся теперь, собранию сословий или штатов»²⁶. Наличие сословий и их представительного органа Отман приписывает не только франкам, но и другим германским народам: «Из сочинений всех наших историков, а также и германских историков, становится совершенно очевидно, что та же власть сословий или штатов полностью сохранялась»²⁷.

Но при этом протестант Отман не может согласиться с тем, что первым сословием считается католическое духовенство, и здесь он идет на очень странные доказательства, игнорируя всякое соответствие исторической правде. Согласно «Франкогаллии», во Франции «существовал старинный обычай (возникший после того, как предельно возросло могущество духовенства) разделять население на три сословия, духовенство добилось того, чтобы считаться первым из них». Но по идее автора, членение общества на три сословия относится еще ко временам древней Галлии, которая начала христианизоваться где-то в третьем веке нашей эры, а Хлодвиг крестил франков еще позже. Все это изобреталось ради того, чтобы отрицать статус духовенства как первого сословия и доказать, что в приходе к власти Каролингов церковь не играла никакой роли, а потому «Пипин вовсе не был поставлен королем папой, но был избран народом, его представителями и сословиями»²⁸.

Отман объявляет вне сферы компетенции короля все важнейшие государственные дела, об этом свидетельствует развернутое перечисление вопросов, которые решаются «общественным советом»; их «не могли решать никакие государственные ведомства или учреждения за исключением совета сословий или их представителей»²⁹. Стройная система ограничения решений монарха просто высосана из пальца, никаких исторических и юридических подтверждений невозможно найти в источниках по истории Франции, но наукообразная форма этих заявлений (а Отман был неплохим юристом) убеждала малосведущих в институциональной истории страны читателей в наличии этой «узды». Такое повышение роли и значения органов сословного представительства, естественно, означало и определенное отношение к исторической значимости самих сословий.

Таким образом, принципиально новое положение о народном суверенитете у родоначальника этой теории превращается в защиту средневековой традиции. Он даже рискует еще больше сузить свое понимание категории «народ», заявляя, что права собрания сословий сближаются с правами принцев крови. От античного и гуманистического понимания этой категории как совокупности граждан Отман перешел по сути дела к отождествлению его с дворянством и верхушкой третьего сословия.

К концу гражданских войн, когда протестантские идеологи активно пропагандируют возвращение к традиционному положению дел, появляются и новые обращения к народу, где речь идет о каждом из трех сословий по отдельности, но можно при этом заметить, что выделяются все новые и новые социальные группы внутри этих сословий. В этом отношении показательно знаменитое воззвание короля Наваррского к Генеральным Штатам в Блуа (март 1589). Он обращается к ним именно как к «представителям трех сословий», но в самом тексте идет более дифференцированное структурирование французского общества. Автор возвания (Ф. Дюплесси-Морнэ) декларирует эти новации достаточно четко. От имени своего монарха он обращается «ко всем жителям страны» и заявляет: «Я взываю к нашему дворянству, духовенству, городам, народу»³⁰. Уже здесь показательны два момента – во-первых, первым называется второе сословие – дворянство, а не духовенство, что явно обусловлено ситуацией. Но более существенно, что третье сословие дифференцировано – автор возвания разделяет его на города и народ. Он рисует мрачные перспективы для каждого из сословий, начиная с дворянства. Показательно, что особое внимание уделяется перспективам третьего сословия – горожан, которые в представлении автора оказываются между двумя опасностями – насилия со стороны дворянства и грабежа со стороны жителей деревень, в случае если существующий порядок (*ordre*) из-

менится. Характерно, что при формальном следовании традиционному членению на сословия в обращении к третьему сословию не только противопоставляются горожане и крестьянство, но выделяется еще одна социальная группа: Ф. Дюплесси-Морнэ говорит о главных жителях (*principaux habitantants*). Из его детального описания печальных судеб этой группы в случае наступления политической анархии можно сделать вывод, что речь идет в целом о зажиточной части городского населения, куда автор включает и чиновничество, лиц, которые «занимают в монархии должности в финансовом и судебном ведомстве, в полиции и армии»³¹. Он особо говорит о необходимости охраны этого слоя со стороны власти, ставя вопросы: «кто предоставит свободную возможность торговли, кто станет гарантировать покой в земельных владениях?»³².

Особое место в рассуждениях о сословиях занимает народ. Народ (*peuple*) как термин уже употребляется даже не ко всем представителям третьего сословия, а применительно к сельскому населению. Народ (совокупность тружеников) – это единственный социальный слой, который получает от автора порцию комплиментов; их ни одно другое сословие не удостоилось, поскольку «народ – житница королевства, плодородное поле государства, труд его кормит государей, пот его их поит, ремесло его содержит их, труды дают возможность наслаждения для государей»³³. Автор подчеркивает, по сути, бесправие этого сословия.

Активная позиция тираноборцев вынудила и защитников абсолютизма в поисках аргументов, опровергающих тираноборческие построения, обратиться к проблеме сословий. Еще канцлер М. де Лопиталь рассматривал сословно-представительные учреждения как важнейший орган, ограничивающий власть государя: «Именно они (Генеральные Штаты) удерживают государей от слишком тяжелого обременения народа и предельного гнета при введении новых налогов, осуществления чрезмерных грандиозных расходов, а также и от назначения на должность судей скверных людей, передачи недостойным лицам епископств и аббатств, а также и от всех других нескончаемых бедствий»³⁴. Сословно-представительному учреждению также приписывается функция контроля и расследования всех злоупотреблений: «Государи могут узнать обо всем только, когда они проводят штаты»³⁵. Канцлер не утверждает, что сословное представительство наделено какими-либо экстраординарными полномочиями, в конце концов, свои воззрения на сословное представительство он излагает как раз в речи на торжественном открытии Генеральных Штатов.

Но в дальнейшем подходы и решения к проблеме сословий могли отличаться новизной. Так, совершенно нетрадиционно решение проблемы сословий знаменитым историком-эру-

дитом Э. Пакье. Его концепция общественного устройства представляет собой некий синтез из гуманистических представлений и традиционной трехчленной схемы. Хотя он и не принимает положения тираноборцев, но разделяет их точку зрения относительно древности существования трех сословий во Франции, относя их возникновение ко временам древней Галлии. Э. Пакье в новых расширенных изданиях своих, «Рассуждений о Франции», также посвященных старинным учреждениям, уже на первой странице отмечает, что уже в галльском обществе «существовало разделение на сословия – знать (*noblesse*), духовенство (*prêtres*), которое тогда называлось друидами и простой народ (*menu peuple*)»³⁶. Различия между ними определены социальными функциями: знать участвовала в войнах, жрецы отправляли религиозные обряды, простой народ трудился. Пакье подчеркивал близость французской сословной структуры общества древнегалльской, полагая, что такая структура соответствует божественным законам и естественному праву, поскольку все эти сословия состоят из свободных людей. Несвободное состояние он связывал с рецепцией римского права. Но, по мнению историка, только в свободном обществе может быть нормальное государство. В то же время подобное государство обязательно должно строиться на сословной системе: «в правильно организованном государстве сословия необходимы друг другу»³⁷.

Таким образом, в представлении Пакье, сословия не противостоят, но как бы дополняют друг друга. Но гуманист проводит разделение общества на благородных и неблагородных (*roturiers*): «у нас осуществляется четкое разделение по сословиям: одни называются дворянами и они являются лицами благородного сословия, другие же – вилланами, и они находятся на положении лиц неблагородного состояния, поскольку для них была уничтожена всякая возможность стать благородными»³⁸. Речь явно идет о горожанах, так как Пакье уточняет относительно последних: «они жили в городах, где существовали в безделье и наслаждении»³⁹. Поскольку гуманист отмечает, что горожане делали попытки незаконно присвоить себе дворянский статус, покупая фьефы, то он полагает, что принадлежность к благородному сословию должна доказываться: «всякий человек считается *roturier*, если он не докажет свое благородство, которое он приобрел либо благодаря своей шпаге, либо при помощи пера, благодаря милости и патенту государей»⁴⁰. Тем самым к благородным он относит как дворянство шпаги, так и дворянство мантии. Следует отметить, что, рассуждая о заслугах дворянства, он все-таки довольно иронично сопоставляет доблести обеих его групп: «одни отражают удары канонов и законов, другие же – подвергают себя опасности и проходят испытание картечью и канонадой»⁴¹.

Пакье также определяет критерии, по которым человек включается в то или иное сословие. Первым он, естественно, называет систему налогообложения, к двум первым сословиям относятся именно те лица, которые освобождены от уплаты налогов, к третьему – налогоплательщики: «налоги распределяются между теми людьми, которые не относятся к благородному сословию»⁴². Вторым критерием принадлежности к конкретному сословию Пакье определяет характер труда, считая, что труд – обязанность неблагородных членов общества: «во всех государствах торговля и ремесло развиваются среди простого народа»⁴³. Очень важно, что он отмечает недопустимость обращения выходцев из дворянства к торговле, ремеслу, банковскому делу и не потому, что эти занятия недостойны благородных, но потому что они обращаются к этим делам «вместо того, чтобы участвовать в войне», то есть выполнять те обязанности, из-за которых они и получили привилегии. И Пакье считает вполне справедливым, что «привилегии дворянства уничтожаются для тех, кто их нарушает»⁴⁴. Анализ статуса лиц, принадлежащих к тому или иному сословию, приводит его к общему и очень значительному выводу: «я твердо убежден, что всякий человек из любого сословия, который служит добродетели и ведет безупречную жизнь, является благородным, и здесь не бывает исключений»⁴⁵.

Отказ от идеи благородства по рождению не мешает ему, анализируя историю и статус сословий, высоко оценивать роль второго сословия в истории Франции как воинов («все считают, что дворянство стоит выше всего остального народа»), но он критически оценивает роль дворянства в политической истории Франции, считая его инициатором мятежей против короны и подстрекателем народа⁴⁶. Вместе с тем он особо отмечает, что «на наших собраниях трех сословий простой народ не просто был представлен, обычно его представители составляли большую и лучшую часть этой ассамблеи»⁴⁷.

Такое понимание сословий не помешало Пакье опровергнуть точку зрения тираноборцев на историческое место и значение сословно-представительных учреждений, то есть Генеральных Штатов. По его глубокому убеждению, идейные противники просто фальсифицировали историю. Историк не только открыто полемизирует с Отманом относительно роли сословного представительства во Франции, но делает прямой выпад в адрес «Франкогаллии»: «некоторые считают, что собрания сословий играли большую роль в истории Франции, имеют очень древнее происхождение и видят в этих учреждениях воплощение свободы народа. Но все это не соответствует истине»⁴⁸. Пакье детально анализирует историю сословного представительства во Франции, отмечая, что первоначально короли созывали представителей сословий «в каждой из провинций,

чтобы были представлены духовенство, дворянство, представители народа, которые назывались в совокупности третьим сословием»⁴⁹. Провинциальные штаты, по мнению Пакье, созывались исключительно в случаях введения экстраординарных поборов. И только при Филиппе Красивом впервые было создано общегосударственное представительство сословий. Пакье говорит, что даже в данном случае решающую роль играли экономические вопросы, связанные с налогообложением. В принципе он подчеркивает ограниченный характер деятельности представителей сословий: «В нашей Франции никогда еще не собирались всеобщие ассамблеи трех сословий без того, чтобы увеличить содержимое казны наших государей и сократить средства народа»⁵⁰. Более того, он отвергает современные претензии Генеральных Штатов на политическую роль. По его мнению, сословное представительство в этих условиях совершенно излишне, а потому «Не нужны нам ассамблеи трех сословий для улучшения наших дел, они и сами наладятся»⁵¹. Так или иначе, но отношение к сословиям и сословному представительству у большинства легитимистки настроенных политических теоретиков, даже если они оставались на позициях конституционализма, определялось, судя по всему, полемикой с тираноборцами.

Очень показательным в этом контексте то, что величайший из политических мыслителей Франции эпохи Возрождения Жан Боден в своем трактате «О государстве», давая свою характеристику институционального устройства Франции, первоначально проблему сословий не игнорирует, но считает маловажной. В первом издании трактата «О государстве» специального раздела, посвященного проблеме сословий, нет. При анализе понятия «граждане» Боден обращает внимание на факт наличия сословий во Франции, где можно видеть: «разделение граждан на три сословия»⁵². Однако для него это является лишь одним из примеров возможной социальной структуры общества, так что французские сословия (дворянство, духовенство и народ) упомянуты среди прочих. Даже в третьей книге, посвященной различным элементам структуры государства, он больше места уделил коллегиям и корпорациям, чем сословиям и их представительству. Правда, он говорит о значении Генеральных Штатов, сословном представительстве как об обязательном условии бытия «правильного» государства и определенном гаранте его сохранения: «Если оно нуждается в сборе средств, собрании вооруженных сил, поднять государство против врагов, то это можно осуществить лишь через представительство народа, Генеральные Штаты народа, штаты отдельных провинций, каждого города, каждой коммуны»⁵³. Он подчеркивает, что сословное представительство (в его терминологии «собрание представителей народа») решает важней-

шие проблемы жизни государств, в том числе особое внимание уделяет значению связи между правителем и представителями: «Там решаются дела, касающиеся всего государства в целом и отдельных его частей; выслушиваются справедливые жалобы и слезницы бедных подданных, которые иначе никогда не достигли бы ушей государей»⁵⁴. Сдержанное отношение к сословному представительству объясняется его скрытой полемикой с тираноборцами: «иные пишут, что французское королевство сочетает все три формы государства – парламент представляет аристократию, Генеральные Штаты – демократию, король – монархию»⁵⁵. С точки зрения Бодена, это не только нарушает сам принцип суверенитета, но пропаганда самой идеи смешанного государства во Франции является «уголовным преступлением»⁵⁶. С явным раздражением он опровергает учение тираноборцев: «Какое противостояние народного суверенитета величия монарха может существовать на собрании трех сословий или даже на собрании всего народа (если такое только вообще возможно), видя, что они приближаются к монарху с прошениями, склоняются и благоговейно перед ним?»⁵⁷. И прямо выступает против самой идеи: «нет никакого народного суверенитета в собрании трех сословий, которое существует в данном королевстве»⁵⁸.

Но в латинском издании 1586 г. (доработанном и переведенном на латынь самим Боденом) в третьей книге появляется параграф «О сословиях» (*De ordinis*), где автор говорит не столько о сословиях, сколько о порядке, упорядочении структуры государства, наиболее соответствующей божественным установлениям. По мнению Бодена, порядок установлен самим Богом, расставившим каждую часть грубого хаоса в определенном порядке⁵⁹. Сословная структура становится уже сакрализованной.

В целом в политической идеологии эпохи становления абсолютной монархии и ее кризиса в период гражданских войн XVI в. проблема сословий сохраняет свое значение, но не в плоскости популяризации классической трехчленной схемы. Политические теоретики стремились, прежде всего, уточнить современную им социальную структуру общества и связать ее с традицией, усложняя характеристику социальной структуры общества и пытаясь разграничить новые социальные группы, внедряя их при этом в сословную средневековую модель. Сама проблема сословий, особенно во второй половине века, волновала политических мыслителей меньше, но одним из важнейших ключевых моментов новой политической идеологии становится проблема права сословий, и на передний план выдвигается анализ исторической роли и значения сословного представительства, которое они фактически идентифицируют с народным представительством.

Примечания

- 1 См.: *Teiċ J.* Наследие Каролингов. М., 1993. С. 251–252.
- 2 См.: *Adalberonis Carmen ad Robertus regem Francorum // Patrologia latina.* P., 1853. T. 141. Col. 781–782.
- 3 См.: *Reynolds B.* Proponents of limited Monarchy in Sixteenth Century France // *Studies in history, economics and politic law.* L., 1931. № 334. P. 6–18 ; *Church W.* Constitutional thought in Sixteenth Century France. Cambridge, 1941 ; *Franklin J.* Constitutionalism in the Sixteenth Century : Protestant Monarchomachs // *Political Theory and Social Change.* N. Y., 1967. P. 20–35 ; *Keohane N.* Claude de Seyssel and Sixteenth Century constitutionalism // *Constitutionalism.* N. Y., 1979. P. 98–150.
- 4 *Seyssel C. de.* La Monarchie de France. I, 13. P., 1961. P. 120.
- 5 *Ibid.*
- 6 *Ibid.*
- 7 *Ibid.*
- 8 *Ibid.*
- 9 *Hotman F.* Anti-Tribonian // *Opuscules des Hotomanis.* P., 1616. P. 21.
- 10 *Ibid.* P. 22.
- 11 *Ibid.*
- 12 *Hotman F.* Francogallia. Cambridge, 1972. P. 228.
- 13 *Ibid.* P. 246.
- 14 *Ibid.* P. 254.
- 15 *Ibid.* P. 246.
- 16 *Ibid.* P. 480, 516.
- 17 *Ibid.* P. 332.
- 18 *Ibid.* P. 420.
- 19 *Ibid.* P. 260.
- 20 *Ibid.* P. 290.
- 21 *Ibid.*
- 22 *Ibid.* P. 362.
- 23 *Ibid.* P. 394.
- 24 *Ibid.* P. 302.
- 25 *Ibid.* P. 418–420.
- 26 *Ibid.* P. 396.
- 27 *Ibid.* P. 390.
- 28 *Ibid.* P. 362.
- 29 *Ibid.* P. 350.
- 30 *Duplessis-Mornay Ph.* Declaration du Roy de Navarre (1589) // *Duplessis-Mornay Ph.* Mémoires et correspondance pour servir à l'histoire de la réformation et des guerres civiles et religieuses en France sous les règnes de Charles IX, de Henri III, de Henri IV et de Louis XIII depuis l'an 1571 jusqu'en 1623. P., 1824. Vol. IV. P. 332.
- 31 *Ibid.* P. 334.
- 32 *Ibid.*
- 33 *Ibid.*
- 34 *L'Hospital M. de.* Harangue du Chancillier M. de L'Hospital sur le budget du XVI siècle dans l'assemblée des États Généraux. P., 1829. P. 3.
- 35 *Ibid.*

- ³⁶ *Pasquier E.* Les Recherches de la France. P., 1643. P. 1.
- ³⁷ *Pasquier E.* Le Pourparler du Prince // Les Recherches de la France. P., 1643. P. 999.
- ³⁸ Ibid.
- ³⁹ *Pasquier E.* Les Recherches de la France. P. 48.
- ⁴⁰ Ibid. P. 47.
- ⁴¹ Ibid. P. 49.
- ⁴² Ibid.
- ⁴³ Ibid. P. 48.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid. P. 90.
- ⁴⁷ Ibid. P. 81.
- ⁴⁸ *Pasquier E.* Les Recherches de la France. P. 82.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ *Pasquier E.* Les Lettres. P., 1623. Vol. I. L. XII. Ep. 5. P. 817.
- ⁵² *Bodin J.* De la Republique les six livres. P., 1578. P. 52.
- ⁵³ Ibid. P. 348.
- ⁵⁴ Ibid.
- ⁵⁵ Ibid.
- ⁵⁶ Ibid. P. 132.
- ⁵⁷ Ibid. P. 183.
- ⁵⁸ Ibid. P. 184.
- ⁵⁹ См.: *Bodin J.* De Republica. P., 1586. P. 348.

Образец для цитирования:

Эльфонд И. Я. Проблема сословий и сословного представительства во французской политической литературе XVI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 334–342. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-334-342.

Cite this article as:

Yelfond I. Ya. The Problem of Estates and Estate Representation in French Political Literature in the XVI Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 334–342 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-334-342.

УДК 94(71)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАНАДЫ КОНЦА XVIII ВЕКА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАНКОКАНАДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

И. М. Нохрин

Нохрин Иван Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет, ivan-nokhrin@yandex.ru

Статья посвящена изучению трансформации политической элиты Канады в связи со вступлением в силу Конституционного акта 1791 г., а также формированию системы управления новообразованной колонии Верхняя Канада. Особое внимание уделяется роли этнического фактора в данном процессе, положению представителей англо- и франкоканадской общины в новой политической системе, а также влиянию этнического фактора на ранний период политической истории Верхней Канады. Основная цель автора – дополнить существующие в исторической науке представления о причинах возникновения франкоканадского национализма.

Ключевые слова: история Канады, Верхняя Канада, Нижняя Канада, межэтнические отношения в Канаде, франкоканадцы, франкоканадский национализм.

Canadian Political Elite in the Late XVIII Century and the Origin of French Canadian Nationalism

I. M. Nokhrin

Ivan M. Nokhrin, ORCID 0000-0001-6319-3661, Chelyabinsk State University, 129, Brat'ev Kashirinikh Str., Chelyabinsk, 454001, Russia, ivan-nokhrin@yandex.ru

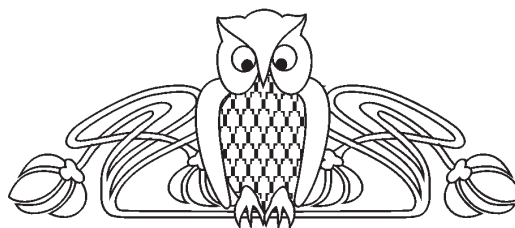
The article examines the transformation of the political elite of Canada after the Constitutional Act of 1791 as well as the formation of the political class in the newly formed province of Upper Canada. Particular attention is given to the role of ethnic factor in this process and to the position of the representatives of English and French Canadian community in the new political system. The main intention of the author was to expand historical approaches about the causes of origin of French-Canadian nationalism.

Key words: history of Canada, Upper Canada, Lower Canada, ethnic relations in Canada, French Canadian nationalism.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-343-350

Для современных исследователей национализма, национальной идентичности и национальной идеологии, независимо от того, с каким конкретно регионом мира или государством они имеют дело, одной из самых трудных остаётся проблема происхождения феномена национализма как такового. Почему люди начинают ассоциировать себя с той или иной нацией? Что порождает национальные движения? Какие условия обеспечивают возникновение национализма и его успешное развитие?

В попытках ответить на эти вопросы учёные всего мира разделились на две неравные

группы. Большая их часть относится к так называемому модернистскому направлению, основоположниками которого чаще всего называются Эрнст Гелнер¹, Эрик Хобсбаум² и Бенедикт Андерсон³. Среди российских исследователей к нему можно отнести В. В. Коротееву⁴, В. С. Малахова⁵ и многих других. Суть данного подхода заключается в том, что национализм трактуется как, прежде всего, политический феномен, созданный элитами в целях мобилизации масс для решения тех или иных задач. Соответственно его происхождение объясняется целенаправленным конструированием нации усилиями националистов. Другой подход, условно назовём его ревизионистским, призывает не сводить национальную идентичность к сфере политики и иметь в виду его связь с культурой, в том числе традиционной⁶, а также множественность смыслов, с которыми может быть связана национальная идентичность, и функций, выполняемых ею в повседневной жизни каждого человека⁷. Хотя эти идеи, как справедливо признаёт Р. Брубейкер, впервые были высказаны еще в рамках «модернистского» направления, в частности Э. Хобсбаумом, который в одной из своих работ писал, что национальность и национализм, хотя они и конструируются сверху, «нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним “снизу”, с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе необязательно являются национальными»⁸.

Предлагаемая статья написана с целью вновь обратиться к проблеме происхождения феномена национализма. На материале колоний Британской Северной Америки, где начало XIX в. ознаменовалось последовательным появлением вначале франко-, а затем англоканадского национализмов⁹, будут рассмотрены условия зарождения этих феноменов и сделаны выводы о причинах их возникновения.

Североамериканская политика Британской империи конца XVIII в. находилась под очевидным влиянием Войны за независимость США 1775–1783 гг. Одним из последствий этого конфликта стало разделение в 1791 г. оставшихся британских владений на континенте на «английскую» и «французскую» часть – Верхнюю и Нижнюю Канаду. Таким образом, правительство пошло навстречу мигрировавшим из мятежных колоний лоялистам и британскому купечеству, требовавшим созыва выборных ассамблей и

перевода земель сеньорий на права частной собственности. Для них и была создана Верхняя Канада. Что же касается Нижней Канады, то она становилась своеобразной резервацией для франкоязычного населения, где оно могло сохранить привычные законы и образ жизни времён французской колонизации¹⁰. Одновременно власти метрополии занялись укреплением своего влияния через назначения лейтенант-губернаторов и формирование прежде не существовавших политических институтов: Законодательных и Исполнительных советов Верхней и Нижней Канады.

Основателем и главным организатором социальной и политической жизни Верхней Канады в начале её существования считается первый лейтенант-губернатор полковник Джон Грейвс Симко. Карьера этого офицера складывалась типично для своего времени. Он родился в семье капитана военно-морского флота Джона Симко, командира 60-пушечного линейного корабля Пемброк¹¹. В 18 лет юноша продолжил дело отца, поступив на службу в линейную пехоту в чине прапорщика. В 1775 г. его подразделение было переброшено в охваченный восстанием Бостон. В том же году Дж. Симко получил звание капитана, а в 1777 г. стал уже майором и возглавил корпус королевских рейнджеров – лёгкой пехоты, укомплектованной из лоялистов Массачусетса¹². За период 1777–1781 гг. его рейнджеры продемонстрировали высокие боевые качества, ни разу не замечались в мародёрстве или преступлениях и выполнили все возложенные на них задания. Репутация Симко как успешного командира получила признание в 1781 г. с присвоением ему звания лейтенант-полковника¹³.

Выдающиеся тактические способности будущей губернатор проявил и после окончания войны. Будучи озабочен поиском новых источников дохода, он попытался добиться должности на дипломатическом поприще, для чего последовательно создавал для себя репутацию компетентного в североамериканской проблематике человека. В течение 1780-х гг. Дж. Симко направил несколько писем знакомым из правительственных кругов, в которых высказывал замечания касательно дипломатических отношений с США и будущего Канады в составе Британской империи. В 1787 г. вышли его воспоминания об опыте командования королевскими рейнджерами в годы войны с колониями¹⁴, а также заметки-размышления о посвящённой Северной Америке главе из книги маркиза Шастелло «Путешествия»¹⁵. В 1790 г. Дж. Симко предпринял успешную попытку баллотироваться в Палату общин, где проявлял интерес и выступал исключительно в связи с вопросами конституционной реформы в Квебеке и отношений с США¹⁶. В результате к 1791 г. бывший командир королевских рейнджеров уже считался одним из наиболее сведущих о Канаде людей.

Но одной репутации было недостаточно для занятия ответственного поста. Усилить собственные позиции Дж. Симко удалось благодаря знакомству в парламенте с У. Питтом. Лейтенант-полковнику удалось завоевать необычайное расположение премьер-министра, который называл его «человеком, подходящим на любую должность»¹⁷. Вероятно, мнение У. Питта повлияло на министра внутренних дел У. Гренвилля и в итоге именно Дж. Симко получил назначение управлять Верхней Канадой. Интересно, что, по его собственному мнению, назначение в Канаду должно было стать временным испытанием, «ступенькой» перед получением более значимого поста в качестве дипломата в США¹⁸.

Новоиспечённый лейтенант-губернатор не собиравшись оставаться в Канаде надолго, хотя и намеревался произвести своими успехами впечатление на Уайтхолл. В письмах У. Гренвиллю Дж. Симко рисовал для Верхней Канады самые радужные перспективы: «Эта страна, расположенная в плодородном климате и не требующая больших финансовых вливаний, уже в скором времени будет способна снабжать Британию разными видами необходимого сырья, которое сегодня мы закупаем у иностранных, если не сказать, враждебных государств»¹⁹.

Ещё находясь в Лондоне, Дж. Симко занялся созданием опоры для своего правления в Канаде. Доказывая необходимость срочного благоустройства колонии для привлечения переселенцев и постоянно подчёркивая угрозу со стороны США, он предложил У. Гренвиллю сформировать в колонии особое воинское подразделение – ополчение на денежном довольствии солдат и офицеров запаса. В мирное время оно должно было заниматься общественными работами: строительством зданий, мостов, дорог, поддерживать правопорядок, защищать жителей колонии от набегов индейцев и демонстрировать США британское военное присутствие в регионе. А в случае войны с южными соседями, этот полк имел задачу первым встретить врага и задержать его, пока в Канаду не придут подкрепления из Европы²⁰. Итогом пространных рассуждений в объёмном письме У. Гренвиллю стала просьба воссоздать полк королевских рейнджеров на основе прежнего офицерского состава²¹. Таким образом, Дж. Симко хотел не только получить в распоряжение «карманное» воинское подразделение, но и перевести на службу в Верхнюю Канаду верных ему людей.

Позднее, уже после прибытия в Канаду, Дж. Симко ходатайствовал о повышении его в звании до полковника, мотивируя это тем, что не представляет возможным командовать полком в младшем чине²². Видимо, не веря до конца в успех своей просьбы, он предлагал ограничить действие его нового чина территорией Канады. Однако в Лондоне безоговорочно удовлетворили его просьбу.

Следующим этапом в формировании колониальной администрации должно было стать назначение членов Исполнительного и Законодательного советов. Согласно Конституционному акту 1791 г. и по замыслу колониального ведомства, первый из них предназначался для выполнения функций кабинета министров, а второй – верхней палаты провинциального парламента. Не успев ещё покинуть Лондон, глава Верхней Канады предложил в первый из них кандидатуры из числа офицеров королевских рейнджеров. Среди них был капитан Энеас Шау²³, «очень способный человек, и как офицер, и как знаток градостроительства», и Джон Мак Гилл²⁴, личный адъютант Дж. Симко, дважды спасавший ему жизнь в годы войны. Ещё двое из претендентов на место советников – Дэвид Уильям Смит²⁵ и Питер Рассел²⁶ – были знакомы лейтенант-губернатору по совместной службе под началом генерала Генри Клинтона и считались им в необходимой степени компетентными для занятия административных постов²⁷. И наконец, Уильям Осгуд²⁸, нотариус, по слухам, хороший друг У. Питта и внебрачный сын Георга II, сблизился с полковником в Лондоне и под влиянием личных симпатий принял предложение совместно работать в Канаде.

Не осталась без внимания и просьба Г. Карлтона включить в состав Исполнительного совета трёх верных ему людей, чья деятельность была связана с районом Великих озёр и не позволяла им находиться в городе-резиденции генерал-губернатора Квебеке. Среди них значился капитан Александер Грант²⁹, «старый и преданный слуга короны», сделавший немалое состояние в годы войны на использовании кораблей королевского флота для частных грузоперевозок по озеру Онтарио, а затем основавший собственную транспортную компанию. Также Уильям Робертсон³⁰, богатейший в Канаде торговец мехом и шкурами, чей доход составлял порядка 200 тысяч фунтов в год и кто по праву считался авторитетным человеком среди местного купечества. И нако-

нец, Джеймс Баби³¹, землевладелец французского происхождения, в чью задачу, по замыслу Г. Карлтона, должно было входить налаживание взаимодействия с другими католиками провинции.

И в случае с воссозданием полка королевских рейнджеров, и в формировании Исполнительного совета Уайтхолл не возражал против предложений Дж. Симко. Новый министр внутренних дел Генри Дандес вообще редко отвечал на многостраничные послания лейтенант-губернатора, и то в основном, чтобы сообщить о формальном утверждении ранее предложенных полковником мер. Отсутствие каких-либо собственных инициатив демонстрировало крайне невысокую степень заинтересованности Лондона в канадских делах. Хотя назначение одного из членов Исполнительного совета всё же было инициировано Уайтхоллом: Джон Элмсли³² в 1796 г. получил это место, а также должность главного судьи Верхней Канады благодаря личным связям с государственным секретарём Уильямом Кавендиш-Бентинком, герцогом Портленд (табл. 1).

Таким образом, только 5 из 9 членов Исполнительного совета имели какое-либо отношение к Канаде до назначения, и лишь 3 пребывали в ней длительное время. Уроженцем Северной Америки был и вовсе только 1 человек. Епископ Джейкоб Маунтаин³³ оказался включён в совет заочно и никогда не посещал его заседаний. По сути, большинство правительственного органа составили совершенно новые для Канады люди.

Сходным образом обстояли дела и с Законодательным советом. Из 13 его членов, назначенных в годы правления Дж. Симко, 9 параллельно входили в состав Исполнительного совета. Оставшиеся четверо – Джон Манро³⁴, Роберт Гамильтон³⁵, Ричард Данкан³⁶ и Ричард Картрайт³⁷ – были из числа лоялистов, преуспевших в торговле мехами и древесиной в районе реки Ниагара. Каждый из них уже провёл в колонии около 10 лет, все они имели деловые отношения

Таблица 1

Личный состав Исполнительного совета Верхней Канады в 1792–1796 гг.

Член Совета	Место рождения	Род занятий до назначения в совет	Год переезда в Верхнюю Канаду
Ж. Баби	Детройт, пров. Квебек	Государственная служба, торговля	1763 (уроженец Детройта)
А. Грант	Гленмористон, Шотландия	Военная служба, торговля	1774
У. Робертсон	Шотландия	Торговля	1782
Дж. Мак Гилл	Окленд, Шотландия	Военная служба	1788
Д. У. Смит	Солсбери, Англия	Военная служба	1790
Э. Шау	Неизвестно	Военная служба	1792
П. Рассел	Корк, Ирландия	Военная служба, государственная служба	1792
У. Осгуд	Лондон, Англия	Нотариус	1792
Дж. Элмсли	Лондон, Англия	Судья	1796
Дж. Маунтаин	Англия	Епископ англиканской церкви	Не переезжал

друг с другом и находились на хорошем счету у Г. Карлтона. Как видно из табл. 2, в Законодательном совете небольшой численный перевес оказался на стороне «старожилов» – уже проводивших несколько лет в Канаде коммерсантов. Хотя подавляющее большинство из них были родом не из Северной Америки.

Без сомнения, именно эти люди составили политическую элиту Верхней Канады. Их положение ещё больше укреплялось через получение ключевых должностей в колониальной администрации, членство в ассамблее, льготное приобретение огромных земельных участков и привилегии в торговле. Так, например, Ж. Баби не только входил в Исполнительный и Законодательный советы, но и избирался в колониальную ассамблею от графства Кент, занимал там же пост лорда-лейтенанта и командующего ополчением, служил заместителем лорда-лейтенанта графства Эссекс, судьёй по делам наследства и опеки и командующим ополчением Восточного округа провинции, был назначен главным викарием католической церкви Верхней Канады. А. Грант, помимо мест в Исполнительном и Законодательном советах, собрал настоящую коллекцию должностей в колониальной администрации: лорд-лейтенант графства Эссекс, руководитель Земельной комиссии по округу Гессе и Комиссии по вопросам наследства и завещаний Восточного округа, помощник суперинтенданта по делам с индейцами, депутат провинциальной Ассамблеи, непродолжительное время пребывал лейтенант-губернатором Верхней Канады.

С течением времени, благодаря патронажу и системе семейных связей, влияние этих людей только росло. В противоположность ситуации в Квебеке в прошлые десятилетия, они не кон-

фликтовали с губернатором, а, наоборот, имели с ним деловые, иногда даже дружеские, отношения, что ещё больше усиливало их позиции.

Сходным образом формировалась политическая система франкоязычной провинции – Нижней Канады. Решением У. Гренвилля, лейтенант-губернатором провинции стал генерал-майор Алуред Кларк. Он имел немало общего с Дж. Симко: в 15 лет в чине прапорщика начал военную службу, участвовал в сражениях Войны за независимость США, считался в лондонских правительственных кругах сведущим в области колониальной политики. Последнее – благодаря деятельности на посту управляющего Ямайкой в период с 1782 по 1790 г., где ему удалось добиться уважения со стороны местных плантаторов и их содействия в проведении в жизнь директив метрополии. Подобно Дж. Симко, А. Кларк не рассматривал службу в Канаде как долговременное назначение. Он практически не интересовался социально-экономическим развитием колонии, не знал и не намеревался учить французский язык и больше всего беспокоился об организации обороны провинции и снабжении войск³⁸.

Таким образом, основные функции гражданской администрации оказались в ведении Исполнительного и Законодательного советов, с решениями которых лейтенант-губернатор редко не соглашался. Личный состав этих органов А. Кларк предпочёл укомплектовать из числа местного купечества британского происхождения. Очевидно, генерал-майор гораздо больше доверял англоязычным канадцам, хоть их и было в провинции явное меньшинство, нежели представителям франкоязычного большинства. Это хорошо заметно на примере личного состава Исполнительного совета (табл. 3).

Таблица 2

Личный состав Законодательного совета Верхней Канады в годы правления Дж. Симко (1792–1796)

Член Совета	Место рождения	Род занятий до назначения в Совет	Год переезда в Верхнюю Канаду
Ж. Баби	Детройт, пров. Квебек	Государственная служба, торговля	1763 (уроженец Детройта)
А. Грант	Гленмористон, Шотландия	Военная служба, торговля	1774
Р. Данкан	Англия	Торговля, военная служба, государственная служба	1777
Р. Картрайт	Олбани, Нью-Йорк	Торговля	1777
Р. Гамильтон	Болтон, Шотландия	Торговля	1779
У. Робертсон	Шотландия	Торговля	1782
Дж. Манро	Шотландия	Торговля, военная служба, государственная служба	1784
Дж. Мак Гилл	Окленд, Шотландия	Военная служба	1788
Э. Шау	Неизвестно	Военная служба	1792
П. Рассел	Корк, Ирландия	Военная служба, государственная служба	1792
У. Осгуд	Лондон, Англия	Нотариус	1792
Дж. Элмсли	Лондон, Англия	Судья	1796
Дж. Маунтаин	Англия	Епископ англиканской церкви	Не переезжал

Таблица 3

Личный состав Исполнительного совета Нижней Канады в 1790-е гг

Член Совета	Место рождения	Род занятий до назначения в совет	Год переезда в Нижнюю Канаду
А. Л. Жюшере-Дюшесне	Квебек	Землевладелец, офицер ополчения	Уроженец Квебека
Дж. Лииз	Шотландия	Торговля	1761
Дж. Мак Гилл	Глазго, Шотландия	Торговля	1767
А. Лимбернер	Килмарнок, Шотландия	Торговля	1772
Дж. Монк	Бостон, Массачусетс	Юрист, адвокат, судья	1776
Дж. Йанг	Шотландия	Торговля	1783
Дж. Маунтаин	Англия	Епископ англиканской церкви	1793
У. Осгуд	Лондон, Англия	Нотариус	1794

Интересно, но А. Кларк даже не принял в расчёт, что из восьми членов Исполнительного совета пятеро – Дж. Лииз³⁹, Дж. Мак Гилл⁴⁰, А. Лимбернер⁴¹, Дж. Монк⁴², Дж. Йанг⁴³ – долгие годы находились в активной оппозиции и недружественных отношениях с Г. Карлтоном, который по-прежнему оставался генерал-губернатором Канады. Пытался ли управляющий Нижней Канады таким образом снизить уровень недовольства состоятельных коммерсантов, видел ли в них единомышленников, считал наиболее квалифицированными управляющими или находился под влиянием религиозных и культурных предубеждений, но франкоканадская общественность получила лишь одного представителя в правительстве провинции – А. Л. Жюшере-Дюшесне⁴⁴.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в верхней палате колониального парламента: среди 21 советника только 9 были франкоканадцами (табл. 4).

Однако среди политических институтов, созданных в соответствие с Конституционным актом 1791 г., не все оказались полностью подвластны лейтенант-губернатору. Соотношение франко- и англоязычных жителей провинции оставалось далеко не в пользу последних и составляло к 1792 г. порядка 156 тыс. к 10 тыс. человек. Это не могло не отразиться на составе колониальной ассамблеи, которая по закону формировалась на основе прямых выборов. Несмотря на наличие серьезного имущественного ценза и махинации с границами избирательных округов, лишь 16 из 50 депутатов представляли англоязычное сообщество, что ненамного уравновесило силы⁴⁵. Что же касается 34 франкоканадских парламентариев, то они имели весьма бескомпромиссный настрой и не скрывали намерения удерживать за собой контроль над ассамблеей.

Первый же вопрос, касавшийся выбора спикера легислатуры, продемонстрировал глубокий раскол среди её членов. Франкоязычные депутаты предложили на этот пост уроженца Квебека Ж.-А. Пана, а англоязычные – несколько канди-

датур из своих рядов. В ходе непродолжительных дебатов обе стороны упрямо отстаивали собственную позицию и, в итоге, франкоканадцы закончили споры, просто объявив голосование и выиграв его большинством голосов⁴⁶. Аналогичным образом был решён вопрос об официальном языке делопроизводства ассамблеи. Хотя франкоговорящие депутаты и не могли оспорить официальный статус английского языка, они вознамерились повысить положение французского, разрешив употреблять его для прений и подачи законопроектов. Предусматривался также синхронный перевод англоязычных выступлений и документации. Несмотря на то что предложение подразумевало и обязательный перевод франкоязычных речей и законопроектов на английский, оно встретило консолидированное сопротивление британского купечества. Однако численный перевес вновь был не на их стороне⁴⁷.

Было бы неправильно трактовать поведение франкоканадских депутатов с точки зрения простой нелояльности. Противостояние с англоязычными коллегами не свидетельствовало об оппозиционном настрое по отношению к британским властям. Это стало очевидно в 1793 г., когда Великобритания вступила в войну с Францией. Прежде канадская общественность имела двойственное отношение к революционным событиям во Франции, поддерживая в целом перемены, принятие Конституции и Декларации прав человека и гражданина, но с подозрением относясь к восстанию как таковому⁴⁸. В Квебеке даже печатались труды французских просветителей и собирался для обсуждения политических вопросов Конституционный клуб, куда входили и некоторые члены ассамблеи. Но после появления новостей о казни короля и начале боевых действий даже те, кто прежде симпатизировали республике, предельно ясно заявили о своей лояльности британской короне.

С подачи А. Кларка ассамблея безоговорочно поддержала приостановку действия акта Habeas corpus, введение в колонии военного положения и приняла Закон об иностранцах. Последний практически закрывал Канаду для посе-

Таблица 4

Личный состав Законодательного совета Нижней Канады в 1790-е гг

Член Совета	Место рождения	Род занятий до назначения в совет	Год переезда в Нижнюю Канаду
Дж. Фрейзер	Шотландия	Военная служба, судья	1760
Т. Данн	Дарем, Англия	Торговля, государственная служба	1760
Х. Финлэй	Глазго, Шотландия	Торговля, государственная служба	1763
Э. Харрисон	Англия	Торговля, государственная служба	1763
Дж. Коллинз	Великобритания	Торговля, государственная служба	1764
Г. Калдвелл	Ирландия	Земельные спекуляции	1774
Дж. Паунелл	Линкольншир, Англия	Государственная служба	1775
Дж. Монк	Бостон, Массачусетс	Юрист, адвокат, судья	1776
Дж. Джонсон	Нью-Йорк	Торговля, военная служба, глава Индейского департамента	1776
У. Смит	Нью-Йорк	Главный судья Квебека	1783
Дж. Маунтаин	Англия	Епископ англиканской церкви	1793
У. Осгуд	Лондон, Англия	Нотариус	1794
Ф. Баби	Монреаль, Квебек	Торговля, государственная служба	Уроженец Квебека
Ж.-Д.-Э. Ле Мун де Лён-жюё	Квебек	Землевладелец, офицер ополчения	Уроженец Квебека
Ш. де Сен-Урс	Квебек	Землевладелец, офицер ополчения	Уроженец Квебека
Ф. М. Пикоте де Белестр	Квебек	Государственная служба	Уроженец Квебека
Г.-Ж. Шоссегро де Лери	Квебек	Землевладелец, государственный служащий	Уроженец Квебека
Ш.-Л. Тарию де Ланодиер	Квебек	Землевладелец, государственный служащий	Уроженец Квебека
Р.-А. Бушер де Бушервилль	Форт Фронтенак, Квебек	Землевладелец, государственный служащий	Уроженец Квебека
М.-Ю.-Г.-А. Шартье де Лотбинир	Квебек	Землевладелец, военная служба	Уроженец Квебека
Г.-Э. Ташеро	Квебек	Землевладелец, военная служба, государственная служба	Уроженец Квебека

щения всех, кроме выходцев из Великобритании, поскольку каждый въезжающий в провинцию должен был получать разрешение на пребывание лично у губернатора⁴⁹. Депутаты легислатуры, Законодательного и Исполнительного советов подписали в Квебеке и Монреале «декларации верности», в которых подтверждали свою преданность британским властям и законам и обязывались подавлять смуту и поддерживать общественный порядок⁵⁰.

Первые конфликты в ассамблее свидетельствовали не о нелояльности франкоканадских депутатов, а о том, что они не собирались мириться с ситуацией, когда старая политическая элита Квебека оказалась вытеснена из ключевых политических институтов, а основные позиции там заняли недавние выходцы из метрополии – военные и коммерсанты. Их ответом стало сплочение рядов, т. е. объединение «своих» – франкоговорящих депутатов вокруг избранного ими спикера ассамблеи – а также повышение статуса родного языка. При кажущейся незначительности этих событий именно они стали первыми

шагами на пути развития франкоканадской идентичности и франкоканадского национализма.

Примечания

- 1 См.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 23–24.
- 2 См.: Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998. С. 18–19.
- 3 См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 29–32.
- 4 См.: Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. С. 10.
- 5 См.: Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 5.
- 6 См.: Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 28.
- 7 См.: Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012. С. 15–16.
- 8 Там же. С. 15.

- ⁹ См.: Нохрин И. М. Национальный дискурс в политической истории Канады XIX в. // Американский ежегодник, 2015 / отв. ред. В. В. Согрин. М., 2016. С. 341.
- ¹⁰ См.: Нохрин И. М. Канада : английская или французская? Утверждение британской колониальной администрации в Квебеке и первые попытки урегулирования межэтнических противоречий (1763–1791 гг.). Челябинск, 2013. С. 100–101.
- ¹¹ См.: Fryer M. B., Dracott Ch. John Graves Simcoe 1752–1806 : A Biography. Toronto, 1998. P. 12–13.
- ¹² Ibid. P. 37–38.
- ¹³ См.: Mealing S. R. Simcoe, John Graves // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/simcoe_john_graves_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ¹⁴ См.: Sincoe J. G. A journal of the operations of the Queen's Rangers, from the end of the year 1777, to the conclusion of the late American war. Exeter, 1787.
- ¹⁵ См.: Sincoe J. G. Remarks on the travels of the Marquis de Chastellux, in North America. L., 1787.
- ¹⁶ См.: Fryer M. B., Dracott Ch. Op. cit. P. 104, 109, 117, 118.
- ¹⁷ Kingsford W. The History of Canada. Vol. 7. Toronto, 1892. P. 339.
- ¹⁸ См.: Mealing S. R. Op. cit.
- ¹⁹ The correspondence of Lieut. Governor John Graves Simcoe, with allied documents relating to his administration of the government of Upper Canada / ed. by E. A. Cruikshank. Vol. 1. Toronto, 1923–1931. P. 28.
- ²⁰ Ibid. P. 29.
- ²¹ Ibidem.
- ²² См.: Kingsford W. Op. cit. P. 340.
- ²³ См.: Mealing S. R. Shaw, Aeneas // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/shaw_aeneas_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ²⁴ См.: Mealing S. R. Mc Gil, John // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 6. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/mcgill_john_6E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ²⁵ См.: Mealing S. R. Smith, Sir David William // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 7. Toronto, 2013. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/smith_david_william_7E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ²⁶ См.: Firth E. G. Russel, Reter // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/russell_peter_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ²⁷ См.: The correspondence of Lieut. Governor John Graves Simcoe... P. 48.
- ²⁸ См.: Mealing S. R. Osgoode, William // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 6. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/osgoode_william_6E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ²⁹ См.: Whitfield C. Grant, Alexander // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/grant_alexander_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ³⁰ См.: Brock D. J. Robertson, William // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/robertson_william_1806_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ³¹ См.: Clarke J. Baby, James // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 6. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/baby_james_6E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ³² См.: Firth E. G. Elmsley, John // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/elmsley_john_1762_1805_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ³³ См.: Millman T. R. Mountain, Jacob // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 6. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/mountain_jacob_6E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ³⁴ См.: Johnson J. K. Munro, John // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 4. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/munro_john_4E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ³⁵ См.: Wilson B. G. Hamilton, Robert // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/hamilton_robert_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ³⁶ См.: Johnson J. K. Duncan, Richard // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/duncan_richard_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ³⁷ См.: Rawlyk G., Potter J. Cartwright, Richard // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/cartwright_richard_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ³⁸ См., например, переписку А. Кларка и Дж. Симко, которая даёт наглядное представление об интересовавшихся лейтенант-губернаторов вопросах, в издании The correspondence of Lieut. Governor John Graves Simcoe, with allied documents relating to his administration of the government of Upper Canada / ed. by E. A. Cruikshank. Vol. 1. Toronto, 1923–1931.
- ³⁹ См.: Frenette Y. Lees, John // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/lees_john_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ⁴⁰ См.: Cooper J. I. Mc Gill, James // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/mcgill_james_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ⁴¹ См.: Roberts D. Lymburner, Adam // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 7. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/lymburner_adam_7E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ⁴² См.: Lambert J. H. Monk, Sir James // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 6. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/monk_james_6E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ⁴³ См.: Moogk P. N. Yong, John // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 5. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/young_john_1819_5E.html (дата обращения: 29.01.2018).

- ⁴⁴ См.: *Bernatchez G. Juchereau Duchesnay* // Dictionary of Canadian Biography. Vol. 6. Toronto, 2003. URL: http://www.biographi.ca/en/bio/juchereau_duchesnay_antoine_louis_6E.html (дата обращения: 29.01.2018).
- ⁴⁵ См.: *Wade M. The French Canadians, 1760–1945*. N. Y., 1955. P. 94.
- ⁴⁶ Ibid. P. 95.
- ⁴⁷ См.: *Christie R. A history of the late province of Lower Canada ; parliamentary and political, from the commencement to the close of its existence as a separate province*. Vol. 1. Quebec, 1848. P. 133–135.
- ⁴⁸ См.: *Tétu M. Quebec and the French Revolution* // Canadian Parliamentary Review. 1989. Vol. 12, № 3. URL: <http://www.revparl.ca/english/issue.asp?art=819¶m=130> (дата обращения: 29.01.2018).
- ⁴⁹ См.: *Journals of the House of Assembly of Lower Canada for 1793–1794*. Quebec, 1794. P. 308.
- ⁵⁰ См.: *Kingsford W. Op. cit.* P. 397.

Образец для цитирования:

Нохрин И. М. Политическая элита Канады конца XVIII века и происхождение франкоканадского национализма // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 343–350. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-343-350.

Cite this article as:

Nokhrin I. M. Canadian Political Elite in the Late XVIII Century and the Origin of French Canadian Nationalism. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 343–350 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-343-350.

УДК 940.2(415)

ИРЛАНДСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ВЕЛИКАЯ ВОЙНА: НАЧАЛО РАСКОЛА ИРЛАНДИИ

В. И. Дуров

Дуров Виктор Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории войн и военного искусства, Военный научно-учебный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина», Воронеж, wiktordurov@mail.ru

В статье анализируется размежевание ирландского национализма в годы Первой мировой войны. Показан процесс радикализации и милитаризации политического климата Ирландии под влиянием войны и вопроса о самоуправлении. Автор обращается к анализу причин, приведших революционное направление ирландского национализма к лидерству и способствовавших получению им массовой поддержки населения. Ключевыми событиями стали Ирландский кризис 1912–1914 гг., Пасхальное восстание и влияние идей партии Шинн Фейн. В то же время протестантское население Ольстера сплотилось под влиянием событий на фронтах Первой мировой войны и британского патриотизма.

Ключевые слова: Ирландия, Первая мировая война, ирландский национализм, радикализм, национальная идея.

Irish Nationalism and the Great War: the Origins of Divided Ireland

V. I. Durov

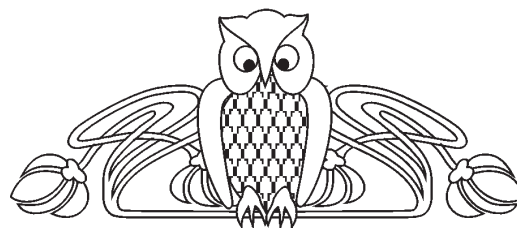
Viktor I. Durov, ORCID 0000-0002-3766-384X, Russian Air Force Military-Educational and Scientific Centre, Zhukovsky-Gagarin Air Force Academy, 142/8, Shishkova Str., Voronezh, 394068, Russia, wiktordurov@mail.ru

The author focuses attention on the demarcation of Irish nationalism during the World War I. The influence of the war and the Home Rule question on the process of radicalization and militarization of the Irish political climate is shown. The author of this article studies the causes that led Irish advanced nationalism to leadership and contributed to their mass popular support. The Irish crises 1912–1914, the Easter Rising and the ideas of Sinn Féin were key events in the history of Irish nationalism. On the contrary, the protestant population of Ulster was united under the influence of British patriotism and battles of the Western front.

Key words: Ireland, World War I, nationalism, radicalism, national idea.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-351-356

В ирландской историографии, как и в английской и американской, понятие «Первая мировая война» по частоте использования уступает понятию «Великая война». Действительно, те эпохальные события, которые произошли в Ирландии во время этой мировой катастрофы, во многом предопределили дальнейший ход исто-

рии страны и могут быть отнесены к «Великой эпохе». Здесь и Ирландский кризис 1912–1914 г., и вопрос о конскрипции, и Пасхальное восстание 1916 г., и всеобщие выборы в 1918 г., результаты которых показали, что политический климат на Изумрудном острове решительно изменился.

В настоящей статье мы попытаемся разобраться в череде сложных явлений, в результате которых долгий процесс образования современной ирландской нации вышел на финишную прямую.

Накануне Великой войны Ирландия была аграрной страной, имевшей лишь на северо-востоке крупную сеть промышленных предприятий. Именно со стапелей в Белфасте, столицы провинции Ольстер, спустились на воду печально известный «Титаник». Такое различие между югом и северо-востоком острова было предопределено историей страны.

Ирландия в начале XX в. представляла собой пеструю в политическом и культурном плане картину. В это время на острове можно выделить три этнических элемента – ирландский, англо-ирландский и шотландо-ирландский, не имевших четких характеристик и идентификации. В 1914 г. население Ирландии составляло около 4,38 млн человек, что немногим меньше численности жителей современного Дублина.

После Унии 1801 г. и введения в середине XIX в. начального и среднего образования по английским стандартам начался процесс приобщения ирландцев к британским традициям. К концу XIX в. гэльский язык находился на грани полного исчезновения. В таких условиях задачей ирландских патриотов было остановить и переломить этот процесс.

С началом нового столетия на острове основными были три политических направления: юнионизм и два течения ирландского национализма (реформаторское и революционное). Политические цели и практика данных движений внесли свой вклад в становление национальной политической системы.

Юнионизм защищал унию с Великобританией. Наибольшим влиянием он пользовался в Ольстере. Основное население провинции было протестантским, чьи привилегии охранялись статьями Унии. Реформы по расширению прав католиков и ведению автономии встречали острое неприятие и вызывали политические кризисы.

Реформаторское направление придерживалось конституционных способов политической

борьбы. Главным его выразителем была Ирландская парламентская партия (ИПП) во главе с Дж. Редмондом. Ключевым пунктом их программы был гомруль (самоуправление в Ирландии).

Революционное направление объединяло широкий спектр движений и организаций. Его цель – полная независимость Ирландии. Главный метод – насильственный (революция, восстание, переворот, террор). Революционное направление не имело такой массовой поддержки, как реформизм или юнионизм. Из-за неприязни к монархической форме правления это направление может быть определено как республиканское, а по конечной цели – сепаратистское¹. Большинство исследователей относят к нему Ирландское республиканское братство (ИРБ), Ирландскую социалистическую республиканскую партию и Ирландский союз транспортных и неквалифицированных рабочих.

Ирландский исследователь Р. Фостер применил к ним понятие «новый национализм»², который продемонстрировал идеологические перемены в тактике движения. Идеологические изменения были вызваны Гэльским культурным возрождением. Особую роль в нем играли Гэльская лига и Гэльская атлетическая ассоциация, стремившиеся к возрождению ирландской культуры, традиций и языка. Благодаря публицистической и журналистской деятельности А. Гриффитса, идеи культурного национализма были трансформированы под нужды конкретных политических, экономических и социальных программ. Мощный революционный импульс был заложен в идеях Шинн Фейна, который предлагал способ национального освобождения, опирающийся на саморазвитие, на собственную мобилизацию ирландской нации³. В начале XX в. организации революционного направления были маловлиятельны, но ситуация вскоре изменилась.

С 1912 г. политическую ситуацию на острове с трудом можно назвать мирной. Вопрос о гомруле привел к радикализации и милитаризации Ирландии. Страна представляла собой военный лагерь. На острове образовались три полувоенные организации: Ольстерские добровольческие силы, стремящиеся не допустить автономии Ирландии и готовые на применения насилия; Ирландские волонтеры (ИВ), выступающие за автономию; и Ирландская гражданская армия (ИГА). Последние две организации были созданы в ноябре 1913 г. На острове запахло порохом.

На первом этапе существования ИВ руководящую роль в организации играло ИРБ. Волонтеры стремились «возродить принцип доверия народа к использованию оружия в достижении цели, которую, как стало очевидно в последнее время, он никогда не получит никакими другими способами. Это независимость Ирландии»⁴. Лидеры стремились получить поддержку общественного мнения и объединить под эгидой ИВ все политические группы. Организация росла,

инструктаж среди волонтеров вели резервисты британской армии. Постепенно движение ширилось, а включение летом 1914 г. в состав управления 25 сторонников Дж. Редмонда превратило ИВ в действительно национальное движение (с 25 тыс. членов в мае до 182 тыс. в сентябре 1914 г.), в то же время существенно ослабив революционность организации.

Летом 1914 г. Ирландский кризис зашел фактически в тупик. Многие наблюдатели отмечали, что на Зеленом острове неизбежно вспыхнет гражданская война. Однако события в Сараево и июльский кризис 1914 г. сместили ольстерский вопрос на второй план. 30 июля британский премьер-министр Г. Асквит предложил парламенту отсрочить обсуждение билля о гомруле по причине международных осложнений и получил одобрение. 4 августа Англия вступила в войну, а правительство поддержало все партии.

Первая мировая война разделила Ирландию на тех, кто откликнулся на призыв умирать за мифический гомруль и европейские интересы, и тех, кто выступил в борьбу за независимость ирландской нации. Э. Карсон, лидер юнионистов, и Дж. Редмонд отказались от бывшего антагонизма и заявили о своей поддержке линии Антанты. 3 августа Дж. Редмонд провозгласил в Вестминстере, что Ирландские волонтеры и Ольстерские добровольческие силы могут совместно встать на защиту острова от иностранного вторжения. 18 сентября 1914 г. гомруль был утвержден королем, но его вступление откладывалось до окончания войны. В благодарном порыве 20 сентября в Вуденбридже Дж. Редмонд призвал ирландцев не только к самообороне, но и активной «защите права, свободы и религии в этой войне», высказался за защиту католической Бельгии⁵, т. е. выступал за прямое участие ирландцев в мировом конфликте.

В конце 1914 г. в Белфасте из членов Ольстерских добровольческих сил была сформирована 36-я (Ольстерская) дивизия, сохранившая название и символику своей провинции. После короткой подготовки осенью 1915 г. она была направлена во Францию. Позднее Дж. Редмонд предлагал создать Ирландскую дивизию по образцу 36-й (Ольстерской) дивизии и включить её в состав экспедиционных сил, однако его просьбы были отклонены.

Члены ИПП участвовали в английской кампании по вербовке ирландцев в армию. Так они желали объединить северо-восток и юг острова, всю ирландскую нацию в общей борьбе с врагом. Их труды дали всходы. За весь период войны в британскую армию вступило более 200 тыс. ирландцев. Как отмечает ирландский исследователь Д. Фицпатрик, это была самая массовая военная мобилизация в истории Ирландии⁶.

Однако революционное течение увидело в этих действиях национальное предательство. Дезмонд ФицДжеральд, офицер ирландских волон-

теров и член ИРБ, так описал их чувства: «Наша национальная принадлежность была стерта не только политически, но также и в нашем сознании. Ирландский народ осознавал себя частью Англии»⁷. Они понимали, что это означает утрату идентичности.

Из-за разногласия с политикой ИПП произошел раскол волонтеров. 25 сентября 1914 г. был опубликован манифест членов Временного комитета волонтеров. Провозглашалось: Ирландия не может принять участие в войне без одобрения подобного решения Национальным правительством. Призыв же Дж. Редмонда о вербовке в британскую армию шел без его согласования с Временным комитетом. Однако большинство волонтеров последовало за Редмондом. Так, из 188 тыс. человек только 13,5 тыс. объявили о своей верности президенту ИВ профессору И. МакНиллу. Они сохранили за собой название «Ирландские волонтеры». Чтобы отличаться, сторонники парламентской партии провозгласили себя «Национальными волонтерами». Однако в ходе Первой мировой войны численность последних сокращалась, и они практически дезорганизовались. Во многом этому способствовала их активная запись в британскую армию⁸. Состав ИВ, напротив, постепенно увеличивался. Они активно проводили тренировки. Номинально во главе них оставался И. МакНилл, но постепенно все властные рычаги вновь перешли к активистам ИРБ.

Лидеры сепаратистов понимали: переломить ситуацию должна новая тактика. В начале сентября 1914 г. в Дублине на собрании представителей радикальных организаций было разработано два направления их дальнейшей деятельности.

Во-первых, они заявили о нейтральной позиции Ирландии в войне, развернули антивоенную и антианглийскую пропаганду. Основная идея: Ирландия может участвовать в войнах только по решению национального правительства, а при его отсутствии правильной позицией является лишь нейтралитет, так как у ирландцев нет врагов в Европе.

Во-вторых, было решено до окончания войны поднять восстание. Война обещала республиканцам конец их изоляции и непопулярности в стране. Веру в успех подкреплял тот факт, что гарнизон британских войск на острове был значительно уменьшен в сравнении с довоенным периодом.

В антивоенной пропаганде частым объектом нападок была политика ИПП, которая вела, по мнению радикалов, к физическому уничтожению нации, помогала и содействовала настоящему врагу Ирландии – Англии – в ущерб ирландской свободе. Постепенно агитация начала приносить плоды. С началом 1915 г. число рекрутов заметно сократилось.

Вскоре стало ясно, что война пришла надолго. Дают о себе знать экономические проблемы.

Популярность ИПП снижается, сокращается численность Национальных волонтеров. Видя это, Дж. Редмонд отвечает отказом на предложение вступить в коалиционное правительство, ибо такой поступок мог быть расценен общественностью как предательский. Хотя большинство ирландцев поддерживало участие Англии в войне, достаточно остро в Ирландии воспринимались слухи о введении воинской повинности – конскрипции. Возможность конскрипции сделало позицию партии сильно уязвимой. Другим недостатком политики реформистов было то, что они не могли предложить новых идей, тем самым давая почву для критики. Мало политических очков дала запись большого числа активистов в рекруты. Это лишь обесцветило ряды партии. Многие молодые перспективные ирландские деятели погибли в сражениях на фронтах Европы. Среди них брат лидера реформистов Уильям Редмонд и харизматичный Томас Кеттл.

Главной военной силой революционеров были ИВ, которые насчитывали около 11–15 тыс. человек. После раскола перед их лидерами встала задача реорганизации и решения вопроса с вооружением. В декабре 1914 г. организация была реформирована на основе разработанной «Схемы военной организации Ирландских волонтеров». В данном документе строго прописывалась структура, дисциплина, численность подразделений, ранги офицеров и высшее командование. Все подразделения строились по территориальному принципу с широким самоуправлением. Офицеры младшего состава избирались собранием волонтеров и утверждались Штаб-квартирой.

Волонтеры имели тактическое деление на роты, батальоны, бригады и дивизии (последние так и не были созданы)⁹. Многоступенчатым было обучение офицерского состава. После реорганизации Ирландских волонтеров основной упор делался на огневую и инженерную подготовку, разведку и марши. Физическая выносливость бойцов была хорошей. Так, они совершали марши с маневрами и полевой работой в 20 миль¹⁰.

Во главе сформированной Штаб-квартиры номинально оставался И. МакНилл, но основные посты занимали члены ИРБ. П. Пирс был директором организации, пост директора военных операций занимал Дж. Планкетт, за подготовку волонтеров отвечал Т. МакДонах, генерал-интендантом был Б. Хобсон, вопросами вооружения ведал О'Рахилли.

В отличие от волонтеров Редмонда, ИВ старались проводить занятия регулярно, а для повышения квалификации офицеры направлялись в Дублин. ИВ располагали небольшим запасом оружия. К началу 1915 г., по оценке британских властей, ИВ имели немногим более 2 тыс. старых ружей, в то время как Национальные волонтеры – 9 тыс. (для сравнения, Ольстерские

добровольческие силы располагали 53 тыс. единиц современного оружия)¹¹. Главными формами поступления оружия стали контрабанда, по большей части из Америки, и кража карабинов у сторонников Редмонда и простых граждан.

Деятельность ИВ заключалась также в проведении парадов и маршей в дни национальных праздников. Это служило лишним поводом для пропаганды антивоенных и антибританских идей.

В расколе организации волонтеров некоторые лидеры сепаратистов видели большие выгоды. Так, в октябре 1914 г. П. Пирс писал Джозефу МакГаритти, одному из лидеров ирландских иммигрантов в Америке: «У нас в настоящий момент положение сильнее, чем когда-либо прежде. Целая организация волонтеров, которая поддерживает нашу позицию против вербовки, может рассматриваться как сепаратистская организация»¹². Националисты никогда прежде не имели такой многочисленной (в Дублине до 2,5 тыс. человек, а по всей стране до 15 тыс.) опоры в Ирландии. Схожее мнение высказал весной 1915 г. Дж. Планкетт. По его мнению, организацию покинули несогласные с ее целями члены. Это сделало возможным реорганизацию волонтеров «на эффективном военном базисе» по всей стране¹³. Хотя большинство резервистов вернулись в ряды британской армии, Дж. Планкетт отмечал, что «люди, сейчас занявшие места британских резервистов, в целом более решительные, более добросовестные и среди них лучшие офицеры»¹⁴.

Решение вопроса о вооружении волонтеров и эффективности выступления было найдено в идее иностранной помощи. Союзником должна была стать кайзеровская Германия. Ещё перед войной среди некоторых лидеров ирландских националистов получила популярность идея германо-ирландского сотрудничества против общего врага – Британской империи. Вступление Англии в европейский конфликт сделало такой союз реальным. В середине октября 1914 г. в Берлин в качестве эмиссара американской неогенианской организации Клан на Гэл был направлен Роджер Кейзмент.

Кейзмент прибыл в Берлин в начале ноября 1914 г. За короткое время ему удалось встретиться с помощником статс-секретаря А. Циммерманом, а позднее со статс-секретарем Г. Яговым. 20 ноября 1914 г. в «*Норддойче Альгемайне Цайтунг*» появилось официальное заявление кайзеровского правительства о поддержке деятельности Р. Кейзмента и о мирных намерениях Германии в отношении ирландцев и их институтов. Позднее текст заявления немецкого правительства был перепечатан во многих ирландских, американских и английских газетах.

Главная цель миссии Кейзмента – превращение «ирландского вопроса» в международный – благодаря заявлению о немецкой симпатии была

выполнена. Это имело большое значение для ирландских националистов: «...у нас сейчас есть посол за границей, и нет ни одного фермера или рабочего в Керри, кто, услышав эту историю (о деятельности Кейзмента. – В. Д.), тотчас не осознал бы, что это значит. Теперь для мира мы нация, и у нас есть на этот счет ранее неиспытанное чувство собственного достоинства»¹⁵.

23–28 декабря 1914 г. было заключено соглашение о формировании Ирландской бригады¹⁶. По условиям соглашения Бригада должна была сражаться исключительно за свободу Ирландии и при случае перебрасывалась на Зеленый остров. Попытку формирования Бригады постигла неудача. Хотя все ирландцы были собраны в одном лагере в Лимбурге (недалеко от Франкфурта-на-Майне), добровольцев нашлось мало. Агитация Кейзмента ко всем военнополным на общем собрании была ошибкой. В июле 1915 г. в Ирландской бригаде числилось только 55 человек.

В 1915 г. ирландские сепаратисты разработали план восстания. Важное место в нем занимал немецкий десант и удержание линии Шеннон-Атлон-Слайго. Вслед за тем можно было переходить к овладению севером и югом страны¹⁷. Однако реально помощь Берлина оказалась незначительной. Накануне восстания из Германии было направлено судно «Ауд» с 20 тыс. старых ружей, но его у самых берегов Ирландии перехватила британская береговая охрана. Но эта неудача не остановила лидеров ирландцев. Был взят курс на самостоятельное выступление.

Важной идеей организаторов Ирландского восстания стала идея искупительной жертвенности. Её главным идеологом был Патрик Пирс. П. Пирс – самая важная фигура в истории Ирландии начала XX в. По мнению исследователя Ш. Кронины, это объясняется тремя причинами: П. Пирс был пропагандистом идеалов «кельтицизма», стал символом Ирландского восстания 1916 г., а его политические памфлеты и речи трактовались как «Священное писание» на протяжении первых 50 лет независимости Ирландии¹⁸.

П. Пирс не разделял мнения членов Верховного совета ИРБ Д. МакКуллаха и Б. Хобсона, что восстание правомерно только при широкой народной поддержке. Он считал, что «дух нации намного важнее его тела» и «дух нации должен быть сохранен»¹⁹. Жертва во имя дела Ирландии рассматривалась как «очищение нации кровью», возрождающее патриотический дух, оправдывала тем самым вооруженное выступление, пусть и не имеющее шансов на успех. Эта идея была одной из вдохновляющих во время борьбы за Ирландскую республику 1916 г.

24–30 апреля 1916 г. на улицах Дублина родилась Ирландская республика. Но восстание вскоре было жестоко подавлено властями. 15 лидеров были казнены, тысячи повстанцев и просто членов ИВ были арестованы. Пасха 1916 г. принесла

большие жертвы среди гражданского населения. Центр Дублина, где находились опорные пункты повстанцев, был разрушен артиллерийскими снарядами и огнём. Однако кровавая неделя существования Ирландской республики открыла новую страницу в национальной истории.

Ровно через месяц после Пасхи 1916 г. во Франции началась одна из кровопролитнейших операций Первой мировой войны – сражение на реке Сомма. В ходе этой битвы 36-я (Ольстерская) дивизия проявила образцовое мужество и дисциплину, но понесла большие потери. В Ольстере каждая вторая семья была в трауре. Эти два события – Пасха 1916 г. и битва на р. Сомме – стали водоразделами формирования ирландской идентичности и самосознания ольстерской этнической группы²⁰. В битве на р. Сомма принимали участия и другие ирландские части, сформированные не из жителей Ольстера. Они были задействованы и в других сражениях Великой войны, например, у Галлиополи. Однако для населения Юга страны их жертвы уже казались бесполезными. Был рожден совершенно другой политический миф – герои Дублинского восстания. Эту мысль ярко проиллюстрирует следующий отрывок:

Англичане велели идти на войну,
И нашлись среди нас чудаки, сумасброды,
Кто поверил, что их на сраженье зовут
За свободу великих и малых народов.
Где теперь их могилы? В далеких краях
Только ветер да волны разносят их прах.
Но Свобода ждала вас в бою баррикадном!
И настигни вас смерть в этот праведный час,
Под травой, напоенной апрельской прохладой,
Там, где фении спят, схоронили бы вас²¹.

Герои Великой войны ещё долгое время будут находиться в забвении.

Дублинские события вывели революционное течение в авангард нации. Представители реформизма осознали, что в стране произошло смещение политического спектра вправо. Для сохранения статуса выразителя ирландского народа им необходимо было ввести гомруль до окончания войны. Эта мера могла, по их мнению, выпустить пар недовольства из страны. Но для самих ирландцев призывы ИПП отправиться на континент и сражаться за сомнительную автономию под влиянием Пасхи 1916 г. утратили прежний смысл.

Вокруг символов 1916 г. сформировалось общенациональное движение Ирландские волонтеры и Шинн Фейн. Его популярности во многом способствовали казни восставших и жестокости военного положения в Ирландии, а также пробудившаяся «ирландская душа». Тактика Пирса оказалась верной: революционеры, пролив свою кровь, пробудили ирландскую нацию. Национальная пропаганда создала из участников дублинских событий «Пасхальных мучеников». В

массовом хождении были значки национального трехцветника, фотографии, открытки, памфлеты и песенники, в которых в той или иной форме отражался патриотический дух и восхвалялся образ революционера.

Своего рода революционной школой стали тюрьмы и лагеря, где «кристаллизировалась грозная революционная элита»²². В ходе жарких дискуссий на политические темы многие будущие ирландские лидеры сформировали свои позиции.

Шел стремительный рост численности партии Шинн Фейн. В ее состав влились волонтеры, радикальные объединения, симпатизирующие католические священники. В октябре 1917 г. партия Шинн Фейн насчитывала около 250 тыс. человек. Это была уже абсолютно другая организация, нежели в начале XX в. Было принято решение о переходе к открытой мирной политической борьбе на парламентской основе. Основным лозунгом стало создание независимой Ирландии. Будущая форма правления не поднималась на повестке дня, так как считалось, что её определит сам ирландский народ на референдуме, но в качестве временной предлагалась республика. В 1917 г. кандидаты Шинн Фейн одержали первые победы в ряде досрочных выборов.

Восстание повлияло и на вербовку ирландцев. В 1917–1918 гг. рекруты тонкой струйкой вливались в британскую армию²³. Для увеличения численности войск весной 1918 г. Англия решила ввести конскрипцию в Ирландии, однако вызвала своими действиями лишь консолидацию всех национальных сил Ирландии, готовых оказать сопротивление насильственному распространению военной повинности на ирландцев.

Против конскрипции с резкой критикой стали выступать также представители парламентской партии, тем самым пытаясь запрыгнуть на подножку уходящего поезда. Но вернуть былой авторитет им не удалось.

Лидеры Шинн Фейн перешли к легальной борьбе. Переняв лозунги войны о защите «малых наций», их праве на самоопределение, они обращались к мировому сообществу за поддержкой права Ирландии на самоопределение и обсуждение данного вопроса на мирной конференции. В историографии иногда создателем идеи решения «ирландского вопроса» на мирной конференции считается Э. Де Валера. Мы не можем согласиться с этим. Дело в том, что еще до войны, а затем и в ее ходе Р. Кейзмент высказывал аналогичную мысль, она затем дублировалась в пропаганде сепаратистов. Э. Де Валера закрепил эту идею и развил её до участия *представителей* Ирландии в мирной конференции.

В декабре 1918 г. Шинн Фейн одержала победу на общих выборах в Вестминстер, проведя 73 депутата из 105 возможных. Это был плебисцит ирландского народа в пользу революционного направления и независимости.

Итак, тактика ирландского национализма претерпела изменения, как у реформаторов, так и у революционеров. Последние смогли использовать изменившиеся настроения после 1916 г. и возглавить ирландский народ.

Идея жертвенности во имя сплочения нации была общей как для реформаторского, так и для революционного направления. Но население выбрало вариант последних. ИПП превратилась в политический труп из-за тактических ошибок в ситуации, когда британская власть потеряла свою легитимность в глазах ирландцев. Идея насильственного решения ирландского вопроса под развитием идей Р. Кейзмента и Э. Де Валеры и мирных предложений в годы войны трансформировалась в мирную альтернативу, поэтому ирландские лидеры апеллировали к широкому кругу стран в надежде на поддержку требований Ирландии.

В заключение заметим, что современная ирландская политическая власть стремится сгладить разрыв в национальной идентичности. Большое внимание уделяется участию ирландцев в Великой войне. Проводятся исследования, организуются торжества, открываются мемориалы²⁴, тем самым отдается дань памяти когда-то забытым героям. Это очень важно, чтобы историческая память нации не имела политизированных белых пятен.

Примечания

- 1 См.: Дуров В. И. Внешнеполитический фактор в истории ирландского национализма. 1900–1916 // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 180.
- 2 См.: Foster R. F. Modern Ireland, 1600–1972. L. : Penguin Books, 1988.
- 3 См.: Hutchinson J. The Dynamics of Cultural Nationalism : The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. Boston : Allen and Unwin, 1987.
- 4 Anlage zu A 18292. Geheim! Rudolf Nadolny, Stellv. Generalstab der Armees, Abteilung IIIb, Sektion Politik an den Auswärtigen Amt. 8. Juni 1915 // Politisches Archiv, Auswärtiges Amt, Der Weltkrieg Nr. 11k, Unternehmung und Aufwiegelung gegen unsere Feinde unter den Iren, secr. 1915. Bd. 9 (R 21161). Bl. 41.
- 5 Irish Political Documents, 1869–1916. Dublin : Irish Academic Press, 1989. P. 172, 176–177.
- 6 См.: Fitzpatrick D. The Two Irelands, 1912–1939. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 54.
- 7 Memoirs of Desmond FitzGerald. 1913–1916. L. : Routledge & Kegan Paul, 1968. P. 47.
- 8 См.: Brown S. What happened to Redmond's National Volunteers? // History Ireland. 2018. Vol. 26, № 1. P. 34–37.
- 9 См.: The Irish Volunteers, 1913–1915 : Recollections and Documents / ed. by F. X. Martin. Sallins : Merrion, 2013. P. 183–193 ; Anlage zu A 18292... Bl. 46.
- 10 См.: Anlage zu A 18292... Bl. 45–48.
- 11 См.: Intelligence Notes, 1913–1916 : Preserved in the State Paper Office / ed. B. M. G. Choille. Dublin : Stationery Office, 1966. P. 178.
- 12 Pearse P. The Letters of P. H. Pearse. Gerrards Cross : Colin Smyth, 1980. P. 332.
- 13 Anlage zu A 18292... Bl. 43.
- 14 Ibid. Bl. 44.
- 15 Memoirs of Desmond FitzGerald. 1913–1916... P. 191.
- 16 См.: Doerries R. R. Prelude to the Easter Rising. Sir Roger Casement in Imperial Germany. L. ; Portland : Frank Cass, 2000. P. 71–74.
- 17 См.: Anlage zu A 18292... Bl. 53–57.
- 18 См.: Cronin S. Irish Nationalism. A History of its Roots and Ideology. Dublin : The Academy Press, 1980. P. 100.
- 19 Цит. по: Hennessey T. Dividing Ireland. World War I and Partition. L. ; N.Y. : Routledge, 1998. P. 122.
- 20 См.: Kirkpatrick L. S. Ireland remembers 1916 // Folk Life. 2017. Vol. 55, № 2. P. 137–143.
- 21 Цит. по: Пеа Л. де. Расколотый Ольстер. М. : Прогресс, 1974. С. 106.
- 22 Fitzpatrick D. Op. cit. P. 64.
- 23 См.: O'Brien M. «With the Irish in France». The National Press and Recruitment in Ireland 1914–1916 // Media History. 2016. Vol. 22, № 2. P. 159–160.
- 24 См., например: Pennell C. «Choreographed by the angels»? Ireland and the centenary of the First World War // War & Society. 2017. Vol. 36, № 4. P. 256–275 ; Kirkpatrick L. S. Op. cit. P. 147–150 ; White T. J., Marnane D. The Politics of Remembrance : Commemorating 1916 // Irish Political Studies. 2016. Vol. 31, № 1. P. 29–43.

Образец для цитирования:

Дуров В. И. Ирландский национализм и великая война: начало раскола Ирландии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 351–356. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-351-356.

Cite this article as:

Durov V. I. Irish Nationalism and the Great War: the Origins of Divided Ireland. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 351–356 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-351-356.

УДК 061.236.61(100)

«ПРОТОКОЛЫ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ»: АНТИМАСОНСКИЙ АСПЕКТ

С. Е. Киясов

Киясов Сергей Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена актуальным вопросам масонского движения XX столетия. В центре внимания автора – пропагандистский феномен «Протоколов сионских мудрецов», рассматриваемый в контексте попыток национальной (в России) и глобальной дискредитации структур «вольных каменщиков».

Ключевые слова: масонство, русское масонство, сионизм, жидо-масонский заговор.

«The Protocols of the Sages of Zion»: Anti-masonic Aspect

S. E. Kiyasov

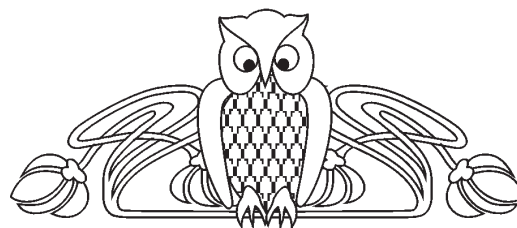
Sergey E. Kiyasov, ORCID 0000-0002-7474-8105, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, sergeykiyasov@mail.ru

The article studies the topical question of the masonry movement of the 20th century. In the centre of author's attention there is a raising phenomenon of «The Protocols of the sages of Zion», considered in the context of national (in Russia) and global discredit of the Freemasons structures.

Key words: Masonry, Freemasonry Russian, Zionism, Jewish-Masonic conspiracy.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-357-362

Политический кризис в Российской империи начала XX столетия сопровождался активной генерацией идей великодержавного шовинизма. Зримым продуктом таких настроений стали националистические организации, тайно и явно поощряемые властями. Именно они занялись поиском, а также решительным искоренением деятельности внутренних врагов слабеющей Империи. В их число, наряду с представителями радикальной оппозиции, были включены и участники «жидо-масонского заговора». Для подтверждения факта существования новой угрозы российские конспирологи, кроме разоблачительных и стародавних сочинений аббата О. Баррюэля¹, остро нуждались в дополнительных, более весомых доказательствах. В 1903 г. в этих целях были опубликованы «Протоколы сионских мудрецов»². Своевременность их выхода в свет полностью перевесила оправданные опасения читателей относительно достоверности содержания. Отметим в этой связи, что появление «Протоколов» – долгое время и голос-

ловно – связывалось с похищением у одного из участников Всемирного сионистского конгресса в Базеле (1897). Между тем прозвучавшие в них обвинения носили чрезвычайный и взрывоопасный характер. Так, красной нитью увидевшего свет текста стало утверждение, что в целях более быстрого достижения мирового господства лидеры мирового сионизма вознамерились сделать своим послушным орудием масонство.

У истоков антиссионистской и антимасонской кампании, активно опиравшейся на популяризацию «Протоколов сионских мудрецов», оказался русский православный писатель Сергей Александрович Нилус (1861–1929)³. Этот человек родился в Москве, в богатой помещицкой семье⁴. С детства воспитывался в новомодных традициях либерализма и атеизма. В будущем сумел успешно закончить юридический факультет Московского университета. После завершения обучения добровольно распределился в Закавказье, где работал в качестве кандидата на различные судебные должности. Уйдя в 1888 г. в отставку, жил в собственном имении в Орловской губернии, где занимался сельским хозяйством. Разорившись и обеднев, он пополнил ряды творческой, разночинской интеллигенции. К 1900 г. по итогам длительных размышлений и активного богоискательства «осознал себя и верующим, и православным»⁵. В кризисные и предреволюционные годы для России, явно подверженный апокалипсическим ожиданиям, он проповедовал явление Антихриста и приближение Страшного суда. В связи с участием в публикации и распространении «Протоколов», стал известен в стране и за её пределами как борец с угрозой глобального масонского заговора, подготовлявшегося, по его мнению, евреями-сионистами. В годы советской власти С. Нилус неоднократно арестовывался, был судим и даже сидел на Лубянке⁶.

Как утверждает С. А. Нилус, текст «Протоколов» оказался в его распоряжении уже в 1901 г. Этот экземпляр, по-видимому, машинописный не являлся единственным. Во всяком случае, первое упоминание о «Протоколах» в открытой печати датируется специалистами по другому источнику. Речь идет о статье журналиста М. О. Меньшикова «Заговоры против человечества», появившейся на страницах столичной газеты «Новое время» в конце декабря того же 1901 г.

Таким образом, С. Нилус, оказавшись обладателем взрывоопасного текста, явно не торопил-

ся с его публикацией. Медлительность человека, крайне заинтересованного в немедленном разоблачении врагов православия и самодержавия, требует дополнительных комментариев. В этой связи не лишено оснований предположение, что писатель-охранитель, полностью принимая содержание текста, тем не менее, мучительно колебался по поводу целесообразности его публичного оглашения. Главной причиной раздумий могло стать отсутствие надежной информации относительно источника происхождения «Протоколов». Всё это подтверждают воспоминания и самого С. Нилуса. Кроме того, будущего популяризатора «Протоколов» настораживал также процесс их легализации. По его рассказам, загадочную рукопись передал ему Алексей Николаевич Сухотин, давний знакомый, а впоследствии вице-губернатор Ставропольской губернии⁷. В свою очередь, чиновник пояснял, что «Протоколы» получил из рук министра внутренних дел Дмитрия Сергеевича Сипягина⁸.

Для самого С. Нилуса подобное перемещение информации – по знакомству и «сверху» – представлялось, конечно же, подозрительным. Это подтверждают и воспоминания Александра Максимовича дю Шайла, натурализовавшегося в России француза, приятеля С. Нилуса. В них зафиксирован еще один высокопоставленный посредник в длинной цепи легализации «Протоколов». Это Петр Иванович Рачковский, шеф заграничной агентуры Департамента полиции⁹. По утверждению информированного француза, его фамилию С. Нилус также называл в одном из своих рассказов о перипетиях весьма запутанной и таинственной процедуры появления в своих руках этого скандального текста¹⁰.

По всей видимости, лед недоверия, на время сковавший инициативу С. А. Нилуса в вопросе публикации «Протоколов», был сломан лишь трагическим сценарием внутривосточных событий в России. Именно они, эти страшные предвестники грядущей гражданской войны, вероятно, окончательно убедили С. Нилуса в актуальности и настоятельной необходимости скорейшей публикации «Протоколов». Так или иначе, выдержав паузу, писатель постарался сделать все от него зависящее для самого широкого тиражирования оказавшихся в его распоряжении сенсационных материалов. До 1917 г. он осуществил три издания своей «разоблачительной» книги, включавшей тексты «Протоколов», которая стала настоящим политическим бестселлером¹¹.

Фабула «Протоколов» достаточно хорошо известна. В истории идей XX столетия этот документ прочно удерживает за собой место не только классического антисемитского, но и антимасонского манифеста. Не случайно более трети «Протоколов» (10 из 24) посвящены разоблачению разрушительной деятельности масонских лож. Об этом повествуют уже вступительные, краткие аннотации, которые предшествуют основно-

му, более детальному описанию тайн масонской практики. Столь глубокое проникновение в секреты организации «вольных каменщиков» не должно было вызывать удивления читателей, поскольку, как утверждает С. Нилус, «Протоколы» были составлены самими братьями. Причем, как подчеркивал писатель, масонами самой высокой, 33-й степени посвящения Древнего и Принятого Шотландского обряда¹².

Главная сюжетная линия, развиваемая в «Протоколах» в контексте разоблачения масонства, – это исчерпывающие рекомендации по ведению и победоносному завершению глобальной войны, ведущейся за власть между масонами-иудеями и гоями. Конечная её цель – приход к вершинам владычества Сверхправительства и Царя иудейского, центром которого должна стать Европа¹³. В развитии данного проекта, «Протокол» № 1 формулировал принципы и правила деятельности еврейско-масонского правительства. В их перечне – хитрость, лицемерие, насилие, предательство, подкуп, обман, террор. Весь этот набор следовало использовать в целях достижения абсолютного послушания гоев¹⁴.

«Протокол» № 2 сообщал, что первоосновой грядущего «деспотизма масонства» будет «царство разума», путь к которому, в частности, следовало обеспечить целенаправленной и изощренной пропагандой¹⁵. «Протокол» № 3 был посвящен наставлениям в сфере деятельности «внешнего масонства», представляемого в качестве «армии масоно-еврейства». Важнейшее подразделение такой структуры – «социальное масонство». В интересах сионистов именно ему следовало объединить и направлять усилия радикальной политической оппозиции: социалистов, анархистов, коммунар¹⁶.

В развитии темы организации вселенского заговора, «Протокол» № 4 определял функции «внешнего масонства», состоявшего из гоев. Оно служило прикрытием «силы евреев», а также их стратегическим целям¹⁷. «Протокол» № 5 раскрывал пути «захвата власти масонством»¹⁸. «Протокол» № 9 обосновывал и раскрывал существо принципов грядущей «диктатуры масонства». Торжество новой власти предусматривало смену традиционного масонского лозунга – «свобода, равенство, братство». В его новой формулировке речь уже шла о «праве свободы, долге равенства, идеале братства»¹⁹. «Протокол» № 10 представлял масонство как новую «законодательную силу», которая манипулирует общественным мнением и полномочиями ведущих государственных институтов²⁰. «Протокол» № 11 объявлял о существовании «тайного масонства», которое служило интересам «рассеянного еврейского народа». Исходя из этого обычное масонство было представлено как «показная армия для гоев»²¹.

«Протокол» № 12 освещал вопросы «масонства и свободы», а также роль «прессы в масонском царстве». Подконтрольная, направляемая

публицистика должна была обеспечить и поддерживать в дальнейшем имидж «непогрешимости нового режима»²². «Протокол» № 15 ставил задачи активного «размножения» масонских лож при условии их жесткой централизации. Была также предусмотрена будущая участь «гоев-масонов». Их предполагалось жестко преследовать и даже частично уничтожить после захвата власти, как обладателей опасной, разоблачительной информации²³.

В целом зловещие наставления, озвученные в «Протоколах сионских мудрецов», были явно рассчитаны на восприятие в среде не самой образованной публики. Об этом свидетельствует их смысловое подражание столь же изощренным, но малоизвестным широким массам политическим рекомендациям, изложенным в сочинениях Н. Макиавелли (1469–1527)²⁴. Впрочем, очевидное жанровое подражание текста «Протоколов» быстро привлекло к себе внимание наиболее просвещенных читателей и было впоследствии использовано критиками антиссионистского и антимасонского трактата.

Антисемитизм и антимасонские настроения, подогреты в том числе и публикациями С. А. Нилуса, упали на благодатную почву. Россию быстро захлестнула волна ненависти к иноверцам, сопровождавшаяся, в частности, еврейскими погромами. Только один из них, Кишиневский, организованный в апреле 1903 г. черносотенцем и пропагандистом «Протоколов» Павлом Александровичем Крушеваном, унес жизни нескольких десятков человек²⁵. Одновременно в России началась широкая антимасонская кампания в печати. В ее рамках были опубликованы многочисленные исследования, в которых «вольные каменщики» объявлялись «врагами рода человеческого», политическими экстремистами и прочно связывались с сионизмом²⁶.

Важно подчеркнуть, что попытки дискредитации «вольных каменщиков» на территории Российской империи на тот момент не имели под собой веских оснований. Как известно, их деятельность была запрещена высочайшим Указом от 1 августа 1822 г., подписанным Александром Павловичем. Бывшие масоны, пожелавшие остаться на государственной службе, дали подписку о своем выходе из братства²⁷. В 1826 г. император Николай, встревоженный восстанием масонов-декабристов и сообщениями о заговоре иллюминатов, подтвердил запреты, направленные на пресечение деятельности тайных обществ. Тем самым Россия до завершения столетия не принимала участия в процессе трансформации масонского движения. На рубеже XIX–XX вв. он завершился в странах Западной Европы и в США включением движения «вольных каменщиков» в число наиболее активных, полноценных участников общественно-политической жизни.

Лишь бурное развитие демократического движения в пореформенной России пробудило

в конце XIX в. в ортодоксальном православном обществе новую волну интереса к деятельности «вольных каменщиков». Лишенные возможности создавать ложи на родине, наши соотечественники становились масонами за рубежом. В частности, многие россияне были приняты в ложи Великого Востока Франции. Их членами стали М. М. Ковалевский, П. Н. Яблочков, Н. Н. Баженов, В. А. Маклаков и многие другие представители либеральной русской интеллигенции²⁸. К началу XX в. масонские организации появились и на территории Российской империи. Однако их численность и влияние явно не достигали тех угрожающих параметров, о которых сообщали и продолжают сообщать апологеты существования вселенского масонского заговора²⁹.

Не менее надуманным остается также вопрос о масштабах и последствиях проникновения в масонские ложи евреев. Подчеркнем в этой связи, что их доступ в западноевропейские масонские структуры, предпочитавших ориентироваться на христиан и христианство, был крайне затруднен до последней четверти XIX столетия. Исключением являлся уже упоминаемый Великий Восток Франции, в 1811 г. первым разрешивший доступ евреям в свои ложи³⁰. Еще более неуместно отождествлять понятия «сионизм» и «масонство». Даже с учетом существования преимущественно еврейских по составу масонских и около масонских структур (Устав Мицраим, Бней-Брит) вывод о реальности существования «жидо-масонского заговора» не менее далек от истины³¹.

С таким же основанием можно обосновывать наличие неисчислимых угроз США со стороны негритянских лож (масонство Принса Холла). Конечно, при рассмотрении вопроса о степени еврейского присутствия в рядах «вольных каменщиков» речь идет не только о пропорциях этнического представительства. Главное в таком анализе – оценка идейного, политического и финансового влияния любой, в том числе выше названной, нации. И все же с учетом сказанного можно утверждать, что в начале XX в. иудеи-сионисты объективно были не в состоянии стать доминирующей силой в масонстве. Следует иметь в виду, что их национальные организации, отнюдь не однородные по своим устремлениям, возникли в самом конце XIX в., то есть незадолго до рассматриваемых нами событий, и, следовательно, еще не обладали достаточным весом. Отметим, кстати, что тема «жидо-масонского» заговора стала особенно востребованной и актуальной в связи с победой большевиков в России.

К тревожным размышлениям в этом направлении могла подтолкнуть не только национальность большинства коммунистических вождей. Более серьезным аргументом стал их лозунг победы мировой пролетарской революции. Пятиконечная «пламенеющая звезда», один из символов масонства, стараниями первого поколения большевиков превратилась в красную пентаграмму,

хищно распростертую над всем миром. Казалось, понятия «коммунизм», «сионизм» и «масонство» слились в единое целое в проекте создания советского тоталитарного государства, возникшего на обломках Российской империи и замыслившего установить всемирную гегемонию под лозунгом и во имя освобождения угнетенных трудящихся. Однако и этот шанс на победу в глобальном масштабе также оказался химерой. Для партии Ленина-Троцкого масонское движение на самом деле не представляло интереса ни в плане заимствования организационных структур, ни в плане идеологии, ни в контексте достижения мирового господства. В доктрине мирового коммунизма оно рассматривалось лишь в качестве архаичного порождения буржуазной культуры и было обречено на скорое уничтожение.

После скандальных публикаций в России «Протоколы сионских мудрецов» быстро пересекли её границы. В 1922 г. они были широко распространены в постреволюционной Германии³². В 1938 г. «Протоколы» стали достоянием обществу в фашистской Италии, которая в межвоенные годы пыталась сопротивляться влиянию тотального гитлеровского антисемитизма³³. В США расходы по их переизданию, состоявшемуся в 1920 г., взял на себя известнейший промышленник и мультимиллионер Генри Форд. Фактически одновременно подлинность скандальных «Протоколов» была подтверждена публикацией в Великобритании, славящейся своей расовой толерантностью. Однако попытка переиздания «Протоколов», предпринятая в Швейцарии, всё-таки вынудила местные еврейские организации заявить протест и обратиться в суд. Громкий процесс открыл свои заседания в Берне в октябре 1934 г. Спустя полгода, в мае 1935 г., было оглашено судебное решение, оценившее содержание «Протоколов» как «подделку, плагиат, бессмыслицу». Их непосредственным автором, по показаниям свидетелей, был признан русский журналист Матвей Головинский, являвшийся агентом П. Рачковского. В ноябре 1937 г. апелляционный суд в Цюрихе своим вердиктом также подтвердил факт плагиата, однако снял запрет на распространение «Протоколов» на территории кантонов³⁴.

Впервые о возможной мистификации в связи с выходом в свет «Протоколов» в 1921 г. сообщил стамбульский корреспондент лондонской газеты «Таймс» Филипп Грейвс. Им же широко разрекламированный текст был разоблачен как плагиат. При этом Ф. Грейвс указал на его возможный первоисточник, а именно на памфлет «Диалог в царстве мертвых между Макиавелли и Монтескье» французского адвоката и публициста Мориса Жоли. Вскоре эту версию поддержали и другие исследователи, указавшие на факт многочисленных пересечений текста «Протоколов» с содержанием упомянутого сочинения. Сам памфлет был издан в 1864 г. в Брюсселе и в форме острой полемики между тираном и либералом критиковал по-

литику императора Наполеона III³⁵. Французское правительство добилось ареста автора и конфискации «крамольного» тиража.

Три десятилетия спустя фрагменты позабытого всеми творения, по всей видимости, были с успехом использованы агентом российской тайной полиции (М. В. Головинским) при написании текста «Протоколов». Во всяком случае, обстоятельный сравнительный анализ, проведенный английским специалистом Норманном Коном, показал, что текст «Протоколов» во многих местах дословно совпадает с «Диалогом»³⁶. В целом его оценки совпадают с новейшим текстологическим анализом известного итальянского историка-слависта Чезаре Джузеппе Де Микеллиса. При этом, однако, следует иметь в виду, что текст памфлета при написании «Протоколов» был всё-таки значительно модернизирован. Нет сомнений, что М. Жоли при всем желании не мог оперировать такими терминами, как «конверсия», «мировые деньги», «монополии» и «экономическая война»³⁷. Вполне вероятно, что авторы «Протоколов» не стали ограничиваться единственным источником для подготовки своей мистификации. Острота продолжающейся полемики доказывает необходимость изучения «Протоколов» с использованием современных методов атрибуции и персонификации. Не менее актуальным для осмысления представляется также содержание тех их разделов, в которых с поразительной точностью предсказаны и описаны катаклизмы второй половины XX столетия. Следует признать, что составители «Протоколов» были наделены не только несомненным литературным талантом, но и даром предвидения.

Попытки дискредитировать движение «вольных каменщиков» в связи с угрозой «жидо-масонского» заговора не менее успешно были парированы устоявшимися интернациональными традициями научного осмысления масонского феномена. В частности, в России, несмотря на запрещение масонства, его изучение активно продолжалось. К началу XX столетия в стране сложилась авторитетная школа историков отечественного и зарубежного масонства. Ее представителями в разные годы были П. П. Пекарский, Я. Л. Барсков, А. Н. Пыпин, И. М. Херасков, А. М. Васютинский, А. В. Семека, Т. О. Соколовская. Помимо сочинений отечественных специалистов, в дореволюционной России продолжали регулярно издаваться работы по масонской истории ведущих зарубежных авторов. Наибольшую известность здесь приобрели И. Г. Финдель, Ч. У. Гекертон, Г. Шустер, Ж. Энкокс, Э. Нис и Г. Готеро.

Благодаря усилиям ученых интерес к «Протоколам сионских мудрецов» заметно снизился. Более того, в России, вступившей на путь кардинальных реформ, наблюдался всплеск позитивного интереса к масонству. Как результат, в стране появляется множество легальных организаций «вольных каменщиков», получивших

возможность свободного общения с зарубежными коллегами. В 1910 г. в целях координации деятельности масонских структур был создан центральный орган – Верховный Совет³⁸. В 1912 г. на их конвенте в Москве был образован «Великий Восток народов России». Новый масонский национальный союз объявил о своей независимости от Великого Востока Франции. В 1912–1916 гг., помимо Петербурга и Москвы, регулярные масонские ложи появились в Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Риге, Витебске, Минске, Вильно, Харькове, Киеве, Одессе, Тифлисе.

Несмотря на самое широкое распространение, отечественные ложи не были многочисленными и насчитывали в своих рядах не более тысячи человек. В своей повседневной работе, изначально и вынужденно приближенной к жизненным реалиям, они, как правило, не соблюдали строгих ритуальных правил. По причине ограниченности во времени в предвоенной России так и не удалось создать разветвленной культовой инфраструктуры для «правильного» выполнения масонской работы (храмов, библиотек, музеев, архивов). В условиях внутренней нестабильности, остро переживаемой империей в последние годы существования, отечественные масоны, разумеется, не были чужды политике. На заседаниях Верховного Совета и провинциальных лож активно обсуждались вопросы, касающиеся согласования программных требований и действий ведущих политических (думских) партий. По мнению известного масона Б. И. Николаевского, уже в предвоенный период отечественное движение «вольных каменщиков» окончательно приобрело политическое содержание³⁹.

Деятельность русского масонства продолжалась вплоть до начала Гражданской войны, а затем переместилась за границу. Ее следы прослеживаются во Франции, Германии и США. Принципиально новый этап в истории русского эмигрантского масонского движения начался после окончания Второй мировой войны. Знакомство с документами из масонских архивов, в том числе довоенных лет, позволяет сделать вывод о начале восстановления ими традиционных форм деятельности. Русские братья продолжили свою благотворительную и просветительскую деятельность и явно сторонились политики⁴⁰.

Вне всяких сомнений, короткий период существования и деятельности русского «политического масонства» также не может быть представлен в качестве ещё одного весомого аргумента в деле разоблачения вселенского «масонского заговора». Напротив, его противоречивая история убедительно доказывает неспособность масонских структур замещать собой хорошо организованное политическое движение или руководить им. Во всяком случае, претензии на консолидирующую роль русского масонства в политике, на которую его руководителей, прежде всего, толка-

ла разобщенность демократического республиканского лагеря, оказались малоэффективными и даже трагическими. На наш взгляд, именно такую оценку подтверждают начальные результаты «февральского переворота» 1917 г., в частности, драматические обстоятельства отречения Николая Александровича и Михаила Александровича Романовых, в немалой степени спровоцировавшие начало Гражданской войны⁴¹.

Примечания

- 1 См.: *Barruel A. Memoires pour servir a l'histoire du jacobinisme. L. : Kenning, 1797–1798. Т. 1–4. ; Idem. Des illuminés de Bavière. P. : Éditions de Prieuré, 1999.*
- 2 См.: *Де Микелис Ч. Дж. «Протоколы сионских мудрецов». Несуществующий манускрипт, или Подлог века / пер. с ит. М. : Ковчег ; Минск : МЕТ, 2006.*
- 3 См.: *Нилус С. А. Полное собрание сочинений : в 6 т. М. : Паломник, 1999. Т. 1. С. 92–173.* Текст «Протоколов» был опубликован писателем в декабре 1905 г. под названием «Отрывки из древних и современных протоколов Всемирного союза франкмасонов».
- 4 См.: *Сергей Александрович Нилус (1862–1929). Жизнеописание / сост. С. М. Половинкин. М. : Изд-во Спасо-Преображенского Волоколамского монастыря, 1995.*
- 5 Там же. С. 45.
- 6 Там же. С. 265.
- 7 Там же. В настоящее время оригинальный текст «Протоколов» хранится в архиве Свято-Троицкого монастыря РПЦ, расположенного на территории США (г. Джорданвилл, штат Нью-Йорк ; официальный сайт : <http://www.jordanville.org>).
- 8 *Сергей Александрович Нилус (1862–1929). Жизнеописание. С. 265.*
- 9 Там же. С. 92. О деятельности П. И. Рачковского – см.: *Бурцев В. Л. В погоне за провокаторами. М. : Современник, 1989.*
- 10 Там же. С. 92. В последнем дореволюционном издании своей книги С. Нилус пишет о похищении текста «Протоколов» «из тайных хранилищ Сионской Главной Канцелярии», расположенной во Франции – см.: *Нилус С. А. Близ есть, при дверях. О том, чему не желают верить и что так близко. СПб. : «ОЮ-92», 1996. С. 174.* Ранее он утверждал, что их текст был украден у одного из лидеров французского масонства.
- 11 Существуют также отдельные издания «Протоколов». См.: *Протоколы сионских мудрецов. М. : Русская правда, 2000 ; Сионские Протоколы. Документ и приложения. М. : Витязь, 2004.*
- 12 См.: *Нилус С. А. Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 174.* Древний и Принятый Шотландский обряд, узаконивший в регулярном масонстве традиции Ветхозаветной иудейской мифологии, был разработан, утвержден и применен «вольными каменщиками» США в 1801 г.
- 13 См.: *Протоколы сионских мудрецов. С. 16–17 ; 49–51 ; 64–65.*
- 14 Там же. С. 5–10.
- 15 Там же. С. 11–12.

- ¹⁶ Протоколы сионских мудрецов. С. 12–16.
- ¹⁷ Там же. С. 16–17.
- ¹⁸ Там же. С. 18–21.
- ¹⁹ Там же. С. 24–26.
- ²⁰ Там же. С. 26–31.
- ²¹ Там же. С. 31–33.
- ²² Там же. С. 33–37.
- ²³ Там же. С. 40–47.
- ²⁴ См.: *Макиавелли Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь / пер. с ит. М.: РОСПЭН, 2002.
- ²⁵ См.: *Кон Н.* Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и «Протоколах сионских мудрецов» / пер. с англ. М.: Рудомино, 2000. С. 58. Павел Александрович Крушеван (1860–1909) – журналист и прозаик праворадикального толка, основатель и руководитель бессарабского отделения Союза русского народа; с 1903 г. редактор газеты «Знамя» (Санкт-Петербург), на страницах которой под названием «Программа завоевания мира евреями» были опубликованы «Протоколы сионских мудрецов».
- ²⁶ См.: *Бутми Г. В.* Враги рода человеческого. СПб.: Союз русского народа, 1906; *Генц А. И.* Масоны. М.: Книгоиздательство «Верность», 1906; *Бронзов А. А.* Современное масонство. СПб.: Типография М. Маркушева, 1912; *Витте Е. де.* Масонство в Австрии и Германии. Шемордино: Типография Казанской Амвросиевской женской Пустыни, 1914.
- ²⁷ Образцы таких подписок, отбираемых у всех должностных лиц империи, сохранились, в частности, в архиве Саратова (ГАСО). См.: *Малов Н. М.* Новые материалы по истории масонства в Саратовском крае // Саратовский краеведческий сборник. Научные труды и публикации. Саратов, 2002. С. 201–202. Ранее, 26 марта 1820 г., в России был запрещен Орден иезуитов.
- ²⁸ См.: *Старцев В. И.* Масонство в России // За кулисами видимой власти. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 86–94. По подсчетам современных специалистов в списках зарубежных лож на рубеже XIX–XX столетий числилось не менее сотни представителей русской творческой и научной интеллигенции.
- ²⁹ См.: *Платонов О. А.* Загадка Сионских протоколов. М.: Алгоритм, 2004; *Его же.* Криминальная история масонства 1731–2004 гг. М.: Эксмо; Алгоритм, 2005.
- ³⁰ См.: *La Franc-Maçonnerie. Exposition à Musée d'Aquitaine. Catalogue.* Bordeaux: PUJOL, 1994. P. 78.
- ³¹ Первый еврейский масонский союз, принявший название ордена Мицраим, появился в Италии, а затем и во Франции. См.: *Bedarride M.* De l'Ordre maçonnique de Misraim depuis sa creation jusqu' à nos jours, de son antiquité, de ses lites et de ses progress: in 2 t. P.: Imprimerie de Bernard et comp., 1845; *Галтье Ж.* Сыны Калиостро: египетское масонство, розенкрейцерство и новое рыцарство / пер. с фр. М.: Ганга, 2012. Другая, более известная еврейская промасонская организация Орден Бней-Брит (Сыновья Завета) была создана в октябре 1843 г. в США.
- ³² А. Гитлер, признавая, что «Протоколы сионских мудрецов» – явная подделка, тем не менее, говорил в своем ближайшем окружении об их внутренней истинности и вдохновляющем начале. См.: *Раушинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны / пер. с нем. М.: Миф, 1993. С. 183.
- ³³ См.: *Ридли Д.* Муссолини / пер. с ит. М.: Изд-во АСТ, 1999. С. 344–354.
- ³⁴ См.: *Кон Н.* Благословение на геноцид... С. 7–25.
- ³⁵ Шарль-Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), племянник Наполеона Бонапарта; в 1852–1870 гг. император Франции.
- ³⁶ См.: *Разуваев В.* Что такое «Протоколы сионских мудрецов»? // Глобус. 1988. № 46. С. 18–23; *Кон Н.* Благословение на геноцид... С. 7–25. Сопоставление текстов показало, что авторы «Протоколов» позаимствовали из памфлета около 160 разделов или около половины текста.
- ³⁷ Сионские Протоколы... С. 11–65.
- ³⁸ См.: *Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. М.: Терра, 1990. С. 31. Полное название этой руководящей структуры – «Ложа Верховного Совета». С самого начала ее членами были А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов, Н. С. Чхеидзе – в будущем видные участники революционных событий февраля 1917 г. Автор специально подчеркивал, что среди членов Совета (12–15 человек) в течение 1912–1916 гг. «был всего один еврей» (Александр Яковлевич Гальперн).
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ См.: *Словцов Р.* Масонство во Франции // Hoover Institution, Nicolaevsky Collection. Series 213. Box 273. File 7; *Kornfeldt M.* Memoires sur la franc-maçonnerie russe, 30.04.1929 // Hoover Institution, Nicolaevsky Collection. Series 213. Box 273. File 3; *Rapport du Groupement des Loges de la Grande Loge de France, travaillant en langue russe, 28.02.1952* // Hoover Institution, Nicolaevsky Collection. Series 213. Box 273. File 4.
- ⁴¹ В первый состав Временного правительства входили десять масонов. «Вольным каменщиком» не был только историк П. Н. Миллюков – лидер партии кадетов и министр иностранных дел. В своих мемуарах этот политик прозорливо назвал отречение Романовых «первой капитуляцией русской революции». См.: *Миллюков П. Н.* История второй русской революции. М.: Современник, 2001. С. 53.

Образец для цитирования:

Киясов С. Е. «Протоколы сионских мудрецов»: антимасонский аспект // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 357–362. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-357-362.

Cite this article as:

Kiyasov S. E. «The Protocols of the Sages of Zion»: Anti-masonic Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 357–362 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-357-362.

УДК 94(73).092.2

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ И ПОЛИТИКА США В СТРАНАХ «ТРЕТЬЕГО МИРА» В НАЧАЛЕ 1960-Х ГОДОВ

С. Г. Малкин

Малкин Станислав Геннадьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения, Самарский государственный социально-педагогический университет, s.g.malkin@mail.ru

В статье анализируется влияние аналитических центров на формирование политики США в странах третьего мира в начале 1960-х годов. Раскрывается роль аналитических центров как связующих звеньев между экспертным знанием и политической властью. Особое внимание уделено причинам роста влияния аналитических центров в связи с принадлежностью многих членов администрации президента Кеннеди к Совету по международным отношениям и приходу в Пентагон аналитиков из корпорации РЭНД. Показано, что основное внимание аналитических центров в это время было сосредоточено на проблеме полномасштабного вмешательства США во Вьетнам.

Ключевые слова: аналитические центры, холодная война, Совет по международным отношениям, корпорация РЭНД, контрпартизанская война, война во Вьетнаме.

**Think Tanks and USA Politics in the Countries
of «the Third World» at the Beginning of the 1960s**

S. G. Malkin

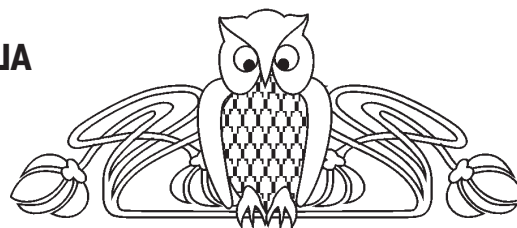
Stanislav G. Malkin, ORCID 0000-0001-9522-7926, Samara State University of Social Sciences and Education, 65/67, M. Gorkiy Str., Samara, 443099, Russia, s.g.malkin@mail.ru

In article the influence of analytical centers on formation the USA policy in the countries of «the Third world» in the early 1960s is analyzed. The feature of analytical centers as links between the expert knowledge and political power is revealed. Special attention is paid to the reasons of expansion of the analytical centers' influence by the reason of belonging of many members of the President Kennedy Administration to The Council on Foreign Relations and coming of the analysts from RAND Corporation to Pentagon. It is demonstrated that the main attention of analytical centers in that time was concentrated on the problem of full-scale intervention of the USA in Vietnam.

Key words: think tanks, «Cold war», Council on Foreign Relations, RAND Corporation, counterinsurgency, Vietnam War.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-363-367

Ко второй половине XX в. в США сформировалась сложная разветвленная сеть аналитических центров, структур и институций, получивших обобщенное название «фабрики мысли»¹. Главной отличительной особенностью этих организаций по сравнению с научно-исследовательскими центрами является их связующая роль между знанием и властью, государством и гражданским обществом, а также разработка

политики в интересующих правительство областях². Иными словами, главным результатом работы «фабрики мысли» являются идеи, анализ и альтернативы, в которых заинтересован политический истеблишмент.

Американский исследователь Томас Медивец называет «фабрику мысли» особой буферной зоной, соединяющей в себе политическую, интеллектуальную, экономическую сферы и средства массовой информации, формирующей теоретическую и идеологическую подготовку кадров в соответствующих сферах общественной жизни³. Они обеспечивают базу для создания, распространения и популяризации идей и политических предложений, участвуют в различных формах политического образования через проведение конференций, предоставление пресс-релизов и организацию брифингов⁴. Они являются как источником инноваций, так и инновационной основой политической сферы. Но в то же время аналитические центры выходят за рамки традиционного определения политики.

Следует отметить, что в рассматриваемый нами период (начало 60-х гг. XX в.) термин «фабрики мысли» был гораздо более узким понятием, чем сейчас, и применялся лишь к экспертным группам, изучавшим международные отношения и связанные с ними стратегические вопросы⁵. Именно на начало 60-х гг. XX в. приходится рост количества аналитических центров, что логически объясняется переориентацией американской политики с приходом к власти Дж. Ф. Кеннеди, вызванной появлением новой элиты – более светской, рациональной и образованной, а также ростом движений за права меньшинств и переопределением приоритетов в области национальных интересов⁶. При этом основными поставщиками идей о перспективах политики США в третьем мире в это время для новой администрации президента стали Совет по международным отношениям и корпорация РЭНД (RAND англ. – аббревиатура от Research and Development «Исследования и разработка»).

Как вспоминал Артур Шлезингер-младший, «У Кеннеди были определенные трудности в плане знакомств. Он имел мало связей в нью-йоркском финансовом и юридическом сообществе, поставлявшем долгое время в демократические и республиканские администрации... способных людей. Это сообщество было сердцем американского истеблишмента. Его основателями и кумирами были Генри Л. Стимсон

и Элиу Рут, а нынешними лидерами – Роберт Ловетт и Джон Макклой. Их представляли различные организации, в том числе СМИ – фонды Рокфеллера, Форда и Карнеги, а также Совет по международным отношениям, Нью-Йорк Таймс и Государственный департамент США. Нью-Йоркский истеблишмент с недоверием смотрел на Кеннеди. Однако когда он стал президентом, они были готовы сплотиться вокруг него, а Кеннеди был готов принять их. Это было частью стратегии успокоения»⁷.

Ключевым контактом для выстраивания связей Кеннеди с нью-йоркским истеблишментом стал Роберт Ловетт⁸, которому Кеннеди предложил на выбор посты министра обороны, финансов и государственного секретаря. Но Ловетт был вынужден отказаться от предложения из-за проблем со здоровьем. Несмотря на это он оставался частью неформальной сети контактов. Именно Ловетт предложил президенту кандидатуры на важные государственные посты: на пост министра обороны – Роберт Макнамара, на пост министра финансов – Кларенс Дуглас Диллон, а на пост госсекретаря – Дин Раск⁹. При этом особое внимание следует обратить на то, что все они являлись членами Совета по международным отношениям, как и половина высших должностных лиц во время президентства Кеннеди¹⁰.

Совет по международным отношениям (CFR) и Королевский институт международных отношений (RIIA) были инициированы на серии неофициальных встреч в Париже в 1919 году. Их цели были идентичны. Предполагалось, что они должны быть двумя отделениями одного института международных отношений. Обе стали едва ли не самыми важными, уважаемыми, влиятельными и престижными организациями по изучению иностранных дел в своих странах¹¹. Они публикуют ежеквартальные обзоры – Foreign Affairs (CFR) и International Affairs (RIIA). С ними консультировались в отношении международных договоров и конференций в межвоенные годы. Они играли ключевую роль в предварительной подготовке и планировании послевоенного миропорядка. Они были и являются основной частью внешнеполитических учреждений своих стран и сети элит, объединяющей университеты, благотворительные фонды и действующих политиков¹². При этом членство в Совете было возможным лишь по рекомендации одного из его представителей¹³. Главной же функцией организации была координация аналитических центров по изучению внешнеполитических процессов с политическим истеблишментом, ответственным за принятие важных государственных решений¹⁴.

Важную роль в определении вектора американской политики в странах третьего мира в рассматриваемый нами период играли идеологические и методологические воззрения членов Совета. В информационном бюллетене ЦРУ от

29 августа 1961 г. говорится, что члены Совета по международным отношениям – признанные социалисты, коммунисты или сочувствующие им, а главная цель этой организации – формирование единой мировой социалистической системы во главе с США¹⁵. Это утверждение было не просто преувеличением – оно свидетельствовало о существенных различиях в подходах «фабрик мысли» и разведывательного управления к анализу процессов, происходивших в третьем мире. Дело заключалось в том, что Совет в своих подходах опирался на теорию модернизации, которая была по своей природе антикоммунистической, но одновременно сочетала в себе взгляды, созвучные многим базовым элементам марксизма¹⁶.

Упрощенно теория модернизации отличалась от марксизма тем, что не содержала эсхатологическое пророчество о грядущей коммунистической утопии. По мнению ее сторонников, светская, материалистическая утопия уже была достигнута в послевоенных США. А значит, всему остальному миру суждено следовать модели развития, представленной современной Америкой¹⁷. Но этот универсализм не предполагал экуменического объединения всех многообразных традиций мира, а означал навязывание «современных» (т. е. американских) ценностей «отсталым обществам» и экономическую интеграцию их экономик в мировую капиталистическую систему в качестве младших членов¹⁸.

Теория модернизации в описываемый нами период господствовала в США, а один из ее активных представителей, Уолтер Ростоу, в 1961 г. был даже назначен на должность руководителя отдела долгосрочной политики Государственного департамента. Эта должность была вознаграждением за его службу в качестве советника президента Кеннеди по политическим вопросам в предыдущие два года и во время президентской кампании 1960 года¹⁹.

Если Совет по международным отношениям носил в большей степени идеологический и координационный характер, то корпорация РЭНД была одним из основных исследовательских центров²⁰. Датой ее основания принято считать март 1946 г., когда был подписан контракт с авиастроительной компанией «Дуглас Эйркрафт»²¹. Целью РЭНД стала научная разработка методов, техник и инструментов для оптимального использования военно-воздушных сил в вооруженных конфликтах²². Первоначальные исследования корпорации касались вопросов создания, развития и использования космических спутников, а личным патроном организации выступал командующий Стратегическими силами ВВС США генерал Кертис Лемей²³. Но уже в начале 1960-х гг. Кертис Лемей из патронов РЭНД превратился в одного из самых яростных критиков деятельности организации, что связано с переходом организации от заказов ВВС США к министерству обороны²⁴.

Основными функциями корпорации РЭНД к началу 1960-х гг. стали создание межконтинентальных баллистических ракет, разработки десятков новшеств в военной области, проведение экспертиз для творцов внешней политики США, анализ ядерной политики и разработка политики сдерживания, прогнозирование будущих военных конфликтов и разработка системы финансирования оборонных программ, метода анализа сравнительной эффективности и системного анализа²⁵.

Как отметил Дж. Смит, «фактически РЭНД и «фабрики мысли» стали синонимами. РЭНД стал прототипом для метода организации и финансирования исследований, разработок, технических оценок, проводимых по поручению правительства, но осуществляемых частными некоммерческими исследовательскими центрами»²⁶.

Историки эпохи холодной войны в США отмечают влияние исследований РЭНД на так называемую «революцию Макнамары» в Пентагоне при администрациях Кеннеди и Джонсона²⁷. Роберт Макнамара был ветераном Управления статистического контроля ВВС – службы, ставшей основой корпорации РЭНД. Макнамара разделял склонность РЭНД к использованию количественного анализа и привел в Пентагон большое количество исследователей данной «фабрики мысли» с целью установления программного планирования и бюджетирования, а также методов управления, разработанных экономическим департаментом корпорации РЭНД²⁸. Именно с этого момента и начинается активное сотрудничество корпорации с вооруженными силами США.

Начиная с 1962 г. корпорация РЭНД приступила к серии исследований, посвященных различным аспектам ведения боевых действий в Юго-Восточной Азии, что объясняется нарастающей дискуссией в американском истеблишменте о возможном полномасштабном вмешательстве во вьетнамский конфликт. Отдельного упоминания при этом заслуживает то обстоятельство, что аналитики, прежде всего, рассматривали опыт европейских империй в данном регионе. За период с 1962 по 1963 г. была проведена серия симпозиумов с участием международной экспертной группы – непосредственных участников антиповстанческих операций под руководством колониальных администраций Великобритании и Франции, а также США, в Юго-Восточной Азии. Наряду с обсуждением общих вопросов организации контрпартизанской борьбы²⁹ рассматривались и узкоспециальные – связанные с ролью военно-воздушных сил в этих вооруженных конфликтах³⁰.

Помимо проведения симпозиумов корпорация РЭНД опубликовала (разумеется, ко многим из них в 1960-е гг. доступ был ограничен) и целую серию аналитических материалов, посвященных значению Юго-Восточной Азии для глобальной

стратегии США³¹, специфике организации контрпартизанской борьбы во Вьетнаме³², перспективам программы «стратегических деревень»³³, возможностям использования ядерного оружия (в том числе в рамках войны во Вьетнаме)³⁴, проблемам государственного управления в Южном Вьетнаме³⁵. Все эти исследования стали важным информационным ресурсом для принятия решения о полномасштабном вмешательстве США во Вьетнам и для выбора политического курса, связанного с военным присутствием в этой стране.

При этом стоит отметить, что вооруженные силы часто игнорировали рекомендации экспертного сообщества, что, в свою очередь, приводило к неминуемым человеческим жертвам и внешнеполитическим провалам³⁶. Так, признанный в Великобритании и США британский эксперт по борьбе с повстанцами сэр Роберт Томпсон, сделавший себе имя в этом качестве во время чрезвычайного положения в Малайе в 1950-е гг.³⁷, рекомендовал американским войскам не бомбить вьетнамские деревни, не делать приоритетом использование военно-воздушных сил, а опираться в основном на силы специального назначения («зеленые береты») и местное ополчение³⁸. Но это предложение не встретило поддержки у военных и политиков, что привело к многочисленным жертвам с американской и вьетнамской сторон.

Таким образом, в период президентства Кеннеди наибольшее внимание в свете политики США в Юго-Восточной Азии «фабрики мысли» уделяли проблеме полномасштабного вмешательства американцев во Вьетнам. В этой связи эксперты Совета по международным отношениям и аналитики из корпорации РЭНД рассматривали разнообразный опыт других держав (европейских колониальных империй, прежде всего Великобритании в Малайе и Франции в Индокитае и Алжире второй половины 1940–1950-х гг.) в условиях контрпартизанской борьбы в странах третьего мира. Активно и с привлечением участников событий изучались их стратегия, тактика, методы и средства с точки зрения их применимости для ведения войны во Вьетнаме³⁹.

Именно в этом контексте следует оценивать заметный рост влияния аналитических центров на внешнюю политику США при администрации Кеннеди. Это обстоятельство было связано и с принадлежностью большого количества ее членов к Совету, и с приходом в Пентагон аналитиков из РЭНД. В начале 1960-х гг. именно эти «фабрики мысли», как известно, были наиболее влиятельными с точки зрения формулирования и формирования курса администрации президента США в Юго-Восточной Азии. Однако установление факта своеобразного обмена кадрами между этими организациями позволяет под новым углом посмотреть на характер взаимодействия экспертного знания и политической

власти в рамках деятельности этих аналитических центров.

Вместе с этим вызывают удивление провальные результаты вовлечения США в конфликт во Вьетнаме. Следовательно, при изучении американской политики в странах третьего мира в годы холодной войны следует обращать особое внимание на зазор между рекомендациями экспертного сообщества и практической деятельностью американских властей (как, например, в Юго-Восточной Азии в начале 1960-х гг.). Его выявление и последующий анализ (с учетом кадрового «взаимопроникновения» аналитических и властных структур) позволят более предметно судить о причинах внешнеполитических успехов и провалов в этом регионе, выявлять преемственность и разрыв традиций в деятельности великих держав в странах третьего мира до и после начала деколонизации и последующего распада европейских колониальных империй.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

Примечания

- 1 Этот термин, вошедший в лексикон благодаря американским журналистам А. Уайту и Дж. М. Кирану, быстро стал нарицательным и активно используется и в научном глоссарии (*примеч. авт.*)
- 2 См.: Think tanks and civil societies : Catalysts for ideas and action / ed. by R. K. Weaver [et al.]. New Jersey, 2002. P. 9 ; Dickson P. Think Tanks. N. Y., 1976. P. 36.
- 3 См.: Medvetz T. Think tanks in America. Chicago, 2012. P. 7.
- 4 См.: Stone D. Capturing the political imagination : Think tanks and the policy process. L., 1996. P. 1.
- 5 См.: Think tanks and civil societies : Catalysts for ideas and action. P. 2.
- 6 См.: Ricci D. M. The transformation of American politics : The new Washington and the rise of think tanks. New Haven, 1993. P. 208.
- 7 Thousand days, John F. Kennedy in the White House / ed. by A. M. Schlesinger [et al.]. Boston, 1965. P. 127–129.
- 8 Роберт Ловетт (1895–1986) – американский государственный деятель, сыгравший большую роль в создании ЦРУ. Разработал программу перевооружения в рамках Корейской войны. С 17 сентября 1951 г. по январь 1953 г. занимал пост министра обороны США. После отставки занимал руководящую роль в банке Brown Brothers Harriman.
- 9 См.: Shoup L. H., Minter W. Imperial Brain Trust : The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy. N. Y., 1977. P. 63 ; Thousand days, John F. Kennedy in the White House. P. 141.
- 10 См.: Shoup L. H., Minter W. Op. cit. P. 64.
- 11 См.: Parmar I. Think Tanks and Power in Foreign Policy : a comparative study of the role and influence of the Council on Foreign Relations and the Royal Institute of International Affairs, 1939–1945. N. Y., 2004. P. 3 ; Domhoff G. W. The Council on Foreign Relations and the Grand Area : Case Studies on the origins of the IMF and the Vietnam War // Class, Race and Corporate Power. 2014. Vol. 2, № 1. P. 2.
- 12 См.: Parmar I. Op. cit. P. 3.
- 13 Этот факт подтверждается, например, обширной перепиской Аллена Даллеса, хранящейся в архиве ЦРУ. В адресованных ему письмах представители политического, экономического, научного сообщества благодарят его за рекомендации, данные Совету. См.: Letter to Paul C. She eline from Allen W. Dulles // CIA-RDP80B01676R003900010058-8 ; CIA-RDP80R01731R001200030001-9 ; CIA-RDP80B01676R004000060009-5. Следует учитывать, что инициатива вступления в Совет исходила не только от претендентов. Например, 18 ноября 1953 г. А. Даллес предложил вступить в Совет Роберту Катлеру, советнику президента по национальной безопасности, на что получил отказ. См.: Letter to Mr. Allen W. Dulles from Robert Cutler // CIA-RDP80R01731R001200020005-6.
- 14 Ярким примером подобной координации является личность Генри Киссинджера. Будучи членом Совета по международным отношениям, он работал в Фонде Братьев Рокфеллеров, в Центре международных отношений при Гарварде (см.: Suri J. Henry Kissinger and the American Century. Harvard University Press, 2007. P. 28), а на протяжении 1962–1963 гг. был консультантом корпорации РЭНД и Совета национальной безопасности США, зарекомендовав себя одним из уважаемых и престижных стратегических экспертов (Ibid. P. 187–188).
- 15 Подобного рода обвинения звучали и в начале 1970-х гг. в среде некоторых конгрессменов. Совету по международным отношениям инкриминировали навязывание правительству США интересов ООН, имперскую политику в странах третьего мира, использование ЦРУ в собственных интересах, но главное – попытку создать теневое правительство США. См.: CIA-RDP70-00058R000200120170-8 ; CIA-RDP74B00415R000300070031-4.
- 16 См.: Gilman N. Modernization Theory, the Highest Stage of American Intellectual History // Staging Growth : Modernization, Development, and the Global Cold War / ed. D. Engerman [et al.]. Amherst, 2003. P. 18.
- 17 См.: Gilman N. Mandarins of the future : Modernization theory in Cold War America. Baltimore, 2003. P. 14.
- 18 Ibid. P. 15.
- 19 Ibid. P. 198.
- 20 Во многом по этой причине основной удар негативного общественного мнения пришелся именно на корпорацию РЭНД. Эти негативные настроения хорошо выразила в своей песне «Гимн корпорации РЭНД» звезда фолк-музыки 60-х гг. Мальвина Рейнольдс : Прикосновением нажатия кнопки Спасут нас от судьбы, что хуже смерти. Одним ударом нас спасут от назначенного врага. Но кто нас спасет от РЭНД, дорогой Господь, Кто спасет нас от РЭНД? (перевод мой. – С. М.).
- 21 См.: Specht R. D. RAND – A personal view of its history // Operations Research. 1960. Vol. 8, № . 6. P. 825.
- 22 Ibid.

- ²³ *Amadae S. M.* Rationalizing capitalist democracy : The cold war origins of rational choice liberalism. Chicago, 2003. P. 33.
- ²⁴ Ibid. P. 34.
- ²⁵ См.: *Dickson Pl.* Op. cit. P. 64, 80, 83.
- ²⁶ *Smith J. A.* Idea brokers : Think tanks and the rise of the new policy elite. N. Y., 1993. P. XIV.
- ²⁷ См., например: *Leonard R. J.* War as a “Simple Economic Problem” : The Rise of an Economics of Defense // Economics and National Security : A History of Their Interaction / ed. by C. D. W. Goodwin. Durham ; L., 1991. Vol. 23. P. 261–283.
- ²⁸ См., например: *Byrne J. A.* The whiz kids : The founding fathers of American business-And the legacy they left us. N. Y., 1993 ; *Hay D. L.* Bomber businessmen : The Army Air Forces and the rise of statistical control, 1940–1945. N. Y., 1995.
- ²⁹ См., например: Counterinsurgency : a symposium, April 16–20, 1962 / eds. St. Hosmer, S. O. Crane. Santa Monica, 2006.
- ³⁰ См., например: Symposium on the Role of Airpower in Counterinsurgency and Unconventional Warfare / eds. A. H. Peterson, E. E. Conger, G. C. Reinhardt. Santa Monica, 1963 ; Counterinsurgency symposium on the role of airpower in counterinsurgency and unconventional warfare : Chin it operations in Burma / eds. A. H. Peterson, E. E. Conger, G. C. Reinhardt. Santa Monica, 1963 ; Counterinsurgency symposium on the role of airpower in counterinsurgency and unconventional warfare : the Philippine Huk campaign / eds. A. H. Peterson, E. E. Conger, G. C. Reinhardt. Santa Monica, 1963 ; Counterinsurgency symposium on the role of airpower in counterinsurgency and unconventional warfare : the Malayan emergency / eds. A. H. Peterson, E. E. Conger, G. C. Reinhardt. Santa Monica, 1963 ; Counterinsurgency symposium on the role of airpower in counterinsurgency and unconventional warfare : the Algerian war / eds. A. H. Peterson, E. E. Conger, G. C. Reinhardt. Santa Monica, 1963 etc.
- ³¹ См.: *Wolf Jr. C.* Some Aspects of the “Value” of Southeast Asia to the United States. Santa Monica, 1963.
- ³² См.: *Farmer J.* Counter-insurgency : Vietnam 1962–1963. Santa Monica, 1963. № P2778 ; *Reinhardt G. C.* Guerrilla-Combat, Strategy and Deterrence in Southeast Asia. Santa Monica, 1963 ; *Farmer J.* Counterinsurgency : Principles and Practices in Vietnam. Santa Monica, 1964. № P-3039.
- ³³ См.: *Donnell J. C., Hickey G. C.* The Vietnamese’ Strategic Hamlets’ : A Preliminary Report. Santa Monica, 1962. № RM-3208-ARPA.
- ³⁴ См.: *Wolf Jr. C.* The Uses and Limitations of Nuclear Deterrence in Asia. Santa Monica, 1964. № P-2958.
- ³⁵ См.: *Sturdevant C. V.* The Border Control Problem in South Vietnam. Santa Monica, 1964.
- ³⁶ См.: Counterinsurgency : a symposium, April 16–20, 1962 / eds. St. Hosmer, S. O. Crane. P. 7 ; *Kitson F.* Bunch of Five. L., 1977. P. 201.
- ³⁷ См.: Obituary : Sir Robert Thompson // The Times of London. 1992. May 20. URL: <http://academics.wellesley.edu/Polisci/wj/Vietnam/Obituaries/thompson.htm> (дара обращения: 10.11.2017).
- ³⁸ См.: *Busch P.* All the way with JFK? : Britain, the US, and the Vietnam War. Oxford, 2003. P. 164.
- ³⁹ Например : *Kitson F.* Gangs and Counter-gangs. L., 1960 ; *Bohannon C. T. R.* Ant guerrilla Operations // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1962. Vol. 341, № 1. P. 19–29 ; *Galula D., Hoffman B.* Pacification in Algeria, 1956–1958. Santa Monica CA, 1963. № RAND/M-RM-3878-ARPA ; *Thompson R. G. K.* Defeating communist insurgency : experiences from Malaya and Vietnam. L., 1966 ; *Idem.* No exit from Vietnam. Philadelphia, 1969.

Образец для цитирования:

Малкин С. Г. Аналитические центры и политика США в странах «Третьего мира» в начале 1960-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 363–367. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-363-367.

Cite this article as:

Malkin S. G. Think Tanks and USA Politics in the Countries of «the Third World» at the Beginning of the 1960s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 363–367 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-363-367.

УДК 94(73)19|

ДЖОН КЕННЕДИ И «НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ» АМЕРИКАНСКОЙ ПОМОЩИ

С. Ю. Шенин

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, shenins@yahoo.com

Статья посвящена изучению процесса формирования политики помощи слаборазвитым странам администрации Дж. Ф. Кеннеди в контексте политико-идеологического противостояния двух подходов – «помощи развитию» и «взаимной безопасности». Особое внимание уделено исследованию первых речей и выступлений президента Кеннеди, которые обозначили поворот его администрации в сторону радикально-прогрессивной модели развития азиатских стран.

Ключевые слова: Г. Трумэн, Д. Эйзенхауэр, Дж. Кеннеди, помощь США, прогрессизм, сдерживание коммунизма, взаимная безопасность, помощь развитию.

John Kennedy and the «New Horizons» of American Aid

S. Yu. Shenin

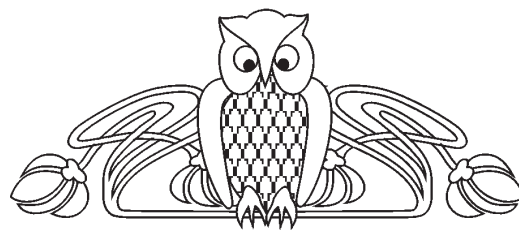
Sergei Y. Shenin, ORCID 0000-0002-4503-59-23, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, shenins@yahoo.com

The article is devoted to studying the process of forming the aid policy toward underdeveloped countries by the J. F. Kennedy administration in the context of confrontation of the two approaches – «development assistance» and «mutual security». Special attention is paid to researching the first speeches and addresses of the president Kennedy, which defined the turn of his administration to the radical-progressive model of the Asian countries development.

Key words: H. Truman, D. Eisenhower, J. Kennedy, U.S. aid, progressivism, containment of communism, mutual security, development assistance.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-368-371

После окончания Второй мировой войны американская правящая элита была едина в том, что Соединенные Штаты должны строить новый мировой порядок в соответствии с теми принципами и ценностями, которые были заложены в основу американского государства и которые открывали для США широчайшие возможности обеспечить глобальное экономическое и политическое доминирование. Однако поскольку американская элита имела очень сложный многокомпонентный состав, то и представления о том, какими методами можно было обеспечить достижение вышеуказанной цели, у разных групп были различные. Наиболее влиятельными здесь были три политико-идеологические группировки.

Так, военно-бюрократический альянс (который впоследствии получит название военно-промышленного комплекса – ВПК) ориентировался на методику конфликтного противостояния с «несвободным» коммунистическим миром, в рамках которого стремился проводить политику «сдерживания» и милитаризации экономик Запада. Группировка политиков прогрессивистской ориентации, представлявших гражданский промышленный сектор, настаивала на необходимости концентрации ресурсов на активизации процесса глобального экономического развития, строительства новых рынков сбыта, включая слаборазвитые и даже коммунистические регионы. Наконец, политики консервативно-традиционалистского крыла, защищавшие интересы крупных энергетических и сырьевых корпораций, акцентировали внимание на естественных рыночных методах продвижения американских экономических интересов.

Именно стремление направить внешнеполитические усилия и ресурсы правительства США в желаемое русло вызывало среди этих групп жесткие политические столкновения в борьбе за власть. Периодически приходя к руководству внешней политикой, группы пытались для достижения своих интересов активно использовать такие инструменты, как вооруженные силы, пропаганда, торговые отношения, экономическая помощь и т. д. При этом последний инструмент – экономическая (техническая, финансовая) помощь – на протяжении 1940–1960-х гг. играл одну из ведущих ролей в процессе формирования новых глобальных устоев.

В период президентства Г. Трумэна противостояние указанных групп закончилось победой про-военной бюрократии, что в законодательном плане выразилось в принятии «Закона о взаимной безопасности» (Mutual Security Act). При этом группа смогла перенаправить такие программы помощи, как «план Маршалла», «пункт-4», NSC-68 в сторону «сдерживания» международного коммунизма. Попытки прогрессивистов перехватить инициативу и развернуть эти программы в русло концепции «помощи развитию» в рамках «Закона о международном развитии» (Act for International Development) к успеху не привели в связи с искусственной антикоммунистической истерией в США и началом Корейской войны¹.

На протяжении всего периода президентства Д. Эйзенхауэра борьба между двумя этими группировками не прекращалась (при периодическом

подключении к ней традиционалистов), во многом определяя общий внешнеполитический курс США. При этом сам глава Белого дома, хотя и симпатизировал прогрессистам, тем не менее, был сторонником «сбалансированного» подхода, который в равной степени учитывал интересы обеих ведущих группировок. Это означало, что концепции «помощи развитию» и «взаимной безопасности» были вынуждены сосуществовать в рамках ежегодных бюджетов конгресса и стратегических планов администрации. Такая «сбалансированность» была вынужденной, поскольку Эйзенхауэр боялся раскола республиканской партии накануне выборов 1960 г.²

Кандидат на пост президента США от республиканской партии вице-президент Р. Никсон придерживался такого же «сбалансированного взгляда» на проблему помощи. По его мнению, во внешней политике должны были присутствовать обе составляющие – и помощь в защите слаборазвитых стран от военной угрозы со стороны коммунизма, и одновременно поддержка процесса развития полноценного современного капитализма американского образца.

Однако его оппонент, демократ Дж. Кеннеди, был настроен более решительно. Во время предвыборных дебатов с Никсоном он настаивал на необходимости принятия новой радикальной стратегии помощи слаборазвитым странам, поскольку США столкнулись с формированием фундаментального нового баланса сил в мире. Если старая стратегия «взаимной безопасности» появилась в 1950–1951 гг. под влиянием угрозы трансформации холодной войны в «горячую», когда военно-политические блоки представлялись самым надёжным инструментом «сдерживания», то на рубеже 1950–1960-х гг. ситуация радикально изменилась под воздействием таких факторов, как стремительный рост национализма, появление ядерных ракет, десятков независимых государств, феномена «нейтрализма», огромных зон политических вакуумов и т. д.

В то время как идеологическая конфронтация по линии «восток–запад» по-прежнему преобладала в мировой политике, другой глобальный конфликт по линии «юг–север» уже набирал силу. Если США были не готовы предпринять необходимые шаги для того, чтобы взять его под контроль и сохранить глобальное равновесие, то «свободный мир», утверждал Дж. Кеннеди, должен был гарантированно проиграть сражение с коммунизмом, т. е. конкурентом, который явно был в состоянии направлять в желаемую сторону националистический напор «юга». Соответственно Кеннеди был уверен, что борьба за «бедный юг» должна была стать одной из главных задач американской внешней политики на 1960-е гг.³

Он был уверен, что лидеры коммунистического блока очень хорошо понимали эту ситуацию и поэтому с середины 1950-х гг. они начали

активную борьбу за «умы и сердца» населения стран третьего мира. Соединённые Штаты, используя программу «взаимной безопасности», уже построили военный «щит» вдоль советско-китайской периферии, и, следовательно, полагал Кеннеди, не было необходимости укреплять его ещё больше – только поддерживать и модернизировать, что было намного дешевле. Любое дальнейшее укрепление «щита» было бессмысленным, поскольку коммунистический блок, применяя тактику «фланговых манёвров» и используя инструменты торговли и помощи, стремился проникнуть за линию «фронта», нацеливаясь не только на нейтральные слаборазвитые страны, но также и на военно-политических союзников США.

С точки зрения Кеннеди, сдерживать коммунизм только с помощью военного «щита» было невозможно, поскольку «сила – это не только проблема вооружений. Сила идёт от образования, плодородной земли, работающих цехов, довольных и гордых людей. Полные жизни общества не подвержены подрывной активности. Сознательная защита легче там, где есть что защищать»⁴. Таким образом, существующий «щит» должен был быть дополнен ещё одной формой «сдерживания» – экономическим развитием, укреплением и расширением зоны «свободного мира», включая не только слаборазвитый «юг», но и самые нестабильные страны коммунистического блока.

По мнению сторонников Кеннеди, этот процесс должен был быть построен на принципах «экономического роста», но без попыток навязать модель западного общества или «свободной экономики» нейтральным странам. Такой подход должен был стимулировать ослабление тоталитарных тенденций и укрепление демократических ценностей на местах. В перспективе развитие естественного антикоммунистического иммунитета в сфере экономики могло заменить необходимость бесконечного наращивания американского военного «щита», как это и произошло в случае с «планом Маршалла» в Западной Европе.

Кроме того, Кеннеди и его соратники считали, что после четырнадцати лет экспериментов с внешней помощью (т. е. начиная с 1946 г.) США получили множество уроков, которые надо учитывать. Первым из них было то, что эффективная помощь должна иметь ясные цели и тщательно проработанные планы. Слишком часто в прошлом помощь предоставлялась под давлением таких краткосрочных факторов, как «необходимость сохранить альянсы, защитить американские военные базы, противодействовать предложению помощи со стороны коммунистов или спасти экономику от неминуемого коллапса».

Во-вторых, необходимо учитывать, что экономическое развитие является очень долгосрочным процессом, требующим гарантированной

и постоянной подпитки деньгами. В новых условиях «ежегодный процесс одобрения и ассигнования, который управляет современной программой помощи, просто не годится для задач долгосрочного развития в шестидесятые годы»⁵.

Третьим уроком должно было стать то, что капитальная помощь типа «плана Маршалла», которая предназначалась для помощи зрелым правительствам и квалифицированному населению Европы, была недостаточна для слаборазвитых стран, не имевших промышленной базы, подготовленной рабочей силы и управленческого опыта.

Наконец, различные программы помощи должны были быть собраны под эгидой единого агентства и управляться таким образом, чтобы способствовать общему развитию страны-реципиента. При этом помощь должна была быть ориентирована не только на экономическое развитие, но и решать социальные проблемы так, чтобы не увековечивать разрыв между бедными и богатыми⁶.

Исходя из всех этих соображений, Дж. Кеннеди в своей инаугурационной речи и в первом обращении к нации о положении в стране сформулировал новую философию внешней помощи, которая основывалась на двух базовых положениях. Первое заключалось в том, что помощь имеет исключительную важность не только для американской безопасности и защиты «свободного мира» от коммунистического вторжения, но она отражает моральные, экономические и политические обязательства всех промышленно развитых свободных стран «северной» части мира, и особенно Соединённых Штатов как самой могущественной из них. Эти обязательства требуют помочь народам «юга» разорвать цепи массовой нищеты и включить их в ряды сторонников свободы и демократии. При этом необходимо было создать новое партнёрство развитых свободных стран, в котором каждый член должен инвестировать в общее дело, разделив бремя пропорционально имеющимся средствам. Предлагаемая доля каждого партнёра составляла 1% ВВП, а для распределения общих фондов предлагалось специально создать Организацию экономического сотрудничества и развития (OECD – Organization for Economic Cooperation and Development)⁷.

Другое положение заключалось в том, что сами страны-реципиенты должны были принять на себя обязательства по со-финансированию западной помощи. Для этого им необходимо было мобилизовать собственные ресурсы в рамках хорошо продуманных программ развития, продвигать принцип социальной справедливости через политические, социальные и экономические реформы, а также гарантировать, что результаты помощи «доходят до многих, а не до некоторых». Страны, готовые следовать этим требованиям, получают «особое внимание», т. е. дополнитель-

ную долгосрочную помощь. Таким образом, новая администрация предпочитала использовать помощь в основном как «морковку» для поощрения реформ, а не как «кнул» для наказания за непослушание⁸.

Дж. Кеннеди, как и его предшественник, признавал, что настоящий ключ к успеху указанной стратегии лежал в замене доминировавшей на тот момент краткосрочной помощи, которая одобрялась конгрессом ежегодно, на помощь в рамках долгосрочных программ развития, цель которых заключалась в переводе экономики в режим «самоподдерживающего роста». В то же время он планировал перестроить помощь на более прагматическую «бизнес-основу», заменив прямые гранты на долгосрочные и дешёвые кредиты, возвращаемые, насколько возможно, в долларах.

Ещё на стадии своей избирательной кампании Дж. Кеннеди провозгласил создание так называемого «Корпуса мира», использующего молодых американцев в качестве «полевых» специалистов, важнейшим шагом на пути к реализации новой стратегии. Предполагалось, что такая мера должна была обеспечить смену мотивации, связанной с безопасностью, на «моральные императивы». Хорошо образованная и подготовленная американская молодёжь, работая в качестве агентов-консультантов, могла привнести в отношения между людьми «севера» и «юга» элементы идеализма и доверия, снизив уровень чрезмерного прагматизма и подозрительности. Правда, как только Кеннеди стал президентом, он немедленно отсек популистские крайности этой идеи⁹ (которые, кстати, подтолкнули молодёжь голосовать за него), заявив, что «у нас достаточно волонтёров, чтобы укомплектовать предлагаемый корпус без приманки в виде освобождения от военной службы»¹⁰.

Таким образом, все эти предложения сформировали тот аспект общей внешнеполитической концепции Кеннеди, получившей название «новые горизонты», который был связан с внешней помощью. Став президентом, Дж. Кеннеди, по сути, продолжил тот курс на отказ от «взаимной безопасности» и переход к концепции «помощи развитию» с целью ускорения процессов экономической глобализации, который осуществлял его предшественник – республиканец Д. Эйзенхауэр. Хотя президенты представляли конкурирующие партии, они, по сути, двигались к одной цели и придерживались, практически, единой идеологии процесса глобализации – прогрессизма. Тем не менее Эйзенхауэру в силу наличия в его партии мощных консервативных течений и тенденций приходилось активно маневрировать, постоянно искать компромиссы с внутренними противниками, что вынуждало его продвигаться вперёд осторожно, оглядываясь назад, предлагая, как отмечалось, «сбалансированные» варианты программы помощи. Для демо-

кратической партии прогрессистские ценности были более органичны, и поэтому Дж. Кеннеди получил возможность более энергично, практически бескомпромиссно продолжить движение в общем направлении – «помощи глобализации».

Примечания

- ¹ См.: Шенин С. Ю. Помощь США слаборазвитым странам. Гарри Трумэн и «пункт-4». Саратов, 2017.
- ² См.: President Plans 700-million Cut for Foreign Aid // The New York Times. 1959. November 1. P. A1.
- ³ См.: Kennedy J. F. The State of the Union, Address of President Kennedy to the Congress // Department of State Bulletin. 1961. Vol. XLIV, № 1129 (February 13). P. 211–212.
- ⁴ Kenworthy E. W. Rusk Cites Need for Foreign Aid // The New York Times. 1961. May 4. P. A3.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ См.: Kennedy J. F. The Inaugural Address of President Kennedy // Department of State Bulletin. 1961. Vol. XLIV, № 1128 (February 6). P. 175–176.
- ⁸ См.: Lewis A. Kennedy to Link Self-Help Moves and Foreign Aid // The New York Times. 1961. March 13. P. A1.
- ⁹ См.: The Department of State. Request for Establishment of the Peace Corps on a Permanent Basis : Message from the President (Kennedy) to the Congress, March 1, 1961 // American Foreign Policy. 1961. Department of State Publication 7808. Washington, D.C., 1965. P. 1302–1303.
- ¹⁰ Lawrence W. H. Peace Corps Plan Goes to Kennedy ; Early Test Urged // The New York Times. 1961. January 8. P. A1.

Образец для цитирования:

Шенин С. Ю. Джон Кеннеди и «новые горизонты» американской помощи // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 368–371. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-368-371.

Cite this article as:

Shenin S. Yu. John Kennedy and the «New Horizons» of American Aid. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 368–371 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-368-371.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470.324)«1670/1671»

ГОРОД КОРОТОЯК ВО ВРЕМЯ ВОССТАНИЯ СТЕПАНА РАЗИНА В 1670–1671 ГОДЫ

В. М. Брезгунова

Брезгунова Виктория Михайловна, аспирант, преподаватель кафедры политической истории, Воронежский государственный университет, bvm1792@mail.ru

В статье рассмотрен один из самых примечательных эпизодов истории построенного на Дону города Коротояка во второй половине XVII в. Этим переломным моментом стали подготовка и успешное отражение правительственными силами пришедших к городу отрядов Степана Разина, которым был дан бой 27 сентября 1670 г. После этого восставшими была предпринята попытка захвата города путем склонения на свою сторону местных жителей, но она так и не была реализована. Также подробно анализируются факторы, которые содействовали успеху коротоякского воеводы Михаила Федоровича Ознобишина в борьбе с восставшими.

Ключевые слова: Воронежский край, Коротояк, восстание Степана Разина, боевые действия, воеводское управление, XVII век.

The City of Korotoyak during Stepan Razin's Uprising in 1670–1671

V. M. Brezgunova

Viktoriya M. Brezgunova, ORCID 0000-0003-1015-1307, Voronezh State University, 1, Universitetskaya Pl., Voronezh, 394018, Russia, bvm1792@mail.ru

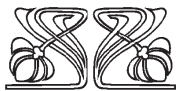
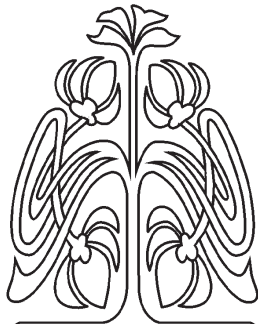
The article is devoted to one of the most notable events in Korotoyak history of the second half of the XVII century. It was the preparation to the battle and the defeat of Stepan Razin's forces by governmental troops near Korotoyak on September 27, 1670. The rebels tried to gain the support of local citizens by sending the delegate to negotiate with them after the battle, but they also failed. The article also reviews the reasons of Korotoyak's potentate (voevoda) Mikhail Oznobishin, success in fighting against the rebels.

Key words: Voronezh region, Korotoyak, Stepan Razin's uprising, battle actions, potentate's administration, XVII century.

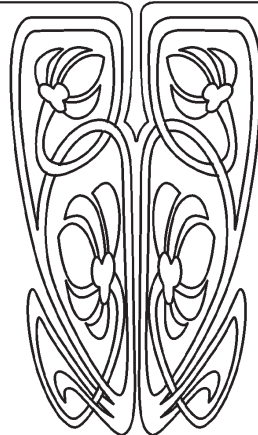
DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-372-376

Коротояк – это город Воронежского края, который был построен как одна из крепостей Белгородской черты на высоком правом берегу Дона в 1647 г. Одной из самых ярких и выдающихся страниц его истории во второй половине XVII в. являются, безусловно, события, в которые он оказался вовлечен во время восстания Степана Разина. Недалеко от Коротояка в конце сентября 1670 г. произошло столкновение правительственных сил с отрядом присоединившихся к восстанию казаков, приведенных туда братом Степана Разина Фролом. Нас интересует этот эпизод прежде всего как переломный момент в истории Коротояка, который коснулся всех его жителей, участвовавших в противостоянии.

Этот сюжет истории Коротояка во второй половине XVII в. уже становился объектом внимания исследователей – его касается в статье О. В. Скобелкин¹, рассматривают историки Е. В. Чистякова и В. М. Соловьев², В. П. Загорский³ в своих обширных трудах, но самая поздняя из этих работ вышла в 1988 г. При этом отдельного исследования, в котором подробно бы разбирались эти переломные для истории города Коротояка и всего Воронежского края события,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

пока нет. Документы, детально описывающие этот эпизод, опубликованы в сборнике, посвященном крестьянской войне под предводительством Степана Разина. Его тома были изданы в 1959⁴ и 1962⁵ гг., но вошедшие туда источники до сих пор представляют немалый интерес для исследователей по истории народного движения под руководством Степана Разина, так как позволяют осветить не только основные события восстания, но и отдельные, касающиеся истории тех или иных мест сюжеты.

Историки отмечают, что у пришедшего под Коротояк Фрола Разина была видная роль в руководстве Крестьянской войной на Дону и в Слободской Украине – в то время как Степан Разин во главе основных сил восставших пытался по Волге проникнуть во внутренние области страны и развернуть наступление на Москву, Фрол обеспечивал безопасность его тыла⁶. В 1670 г. правительством была организована полная блокада Дона с севера – было запрещено любому судну спускаться вниз по реке⁷. И основной задачей Фрола Разина был прорыв этой экономической осады, он должен был завладеть необходимыми для восставших хлебными запасами, которые были приготовлены для казаков и задержаны в связи с неустойчивой ситуацией в Воронеже и Коротояке. Таким образом, Коротояк для двинувшегося с отрядом в начале августа 1670 г. с берегов Волги Фрола Разина был первой стратегической целью на Дону.

Московское правительство, столкнувшись с возможностью распространения восстания на территории современного Центрального Черноземья, достаточно активно начало предпринимать необходимые превентивные меры. Например, в более поздней грамоте из Разрядного приказа за 1671 г. нами была найдена ссылка на документ, посланный воеводе Коротояка Федоту Вындомскому еще в мае 1670 г., то есть за несколько месяцев до ключевых событий. Согласно этому документу, воеводе предписывалось всем жителям Коротояка и Урыва «заказ учинить крепкой под смертную казнь, чтоб они...на Дон с товары и с хлебными запасы не ездили никакими мерами»⁸, а также поставить надежные заставы, чтобы этот указ не нарушался. Такие действия правительства позволяли и экономически блокировать Дон, и препятствовать распространению влияния восстания на южнорусские территории. А сразу же после известий о взятии разинцами Астрахани, 26 августа 1670 г., из Разрядного приказа воеводе Белгородского полка Ромодановскому была послана грамота с приказом о переводе его с полком из Севска к городам Острогожску и Коротояку⁹. При этом к воеводе должны были присоединиться люди из Севского и Белгородского полков, правительство стремилось собрать воедино все свои силы для борьбы с восставшими на этом направлении. И уже чуть больше чем

через две недели, 12 сентября, в распоряжении Ромодановского было уже 4491 человек¹⁰, что говорит о быстрой мобилизации сил.

Воевода Михаил Федорович Ознобишин, который возглавил Коротояк совсем недавно, в июле 1670 г.¹¹, уже в первой половине сентября сообщил в Москву о намерении восставших идти вверх по Дону к Коротояку и Воронежу – «слышали на Дону на устье речки Хопра от воровских же казаков Стенькиной же станицы Разина, а говорят де они такие речи: все де мы в Черкасском городке пойдем вверх рекою Доном к Коротояку и к Воронежу для запасов, чтоб де им на Дону з голоду не помереть»¹². Там же он приводит и цифры о количестве восставших – на Дон с Волги перешло 2000 человек. Необходимо заметить, что сообщаемые администраторами во время восстания данные очень часто повторялись и порою несколько путались, так как из-за поступающей отовсюду от очевидцев информации неизбежно происходило нарушение целостной картины событий. Интереснее же всего, что по довольно эмоциональным отпискам Ознобишина можно проследить обострение ситуации – через несколько дней он сообщает в Разрядный приказ о захвате городов Ольшанска и Усерда, хотя последний не был захвачен, а также пишет: «А я, государь, к Коротояку чаю приходу воровских казаков вскоре»¹³. Отметим, что здесь он не пишет о событиях в Острогожске, захваченном отрядом разинцев под командованием Федора Колчева, об участии в происходящем черкасского полковника Дзиньковского, что говорит об ограниченности его сведений, при этом явно просматривается осязаемое волнение воеводы.

На известия о взятии Острогожска Михаил Федорович Ознобишин отреагировал так же, как и воевода Чевкин в Землянске – «заперся на Коротояке с небольшими людьми». При этом сохранились даже сведения о том, что острогожский черкасский полковник Иван Дзиньковский стремился предотвратить оповещение Коротояка о событиях в Острогожске – он московского стрельца Андрея Горемыкина «с товарищи» «велел изымать, а изымав, посадил их у себя на дворе на чепь и держал их на чепи судки, а ис чепи де, государь, отдал их в город за кораул»¹⁴. И сразу же после известий из Острогожска, как только представился удобный случай, Ознобишин послал отписку в Воронеж, а потом через воеводу Бориса Бухвостова – в Москву, где просил как можно быстрее выслать в Коротояк «государевых ратных людей», «чтоб помочь учинить и твоих бы великого государя коротояцких жителей утвердить и обнадежить»¹⁵. Получается, что, с точки зрения воеводы Ознобишина, люди там были недостаточно надежны и вызывали сомнения в своей верности царскому правительству. Сразу же после разгрома восстания в Острогожске воевода выехал туда для участия в следствии и допросах, но потом быстро вернулся

в Коротояк, к которому все ближе подходил отряд Фрола Разина.

Самые правдивые сведения о намерениях восставших правительство смогло собрать только уже после ключевых событий. Так, в октябре 1670 г. в воронежской приказной избе воронежские казаки рассказывали, что *«Стенькина брат Разина, Фролко перешел с Волги на Дон, а с ним воровских казаков перешло со 100-а человек»*, потом по мере продвижения его вверх по реке он *«прибрал себе воровских казаков на Дону и с Хопра»*¹⁶. Как видно, эта правдивая цифра значительно отличается от той, которую упоминал коротоякский воевода ранее. Примерные данные о количестве подступающих сил стали известны воеводе Ознобишину примерно в три часа дня 26 сентября – коротоякские дети боярские рассказали ему, что в этот день *«прошли мимо заставу вверх рекою Доном х Коротояку воровские казаки многие люди в больших стругах и в малых лотках... а по смете де тех воровских казаков тысячи с 3 и большии»*¹⁷. Таким образом, получилось, что воевода был предупрежден о приходе сил противника, хотя их количество и было завышено, и эффект неожиданности Фролу Разину использовать не удалось. Ознобишин немедленно известил воеводу Белгородского полка Григория Ромодановского, и тот, выслав вперед отряд казаков и рейтар, сам с основными силами двинулся следом, всего же в его рядах было собрано около 11 000 человек – Севский и Белгородский полки¹⁸.

Столкновение отряда Фрола Разина с правительственными войсками произошло на следующий день, 27 сентября 1670 г. Разинцы, немного не доплыв до Коротояка, высадились на берег и двинулись к городу. Воевода Ознобишин, как эмоционально он пишет в отписке, *«прося у Христа бога милости и у пречистые его богоматери и во всех святых помощи и заступление»*¹⁹, решил принять бой с двумя тысячами разинцев не в городе, а за его пределами. По вполне обоснованной версии исследователя О. В. Скобелкина, это было связано с неуверенностью воеводы в преданности городских жителей²⁰. Позднее мы узнаем из расспросных речей Федора Волчкова, что *«грацкие де люди никто не хотел с ними, воровскими казаками, битца, которые живут на Коротояке»*²¹. Михаил Федорович Ознобишин сам возглавил коротоякцев и подошедших людей Ромодановского и принял бой, *«не допустя до Коротояка, за речкою Коротояком»*. Сражение началось примерно в восемь утра, на сторону Фрола Разина перебежало несколько стрельцов, что воодушевило отряд восставших, но уже в двенадцать пришел воевода Ромодановский с основными силами, что и решило исход битвы. Перевес в пользу правительственных сил был более чем значительным. Часть отряда Разина погибла на поле боя, часть оказалась в плену, остальные же были вынуждены отступить на стругах вниз по Дону.

Целостного представления о потерях, которые понесли и разинцы, и правительственные войска, за недостаточностью сведений сформировать не получается, известно только из одной отписки воеводы Ознобишина, что было ранено трое стрельцов, еще двое стрельцов и один полковой казак исчезли, и тел их на поле не нашли, а также один полковой казак был убит²². Если судить по потерям, то они совсем незначительны для того огромного правительственного войска, которое было приведено под Коротояк воеводой Ромодановским.

Боем под Коротояком противостояние не закончилось. Как отмечают исследователи, после неудачи 27 сентября 1670 г. Фрол Разин не оставляет намерения взять город, но достичь этой цели он стремится уже мирным путем²³. Фрол Разин, дойдя до «полковниковой слободки» Колыбелки, остановился и решил отправить в Коротояк мценского торгового человека Федора Волчкова, который присоединился к ним, сбежав из Коротояка. Он должен был разведать обстановку и уговорить горожан не противостоять казакам, а встретить «их с хлебом да с солью», а также ему было приказано вступить в переговоры с воеводой Ознобишиным, главная цель которых – чтобы на Дон запасы шли «по-прежнему»²⁴. Но замыслы восставших были раскрыты раньше, чем они могли быть реализованы, так как Волчкова задержали еще до его прихода в Коротояк, пытали, и во время допроса он все рассказал о своей тайной миссии, а потом сразу же был казнен. Повторных попыток наступления на Коротояк Фрол Разин уже не предпринимал.

Значимо то, что напряженное внимание правительства к возможному продвижению разинцев в направлении Коротояка и Воронежа не ослабевало даже после самых переломных моментов, и весной 1671 г. Михаил Федорович Ознобишин *«на Коротояке жил с великим береженьем и про воровских донских казаков проводывал всякими обычаями»*, а также тщательно контролировал все заставы, чтобы мимо Коротояка и Урыва никого не пропускать на нижнее течение Дона²⁵. Кроме того, он был важным звеном в передаче сведений воронежскому воеводе от различных людей, посылаемых правительством на Дон для разведывания обстановки, что вызывало постоянные опасения, и коротоякский воевода был очень обеспокоен тем, что *«ныне, государь, на Коротояке малоллюдно, и в приход воровских казаков за малоллюдством опасно»*²⁶.

Когда основная угроза уже миновала, 16 мая 1671 г. Разрядный приказ отправил грамоту воеводе Белгородского полка Григорию Ромодановскому, по которой за усердие и верность во время событий под Коротояком, за то, что *«воровских донских казаков для расширения воровства в украинные города большии того не допустили и украинные города от шатости оберегли»* и сам воевода, и все его соратники из Севского и Бел-

городского полков должны были получить награду золотыми²⁷. А уже 8 июня 1671 г. вышел указ о разрешении торговли с донскими казаками «с Воронежа и с Коротояка и из Острогужского и из ыных тамошних городов, которые по реке Дону податны»²⁸, что означало возвращение к интенсивной торговле, активными участниками которой были жители городов Воронежского края. Но при этом обращалось особое внимание на необходимость контроля пропусков, которые после проверки выдавались всем желающим ехать торговать.

Рассматривая события, связанные с восстанием Разина под Коротояком, нельзя не упомянуть хоть и чуть более поздний, написанный в июле 1671 г., но единственный в своем роде документ – отписку коротоякского воеводы Ознобишина в Разрядный приказ с распросными речами коротоякского жителя Акима Житкова²⁹. В ней изложена вся хронология участия этого человека в выступлениях разинцев в Воронежском крае, хотя там и не указана его служебная или социальная принадлежность. В 1670 г., видимо, весной или летом, он со своим дядей и несколькими ельчанами был в низовьях Дона, потом вернулся назад, но, не побывав даже дома, сбежал обратно. В сентябре 1670 г. он снова вернулся в родные места, но уже в составе того самого отряда Федора Колчева, который захватил Острогужск, с ними же «в Острогужском де и в Ольшанском воевод и начальных людей и подъячева он, Акимка с товарищи, побили и в воду пометали». Во время разгрома восстания в Острогужске Житков с другими участниками смог сбежать сначала в Колыбелку, а потом с помощью местных жителей переправились через Дон, а «оттуды пошли на речку Плаву»³⁰. Там «Акимка с товарищи» смогли перехватить государеву казну, которая была отправлена из Москвы воеводе Ромодановскому, после этого скитались в районе Яблонова и Царева-Борисова. Когда его сотоварищей переловили, Житков вернулся в Коротоякский уезд в село Красное, где жил у знакомого сына боярского, а потом, с весны 1671 г., тайно жил у своего отца в Урывском остроге, откуда и его, и его отца Фильку Житкова привели к воеводе Ознобишину. Важно отметить, что о пребывании Житкова в Коротоякском уезде знали местный поп, дьячок, двое детей боярских и все близкие родственники.

Причины своего участия в восстании Аким Житков не объясняет, но наиболее вероятно, что основными были материальные интересы, так как он подробно описывает, что «воровскую рухледь под Альшанском делили на 500 человек», да и нападение на государеву казну выглядит больше как разбой, чем как выражение какого-либо недовольства политикой правительства. А возвращение не только в уезд, но и на двор к отцу больше всего похоже на растерянность после того как были пойманы товарищи Житкова, куда

более логичным для него было бы в этой ситуации уйти в низовья Дона, чтобы скрыться, но он сам своим приездом в Урыв сделал задержание просто вопросом времени, тем более, что об этом узнало довольно много людей.

Подводя итоги, представляется весьма важным сформулировать те факторы, которые повлияли на успех коротоякского воеводы Ознобишина в борьбе с восставшими. Особенно интересно при этом то, что Острогужск и Ольшанск, вполне сопоставимые с Коротояком города на Белгородской черте, были захвачены гораздо меньшим количеством разинцев. Во-первых, большое значение имело то, что воевода был предупрежден о походе заранее, так, за день до сражения он даже знал примерное количество сил противника; во-вторых, в Коротояке, несмотря на все опасения и неуверенность Ознобишина в верности жителей, все же не было такого разинского «агента», как полковник Дзиньковский, который буквально провел отряд Ф. Колчева в Острогужск; в-третьих, несмотря на измену нескольких человек, все же нельзя говорить о поддержке Фрола Разина жителями Коротояка, что, в свою очередь, весьма отличает его от Ольшанска; четвертым и, вероятно, самым значимым фактором успеха в отражении отряда Фрола Разина под Коротояком оказались слаженные и скоординированные действия правительственных сил в этот важный момент, так как маловероятно, что гарнизон Коротояка без поддержки отрядов Ромодановского смог бы оказать достойный отпор двум тысячам казаков, а решающим моментом сражения стал своевременный подход самого воеводы Белгородского полка с основными силами. Весьма примечательно, что, несмотря на все имеющиеся в этот период недостатки в системе воеводского управления и в координации действий различных должностных лиц, в переломный момент наступления отрядов Разина на Дону на один из самых стратегически важных городов правительственные войска смогли оказать достойное сопротивление и остановить дальнейшее продвижение восставших к Воронежу.

Примечания

- 1 См.: Скобелкин О. В. Разинские агаманы в Воронежском крае // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае / под ред. М. Д. Карпачева [и др.]. Воронеж, 1983. С. 106.
- 2 См.: Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 200–202.
- 3 См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 271–272.
- 4 См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. документов : в 4 т. М., 1959. Т. 2, ч. 2. 241 с.
- 5 См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. документов : в 3 т. М., 1962. Т. 3. 491 с.

- 6 См.: Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Указ. соч. С. 199–200.
- 7 См.: Загоровский В. П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края : сб. ст. Воронеж, 1961. Вып. 1. С. 139.
- 8 Грамота из Разрядного приказа коротоякскому воеводе М. Ознобишину об усилении борьбы против сношений с Доном жителей городов Коротояка и Урыва. 1671, апреля 12 // Крестьянская война... Т. 3, № 41. С. 48.
- 9 См.: Грамота из Разрядного приказа воеводе Белгородского полка Г. Ромодановскому о переводе его с полком из Севска к гг. Острогожску и Коротояку ввиду взятия С. Разиным Астрахани. 1670, августа 26 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 1. С. 7–8.
- 10 См.: Роспись ратных людей Севского полка, бывших в походе с воеводой Г. Ромодановским. 1670, сентября 12 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 12. С. 17.
- 11 См.: Камараули Е. В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009. С. 239.
- 12 Отписка коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ о намерении восставших казаков идти вверх по Дону к гг. Коротояку и Воронежу. 1670, сентября между 7 и 15 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 4. С. 11.
- 13 Отписка коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ о захвате восставшими казаками гг. Ольшанска и Усерда и об ожидаемом приходе их в г. Коротояк. 1670, сентября между 10 и 17 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 6. С. 13.
- 14 Отписка коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ о приходе восставших казаков к г. Острогожску и просьбой о помощи г. Коротояку. 1670, сентября между 11 и 16 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 9. С. 15.
- 15 Отписка коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ по расспросным речам московского стрельца А. Горемыкина с товарищами о захвате восставшими казаками гг. Острогожска и Ольшанска. 1670, сентября между 10 и 28 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 7. С. 13.
- 16 Расспросные речи в Воронежской приказной избе воронежских казаков А. Прасолова, А. Рашкова и М. Мещерякова о походе Ф. Разина к г. Коротояку. 1670, октября 14 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 56. С. 71.
- 17 Отписка коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ о движении казаков Ф. Разина вверх по Дону к г. Коротояку. 1670, между сентября 26 и октября 4 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 38. С. 50.
- 18 См.: Скобелкин О. В. Указ. соч. С. 106.
- 19 Отписка коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ о приходе под г. Коротояк восставших казаков и о столкновении их с ратными людьми воеводы Г. Ромодановского. 1670, между сентября 27 и октября 6 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 39. С. 50–51.
- 20 См.: Скобелкин О. В. Указ. соч. С. 106.
- 21 Расспросные речи в Коротоякской приказной избе мценского торгового человека Ф. Фолчкова о его переходе на сторону восставших и о переговорах восставших казаков с жителями г. Коротояка о сдаче города. 1670, сентября 29 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 40. С. 51.
- 22 См.: Запись в книге Разрядного приказа по отписке коротоякского воеводы М. Ознобишина о потерях ратных людей в бою с казаками Ф. Разина под г. Коротояком. 1670, октября 11 // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 54. С. 68–69.
- 23 См.: Чистякова Е. В., Соловьев В. М. Указ. соч. С. 202.
- 24 См.: Расспросные речи в Коротоякской приказной избе мценского торгового человека Ф. Фолчкова... // Крестьянская война... Т. 2, ч. 2, № 40. С. 51.
- 25 Грамота из Разрядного приказа коротоякскому воеводе М. Ознобишину об усилении борьбы против сношений с Доном жителей городов Коротояка и Урыва. 1671, апреля 12 // Крестьянская война... Т. 3, № 41. С. 49.
- 26 Отписка коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ о пребывании восставших казаков в верхних донских городках. 1671, между марта 30 и апреля 3 // Крестьянская война... Т. 3, № 34. С. 41–42.
- 27 Грамота из Разрядного приказа воеводе Белгородского полка Г. Ромодановскому и его ратным людям о награждении их золотыми за победу над повстанцами южных городов. 1671, мая 16 // Крестьянская война... Т. 3, № 65. С. 70–71.
- 28 Указ о разрешении торговли с донскими казаками из городов, расположенных в бассейне р. Дона. 1671, июня 8 // Крестьянская война... Т. 3, № 83. С. 92–93.
- 29 См.: Отписка коротоякского воеводы М. Ознобишина в Разрядный приказ с расспросными речами коротояченина А. Житкова о его участии в восстании и разграблении царской казны. 1671, июля между 2 и 11 // Крестьянская война... Т. 3, № 111. С. 120–121.
- 30 Там же. С. 120.

Образец для цитирования:

Брезгунова В. М. Город Коротояк во время восстания Степана Разина в 1670–1671 годы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 372–376. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-372-376.

Cite this article as:

Brezgunova V. M. The City of Korotoyak during Stepan Razin's Uprising in 1670–1671. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 372–376 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-372-376.

УДК 94(470.44–22)|1918|

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ 1918 ГОДА В СЕЛАХ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

А. А. Герман

Герман Аркадий Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, a.a.german@mail.ru

Автор рассматривает политические и социально-экономические процессы, происходившие в 1918 г. в сельской местности Саратовского Поволжья. В начале года там завершились процессы установления советской власти, передела помещичьей земли. Они серьезно дестабилизировали обстановку, традиционную жизнь и вызвали массовые междоусобные столкновения крестьян различных деревень, грабежи зажиточного населения. С началом лета в селах региона реализуется политика продовольственной диктатуры: разворачивается деятельность продовольственных отрядов, комитетов бедноты, проводится социализация земли, создание коммун, что вызывает нарастающее сопротивление основной массы крестьянства. Показаны особенности протекания исследуемых процессов в немецких селах.

Ключевые слова: Саратовское Поволжье, крестьянство, 1918 год, передел помещичьей земли, социализация земли, продовольственная диктатура, продовольственные отряды, комитеты бедноты, коммуны, крестьянские восстания.

Political and Socio-economic Processes of 1918 in the Villages of the Saratov Volga Region

A. A. German

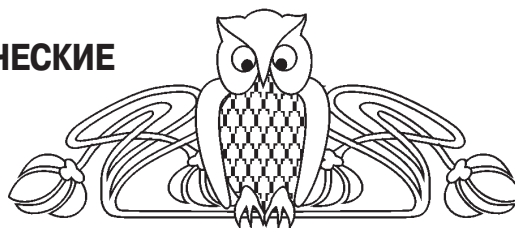
Arkady A. German, ORCID 0000-0001-7571-7645, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, a.a.german@mail.ru

The author examines political and socio-economic processes that took place in 1918 in the rural areas of the Saratov Volga region. At the beginning of the year, processes of establishing the Soviet power and redistribution of landlord lands were completed. They seriously destabilized the situation and traditional life and caused robberies of well-off people and massive internecine clashes between peasants of various villages. With the beginning of summer, the policy of food dictatorship was being implemented in the villages of the region: the activity of food detachments and committees of the poor started there, socialization of the land and creation of communes were being carried out. All these caused increasing resistance of the bulk of peasantry. The features of the process under investigation in German villages are shown.

Key words: Saratov Volga region, peasantry, 1918, redistribution of landlord land, land socialization, food dictatorship, food detachments, committees of the poor, communes, peasant uprisings.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-377-387

Сто лет назад, в 1918 г., в Саратовском Поволжье продолжали развиваться революционные

процессы, начало которым положили Февраль, а затем и Октябрь 1917 г. Если в Саратове и уездных центрах к концу января 1918 г. большевики в основном смогли установить свою власть и чувствовали себя достаточно уверенно, то в сельской местности обстановка была очень сложной, противоречивой и далеко не всегда развивавшейся в русле политики новой власти. Где-то продолжали существовать старые земские органы, где-то были уже советы, но не подчинявшиеся большевикам, в ряде мест сильным оставалось влияние эсеров. В целом это приводило к хаосу и анархии.

Главным процессом первых месяцев 1918 г. в деревне являлся продолжавшийся передел помещичьей земли, осуществлявшийся на основании Декрета о земле, принятого 26 октября (7 ноября) 1917 г. II Всероссийским съездом Советов. Не было ни одного сельского общества, волости, уезда в Саратовском Поволжье, где бы ни прошли сходы, собрания и съезды по вопросам о распределении и перераспределении конфискованных земель. И везде этот вопрос понимался по-своему. Этому способствовал факт отсутствия каких-либо конкретных указаний или рекомендаций по практической реализации Декрета о земле.

Рассмотрим отмеченную ситуацию на примере Петровского уезда. В Вяземской волости, например, собрание крестьян постановило распределить помещичьи земли данной волости между всеми крестьянами поровну¹. Сёла Марьевское, Н. Бакурское, Копьевское, Князевское и Давыдовское поручили еще действовавшей местной уездной земской управе распределить всю землю пропорционально численности всего населения². Представители 6 других волостей земли бывших отрубщиков и помещиков, прилегающие к Безводнинской и Старо-Дементенской волостям, постановили предоставить в распоряжение жителей Безводненской волости. Ими же было решено произвести учет земель наделных, частновладельческих, церковных, монастырских, банковских и выяснить душевую норму данного района. Луга делились между крестьянскими семьями по количеству в них едоков³.

Не дожидаясь официальной реализации Декрета о земле, крестьяне резко усилили нападения на помещичьи имения, на отрубников и хуторов. В январе 1918 г. Уездная Петровская управа сообщала Петровской милиции, что борьба с вооруженными грабежами становится бессиль-

на и просила выслать вооруженных солдат для прекращения подобного рода действий. В Безводненской волости было уничтожено имение помещика Рубинштейна. В Краснобаевской волости в ночь с 7 на 8 января вооруженными крестьянами 10 сёл была сожжена усадьба местного помещика, небольшие постройки «увезли с корнем». В Хомяковке был расхищен скот с племенного завода, в селе Альшановке Грязнушенской волости был расхищен весь хлеб. В Ключевской волости были разграблены и уничтожены имения помещиков Устинова, Шигалина, Языковой, Хомякова и других крупных землевладельцев⁴.

В Хвалынском уезде во время антибольшевистского выступления Комитета спасения родины и революции крестьяне нескольких деревень, «обделенных землей», оказали сопротивление юнкерам местного военного училища, пытавшимся противодействовать их попыткам захватить и поделить помещичьи земли⁵.

В Балашовском уезде были имения в несколько десятков тысяч десятин (имения Нарышкина, Голицына-Прозоровского, Соллогуба и др.), в которых хозяйство велось на основе капиталистического предпринимательства. В этих имениях находились большие гурты породистых овец, мертвый и живой инвентарь. Всё это было расхищено отдельными крестьянами, были испорчены великолепные сады и уничтожены пчельники⁶.

Дележ земли между волостями часто принимал самые уродливые формы. Сплошь и рядом одни волости захватывали лучшие и большие участки земли, так как на их территории было много помещичьей земли, а рядом в соседней волости могли быть теснота и безземелье. Крестьяне более «везучих» волостей стали считать земли помещиков своими и энергично защищались от всех просящих поделиться. Дело иногда доходило до рукопашных схваток. Так было в уже упоминавшейся Вяземской волости Петровского уезда. Когда жители села Савкино пришли делить землю, то в селе Лысовка ударили в набат. Лысовцы вышли, вооруженные ружьями, вилами, лопатами, и предложили Савкинским идти домой, иначе «обещали бить и убивать». Было произведено несколько выстрелов и залпов. «Мы должны были уйти и остаться с прежними клочками своей земли», – жаловались впоследствии крестьяне села Савкино волостному совету крестьянских депутатов⁷.

В Саратовском уезде крестьяне с. Голицыно без всякого предупреждения захватили у крестьян с. Анутино около 400 десятин земли. Между сёлами также произошло несколько кровопролитных столкновений. Конфликт с трудом был урегулирован местной властью⁸.

Некоторые сельские общества, захватив побольше земли, помещичьих строений, сельскохозяйственных орудий, объявляли себя самостоятельными республиками. Так было с вы-

шеупомянутым Лысовским обществом, которое заявило о создании своей собственной волости, а затем и «независимой республики Лысовского общества»⁹.

Были случаи, когда бедные и обделенные при дележке помещичьих имений волости писали жалобы в крестьянские секции местных Советов с просьбой присоединить их к более богатым хлебом и землей волостям. Последние не желали принимать первых или принимали порой на самых тяжелых условиях, выделяя непригодные для хозяйствования участки. Подобных заявлений было так много, что крестьянская секция Саратовского Совета вынесла решение создать специальную комиссию по рассмотрению подобного рода заявлений¹⁰.

Самовольные захваты помещичьего и иного имущества имели массовый характер и в других уездах, включая и левобережье Саратовского Поволжья. Постепенно возникли целые банды, которые, пользуясь неопределенностью ситуации, «межвластьем», перешли от грабежей помещичьих имений к грабежу зажиточных крестьян. Часто они прикрывались мандатами новой власти.

Факты массового насилия над сельским населением в первые послеоктябрьские месяцы вынуждены были признавать даже сами руководители местных советов Саратовского Поволжья. Так, в приказе Совнаркома Николаевской «уездной социалистической трудовой коммуны» (Николаевский уезд Самарской губернии) от 8 мая 1918 г. прямо говорилось, что «в ряды Красной армии, Красной гвардии и даже некоторых совдепов, по-видимому, проникли разного рода паразиты трудящихся – хулиганствующие и уголовные элементы... Повсеместно в уезде, благодаря, по-видимому, проникновению в ряды красноармейцев и красногвардейцев указанных элементов, творится что-то невероятное, со всех сторон несутся жалобы, при проверке вполне подтверждающиеся, что некоторые красноармейцы, красногвардейцы и даже представители совдепов устраивают над гражданами различные насилия, произволы, учиняют истязание их плетью, наносят побои, злоупотребляют оружием и т. д. и даже мародерствуют, самовольно отбирая у населения насильственным путем разное имущество...»¹¹

В данном конкретном случае в перечне наиболее пострадавших сел явно преобладают немецкие села. При анализе подобных документов нельзя не заметить, что в это время нападения на немецкие села приобретают массовый характер не только в Николаевском, но и в соседнем Новоузенском уезде. В отмеченных уездах количество немецких сел и хуторов доходило до 40 % от всех сельских поселений, они заметно выделялись своей зажиточностью. Аналогичная ситуация развивалась и на правобережной стороне Волги. К примеру, 13 января 1918 г. был разгромлен по-

селок немецких колонистов в Петровском уезде. Немало немецких сел пострадало в Камышинском уезде, где их количество составляло около половины от всех селений уезда¹².

В немецких селах не было таких серьезных экономических контрастов, как в других: бедняцких хозяйств либо не было вообще, либо их число измерялось единицами. Отсюда и социальный антагонизм практически отсутствовал. Поэтому немецкие крестьяне остались в стороне от революционных событий. Как позднее подчеркивал один из руководителей Области немцев Поволжья В. Штромбергер, «бунтарские тенденции, свойственные аграрному движению в России, в наших колониях не замечались, что было вызвано также и полным отсутствием в нашей области помещичьих владений»¹³. Социальное единение жителей немецких сел и их зажиточность вызывали неприязнь как у соседей, так и представителей власти. Немецкие села практически открыто именовали «кулацкими гнездами».

Именно массовый характер нападений на немецкие села, творившийся там разбой, заключавшийся не только в грабеже имущества, но и в убийстве их жителей, насилии над женщинами и т. п., стали одной из основных причин появления статей 21 и 22 дополнения к Брестскому мирному договору, заключенному между Советской Россией и Германией с ее союзниками 3 марта 1918 г. Все немецкие колонисты признавались Германией гражданами Советской республики, однако тем из них, «которые сами или предки которых являются выходцами из Германии», в течение десяти лет после ратификации Брестского договора предоставлялось право реэмиграции в Германию с одновременным переводом туда своих капиталов. Оговаривалось право каждого желавшего переехать в Германию непосредственно обращаться к дипломатическим и консульским представителям этой страны. На основании указанных выше статей германское правительство назначило «Комиссию попечения о германских реэмигрантах», которая контролировала выполнение советскими органами соответствующих статей¹⁴.

Естественно, что предоставленными правами пытались воспользоваться, прежде всего, наиболее зажиточные слои немецкой деревни, которым было что терять в послереволюционном российском хаосе, да и первые декреты новой власти, направленные на разрушение дореволюционных экономических и духовных устоев, не сулили им ничего хорошего. Советское правительство всячески препятствовало реэмиграции немцев в Германию. В качестве альтернативы эмиграции был взят курс на предоставление немцам Поволжья территориальной автономии. Для реализации этой идеи по решению Советского правительства 30 апреля 1918 г. в Саратове был создан Поволжский комиссариат по немецким делам. Первоначально значительная часть не-

мецкого крестьянства, и особенно интеллигенции, поддержало идею территориальной автономии, надеясь таким образом уберечь свою жизнь и имущество от бушевавших вокруг них разрушительных революционных процессов. Однако утопичность этих надежд стала ясна довольно скоро¹⁵.

Об этом, в частности, свидетельствует специальная телеграмма Совета народных комиссаров РСФСР за подписью его председателя В. И. Ленина, направленная 26 июля 1918 г. органам советской власти в Саратов, Камышин, Вольск, Аткарск, Новоузенск и Николаевск с требованием прекратить «самочинные действия местных Советов по отношению к немецким колонистам». В телеграмме указывалось, что «всякие контрибуции, конфискации и реквизиции хлеба среди немецких колонистов Поволжья могут иметь место только с согласия Комиссариата по немецким делам в Саратове». Такая позиция Совнаркома определялась опасением, что грабеж немецких колоний может спровоцировать Германию на разрыв Брестского мирного договора¹⁶. Телеграмма, однако, не привела к серьезному изменению политики местных органов власти в отношении немецких сел.

Наряду со спонтанным захватом помещичьей земли и грабежами зажиточных крестьян в Саратовском Поволжье массовое развитие получило еще такое негативное явление, как самовольная вырубка леса. Она носила общероссийский характер, однако для редколесного степного Саратовского Поволжья была особенно опасна, так как могла обернуться климатической и аграрной катастрофой.

В изданном 20 сентября 1918 г. декрете Совнаркома РСФСР «Об устранении самовольных пользований в лесах» виновниками массовой вырубки лесов объявлялись «кулаки, черносоптенцы, богатеи и многолошадники». Однако, как показывает анализ документов, везде, где был лес, частный или государственный – везде он вырубался и вывозился коллективно «всем миром», всей деревней. Крестьяне не внимали уговорам властей «проявлять революционную заботливость»¹⁷. Каждая деревня стремилась срубить побольше, а то и отнять у соседнего селения. На этой почве также происходили серьезные конфликты между селами. Местные власти отчаянно просили помощи из центра для «прекращения разыгравшихся волчьих аппетитов». Крестьяне не подчинялись¹⁸.

Комиссар земледелия Саратовской губернии П. А. Лебедев вынужден был издать приказ о принятии суровых мер для противодействия разросшемуся хищению имущества бывших помещиков, охраны лесов, лугов и пастбищ. Ответственность за «несознательное поведение» крестьян ложилась на местные сельские Советы. У лиц, нарушающих приказ, отбиралось не только взятое из помещичьих имений, но и своё

имущество в пользу общины. Виновные подвергались военно-революционному суду. Если для охраны имущества бывших помещиков приходилось посылать отряды Красной гвардии, расход на содержание ее шел со всей «провинившейся» волости. Если «барское добро» все-таки расхищалось, то на виновные волости накладывались контрибуции. Так, в Петровском уезде Савкинская волость должна была заплатить 50 тыс. рублей, Козловская – 100 тыс., Лопатинская – 50 тыс., Дёмкинская – 20 тыс. и Усть-Удинская – 25 тыс. рублей¹⁹.

* * *

Весной 1918 г. политика большевиков вступила в полосу серьезного кризиса. Ставка большевиков на революционные массы начала оборачиваться против них самих. С блеском справившись с «разрушительными» функциями, массы оказались не способными к функциям созидательным. Главной проблемой становился голод в городах. Причиной голода стало не только отпадение важных хлебородных регионов – Украины, а затем и Юга России. Сказывалось снижение товарности сельского хозяйства в результате разрушения помещичьего землевладения. Но, главное, крестьянам стало невыгодно продавать хлеб государству по предлагавшимся очень низким ценам и без соответствующего товарного покрытия (следствие дезорганизации промышленного производства и торговых связей). Государственная монополия на хлеб, которую вслед за Временным правительством проводили и большевики, отряды рабочих и красноармейцев, выменивавшие, а то и отбиравшие в деревне хлеб, проблемы не решали.

В. И. Ленин быстро меняет политику власти. «Главным врагом социализма» он называет теперь не буржуазию, практически уничтоженную в период «красногвардейской атаки на капитал», а «мелкобуржуазную стихию», подрывавшую хлебную монополию²⁰. При этом его не смущало, что её носителем являлась подавляющая часть населения страны как в деревне, так и в городе, поскольку, чтобы выжить, едва ли не каждый тогда вынужден был становиться частным торговцем, и именно чёрный рынок, «мешочники» обеспечивали преобладающую часть потребляемого городами продовольствия.

Предубеждение против рынка и стремление приблизить бестоварный социализм подтолкнули руководство большевиков к ужесточению хлебной монополии и введению в мае 1918 г. продовольственной диктатуры. Крестьян теперь обязывали сдавать все «излишки» хлеба (сверх установленных минимальных норм) государству по твёрдым, т. е. крайне низким, ценам. Иными словами, крестьян теперь могли обирать как угодно и сколько угодно. Для изъятия хлеба Наркомпрод получал чрезвычайные полномочия и даже свою продовольственную армию.

Чтобы политически подкрепить насильственное изъятие хлеба у крестьянства, а заодно и ликвидировать «эксплуаторов-кулаков», был взят курс на раскол крестьянства и развёртывание в деревне гражданской войны. Декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. в деревнях создавались комитеты бедноты, перед которыми ставились задачи не только оказывать помощь продотрядам изымать хлеб у крестьян, но и оживить процесс «социализации», т. е. осуществить в деревне новый передел земли²¹. «Социалистические преобразования в деревне» сопровождались массовыми беззакониями и произволом, что хорошо видно на примере сел Саратовского Поволжья.

После появления декрета о комбедах в саратовских селах по инициативе большевистских организаций по постановлениям советских и продовольственных органов стали создаваться волостные и сельские комбеды. Их организация, по свидетельству многих источников, проходила с существенными трудностями, которые вызывались не только противодействием основной массы крестьянского населения, но и нежеланием местных Советов, продовольственных органов заниматься созданием комбедов. Было понятно, что комбеды становились их серьезными конкурентами при заготовке продовольствия²².

Поволжье, по оценке В. М. Селунской, относилось к районам, характеризовавшимся присвоением комбедами всех функций Советов, вытеснением и роспуском последних как «кулацких», поскольку именно здесь разразилась острая борьба за хлеб, так как, опираясь на экономическое влияние «кулаков» в деревне, многие Советы сопротивлялись аграрной политике Советского государства²³.

О присвоении функций Советов комитетами бедноты сообщалось из большинства уездов Саратовской губернии²⁴. Встречались случаи, когда при создании комбедов ликвидировались Советы, особенно на уровне волостей. В этом случае комбед полностью сохранял структуру волисполкома со всеми отделами и назывался «исполкомом бедноты» или «Советом бедноты»²⁵. Были также попытки возложить обязанности комбедов на Советы. Однако в большинстве случаев Комбеды существовали параллельно Советам, приняв на себя основные их функции.

Такие комитеты деревенской бедноты, почувствовав поощряемую местными властями вседозволенность в рамках понимаемых ими декретов и постановлений, вставали в оппозицию Советам крестьянских депутатов. Они незаконно вмешивались в работу отделов волисполкомов²⁶.

Так, например, из Сердобского уезда Саратовской губернии сообщалось, что после создания в значительной части волостей и сел уезда комитетов бедноты, между представителями комитетов и волостными исполкомами стали происходить трения на почве власти²⁷.

В Кузнецком уезде трений между исполкомами и комбедами не наблюдалось, однако если возникали какие-то разногласия, то посылались инструктор, который улаживал дело миром²⁸.

В Балашовском уезде отношения исполкомов и местных комитетов бедноты были «сдержанно-выжидательными». В некоторых местах проявлялось отрицательное отношение этих органов друг к другу. Например, председатель Барковского исполкома послал в губернский совет жалобу на действия комитета бедноты. А Турковский комитет бедноты, наоборот, прислал целый список членов Совета, не отвечающих якобы своему назначению и мешающих работать представителям комбеда²⁹.

Ввиду различного рода недоразумений, возникавших на местах, коллегией Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) было сделано разъяснение, что комитеты бедноты отнюдь не являются органами власти и не должны идти по линии работы Советов. Как органам специального назначения, названным комитетам предоставлены лишь функции чисто продовольственного характера с задачами фиска³⁰.

Однако на практике комитеты деревенской бедноты постоянно принимали на себя функции политического контроля, превратившись в единственный орган власти в деревне. Они сделались подлинной опорой большевистского режима на селе. Например, Петровским уездным исполнительным комитетом даже было принято специальное постановление, в котором говорилось следующее: «Волостные и сельские Советы упразднить и всю полноту власти, как политическую, так и административно-хозяйственную, передать волостным и сельским комитетам деревенской бедноты» и «Комитеты деревенской бедноты впредь именовать Советами деревенской бедноты»³¹.

Немалую роль в организации комитетов бедноты в Саратовском Поволжье сыграли, по свидетельству многочисленных документов, рабочие продовольственные отряды Петрограда, Москвы, губернских центров. Главной целью этих отрядов было обеспечение любыми путями заготовки продовольствия для голодающих города. Для не знающих специфики сельской жизни продотрядовцев неоценимыми помощниками становились бедняки, которых необходимо было организовывать в комитеты бедноты. Поэтому не случайно появление продотрядов и комбедов встречалось в деревне враждебно, поскольку в сознании крестьян появление тех и других увязывалось с грабежом. Многим продотрядовцам пришлось вести агитационную работу по разъяснению целей создания комбедов, прямо подчеркивая, что они создаются прежде всего для решения продовольственных проблем в стране, в противовес Советам крестьянских депутатов, многие из которых находились под влиянием зажиточных крестьян и были в оппозиции к существующей власти.

Имеются разноречивые мнения о количестве комбедов, существовавших в Саратовском Поволжье. Исследователь Ю. П. Суслов установил по материалам Государственного архива новейшей истории Саратовской области, что к концу 1918 г. в Саратовской губернии насчитывалось 2546 комбедов. Для сравнения: в соседней Пензенской губернии их было 1996, в Самарской – 2000, в Симбирской – чуть больше 1500, в Астраханской – около 100³².

Заручившись поддержкой продотрядов, а также различными инструкциями и предписаниями, комитеты бедноты начали свою деятельность. Так, например, в селе Синенькое Саратовского уезда комитет бедноты, созданный 28 июня 1918 г., создал кадр патрулей, были выставлены заградительные отряды, создана волостная продовольственная управа с отделами, стали производиться реквизиции и конфискации товаров и продуктов первой необходимости, которые сдавались в кооператив и распределялись между бедняками под контролем членов комбеда³³.

В Кузнецком уезде также под руководством комбедов шла энергичная ссыпка хлеба, были выставлены патрули, велась борьба со спекуляцией и самогонварением³⁴.

Вокруг комбедов объединялась в основном беднейшая часть деревни. Это были безлошадные и безинвентарные хозяйства. Часто к ним примыкали личности, далекие от крестьянской жизни в обычном ее понимании. Это были бывшие каторжники, вернувшиеся домой после свержения самодержавия, имеющие за плечами криминальное прошлое, желающие пожить за чужой счет и «пустить кровь богатеям». Еще одна категория такого рода – крестьяне, ранее ушедшие в город на заводы, забросившие свои хозяйства и теперь вернувшиеся к всеобщему переделу, надеясь получить часть изъятой у «кулаков» и помещиков собственности и тем самым поправить материальное положение своих семей.

Неоднозначно можно оценить роль комитетов бедноты в обеспечении голодавших рабочих и крестьян хлебом маслом, мясом и другими сельскохозяйственными продуктами. С одной стороны, комитеты решительно боролись со спекулянтами, выявляя места, где пряталось зерно и другие продукты. Этими действиями они вызвали к себе ненависть зажиточного слоя деревни. Например, в селах Большая Грязнуха и Большой Мелик Балашовского уезда были убиты председатели местных комитетов бедноты³⁵.

С другой стороны, их излишний радикализм при отсутствии у самих себя не только излишков, но даже самых необходимых продуктов, толкал их на непродуманную конфронтацию даже со своими соседями, жившими не намного лучше бедняков. Эти акции вели к возникновению ненависти уже к Советской власти середняцкой (основной) части крестьянства³⁶. В ответ на необдуманные действия комбедов крестьяне отве-

чали волнениями, в лучшем случае сокращали посевы до уровня, который не давал излишков, а это было чревато разрастанием голода.

Справедливости ради следует отметить, что не все комбеды занимались голым администрированием. Например, ряд комбедов Вольского уезда (Барановский, Куриловский, Плетневский и др.) по согласованию с властями использовали экономические методы взаимоотношения с городом. Говоря современным языком, они выходили на прямые связи с предприятиями Москвы и других городов. Тысячи пудов хлебных «излишков» в виде выпеченного хлеба была направлена рабочим Москвы в декабре 1918 г. Из Москвы было прислано в волость 4 800 аршин мануфактуры на сумму 15 942 рубля, которая была распределена среди крестьян волости³⁷. Однако такие случаи были редкостью.

Нередко на почве изъятия «излишков» происходили прямые столкновения между продотрядами и крестьянством. Одним из эпизодов такого противостояния стало восстание в селе Алексеевка Саратовского уезда. Село являлось районом кустарного промысла по обработке и выделке кожевенного сырья. Это обусловило еще и широкое развитие торговли. Поэтому в селе было немало зажиточных ремесленников и торговцев.

Нежелание жителей села сдавать продовольствие вынудило Саратовский Совет послать туда 25 человек из Петроградского и Московского продотрядов³⁸.

Перед восстанием, по неизвестным причинам, из села были отозваны все советские работники и находившиеся там ранее продотрядовцы. На месте остались лишь 3 милиционера, 6 человек красноармейцев и 6 человек из продотряда на общее число жителей села Алексеевка, доходившее до 18 тысяч.

Восстание началось в 11 часов дня 12 ноября 1918 г. В этот день с раннего утра народ собрался на площади у Совета. В толпе слышались угрозы в адрес продотряда и слухи, «что в Саратове Советская власть висит на волоске». В это время продотряд производил учет зерна у местного торговца по фамилии Галанин. Увидев это, толпа бросилась на продработников. Было убито 9 человек. Вооружившись охотничьими ружьями, вилами, лопатами и топорами, восставшие начали громить и разгонять местный Совет и партийную ячейку. Советская власть была свергнута, портреты Ленина и Троцкого разорваны в клочья. Под набат колокола собрались все жители и избрали волостного старшину. Продотрядами соседних сел Ивановка и Базарный Карабулак была предпринята попытка ликвидировать восстание. Восставшие оказали упорное сопротивление. Погибло 10 местных крестьян и 4 продотрядовца. Все «зачинщики» восстания были подвергнуты революционному суду и расстреляны³⁹.

Возмущения крестьян происходили и в других уездах. Так, в Камышинском уезде восстания

происходили дважды: в первый раз в казачьих поселениях и в немецких колониях, второй – по всему уезду. Нужно отметить, что в этом уезде властям удалось создать только 3 комбеды⁴⁰.

В июне в Саратовской губернии произошла целая серия массовых восстаний крестьян на почве недовольства хлебной монополией, принудительными реквизициями, мобилизацией в Красную армию. Восстания охватили 20 волостей Вольского уезда, 5 – Хвалынского, 3 – Сердобского, 12 – Саратовского (самое близкое к Саратову восстание произошло всего в 12 верстах от города). В это же время восстания происходили в ряде немецких сел Камышинского, Николаевского и Новоузенского уездов. В Саратовском уезде повстанцы захватили пригородные железнодорожные станции Татищево, Курдюм и Разбойщина. Восстания были подавлены частями чекистов и Красной гвардии. Для расследования обстоятельств крестьянского недовольства была создана Особая следственная комиссия ЦИК⁴¹.

Продотрядам противостояли крестьяне, в большинстве своем зрелые мужчины, прошедшие окопы Первой мировой войны (значительное их число побывало в немецком или австро-венгерском плену), обзаведшиеся своим хозяйством, создавшие свой собственный «мир». Эти крестьяне жили по принципу «мой дом – моя крепость», они были готовы уничтожить любого «чужака», пытавшегося диктовать свои условия, желавшего поживиться результатами их труда⁴².

Важной причиной восстаний была бессистемность в организации действий продотрядов и, как уже отмечалось, их жестокое обращение с крестьянами. В качестве такого примера рассмотрим восстание в крупном немецком селе Варенбург (Привальное) на левом берегу Волги под Саратовом⁴³. Само восстание вспыхнуло 4 января 1919 г., но события, его обусловившие, развивались со второй половины декабря 1918 г. В это время в село один за другим вторгались несколько продовольственных отрядов. Они ограбили крестьян фактически до нитки. Грабеж сопровождался насилием и издевательствами. При этом любые попытки объяснить невозможность выполнить требуемые нормы сдачи продовольствия приводили лишь к усилению жестокости. Следует отметить, что описываемые события происходили в период рождественских праздников (24–25 декабря), что усиливало негативные эмоции крестьян. Происходившее представлялось концом света, нашествием дьявола⁴⁴.

Поэтому, когда 4 января было замечено приближение очередного продовольственного отряда, крестьяне встали на защиту своего села. Сопротивление началось стихийно, но быстро приобрело организованную форму. Продотряд был разгромлен. В слепой ярости восставшие спустили в прорубь под лед захваченных продотрядовцев, а также немногочисленных сельских коммунистов и членов их семей. В дальней-

шем они несколько дней держали в своих руках село, отражая попытки отдельных малочисленных красных отрядов захватить его и нанося им большой урон. Вот как описал позднее в своих воспоминаниях один из эпизодов этой схватки участник штурма Варенбурга (Привального) Я. Гиль: «...из Бальцера⁴⁵ был послан первый отряд кавалерии – 44 человека при одном пулемете под командованием А. Мая. Этот отряд в самом Привальном был встречен кулаками белым флагом, после их повели к церкви, из которой начали стрелять два замаскированных пулемета, а на смежных улицах, куда направился враспынную отряд, встречали его кулаки с вилами, топорами, ломом, лопатами, предварительно разложив по улицам вверх зубьями бороны, на которых зверски убивали людей и лошадей...»⁴⁶

5–6 января обком РКП(б) Области немцев Поволжья объявил партийную мобилизацию. Мобилизованные коммунисты составили костяк отряда, специально созданного для ликвидации восстания. 8 января этот отряд совместно с отрядом красноармейцев из Бальцера и кавалерийской группой саратовского губчека взяли Варенбург (Привальное) штурмом. 9 января в Москву и в штаб 4-й армии в Самару ушло донесение: «Восстание Привальное ликвидировано. Тридцать два руководителя расстреляно, двое скрываются. Взыскано с буржуазии семьсот восемьдесят тысяч рублей штрафа». Один из скрывшихся, бывший владелец лесоскладов и пристаней в Варенбурге И. Вормсбехер, был вскоре пойман в 40 км от села и повешен на колокольне церкви «на страх кулакам»⁴⁷.

Восстания в селах Алексеевка и Варенбург (Привальное) специально описаны подробно, в деталях, чтобы дать представление о всей остроте социального раскола и ненависти противоборствующих сил, которые быстро развивались после октябрьского переворота 1917 г. в российской сельской глубинке и, в частности, в Саратовском Поволжье.

Кроме массовых восстаний в деревнях региона довольно часто происходили бунты-однодневки, вспышки недовольства в масштабах одного поселения, которые зачастую завершались без жертв. Советская историография трактует их как выступления «обманутых подстрекателями» крестьян, которые после объяснения успокаивались и осуждали верховоливших ими «кулаков». В действительности же они были связаны с не прекращавшимися крупными и мелкими попытками покушения власти на собственность крестьян, выражавшимися в самых различных формах. Как правило, бунтовать начинали женщины, которые в силу своей социальной роли в семье и хозяйстве наиболее глубоко и болезненно ощущали произвол и насилие власти.

По мере роста крестьянского сопротивления продовольственные отряды все чаще стали выполнять карательные функции при комите-

тах деревенской бедноты. Например, в телефонграмме Петровскому военному комиссару от 13 сентября 1918 г. говорится: «... в Малую Сердобу был послан продовольственный отряд, в распоряжении товарища Котова, каковой был переименован в карательный»⁴⁸.

Из пункта 4 Инструкции чрезвычайным комиссарам следовало, что для подавления любого сопротивления со стороны крестьян командир продотряда не должен был останавливаться перед расстрелами. Право расстреливать ему было предоставлено официально⁴⁹. Представители продовольственных отрядов могли в случае неподчинения их требованиям о сдаче хлеба выносить приговоры и расстреливать. В селе Дёмкино Старо-Славкинской волости Петровского уезда крестьянин Иван Аверьянович Цебайкин пытался уклониться от сдачи хлеба и около 200 пудов зарыл в землю, за что был арестован и в селе Старо-Славкино расстрелян 10 октября 1918 г.⁵⁰

Принудительные меры комитетов бедноты совместно с Советами по бесплатному изъятию излишков хлеба и доставке их на ссыпные пункты дали возможность Саратовской губернии, как и некоторым другим соседним губерниям, часть зерна оставить в своих губерниях и распределить среди беднейшего населения. Этим самым с политической точки зрения создавалась видимость эффективности приказных методов заготовки, что несомненно поддерживалось комбедами и подвигало губернских руководителей к дальнейшему увеличению темпов заготовок⁵¹.

Часто за свои «заслуги перед Советской властью» члены комитетов получали вознаграждение в виде определенной доли изъятого ими зерна, которое отпускалось им вначале бесплатно (до 15 июля 1918 г.), а затем с определенной скидкой⁵².

В комитетах бедноты составлялись так называемые «требовательные ведомости», по которым комитетчики получали продовольствие, корм для своего скота и т. д. Так, например, в такой ведомости Бальклейский волостной комитет бедноты Царицынского уезда запрашивал для своих сотрудников хлеб на годовое потребление в количестве 18 786 пудов. В это число входил не только хлеб для личного питания членов комбеда и их семей, но и хлеб, предназначенный на прокорм имевшегося у них скота⁵³.

Возможность получать хлеб даром, из общего числа «излишков», развращающе действовала на сознание бедняков, толкало их нередко на активную «экспроприацию излишков» даже у своих соседей, которые жили чуть лучше. Комитеты бедноты, не имея достаточного финансирования «из центра» своего аппарата, иногда произвольно определяли зажиточных крестьян: «кулаков» и «спекулянтов» хлебом и скотом, накладывали на них контрибуции. Присвоив себе функции Советов, они самочинно распоряжались денежными суммами, полученными от контрибуций. Так,

на нужды народного образования волости Анненский комбед Аткарского уезда обложил всех «кулаков» и состоятельных граждан налогом в сумме 50 тысяч рублей. Аналогичные списки составлялись и по многим другим селам⁵⁴.

* * *

Еще 6(19) февраля 1918 г. был официально обнародован Закон о социализации земли, принятый 27 января (9 февраля) 1918 г. Он подтверждал отмену частной собственности на землю, передачу земли в распоряжение Советов под контролем федеральной власти. Как и Декрет о земле, он был уступкой большевиков крестьянам. Однако в Законе, наряду с мерами по осуществлению принципов социализации земли и уравнительного землепользования, «в целях перехода к социалистическому хозяйству» содержались положения, дававшие определенный приоритет развитию хозяйства общественного, в ущерб единоличному⁵⁵.

Закон положил начало проведению процесса социализации земли, т. е. перераспределения «излишков» земли от зажиточных крестьян в пользу бедных. Процесс этот, однако, в силу уже отмечавшегося разгула крестьянской стихии развивался очень медленно.

Лишь после укрепления на местах комбедов, с июля 1918 г., закон начал реально воплощаться в жизнь. Была принята и обнародована в местной печати «Инструкция перераспределения земли». Согласно инструкции земля распределялась в селах на все души – мужские и женские. Прежде чем начать передел, исполком рекомендовал опросить всех жителей, желают ли они обрабатывать землю собственным трудом. Если нет, то «для таких людей она бесполезна», так как продажа и аренда земли отныне запрещались⁵⁶.

Социализация земли проходила в обстановке споров и взаимного озлобления. Кроме того, передел земли был плохо организован. Часто допускались ошибки, у некоторых зажиточных крестьян часть земли отбиралась необоснованно. В результате социализации принцип уравнительного землепользования в основном был реализован. Однако он не принес удовлетворения основной массе крестьянства. Как отмечалось в одном из документов, «крестьянство уперлось в тупик: бедняки цепко держатся за свои наделы, но не имеют инвентаря; среднее крестьянство потеряло часть своей земли, но осталось при своем инвентаре и с неудовлетворенным стремлением к расширению и улучшению хозяйства»⁵⁷.

Социализация земли нанесла большой урон немецким крестьянам, особенно тем, кто проживал в селах на пограничье с русскими селами. В этих селениях в качестве «излишка» были необоснованно отрезаны и переданы русским деревням около 10 тыс. десятин земли. Происходило это потому, что, как отмечал один из свидетелей, «практическую работу по переделу земли прово-

дили русские землемеры из местных земотделов, которые... очень мало были озабочены делами колоний... в русском населении даже в среде партийных товарищей все колонисты вследствие более культурного состояния их хозяйств, считались кулаками и отношение к ним со стороны русских советских органов было или враждебное, или по крайней мере недружелюбное»⁵⁸. После передела земли отношения между немцами и русскими в пограничных районах заметно ухудшились.

Социализации подлежала не только земля, но и живой, и мертвый инвентарь. Их перераспределение также проводилось на основании специально принятых губисполкомами инструкций.

У лиц, которые обрабатывали землю наемным трудом, не принимая личного участия в сельхозработах, весь живой инвентарь отчуждался и распределялся между семьями, кормильцы которых погибли на фронте, одинокими солдатами-батраками. Отчуждение осуществлялось безвозмездно или за умеренную плату, которая вносилась в кассу местного Совета. Крестьяне, имевшие больше лошадей, чем нужно для обработки их земельных наделов, должны были объединяться в артели с теми, у кого было больше земли, чем они могли обработать своими лошадьми; полученный урожай предписывалось распределять пропорционально рабочей силе.

Если наличный живой и мертвый инвентарь превышал установленную норму, а крестьянин не желал вступить в артель, то он имел право с согласия местного Совета продать излишки (не по «спекулятивной цене»), в первую очередь – своим односельчанам. Бедный крестьянин при неимении средств мог купить у земельного отдела инвентарь с рассрочкой на 3 года.

Инструкция устанавливала соотношение тягловой силы и земельного надела: для обработки до 10 дес. земли полагалось 4 лошади, до 15 – 5, до 20 – 6, до 30 – 7, для 32 дес. – 8, для 40 дес. – 10 лошадей⁵⁹.

Проведенная социализация земли и инвентаря, а также иная деятельность комбедов способствовала возникновению в Саратовском Поволжье коллективных хозяйств. Первая крестьянская коммуна появилась в селе Ерзовка под Царицыном. Ее организовали солдаты-фронтовики. Первоначально в нее входило 15 семей, она носила название «Первая Поволжская социалистическая коммуна». Имущество коммуны состояло из 1 трактора, 4 косилок, 1 молотилки, 6 лошадей, 12 быков, 3 коров, 12 коз и 60 кур. «Информационный листок Наркомзема» сообщал: «кулаки относятся враждебно к коммуне, ведут против нее агитацию. Но состав коммуны представляет дружную, работоспособную семью, относящуюся к делу с полной добросовестностью»⁶⁰.

Летом и осенью 1918 г. Ерзовка дважды занималась белыми, которые разоряли коммуны, расстреляли 3 коммунистов. На территории Царицынского уезда в том же году были организованы коммуны еще в Балыклее, Дубовке, станице Пичугинской. В Камышинском уезде к августу 1918 г. было организовано 5 коммун и одна сельскохозяйственная артель⁶¹.

В селе Серино Котовской волости местными крестьянами-бедняками была организована коммуна под названием «Победа». Данная коммуна являлась одной из первых, созданных после Октябрьского переворота. Первый ее состав – 18 семей. Весной 1918 г. записалось еще 200 семей (из 600 проживавших в селе). К тому времени обрабатываемая площадь земли достигала 600 десятин. Кроме полевого хозяйства, коммунары создали мастерские: сапожную, плотницкую, большую кузницу, которая обслуживала также и индивидуальные крестьянские хозяйства⁶².

В Аткарском уезде к декабрю 1918 г. было организовано более 20 сельхозкоммун. Одной из первых была организована Анненская коммуна в бывшем имении графа Шереметьева. В нее вошли 200 членов. В распоряжении коммуны имелись трактор, 2 паровых молотилки, 11 лошадей, 16 коров, паровая мельница, мастерские⁶³.

В Балашовском уезде заведующий уездным земельным отделом Лученков на губернском съезде земельных отделов Саратовской губернии 30 августа 1918 г. докладывал, что в уезде зарегистрировано 10 коммун и артелей, хотя утвержденных уставов они не имели. Образовались они из местного и пришлого населения. Общее число коммунаров достигло 2 823 человека. Имущественное положение подавляющего большинства членов коммуны было самое бедное. Коллективам было отведено 708 десятин земли. Инвентарь для обработки земли был взят из помещичьих имений⁶⁴. В Сердобском уезде Саратовской губернии к августу 1918 г. было зарегистрировано 2 коммуны, а к концу года – уже 9 коммун и одна сельскохозяйственная артель⁶⁵.

В Вольском, Хвалынском и Кузнецком уездах до сентября 1918 г. не было организовано ни одного коллективного хозяйства. Объясняется это тем, что на территории этих уездов шли бои, связанные с восстанием Чехословацкого корпуса. Только в декабре 1918 г. в Вольском уезде возникла одна коммуна, а в Кузнецком – 2 коммуны и одна артель⁶⁶.

К концу 1918 г. по всей Саратовской губернии были зарегистрированы 41 коммуна и 14 артелей⁶⁷.

Большевистская власть в 1918 г. не поощряла создание сельхозартелей и товариществ как форм коллективного хозяйства, препятствовала их регистрации и деятельности. Большевики считали, что подобные хозяйства не отвечают «социалистическим формам производства». Так, заведующий экономической секцией Саратов-

ского губернского Совета сельского хозяйства (а с 3 сентября 1918 г. Губземотдела) Торгушин на губернском съезде представителей земельных отделов высказался за создание только коммун. Он отверг предложение агронома Петровского уезда Ильницкого об организации простейших производственных кооперативов и артелей.

Вначале к артельному труду потянулось наиболее беднейшее крестьянство, батраки, «безлошадные» хозяева. Они составляли основу таких хозяйств. Обобществляя труд и пашню, часть средств производства и создавая таким образом зачатки общественного производства, артельщики сохраняли личное хозяйство. Оно носило подсобный характер. Устав же коммуны требовал полного отказа от всякой личной собственности, что было неприемлемо для крестьянских семей, имевших какое-то состояние. Требование изменить устав коммун звучало на Первом губернском съезде сельхозкоммун, проходившем в Саратове (12–14 ноября 1918 г.)⁶⁸.

Крестьяне-коммунары, посылая своих делегатов на Всероссийский съезд земельных отделов, комитетов бедноты и сельскохозяйственных коммун, дали им наказ: «избранным делегатам на съезде представителей коммун внести вопрос о возврате имущества, внесенного в коммуна выбывающим из коммуны членом по тем или иным причинам, причем, если выдача внесенного в коммуна имущества принесет ущерб хозяйству коммуны, то Совету коммуны предоставляется право – выдачу произвести не натурой, а деньгами»⁶⁹. Озвучив этот наказ, делегаты съезда тем самым заявили, что устав коммун должен быть более гибким и что необходимо учитывать материальные интересы людей при организации коллективного хозяйства. Потребовалось еще несколько месяцев борьбы коммунаров, чтобы власть включила сельские артели и товарищества в «социалистические» формы хозяйствования. На конец 1919 г. по Саратовской губернии было зарегистрировано 63 коммуны и 153 сельскохозяйственных артели⁷⁰.

Стремясь побыстрее претворить в жизнь большевистскую идею «коммунизации» деревни путем создания сельхозкоммун и сельхозартелей, изъятия у зажиточного крестьянства в пользу коллективных хозяйств и «сельского пролетариата» значительной части хозинвентаря, тягловой силы и продуктивного скота, став «надежной опорой» большевиков в деревне, комитеты деревенской бедноты, как отмечалось на партийных конференциях в Саратове, Самаре, Астрахани, других губернских городах, стали присваивать себе целый ряд государственных функций. Таким образом, создался параллелизм власти. Кроме того, деятельность комбедов вызывала все более усиливавшийся протест со стороны основной массы крестьянства, прежде всего, середняков, что стало причиной падения советской власти во многих регионах страны. К

осени 1918 г. Советская республика оказалась зажатой в «огненном кольце» фронтов на сравнительно небольшой территории центральной России.

Все это заставило большевиков отказаться от комбедов. Шестой Всероссийский съезд Советов 8 ноября 1918 г. постановил слить комбеды с сельскими и волостными Советами. Организации бедноты должны были стать как бы местными избирательными комиссиями для выборов Советов крестьянской бедноты и следить за тем, чтобы в Советы входила только беднота⁷¹. После состоявшихся в конце ноября – начале декабря губернских съездов Советов начался процесс переизбрания местных Советов и передачи им дел комитетов бедноты.

В результате аграрных преобразований 1918 г. основой сельскохозяйственного производства Саратовского Поволжья становится мелкокрестьянское хозяйство, имевшее низкую товарность и малую рентабельность. Именно на маломощные в экономическом отношении мелкие крестьянские хозяйства ложилась теперь основная тяжесть выполнения продовольственных нарядов центра, резко увеличившихся для Саратовской губернии и Области немцев Поволжья в связи с обострением продовольственного кризиса к лету 1918 г. и сокращением числа производящих губерний на подконтрольной советской власти территории⁷². Это обстоятельство не могло не способствовать дальнейшей деградации аграрного сектора региона.

Таким образом, в 1918 г. аграрное население Саратовского Поволжья пережило один из самых сложных, противоречивых и драматических периодов своего существования. Это был год коренного слома старых устоев сельской жизни, год многих экспериментов новой власти на селе, жесткого натиска на крестьян, приведших деревню фактически к состоянию гражданской войны.

Примечания

- 1 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 1. Д. 138. Л. 3.
- 2 Там же. Л. 4.
- 3 Там же.
- 4 Там же.
- 5 См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 138. Л. 6.
- 6 Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 652. Л. 52.
- 7 ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 2. Д. 139. Л. 6.
- 8 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 52. Л. 26.
- 9 ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 138. Л. 4.
- 10 Там же. Д. 139. Л. 12, 27, 53.
- 11 Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. 728. Оп. 1. Д. 98. Л. 4.

- 12 См.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 139. Л. 2 ; ГИАИП. Ф. 728. Оп. 1. Д. 168. Л. 36 ; Д. 169. Л. 85.
- 13 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 48. Л. 53 об.
- 14 Подробнее см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М. : МСНК-пресс, 2007. С. 26–30.
- 15 Подробнее о создании и функционировании Поволжского комиссариата по немецким делам, а также об образовании Области немцев Поволжья см.: *Герман А. А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941 : в 2 ч. Ч. 1. Автономная область. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1992. С. 14–35.
- 16 Декреты Советской власти : в 18 т. Т. 3. М. : Политиздат, 1964. С. 100–102.
- 17 ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 43. Л. 16.
- 18 Там же. Ф. 393. Оп. 4. Д. 30. Л. 30 об.
- 19 См.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 2. Д. 140. Л. 7.
- 20 Наиболее концентрированное изложение этой политики см.: *Ленин В. И.* О голоде (Письмо к питерским рабочим) // Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 36. М. : Политиздат, 1969. С. 357–364.
- 21 Декреты Советской власти. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1959. С. 412–420.
- 22 См.: *Суслов Ю. П.* Социалистические партии и крестьянство Поволжья (октябрь 1917–1920 гг.). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1994. С. 50.
- 23 См.: *Селунская В. М.* Рабочий комитет содействия социалистическому земледелию (1919–1920 гг.) // История СССР. 1960. № 5. С. 117.
- 24 См.: ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 32. Л. 9.
- 25 См.: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 52.
- 26 См.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 141. Л. 69.
- 27 Там же. Л. 67.
- 28 Там же. Л. 77.
- 29 Там же. Д. 139. Л. 52.
- 30 См.: *Куреньшев А. А.* Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М. : Изд-во ГИМ, 2000. С. 131.
- 31 Цит. по: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 49.
- 32 Там же.
- 33 См.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 144. Л. 3.
- 34 Там же. Оп. 1. Д. 140. Л. 67.
- 35 См.: ГАСО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 550. Л. 114.
- 36 См.: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 55.
- 37 См.: ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 265. Л. 53.
- 38 Там же. Д. 261. Л. 17.
- 39 Там же. Л. 20.
- 40 Там же. Ф. 199. Оп. 1. Д. 141. Л. 94.
- 41 См.: ГАРФ. Ф. 393. Оп. 4. Д. 27. Л. 110.
- 42 См.: *Телицын В. Л.* Феномен крестьянского бунтарства, конец 1917 – начало 1921 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002. С. 110.
- 43 Ныне с. Привольное Ровенского района Саратовской области.
- 44 См.: ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.
- 45 Ныне – г. Красноармейск Саратовской области.
- 46 ГАНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96. Л. 52.
- 47 ГИАИП. Ф. 730. Оп. 1. Д. 23. Л. 110.

- ⁴⁸ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 139. Л. 33.
⁴⁹ Там же. Д. 140. Л. 51.
⁵⁰ Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 138. Л. 30.
⁵¹ См.: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 56.
⁵² Там же.
⁵³ См.: ГАНИСО. Ф. 200. Оп. 1. Д. 141. Л. 65.
⁵⁴ См.: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 57.
⁵⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1957. С. 407–419.
⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 421. Л. 11.
⁵⁷ Там же. Д. 48. Л. 26.
⁵⁸ Там же. Л. 53 об.
⁵⁹ Там же. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 421. Л. 13.
⁶⁰ Красный архив. 1940. № 4. С. 123.
⁶¹ ГАСО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 164. Л. 50.
⁶² См.: *Медведев В. К.* Поволжская деревня в период комбедов. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1966. С. 32.
⁶³ ГАСО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 166. Л. 2.
⁶⁴ Там же. Д. 164. Л. 16–17.
⁶⁵ Там же. Оп. 2. Д. 173. Л. 8.
⁶⁶ См.: 1917 в Саратовской губернии : сб. документов. Саратов : Кн. изд-во, 1957. С. 572–576.
⁶⁷ Там же.
⁶⁸ См.: *Медведев В. К.* Указ. соч. С. 34.
⁶⁹ ГАСО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 166. Л. 5.
⁷⁰ См.: *Медведев В. К.* Указ. соч. С. 36.
⁷¹ См.: *Суслов Ю. П.* Указ. соч. С. 58.
⁷² См.: *Гончаров А. В., Данилов В. Н.* Саратовское Поволжье в период гражданской войны (1918–1921 гг.). Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 102.

Образец для цитирования:

Герман А. А. Политические и социально-экономические процессы 1918 года в селах Саратовского Поволжья // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 377–387. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-377-387.

Cite this article as:

German A. A. Political and Socio-economic Processes of 1918 in the Villages of the Saratov Volga Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 377–387 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-377-387.

УДК 94(47).084.8

ПРОТИВОВОЗДУШНАЯ ОБОРОНА САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СОЗДАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В. Н. Данилов

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, danilovvik@yandex.ru

Во Второй мировой войне гитлеровская Германия активно использовала бомбардировочную авиацию для ударов по районам ближнего тыла, поэтому для СССР важное значение имела защита объектов и населенных пунктов с воздуха. В статье показано развертывание систем войсковой и местной (гражданской) противовоздушной обороны на территории Саратовской области в 1941–1945 гг. и их действия в боевых условиях.

Ключевые слова: войска противовоздушной обороны, формирования МПВО, Саратовское Поволжье, авиационные бомбардировки, ликвидация последствий.

Air Defense of the Saratov Volga Region during the Great Patriotic War: the Establishment and Operation

V. N. Danilov

Victor N. Danilov, ORCID 0000-0003-2080-7736, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, danilovvik@yandex.ru

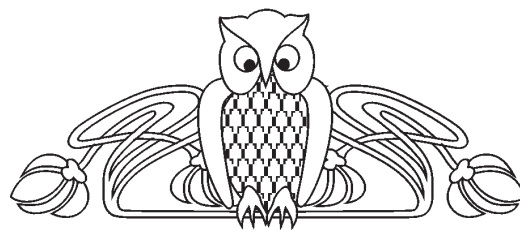
During World War II, Nazi Germany actively used bomber aircraft for attacks on areas near the rear, so for the Soviet Union it was essential to protect buildings and settlements from the air. The article shows the deployment of the military and local (civil) defense on the territory of the Saratov region in 1941–1945 and their actions in combat.

Key words: troops of antiaircraft defense, formation of LAAD, Saratov Volga region, aerial bombing, liquidation of consequences.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-388-399

Становление ПВО региона

Отдельные элементы противовоздушной защиты в крае внедрялись еще в довоенный период, но поскольку считалось, что Саратовское Поволжье находится далеко от возможных театров военных действий и практически недосягаемо для авиации вероятного противника, то развертывание ПВО в полном объеме здесь не предусматривалось. Со вступлением СССР в войну это происходит тоже не сразу; система противовоздушной обороны края формировалась поэтапно, вплоть до начала воздушных налетов врага. К тому времени Саратовское Поволжье стало иметь важное экономическое и военно-strate-

гическое значение, особенно по мере перебази-рования сюда крупных предприятий из других районов страны. В качестве главных задач перед ПВО края стояли обеспечение нормального выполнения производственных функций объектов и защита населения от бомбардировок врага. Для решения этих задач предусматривалось уничтожение самолетов противника, проникших на территорию области, проведение мероприятий по местной (гражданской или пассивной) противовоздушной обороне (МПВО) и специальная подготовка населения.

С начала войны и до первых правительственных директив по противовоздушной и противохимической защите мероприятия по МПВО проводились в соответствии с планами, разработанными в мирное время. В этот период предпринимались первоначальные шаги по созданию штабов МПВО всех звеньев: городских, районных и объектовых, а также служб и формирований. Решением исполкома облсовета 26 июня 1941 г. начальником МПВО Саратовской области был утвержден председатель облисполкома А. М. Петров, а начальником штаба – С. П. Шустов, председатель областной организации Осоавиахима¹. Городские исполкомы разрабатывают правила поведения граждан в случае воздушной тревоги (ВТ), начинается разъяснительная работа по этому вопросу среди населения.

Летом и в начале осени 1941 г. усилия местных властей и оборонных организаций по линии МПВО были направлены на выполнение двух правительственных директив, которые упорядочивали работу по организации защиты населения с воздуха и выводили ее на масштабный государственный уровень. Постановлением СНК СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» от 2 июля 1941 г. всем советским гражданам вменялось овладеть правилами противовоздушной и противохимической защиты, научиться устранять последствия авиационных налетов, оказывать первую помощь пострадавшим. Все население (мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины от 18 до 50 лет) в обязательном порядке привлекались к работе в группах самозащиты, формируемых на предприятиях, в учреждениях и жилых комплексах. Подготовка населения к противовоздушной обороне возлагалась на Осоавиахим, а руководство по обучению групп самозащиты – на Главное управление местной противовоздушной обороны (ГУ МПВО) НКВД СССР².

Уже через несколько недель были видны определенные сдвиги в обучении населения по противовоздушной обороне. Если с начала года и до 20 июня в Саратовской области прошли подготовку по нормам комплекса «Готов к ПВХО» чуть более 30 тысяч человек, то за один лишь месяц войны, до 25 июля – более 12 тысяч³. Однако массовая подготовка населения к ПВО в полном объеме началась только с августа 1941 г., после того как были подобраны и подготовлены инструкторы, а все население разбито на группы. В августе на предприятия, в учреждения и домоуправления Саратова было направлено 2712 инструкторов. Они готовились на курсах и в школах ПВХО по 84-часовой программе, где изучали боевые свойства и типы немецких самолетов, тактику авиации, средства воздушного нападения, защиту от воздушной бомбардировки, а также организацию ПВО и ПВХО в войсковой части и населенном пункте. Всего в Саратовской области было создано 10 таких школ⁴.

Организационные основы местной противовоздушной обороны края были определены постановлением СНК РСФСР от 10 июля 1941 г. «Об организации местной противовоздушной обороны в городах и населенных пунктах РСФСР». В соответствии с ним в середине июля была закончена организация штабов МПВО, при штабах городов и районов созданы службы: оповещения и связи, охраны порядка и безопасности, медико-санитарная, противопожарная, аварийно-восстановительная, ветеринарная, светомаскировки, противохимической защиты и убежищ. Начальниками служб утверждались заведующие соответствующих отделов исполкомов советов. Каждая служба имела свои команды. Штабы МПВО создавались также на предприятиях, в учреждениях и совхозах. Для ликвидации последствий бомбардировок организуются формирования МПВО: участковые, объектовые и унитарные команды, группы самозащиты. Участковые формирования создавались при штабах МПВО районов, а объектовые и унитарные (цеховые) – на категорированных объектах. Состояли они из команд и звеньев: управления, аварийно-восстановительных, противопожарных, противохимических и медико-санитарных. Из аналогичных звеньев (за исключением управления и аварийно-восстановительного) состояли и группы самозащиты, создаваемые на всех предприятиях, в учреждениях, домоуправлениях городов и в селах. Группы самозащиты являлись первичными формированиями МПВО, которые раньше других могли приступить к ликвидации очагов поражения.

В конце июля – начале августа 1941 г. все районы Саратовской области отчитались о проделанной работе по линии МПВО. Так, например, в Сталинском (ныне Заводском) районе Саратова было создано 54 объектовых штаба и 230 групп самозащиты, в Октябрьском районе – 300 групп

самозащиты, 63 кружка ПВХО⁵, в Вольске – 25 участковых штабов и 118 групп самозащиты, в Балашове вместе с районом 17 объектовых штабов и 255 групп самозащиты⁶. Докладывали о своей деятельности в этом направлении и сельские парткомы ВКП (б), даже самых малых районов. Так, например, в донесении Дурасовского райкома ВКП (б) говорилось: «Утвержден районный штаб МПВО, который провел совещание с председателями колхозов, руководителями учреждений и организаций. Создано 12 штабов МПВО и 19 групп самозащиты»⁷. 9 августа 1941 г. Балтайский райком ВКП (б) сообщал: «Созданы повсеместно штабы МПВО, группы самозащиты. Подготовлено 83 инструктора ПВХО, обучается 44 начальника групп самозащиты. Намечено проводить воздушные тревоги, постройку щелей. Обучение по ПВХО сопряжено с трудностями, так как в настоящий момент полный разгар полевых работ, и вся работа с трудящимися проводится применительно к ситуации в более свободное время – в часы обеденного перерыва в поле и в другое время»⁸.

Одновременно началось оборудование различного рода убежищ и укрытий для населения на случай воздушного нападения противника. К осени было открыто значительное количество щелей открытого и закрытого типа, приспособлены под убежища много подвалов. Осуществлялись меры по маскировке и светомаскировке промышленных и жилых объектов. 12 августа в Саратове было установлено полное затемнение.

С лета 1941 г. разворачивается и боевая подготовка штабов и формирований, проводятся учебные воздушные тревоги, учения по светомаскировке, по итогам которых делались выводы о состоянии МПВО и намечались меры для ее улучшения. В Саратове общегородская учебная воздушная тревога проводилась в ночь с 23 на 24 июля, в Балашове – 26 июля, 9 и 15 августа 1941 г. Учебные тревоги выявили, что многие предприятия и жилые дома быстро и своевременно приводили в боевую готовность формирования МПВО и группы самозащиты. Однако в целом города области оказались неподготовленными к противовоздушной обороне, а в отдельных районах и на некоторых предприятиях МПВО находилась в неудовлетворительном состоянии. Личный состав формирований и групп самозащиты не знал своих обязанностей, с опозданием было выключено освещение, часто нарушалась светомаскировочная дисциплина. В ходе принятия мер по устранению недостатков, выявленных в ходе учебных тревог, в октябре 1941 г. в Саратове состоялся частичный перевод формирований МПВО на казарменное положение⁹, что было направлено, прежде всего, на организацию планомерной подготовки их личного состава.

Повсеместно осуществлялась пропаганда вопросов МПВО среди населения. Для этих целей использовались радио, печать, выставки,

живое слово агитаторов. В Саратове за первый месяц войны было прочитано 152 лекции, охватившие более 16 тысяч человек. На городских площадях – Чернышевского, Кирова, 8 марта, а также в клубах и учебных заведениях демонстрировались оборонные короткометражные фильмы. Теме МПВО были посвящены «агитокна» и отдельные рисунки, разрабатывались эскизы больших плакатов для установки на площадях и улицах города. Тиражом в 50 тысяч экземпляров распечатывалась «Памятка для дежурных по домоуправлениям»¹⁰.

Как видим, для организации МПВО на начальном этапе войны в Саратовской области было сделано немало, но имелось и много всякого рода сложностей в этом деле. Не хватало подготовленных кадров, не было необходимой материальной базы, отсутствовал опыт. Поэтому планы подготовки населения, групп самозащиты и обеспечения жителей укрытиями в установленные правительством сроки выполнить не удалось. Так, по состоянию на 15 ноября 1941 г. по городу Саратову прошли подготовку по нормам ПВХО только 41 % лиц, подлежавших обучению, а укрытиями были обеспечены около 20 % жителей¹¹.

Наряду с организацией МПВО, в Саратовском Поволжье предпринимаются шаги по сосредоточению сил и средств активной противовоздушной обороны. В августе 1941 г. началось формирование 89-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона для противовоздушной обороны железнодорожного моста через Волгу. С 6 ноября развернулось формирование 102-й истребительной дивизии ПВО, которая затем отбыла в Сталинградскую область¹². Но системно активная ПВО в Саратовском Поволжье, как и в других районах ближнего тыла, стала строиться после выхода постановления ГКО № 874сс от 9 ноября 1941 г. «Об усилении и укреплении противовоздушной обороны страны», которым, в частности, создавался Саратовско-Балашовский дивизионный район ПВО¹³. В его оперативное подчинение поступила 144-я авиационная дивизия ПВО, два экипажа Як-1 которой 8 декабря впервые вылетели на патрулирование над Саратовом. Из действующей армии и других районов ПВО в Саратов прибыли 374-й, 501-й, 234-й отдельные зенитные артиллерийские дивизионы, 3-й дивизион 736-го зенитного артиллерийского полка, 17-й отдельный батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). Эти части имели боевой опыт, но зачастую были не укомплектованы личным составом, а отдельные не имели материальной части¹⁴.

О том, что прибывшие части ПВО не могли сразу развернуть в конце 1941 г. свою деятельность, свидетельствовали разведывательные полеты немецких самолетов, дважды беспрепятственно баражировавших тогда над Саратовом. На бюро обкома ВКП (б), разбивав-

шем данные факты 4 декабря, секретарь обкома ВКП (б) Е. А. Колущинский, обращаясь к руководству гарнизона и диврайона ПВО, с возмущением говорил по этому поводу: «Если не умеете стрелять, то, конечно, не собьете. У нас есть указания, есть газета “Правда”¹⁵, Комитет Обороны, надо бросить эти теории, стрелять надо»¹⁶.

В это время в связи с расширением зоны угрожаемого положения многие крупные промышленные центры страны были переведены в разряд городов-пунктов ПВО. В их число 12 ноября 1941 г. был включен Саратов, а 29 ноября – Энгельс, 6 августа 1942 г. – Балашов. Это означало, что основные мероприятия по МПВО здесь финансируются из государственного бюджета, оперативный состав штабов (городских и районных) формируется из кадрового состава армии, формирования МПВО организуются по типовым штабам и оснащаются всем необходимым для действий в боевых условиях. Вместо существовавших команд на общественных началах создаются участковые команды из числа военнообязанных, призванных по нарядам Генштаба Красной армии в порядке постоянной приписки через военкоматы. Одновременно вводятся должности штатных работников (начальников штабов) МПВО в городах Балашове, Вольске и Ртищеве. 14 ноября 1941 г. только что приступивший к своей работе Саратовский городской комитет обороны объявил в Саратове и Энгельсе угрожаемое положение с воздуха.

Основные материальные средства выделялись на строительство капитальных сооружений МПВО и создание системы воздушного наблюдения, оповещения и связи. Силами бригады Метростроя с конца ноября 1941 г. велось строительство бетонированного подземного командного пункта МПВО (так называемое строительство № 85), сдача в эксплуатацию которого состоялась в августе 1942 г.¹⁷ Также в областном центре для Кировского, Волжского и Сталинского районных штабов МПВО были оборудованы командные пункты подвального типа, а для Октябрьского и Фрунзенского – деревоземляного типа. В Саратове строились 4 убежища, вместимостью по 360 человек в каждом, чтобы укрыть руководство и «актив» области и города. В качестве же укрытий для населения в городе было оборудовано 382 подвала¹⁸. Кроме того, промышленные предприятия на свои средства строили объектовые бомбоубежища. Частично за счет средств городских коммунальных служб жители оборудовали во дворах домов простейшие укрытия – щели. Всего для защиты населения в случае вражеских налетов к лету 1942 г. было оборудовано 200 бомбоубежищ и 70 тыс. м щелей, в которых одновременно могло укрываться более 150 тыс. человек¹⁹. В формированиях местной противовоздушной обороны (участковые и объектовые команды, группы самозащиты) состояло до 30 тысяч саратовцев.

На территории Саратовской области создано было 7 постов ВНОС, из которых три располагались на северо-западе области – в Петровске, Ртищеве и Балашове. Теперь данные о воздушной обстановке и оповещении об объявлении воздушной тревоги и сигнала «отбой» в Саратове поступали из КП ВНОС через радиоузел или по прямому проводу оперативному дежурному штаба МПВО города. Оповещение населения производилось КП штаба МПВО через городской радиотрансляционный узел, с которым осуществлялась прямая телефонная связь, – при помощи электросирен, гудков предприятий, железнодорожного и водного транспорта. В городе имелось 22 электросирены, 19 установок с 35-ю репродукторами и 35 тысяч абонентных точек, включенных в городской и объектовые радиоузлы; до 40 паровых гудков в летний период и до 30-ти – в зимний²⁰. Этого количества технических и звуковых средств было достаточно, чтобы оповестить город об опасности воздушного нападения.

Поскольку Красная армия в зимние месяцы 1941/42 гг. добилась успехов на фронте, а активность немецкой авиации уменьшилась, то внимание в тот период к МПВО все же ослабло. Особенно это было заметно в Саратове по ухудшению светомаскировочной дисциплины. Более того, мотивируя необходимостью выполнения производственных программ, 2 января 1942 г. городской комитет обороны снял светомаскировку с автотранспорта и трамвая; 15 января было отменено затемнение на станции Князевка, эстакадах крекинг-завода имени Кирова, Улешовской и Увекской нефтебаз; 17 февраля было разрешено включать дежурное освещение на крекинг-заводе, еще раньше это разрешено было сделать на станциях Саратов I и Саратов II²¹. Наверстывать упущенное в плане подготовки формирований МПВО и соблюдения режима светомаскировки местным властям пришлось в весенне-летние месяцы 1942 г.

В это же время происходит дальнейшее наращивание сил и средств войск ПВО в регионе. Вновь были созданы 586-й истребительный авиационный полк (первое в стране специальное женское формирование в войсках противовоздушной обороны), 963-й истребительный авиационный полк, вошедшие в состав 144-й авиационной дивизии ПВО, 720-й зенитно-артиллерийский полк, сформировавшийся в основном из юношей и девушек области с задачей охранять железнодорожные станции Саратова, важнейшие промышленные объекты и мост через Волгу²². Всего в составе Саратовско-Балашовского дивизионного района ПВО находились 10 отдельных дивизионов зенитной артиллерии, 1 дивизион 376-го зенитного артиллерийского полка, 1078-й и 923-й зенитные артиллерийские полки, 16-й зенитный прожекторный батальон, 3 бронепоезда, 5 отдельных батальонов службы воздушного оповещения и связи (ВНОС), 5 батарей СОН-2,

3 бронеплощадки, 2 отдельных взвода ВНОС²³. Значительная часть личного состава частей и подразделений была укомплектована жителями Саратовской области. По решению Саратовского обкома ВЛКСМ в них были направлены 1844 девушки. В оперативном подчинении района ПВО находилась 144-я истребительная авиационная дивизия ПВО (командир Герой Советского Союза подполковник М. П. Нога) в составе 586-го женского авиационного полка, 963-го, 753-го и 910-го истребительных авиационных полков.

Наряду с частями ПВО страны к противовоздушной обороне края были привлечены военно-учебные заведения. В частности, часть своих боевых средств выделило на боевое дежурство Энгельсское военно-морское училище ПВО, находившееся в оперативном подчинении командующего Саратовско-Балашовским дивизионным районом ПВО. 15 апреля 1942 г. 3-я батарея училища стала на боевое дежурство, а один взвод 37-мм зенитных пушек был поставлен на усиление ПВО железнодорожного моста. Командование Качинской авиационной школы, дислоцированной в Красном Куте, ввело боевое дежурство, создав для этой цели истребительную группу летчиков-инструкторов. Качинцы охраняли железнодорожный путь от Саратова до Астрахани. Для борьбы с вражескими самолетами были установлены пулеметы ШКАС в Саратовской военно-авиационной планерной школе. К охране воздушного пространства привлекалась также группа летчиков-испытателей Саратовского авиационного завода (завод № 262). Суда, работавшие на Волге, вооружались зенитными пушками и пулеметами²⁴. Таким образом, в Саратовском Поволжье была собрана целая группировка активных сил и средств ПВО, призванная защищать от налетов германской авиации ее территорию, прежде всего, промышленные объекты и железнодорожные станции Саратова, Энгельса, Балашова и Ртищева.

Однако командование Саратовско-Балашовского района ПВО летом 1942 г. переоценивало степень готовности своих войск к эффективным действиям в боевых условиях. Выступая на собрании партийного актива Саратова 15 июня 1942 г., в ответ на обеспокоенность некоторых его участников состоянием ПВО, командующий дивизионом ПВО генерал Овчинников заявил, что для защиты объектов и территории города с воздуха имеется достаточное количество средств противовоздушной обороны. «Если кто сомневается в этом и говорит, что не видит этих средств, – говорил он тогда, – то я должен сказать, что они не начертаны на небе, но они все его покрывают. Наверное, некоторые хотели бы, чтобы они стояли у них во дворе, или у станка, но пусть эти товарищи не беспокоятся: их станки находятся под десятислойным артиллерийским огнем»²⁵. Крупные авиабомбардировки Саратова в июне – сентябре 1942 г. не подтвердили оптимистичного настроения военачальника.

Противовоздушная оборона края в условиях бомбардировок противника летом – осенью 1942 года

В период летне-осеннего наступления 1942 г. на южном фланге фронта германское командование включает Саратов в сферу разведывательных действий и стратегических операций по бомбардировке военных и промышленных объектов, стремясь тем самым обеспечить успех своим сухопутным войскам под Сталинградом и на Северном Кавказе.

Если раньше осуществлялись только разведывательные полеты немецких самолетов над городом, то с июня 1942 г. начались бомбардировочные налеты. Для бомбардировок саратовских заводов, железнодорожных станций и минирования фарватера Волги германское командование выделило специальную группу 4-го воздушного флота люфтваффе. Важнейшей целью им ставилось также разрушение железнодорожного моста через Волгу в районе Саратова – единственного в Нижнем Поволжье. Бойцы и командиры частей Саратовско-Балашовского дивизионного района ПВО и жители городов мужественно встретили врага.

Первые бомбардировочные налеты на Саратов противник совершил 25, 26 и 27 июня 1942 г. на подшипниковый завод (ГПЗ-3), а также прилегающий к нему поселок Шарковка и территорию строительного треста № 13. В первом налете участвовало 6, во втором – 10, в третьем – 5 самолетов²⁶. Основная тяжесть борьбы с немецкими самолетами легла на зенитно-артиллерийские части. Их огнем был сбит один He-111. В бой вступали зенитчики 89-го и 501-го отдельных зенитных артиллерийских дивизионов, 3-го дивизиона 736-го зенитного артиллерийского полка. При этом особенно отличились артиллерийские расчеты 2-й батареи 501-го отдельного зенитного артдивизиона сержантов Головина и Смирнова²⁷. В ликвидации последствий налета участвовали объектовая команда МПВО и 500 человек мобилизованных рабочих цехов, городские пожарные части, команды медико-санитарной и аварийно-спасательной служб города. На ликвидацию последствий пожаров было потрачено 4 часа, восстановление электросети – 6 часов, связи – полчаса. Завод начал работу в непострадавших от налета цехах через 8 часов; на восстановление остальных потребовалось несколько дней²⁸.

Вместе с тем первый бомбардировочный налет на Саратов выявил целый ряд изъянов в организации ПВО, что зафиксировал в своем постановлении комитет обороны города. Посты ВНОС самолетов на подлете к городу не обнаружили, командующего диврайоном ПВО на месте не оказалось, дежурные штаба с подачей команды на открытие огня зенитной артиллерии растерялись,

истребительная авиация не была приведена во время в действие. Городской штаб МПВО опоздал с подачей сигнала ВТ на 11 минут, а руководство ГПЗ-3 не организовало управления работой формирований, была плохая связь и т. д.²⁹ Комитет обороны Саратова определил меры по устранению недостатков в системе ПВО города, которые реализовывались в последующие дни.

7–9 июля бомбардировкам подвергся железнодорожный узел Ртищево и некоторые объекты города. На устранение последствий налетов, как следует из докладной записки штаба МПВО города, явился почти весь состав участковых команд³⁰. Кроме того, бомбили Маркс (в конце июля), дважды (в начале и конце августа) Балашов. Неоднократно фашистская авиация совершала налеты на станцию Урбах и многие другие объекты.

С прорывом немецко-фашистских войск к Сталинграду авиация врага еще больше активизировала свои действия в районе Саратова. Если в июле 1942 г. над территорией Саратовско-Балашовского дивизионного района ПВО зарегистрировано было 72, а в августе 139, то в сентябре – 1614 самолето-пролетов врага³¹. Фашисты сосредоточили бомбовые удары по важным промышленным объектам, железнодорожному мосту через Волгу, станциям, систематически обстреливали железнодорожные эшелоны и паромы. Этим германское командование стремилось подорвать возможности Саратова и области как ресурсной базы советских войск, сражавшихся на Нижней Волге, а, кроме того, рассчитывали посеять панику среди жителей края и сломить их волю к сопротивлению в случае прорыва фронта в этом направлении.

Наиболее интенсивные налеты германской авиации последовали в период с 20 по 25 сентября 1942 г. Несколько раз бомбили промышленные объекты Энгельса: заводы имени Орджоникидзе и имени Урицкого, фабрики перевязочных материалов и прядильно-ткацкую № 2, депо станции Покровск³². Главным объектом наиболее мощных бомбардировок в Саратове явился крекинг-завод имени Кирова, который снабжал горючим Сталинградский, Юго-Восточный и другие фронты. Три ночи (20, 21 и 23 сентября) враг наносил удары по заводу³³. За сутки 20 сентября над территорией диврайона ПВО было зарегистрировано 167 самолето-пролетов противника. К городу через заградительный огонь прорвались одиночные самолеты. Они сбросили 17 фугасных бомб, из которых 4 – на территорию крекинг-завода, и десятки зажигательных авиабомб, что вызвало пожары. В 19 ч 45 мин прямым попаданием трех фугасных авиабомб у причала завода была потоплена баржа с 127 семьями, ожидавшими отправки в Краснокамск. Баржа переломилась, некоторое время горела и потонула. Спасено было 125 человек, 33 раненым оказана помощь, 253 убито или потонуло³⁴. Это один из многочисленных примеров

варварского отношения фашистов к мирному населению.

В ночь с 21 на 22 сентября враг совершает с небольшими интервалами три налета, в которых участвовало 14 самолетов. В одном из налетов вновь подвергся удару крекинг-завод, на который было сброшено 150–200 зажигательных и 13 фугасных авиабомб. В результате возник пожар в четырех нефтямах, обрушено полотно железной дороги, сырьевая насосная станция, две высоковольтные линии.

Самый сильный удар по крекинг-заводу был нанесен в ночь с 23 на 24 сентября. Он начался в 22 ч 36 мин. Воздушная тревога продолжалась свыше 7 часов. В налете участвовало 38 самолетов противника, которые подвергли бомбардировке, кроме крекинг-завода, станцию Князевка, поселок Увек, деревню Нахаловка. Только на крекинг-завод самолеты врага произвели 16 заходов, сбросили 121 фугасную и свыше 400 зажигательных бомб, приведших снова к большим пожарам на заводе³⁵. 24 сентября при налете на Саратов враг подверг бомбардировке нефтебазу Увек. Вот как описывал картину последствий этой бомбардировки в своих воспоминаниях А. И. Ключников, бывший в то время председателем Саратовского горисполкома: «Как начальник ПВО города, я выезжал на места бомбежек сразу после отбоя. Ужасное приходилось видеть зрелище: разрушенные здания, охваченные пламенем громадные цистерны с бензином, струи нефтепродуктов, хлещущие из пробитых пулями резервуаров»³⁶.

И все же надо отдать должное мужеству воинам частей противовоздушной обороны, формированиям МПВО, гражданскому населению, занимавшимся отражением воздушных набегов врага. В ночном бою 24 сентября удалось сбить два вражеских самолета: один He-111 огнем зенитной артиллерии и один Ю-88 истребителем Як-1. Оба самолета были сбиты в лучах прожекторов, осветивших в этом бою 12 целей при 14 поисках. При этом особое мастерство показали прожектористы 16-го отдельного зенитно-прожекторного батальона³⁷.

Исключительную отвагу в боях проявила летчик-истребитель 586-го истребительного авиационного полка Валерия Дмитриевна Хомякова. 24 сентября 1942 г., участвуя в отражении воздушного налета на Саратов, она смело вступила в бой с противником и сбила фашистский бомбардировщик Ю-88, который вел гитлеровский офицер Маак, руководивший налетами на Саратов. Впервые за всю историю авиации девушка летчик-истребитель сбила в ночном бою вражеский бомбардировщик. За свой подвиг В. Д. Хомякова была награждена орденом Красного Знамени³⁸.

Исход другого результативного боя с немецким бомбардировщиком в районе железнодорожного моста был предreshen стойкостью команди-

ра дальномерного отделения 501-го зенитного артиллерийского дивизиона Дмитрия Александровича Смирнова. Сержант сам вел поиск цели, чтобы быстрее определить исходные данные для прибора и орудий. В ходе боя Смирнову осколком ранило позвоночник. Превозмогая боль и наплывающую слабость, командир отделения с безукоризненной точностью закончил совмещение, что позволило зенитчикам произвести прицельный огонь. Однако от смертельной раны сержант Д. А. Смирнов скончался в санитарной части дивизиона³⁹.

Хотя гитлеровцам в 1942 г. удалось повредить несколько сооружений крекинг-завода, однако они не смогли вывести из строя завод. Руководство завода – директор Б. П. Майоров и начальник штаба МПВО объекта Н. Ф. Терентьев – несмотря на сложность обстановки, смогли правильно организовать работу всех формирований МПВО, создали необходимое взаимодействие и слаженность. Городской штаб МПВО своевременно оказал помощь объекту, направив к нему пожарные и аварийно-восстановительные формирования, бойцов гарнизона. Объектовые формирования действовали уверенно и слаженно. Особенно отличились мастера цехов Ильин и Чернов, шофер Косолапов. Самоотверженно действовали начальники караулов военизированной пожарной команды Сергеев и Денисов, помощники начальника команды Красновельмов и Максимов. Боец Конахин потушил более 20 зажигательных авиабомб, чем предотвратил возникновение многих пожаров. Бойцы команд МПВО Иванов, Краснов, Малышев, Петров, Ломадзе, Кашина, Журавлев и десятки других, рискуя жизнью, четко выполняли боевые задания. Начальник медико-санитарной службы завода Тюхтеева лично оказала помощь 6 пострадавшим. При тушении пожара героической смертью погибли бойцы военизированной пожарной команды завода Панфилов и Захаров, получил тяжелое ранение помощник начальника команды Красновельмов, контужен начальник цеха водоснабжения Савельев. Всего за время налета погибло 129 человек, 70 получили ранения⁴⁰.

Героическими усилиями формирований МПВО и рабочих завода пожар был ликвидирован за 8 часов. Германское радио в те дни передало сообщение, что немецкие летчики полностью разрушили крупнейший в Европе нефтеперерабатывающий завод. Но это не соответствовало действительности. Хотя основные сооружения крекинг-завода и пострадали, но разрушить их не удалось. На третий день завод уже снова начал работать.

Подводя итог отражения воздушных налетов немецко-фашистской авиации на Саратов в 1942 г., можно сказать следующее. В Саратовско-Балашовском диврайоне ПВО за июнь – ноябрь было зафиксировано 2495 самолето-пролетов

противника, 4 немецких самолета было сбито⁴¹. Врагу не удалось нанести серьезное поражение Саратову, крупному промышленному центру страны, деморализовать население. Части противовоздушной обороны и формирования МПВО сохранили и предотвратили от разрушений важные промышленные объекты, а также не допустили дезорганизации работы фронтовых коммуникаций. Вскоре после налетов их последствия ликвидировались, а промышленные предприятия продолжали выпуск продукции для фронта. Продолжал функционировать железнодорожный мост через Волгу, несмотря на то, что летчики люфтваффе сбросили поблизости от него сотни авиационных бомб.

Меры по укреплению системы ПВО в конце 1942 – первой половине 1943 года: необходимость и реальность

В связи с успехами советских войск зимой 1941–1942 гг. и удалением фронта на запад, как и год назад, вновь наблюдалось ослабление в деятельности ПВО, особенно гражданской. В Саратов не редкими стали такие явления, как игнорирование приказов и распоряжений штабов МПВО по подготовке формирований руководителями предприятий и учреждений, рост случаев запрета с их стороны посещения бойцами МПВО сборов и явки по сигналу воздушной тревоги⁴². Вследствие этого упали моральное состояние и дисциплина в формированиях, сильно снизился режим маскировки и светомаскировки объектов. Зимой 1943 г. был случай, когда во время пролета немецкого самолета над авиационным заводом был открыт зенитный огонь, но свет на аэродроме не отключался. В городе и на промышленных объектах ощущалась нехватка средств пожаротушения, в том числе необходимых запасов воды.

На состоявшемся 3 марта 1943 г. городском партийном активе были подвергнуты критике те руководители организаций, которые не уделяли внимания вопросам местной противовоздушной обороны. Собрание потребовало в кратчайшие сроки привести МПВО в боевую готовность: широко развернуть агитационно-массовую и разъяснительную работу среди населения по подготовке города к противохимической защите; повысить боевую готовность всех медико-санитарных служб, руководителям медицинских учреждений наладить дежурства; привести в рабочее состояние укрытия, обеспечить режим светомаскировки⁴³. Так как в связи с призывом в армию большого числа жителей города и переводом многих предприятий на военное производство резко снизилась возможность для приписки граждан к формированиям, имелась большая текучесть их личного состава, Саратовский горком ВКП (б) 20 апреля 1943 г. обратился к начальнику ГУ МПВО НКВД СССР с просьбой пере-

смотреть вопрос о комплектовании участков формирования МПВО и разрешить создать в Саратове кадровые части МПВО из военнослужащих⁴⁴.

В ночь на 6 апреля 1943 г. в Саратове по причине приближения вражеских самолетов-разведчиков была объявлена воздушная тревога. Она наглядно показала существовавшие на тот момент большие упущения в вопросах МПВО. Поскольку в городе давно не было тревог, многие руководители растерялись, сигналы подавались с опозданием, плохо работала связь, не соблюдалась светомаскировка, отдельные начальники объектов после 11 часов вечера уходили домой, не оставляя дежурных, и т. д. Серьезные недостатки были отмечены в Сталинском районе, особенно на авиационном заводе. Бюро Саратовского горкома ВКП (б) в своем решении от 8 апреля 1943 г. «Итоги воздушной тревоги в ночь на 6 апреля 1943 г.» потребовало установить круглосуточное дежурство, запретить всякое освобождение приписного состава без ведома штаба МПВО, завершить ремонт убежищ, усилить контроль за светомаскировкой. Предусматривалась организация занятий по изучению ответственными работниками МПВО инструкций по обезвреживанию авиабомб⁴⁵.

В первом полугодии 1943 г. отдельные пункты ПВО были усилены зенитными частями и авиацией. В апреле на противовоздушную оборону Ртищева был поставлен 343-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, в июле на оборону Балашова – 142-я батарея СОН-2. В районе Саратова и на аэродроме Балашова стали базироваться полученные 28 мая из Москвы 9 «Харрикейнов» (6 и 3 соответственно)⁴⁶. В целом состав Саратовско-Балашовского дивизионного района ПВО (командующий полковник М. В. Антоненко) летом 1943 г. насчитывал 41 боевой экипаж истребительной авиации; было подготовлено 23 экипажа для ночных действий; также имелось 192 зенитных орудия среднего и 72 зенитных орудия малого калибра, 90 пулеметов, 4 станции орудийной наводки (СОН), 98 зенитных прожекторов, 48 аэростатов заграждения⁴⁷. Противовоздушную оборону Саратова и Энгельса осуществляли 144-я истребительная авиационная дивизия ПВО, 720-й и 1078-й зенитные артиллерийские полки, 89-й и 501-й отдельные зенитные артиллерийские дивизионы, три отдельные батареи СОН-2 (33-я, 72-я, 73-я), 43-й зенитно-прожекторный полк ПВО, два отдельных батальона ВНОС (17-й и 9-й), отдельный взвод связи. Данная группировка сил и средств ПВО, построенная с учетом отражения вражеских налетов в июне – сентябре 1942 г., как показали дальнейшие события, обеспечивала наибольшую плотность огня на основных направлениях, вокруг важнейших объектов и была достаточной для поражения отдельных небольших групповых целей. Но для отражения

массированных налетов авиации противника имеющихся сил и средств ПВО в районе Саратова было явно недостаточно. К тому же в подразделениях ПВО постоянно шло движение личного состава: наиболее опытные отправлялись во фронтовые части, а их место занимали молодые, слабо подготовленные кадры.

Авиаудары противника в июне 1943 года

В июне 1943 г., накануне летнего наступления на Курской дуге, командование германских ВВС предприняло вновь попытку произвести массированные ночные налеты по крупным промышленным центрам на рубеже реки Волги, в числе которых был и Саратов. Тем самым гитлеровцы рассчитывали лишить советские войска горючего и самолетов, главной базой которых было Поволжье. Самые крупные налеты, в которых в общей сложности участвовало 423 бомбардировщика, фашистская авиация совершила в период с 12 по 27 июня. Основной целью налетов ставилось разрушение железнодорожного моста через Волгу и предприятий, имевших важное оборонное значение: крекинг-завода имени Кирова, авиационного завода, нефтебаз Увек и Улеши. Один мощный авиационный удар был также нанесен по Балашову. Вновь саратовцы, как и в 1942 г., мужественно встретили врага. Только из состава групп самозащиты по воздушной тревоге поднимались 5,5 тысяч человек. Летчики 144-й истребительной авиадивизии и зенитчики в июне 1943 г. сбили в небе над Саратовом 16 немецких самолетов. Вот краткое описание военных событий тех дней.

В первом массированном ночном налете с 12 на 13 июня 1943 г. участвовали 50 бомбардировщиков. Служба ВНОС своевременно обнаружила подход бомбардировщиков и оповестила части и подразделения ПВО, штабы и службы и формирования МПВО, которые были приведены в боевую готовность. Воздушную тревогу объявили за 12 минут до подхода авиации к зоне огня. Огнем зенитной артиллерии среднего калибра удалось сбить два самолета. Через заградительный и сопроводительный огонь зенитной артиллерии к объектам удалось прорваться 10 самолетам. Бомбардировке были подвергнуты крекинг-завод, станция и нефтебаза Увек и железнодорожный мост. В результате нападения возникло 4 очага поражения⁴⁸.

Следующей ночью, с 13 на 14 июня, бомбардировке подвергся крекинг-завод и поселок Князевка. В воздушном нападении участвовало до 80 самолетов He-111, совершивших 15 заходов; 20 немецким самолетам удалось прорваться в город. Советские летчики, взаимодействуя с прожектористами, провели семь воздушных боев, в которых сбили два самолета противника⁴⁹.

В ночь с 14 на 15 июня в налете на город участвовало 65 самолетов, 10 из них прорвались

к заводу имени Кирова. На подступах к городу удалось сбить 3 самолета противника, один самолет был подбит. За ночь враг совершил 15 заходов на завод, сбросил около 120 фугасных и 1000 зажигательных авиабомб. На территории завода была разрушена восточная часть ТЭЦ, уничтожены 2 котла и градирня, сгорели несколько резервуаров с нефтью, были перебиты линии связи⁵⁰. Бомбардировки нефтеперерабатывающего завода и прилегающей к нему территории продолжались до 21 июня. На карте поражений за 1943 г., хранящейся на заводе, отмечены места, куда были сброшены 544 фугасных авиабомбы, 180 фугасно-зажигательных бомб крупного калибра и многие тысячи зажигательных бомб весом 1 кг. 46 авиабомб не взорвались. Это более половины авиабомб, сброшенных на Саратов.

22 июня немецкая авиация решила изменить тактику налетов на Саратов. В этом налете участвовало 45 самолетов He-111 и 9 – Ю-88, которые подходили к городу с разных направлений, как группами, так и одиночным порядком. Из 54 самолетов к Саратову прорвались 15, из которых два были сбиты. Во время этого ночного нападения вражеская авиация применила массовое сбрасывание осветительных бомб в разных точках города: в районе СагрЭС, Соколовой горы, заводов № 167, 236 и 602, товарной станции, бронетанкового училища, аэродрома завода № 292, ГПЗ-3, Клинического поселка, аэропорта и судоремзавода. Основным объектом действия немецкой авиации стали нефтебаза Улеши и прилегающие к ней районы, на которые было сброшено 15 фугасных и 5 зажигательных авиабомб⁵¹.

Но самый крупный налет противник совершил в ночь с 23 на 24 июня 1943 г. по авиационному заводу. Бывший член Военного совета Волжской военной флотилии контр-адмирал Н. П. Зарембо так описывает эту ночь: «С наступлением темноты десятки зенитных батарей, все корабли были приведены в боевую готовность. Взмыли в небо аэростаты заграждения. Был субботний вечер, но никто в городе и не думал об отдыхе. Город насторожился, вслушивался и вглядывался в ночной сумрак. В полночь послышался тяжелый густой гул... Лучи прожекторов выхватывали из темноты яркие крестики самолетов. Их было много – наблюдатели насчитали более ста бомбардировщиков. Надвигались они волнами. Интенсивный огонь зенитчиков спутал строй вражеских бомбардировщиков»⁵². К городу удалось прорваться лишь 15 самолетам противника. Свои действия вражеская авиация начала со сбрасывания осветительных бомб (всего около 60 штук) в районы аэродрома, силикатного завода, 1-й и 2-й Дачных, нефтебазы Улеши, Вольского взвоза, заводов № 131, 306 и 614 и особенно в районе авиационного завода (завод № 292). Помимо этого, на территорию города было сброшено 107 фугасных авиабомб. На ави-

ационный завод противник совершил 7 заходов. В течение 50 минут вражеские самолеты тремя колоннами, делая один заход за другим, сбросили 30 фугасных и более 150 зажигательных авиабомб⁵³. В результате налета было разрушено более 70% производственных площадей, 60% оборудования, незавершенное производство, оснастка. На полное восстановление завода потребовалось почти три месяца.

При отражении последнего налета противника на Саратов с 26 на 27 июня 1943 г., в котором участвовало 25 самолетов, нашими войсками был проведен дымопуск по Волге и в южной части города. Дымовой завесой прикрывались железнодорожный мост, южная оконечность острова и приток Волги в районе крекинг-завода. Задымление дало большой эффект, и враг сбросил бомбы вне промышленных объектов – в поле и на небольшие постройки⁵⁴.

В общей сложности, по данным штаба МПВО г. Саратова, за 25 бомбардировочных налетов на промышленные предприятия, коммуникации и жилые массивы Сталинского (Заводского), Октябрьского, Кировского и Волжского районов города было сброшено 1131 фугасная и 5850 зажигательных авиабомб, возникло 250 пожаров и 416 загораний⁵⁵. Жертвами фашистских бомбардировок среди гражданского населения в городе, как показывают подсчеты, стали около 480 человек убитыми и более 500 ранеными⁵⁶. Вместе с тем следует указать, что масштабы жертв и разрушений могли быть большими, если бы не стойкость и боевое мастерство воинов регулярных частей и подразделений ПВО, гражданских формирований МПВО.

В небе Саратова отличились летчики-истребители А. А. Гончаренко, И. П. Соболевский, А. М. Халышко, А. В. Николаев, М. Ф. Пономаренко, В. Я. Тяняшин, А. С. Кобецкий, Н. Е. Нижник, В. А. Шапочка. Последний вражеский самолет-разведчик Ю-88 в саратовском небе был сбит 27 июня 1943 г. летчиком майором В. А. Шапочкой. За этот бой он был награжден орденом Красной Звезды. 24 августа 1943 г. инспектору по технике пилотирования 144-й истребительной авиационной дивизии ПВО Б. И. Ковзану – единственному в мире летчику, совершившему четыре тарана, за ранее совершенные подвиги ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Храбро сражались зенитчики сержант И. Политков, Н. Двуреченский и П. Горячкин, младшие сержанты И. Политков, М. Мызникова, ефрейтор А. Серебрянникова. При отражении массированных ночных налетов авиации противника в июне 1943 г. от разрыва бомбы погибла прожектористка 43-го зенитного полка уроженка Саратовской области Анастасия Лариошина. Несмотря на чрезвычайную обстановку, лавину бомб, она хладнокровно подавала команды для поиска вражеских самолетов и не оставила боевого поста до своего смертного часа. Высокую

плотность огня обеспечивали батареи 1078-го зенитного артиллерийского полка, занимавшего боевые порядки в районе крекинг-завода. От ударной волны и осколков то и дело выходили из строя орудия и приборы. Пренебрегая опасностью, умело организовал их ремонт техник-лейтенант М. В. Ерофеев. Во время боя зенитные пулеметы 720-го зенитного полка стояли на крышах бензохранилищ нефтебазы Улеши. Кругом бушевало пламя, а пулеметчики, лишь меняя позиции, встречали заградительным огнем немецкие бомбардировщики. Фугасной бомбой были ранены красноармейцы Мухаева и Курочкина, пожар подбирался к боеприпасам. Пулеметчицы М. Коляко, О. Кумылганова, А. Соколова бросились их спасать. И тут снова взрыв, последний для отважных девушек⁵⁷. 54 фамилии военнослужащих – защитников саратовского неба занесены в поименную Книгу памяти Саратовской области.

Немало примеров отваги и героизма показали в 1943 г. бойцы и командиры формирований и штабов МПВО при выполнении боевых задач в очагах поражения. Например, бойцы пиротехнического отделения штабного взвода под командованием С. Безуглова, действуя в сложных условиях, за период с 14 июня по 8 июля 1943 г. откопали и обезвредили на крекинг-заводе и Племсовхозе 53 неразорвавшиеся авиабомбы. Командир отделения Демин и бойцы Степанов и Кобзев обезвредили и ликвидировали на том же заводе 17 неразорвавшихся бомб, извлекая их из нефтям и резервуаров с горючим⁵⁸. Под руководством командира взвода дегазационной роты Сидорова на авиационном заводе было произведено обвалование резервуара с горючим и спасены каркасы самолетов и запасные части. Заместитель командира взвода Кацнельсон 23 июня в районе СарТЭЦ организовал и сам принимал участие в тушении барачков, извлек 15 раненых и отправил их в больницу. Командир отделения дегазационной роты Рыхлов в боевой обстановке, при бомбежке и в условиях действия зенитной артиллерии руководил группой разведчиков очагов поражения, быстро доставляя сведения⁵⁹. Мужественно действовали бойцы пожарной команды нефтебазы Улеши под руководством начальника караула Верещагина. От прямого попадания фугасных и зажигательных возник пожар в открытых емкостях, огнем было охвачено несколько хранилищ. Когда рукавные линии были проложены, рядовые Борисов, Фадеев, Коблов и другие, застраховав себя веревками, спустились в нефтяму и боролись с огнем. Другие бойцы и командиры охлаждали нефтепроводы, задвижки, предотвращали растекание горючей жидкости по территории⁶⁰. За умелые действия и организацию боевой работы многие руководители и бойцы МПВО Саратова были удостоены правительственных наград. Среди них начальник МПВО города М. Шишкин, секретарь горкома ВКП (б)

В. Киселев, заместитель председателя горисполкома Н. Андреев, начальник штаба МПВО Н. Орлов, начальник военизированной пожарной команды А. Мищенко, начальник караула военизированной пожарной команды В. Верещанин, которые были удостоены орденами Красной Звезды, командир отделения С. Безуглов – медалью «За отвагу» и др.⁶¹

Основными объектами бомбометания авиации противника по Балашову в ночь на 25 июня 1943 г. были станция и аэродром. Было сброшено 239 фугасных и до 35 зажигательных авиабомб. На железнодорожном узле пострадали 92 вагона, груженных лесом, утильсырьем, 30 железнодорожных путей. Последствия авианалета устранялись трое суток силами железнодорожников, пожарных команд, участковых и объектовых формирований МПВО (всего около 300 человек)⁶².

Июньские бомбардировки Горького, Ярославля и Саратова стали предметом рассмотрения специальной правительственной комиссии во главе с известным партийным деятелем А. С. Щербаковым, результатом работы которой стал выход нескольких постановлений ГКО по усилению противовоздушной обороны территории страны, принятых 8–29 июня 1943 г. На основе одного из них – постановления № 3592с от 16 июня 1943 г. – бюро Саратовского обкома ВКП (б) 19 июня приняло развернутое решение, которое предусматривало создание на предприятиях восстановительных отрядов МПВО численностью от 150 до 500 человек, введение на ведущих заводах должностей заместителей директора по МПВО, строительство дополнительных водоемов, запасных цистерн воды, трамвайных платформ с емкостями для воды, водоводов от Волги непосредственно к крупным заводским объектам и ряд других мер⁶³, эффективность которых уже не могла быть проверена в боевой обстановке.

Восстановительные работы на пострадавших объектах

В ходе июньских 1943 г. налетов германской авиации был причинен серьезный ущерб крекинг-заводу имени Кирова, авиационному заводу, Балашовскому железнодорожному узлу, Улешовской и Увекской нефтебазам, пострадало большое число жилых домов и других зданий в Сталинском районе. Материальный ущерб от авианалетов составил более 200 миллионов рублей (в ценах того времени)⁶⁴. В проведении восстановительных работ участвовали рабочие предприятий, войска гарнизона, объектовые формирования МПВО, а также вновь созданные аварийно-восстановительные отряды, 6-й инженерно-противохимический полк и городские части (388-й, 389-й и 390-й отдельные батальоны) МПВО.

Большой объем восстановительных работ предстояло выполнить на крекинг-заводе, где

в результате бомбардировок возникло свыше 100 разрушений. Только по емкостному хозяйству их было 53, не считая отдельных поврежденных, подлежащих восстановлению в короткие сроки. Первая и вторая очереди восстановительных работ были проведены в течение 5 дней, что дало возможность через 6 дней после бомбежки восстановить работу завода. 2 июля он начал выдавать со своих установок бензин. К 12 августа 1943 г. завод был восстановлен, в конце месяца он уже работал на полную мощность⁶⁵.

В соответствии с утвержденными планами велись восстановительные работы на Увекской и Улешовской нефтебазах. Значительный объем восстановительных работ здесь выполнил 6-й инженерно-противохимический полк МПВО. Восстановительные действия на железнодорожном узле Балашова были проведены в течение трех суток после окончания налетов⁶⁶. Из жилых зданий восстанавливались те, повреждения на которых были незначительными.

Самые большие восстановительные работы выполнялись на авиационном заводе. По сути дела, его нужно было возводить заново. Сразу же после ликвидации основных очагов пожара и осмотра пострадавших объектов собрался руководящий состав завода, многие из которого своими руками в 1930 г. начинали строить все то, что было разрушено и уничтожено врагом. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях А. И. Шахурин, работавший в годы войны наркомом авиационной промышленности: «Первое впечатление было такое, что нет больше завода. Остались обгоревшие стены корпусов и станки, среди которых было много вышедших из строя. Это был единственный завод во всей авиапромышленности, который так серьезно пострадал от налетов фашистской авиации, хотя бомбардировке подверглись и некоторые другие наши заводы»⁶⁷.

По словам тогдашнего директора авиационного завода И. С. Левина, в Москве высказывалось мнение свернуть производство самолетов в Саратове, а работающих эвакуировать на другие заводы, но руководство завода и области настояло на восстановлении предприятия⁶⁸. С этим предложением согласился И. В. Сталин, и по решению ГКО завод № 292 должен был быть восстановлен в течение трех месяцев – к 1 октября 1943 г. Утверждались очередность и сроки восстановления разрушенных корпусов, на завод были присланы 6 тысяч строителей, необходимые материалы и оборудование. Наркомат обороны обязывался в пятидневный срок направить на восстановление завода три строительных батальона по 500 человек каждый. Руководство строительными работами возлагалось на начальника строительного главка наркомата авиапромышленности К. Д. Кузнецова и начальника треста № 6 П. Б. Львовского. На восстановление завода выделялось из госбюджета 6 миллионов

рублей⁶⁹. Ход работ плотно контролировался со стороны обкома и горкома ВКП (б).

Большая помощь авиационному заводу была оказана другими предприятиями Саратова. 22 завода изготовляли необходимые детали, выделяли материалы, механизмы, автотранспорт, палатки, полевые кухни. Командование ПриВО направило на завод солдат и офицеров запасных полков, автомашины и трактора. На восстановлении предприятия работал даже летно-технический состав, прибывший за самолетами с фронта. В целях доставки грузов пришлось проложить несколько железнодорожных путей, а для их разгрузки – построить эстакады. Для рабочих, занятых на восстановлении завода, разрешалось организовать трехразовое питание без карточек, а чтобы сократить время на обеды и ужины, питание организовали прямо на рабочих местах.

Несмотря на огромные разрушения, завод не прекращал своей производственной деятельности. Уже 24 июля 1943 г. работали сохранившиеся цеха: баковый, кузница, цех нормалей, литейный и другие. На пятые сутки – 29 июля – из отвоеванных у огня агрегатов, деталей и узлов в разрушенных корпусах, армейских палатках, в наспех построенных из фанеры шалашах, аэродромных ангарах началась сборка и сдача самолетов⁷⁰.

Одновременно с восстановлением разрушенных цехов на заводе была осуществлена существенная перестройка всего основного производства на поток. В середине августа наркомат предписал заводу провести техническую подготовку и внедрить в производство истребитель Як-3. В целом восстановление завода заняло 78 дней. В сентябре 1943 г. спустя три месяца после бомбардировки выпуск составил 242 самолета в месяц, а в октябре завод выпустил уже 280 самолетов. Задание годового плана по выпуску продукции завод № 262 НКАП выполнил досрочно 11 декабря 1943 г.⁷¹

Возвращаясь непосредственно к противовоздушной обороне края, нельзя не согласиться с мнением специалистов, которые считают, что все же эффективность воздушного обеспечения Саратова была недостаточной, а меры по усилению МПВО являются запоздавшими. Если взять чисто военно-техническую сторону вопроса, то слабое воздушное прикрытие Саратова объясняется прежде всего неподготовленностью летного состава и зенитных расчетов к действиям в ночных условиях в силу постоянного их обновления, неудовлетворительной системой управления частями и подразделениями, особенно огнем батарей и самолетами в полете, неотработанностью взаимодействия родов войск ПВО, с одной стороны, ПВО и МПВО – с другой⁷².

С разгромом немцев на Курской дуге фронт стал стремительно откатываться к Днепру, а затем дальше на запад. Саратовская область перестала быть в сфере досягаемости фронтовой

авиации противника. Поэтому летом и осенью 1944 г. авиационные и зенитные части с Волги перебазировались ближе к фронту. Из числа городов-пунктов ПВО были выведены Балашов и Энгельс. Острота проблемы противовоздушной обороны региона утрачивалась. Однако население края по-прежнему продолжало подготовку по нормам комплекса «Готов к ПВХО» (всего за годы войны было обучено в области 1080158 человек); продолжали вплоть до середины 1945 г. проходить обучение и нести службу городские части МПВО; не прекратили своего существования районные формирования и группы самозащиты, трансформировавшись затем после войны в отряды гражданской обороны.

Примечания

- 1 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2579. Л. 16.
- 2 См.: Коммунистическая партия в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941–1945). Документы и материалы. М., 1970. С. 45.
- 3 См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-2175. Оп. 9. Д. 62. Л. 22.
- 4 См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 13. Д. 63. Л. 143.
- 5 Там же. Ф. 972. Оп. 1. Д. 137. Л. 3; Ф. 30. Оп. 13. Д. 42. Л. 181.
- 6 Там же. Ф. 30. Оп. 13. Д. 42. Л. 181, 184; Ф. 594. Оп. 1. Д. 2593. Л. 8, 38.
- 7 Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2593. Л. 13.
- 8 Там же. Л. 36.
- 9 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 15. Л. 133.
- 10 См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 13. Д. 63. Л. 120–122.
- 11 Там же. Оп. 14. Д. 75. Л. 6, 55.
- 12 См.: Ченакал Д. Д. Военное небо Поволжья. Саратов, 1986. С. 29.
- 13 См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 33–34.
- 14 См.: Ченакал Д. Д. Указ. соч. С. 29.
- 15 В это время в «Правде» было опубликовано несколько передовых статей по вопросам укрепления противовоздушной обороны городов.
- 16 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 9. Л. 298.
- 17 Там же. Д. 3. Л. 23.
- 18 См.: ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.
- 19 См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 75. Л. 47, 48.
- 20 См.: ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 19. Л. 2; ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 75. Л. 4.
- 21 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 504. Л. 66, 74, 99, 106; ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 75. Л. 6, 70.
- 22 См.: Ченакал Д. Д. Указ. соч. С. 37.
- 23 См.: Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 5 к ПВО. Оп. 799617. Д. 1. Л. 1; Оп. 5969. Д. 1. Л. 9.
- 24 См.: Ченакал Д. Д. Указ. соч. С. 38.

- 25 ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 31. Л. 103–104.
- 26 См.: ЦАМО. Ф. 5 к ПВО. Оп. 9485. Д. 3. Л. 164–165 ; ГАСО. Ф. 3378. Оп. 1. Д. 10. Л. 2, 7.
- 27 Там же. Ф. 89 озад. Оп. 199268. Д. 1. Л. 7.
- 28 См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 75. Л. 43–47.
- 29 См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 504. Л. 292–293 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2. Л. 304–305.
- 30 См.: ГАНИСО. Ф. 102. Оп. 15. Д. 51. Л. 14.
- 31 См.: Ченакал Д. Д. Указ. соч. С. 87.
- 32 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1200. Л. 120.
- 33 См.: ЦАМО. Ф. 5 к ПВО. Оп. 708617. Д. 2. Л. 4.
- 34 Там же. Оп. 9485. Д. 3. Л. 29.
- 35 Там же. Оп. 708617. Д. 2. Л. 4.
- 36 Ключников А. И. Мы сражались в тылу // Когда мы были молоды : сб. воспоминаний ветеранов партии и комсомола. Саратов, 1990. С. 189.
- 37 См.: ЦАМО. Ф. 5 к ПВО. Оп. 696913. Д. 1. Л. 10.
- 38 См.: Известия. 1943. 18 февр.
- 39 См.: Этот день победы... : сб. повестей, очерков, рассказов ветеранов Великой Отечественной войны. Саратов, 2000. С. 111–112.
- 40 См.: ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 10. Л. 28, 33.
- 41 См.: Вестник противовоздушной обороны. 1977. № 10. С. 87. Четвертый самолет был сбит 11 сентября 1942 г. летчиком Д. Гудковым севернее Саратова.
- 42 См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 71. Л. 87–88.
- 43 Там же. Оп. 15. Д. 7. Л. 1–15.
- 44 Там же. Д. 57. Л. 178.
- 45 См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 15. Д. 13. Л. 12 ; ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.
- 46 См.: Ченакал Д. Д. Указ. соч. С. 97.
- 47 См.: Войска противовоздушной обороны страны. Исторический очерк. М., 1968. С. 248.
- 48 См.: ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 21. Л. 4.
- 49 Там же. Л. 5, 10.
- 50 Там же. Л. 16.
- 51 Там же. Л. 22 ; ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 15. Д. 6. Л. 10, 13.
- 52 Зарембо Н. П. Волжские плесы. М., 1970. С. 95.
- 53 См.: ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 21. Л. 24.
- 54 Там же. Л. 30.
- 55 Там же. Д. 83. Л. 2.
- 56 Подсчитано по : ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.
- 57 См.: Ченакал Д. Д. Указ. соч. С. 106–109.
- 58 См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. С. 177.
- 59 См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 15. Д. 57. Л. 236–238.
- 60 См.: Коммунист (Саратов). 1983. 17 апр.
- 61 См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 17. Д. 87. Л. 130.
- 62 См.: Ченакал Д. Д. Указ. соч. С. 114.
- 63 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3526. Л. 335–336.
- 64 Подсчеты Д. П. Ванчинова. См.: Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1976. С. 289. Помимо Саратова, в эту сумму включается ущерб, причиненный Энгельсу – 26,8 млн рублей, Балашову – 48,8 млн рублей, другим населенным пунктам области – около 3 млн рублей. См.: ГАСО. Ф. 1738. Оп. 2. Д. 1200. Л. 63.
- 65 См.: ГАНИСО. Ф. 64. Оп. 1. Д. 68. Л. 75–78.
- 66 Там же. Ф. 2329. Оп. 9. Д. 1. Л. 61.
- 67 Шахурин А. И. Крылья победы. М., 1983. С. 183.
- 68 См.: Левин И. С. Грозные годы. Саратов, 1984. С. 120.
- 69 Там же. С. 123.
- 70 Там же. С. 122, 124.
- 71 См.: Шахурин А. И. Указ. соч. С. 183.
- 72 См.: Ванчинов Д. П. Указ. соч. С. 186.

Образец для цитирования:

Данилов В. Н. Противовоздушная оборона Саратовского Поволжья в годы Великой Отечественной войны: создание и функционирование // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 388–399. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-388-399.

Cite this article as:

Danilov V. N. Air Defense of the Saratov Volga Region during the Great Patriotic War: the Establishment and Operation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 388–399 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-388-399.

УДК 94(47)

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСКОЙ ССР В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ И ЗАЛЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ В 1954–1956 ГОДЫ (по материалам Ивановской, Костромской и Ярославской областей)

А. А. Рыбин

Рыбин Андрей Александрович, аспирант кафедры истории, институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственной университет, rybin-andreyka@bk.ru

После решений февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 г. началась кампания по освоению целинных и залежных земель в восточных районах Советского Союза. Молодежь Центральной России приняла активное участие в организации новой сельскохозяйственной инфраструктуры на целине. В статье определено общее количество юношей и девушек Ивановской, Костромской, Ярославской областей, принявших участие в организации целинной инфраструктуры, и количество совхозов, основанных и укомплектованных молодежью Центральной России на территории Казахской ССР. Приводятся описания жилищно-бытовых условий рабочих. Также обозначены районы Казахской ССР, в которых работали ивановцы, костромичи и ярославцы.

Ключевые слова: целинные и залежные земли, молодежь, Ивановская, Костромская, Ярославская области, Казахская ССР.

The Role of the Youth of Central Russia in the Formation of Agricultural Infrastructure on the Territory of the Kazakh SSR in the Early Period of Development of Virgin and Fallow Lands in 1954–1956 (Based on Materials of the Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl Regions)

A. A. Rybin

Andrei A. Rybin, ORCID 0000-0001-8433-3424, Kostroma State University, 17, Dzerzhinskay Str., Kostroma, 156005, Russia, rybin-andreyka@bk.ru

From 1954 to 1956 the Soviet Union was in the process of agricultural use of virgin and fallow lands. At this stage young people from Central Russia created the greatest number of farms in the virgin lands. The article defines the total number of boys and girls from the Ivanovo, Kostroma, Yaroslavl regions involved in the organization of the new infrastructure and the number of farms created and staffed by young people from Central Russia on the territory of the Kazakh SSR. The article gives the total number of these virgin farms. The housing and living conditions of workers are described. The areas of the Kazakh SSR where the youth from the Ivanovo, Kostroma, Yaroslavl regions worked are identified.

Key words: virgin land, young people, Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl regions, Kazakh SSR.

DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-400-404

После решений февральско-мартовского пленума ЦК КПСС 1954 г. «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об ос-

воении целинных и залежных земель»¹ жители Центральной России, так же как и других районов Советского Союза, отправились работать на неосвоенные территории, где им пришлось налаживать новую инфраструктуру, в частности организовывать новые зерновые хозяйства. Весомая доля целинных земель приходилась на районы Казахской ССР, где особенно остро стоял вопрос, касающийся организации новых колхозов и совхозов, а также их последующего комплектования рабочей силой. В первые годы освоения целины, когда происходила массовая организация зерновых хозяйств, в восточных районах СССР было распаханно около 35,9 миллионов гектаров неиспользуемых земель², на территории РСФСР и Казахской ССР было создано в общем счете 425 совхозов³.

В этот период одной из активных групп, принимавших участие в покорении целины, стала молодежь: комсомольцы, руководители комсомольских организаций, молодые работники предприятий, учащиеся средне-специальных и высших учебных заведений – юноши и девушки в возрасте от 16–28 лет. Нижняя возрастная граница обусловлена тем, что официально трудоустроиться молодой человек мог с 16 лет⁴, он приобретал новый социальный статус и самостоятельность, в этой связи и возможность отправиться на целину. Верхней возрастной границей можно считать отметку в 28 лет, так как по уставу комсомольской организации члены ВЛКСМ, достигшие 28-летия и не избранные в руководящие комсомольские органы, снимались с комсомольского учета и выбывали из ВЛКСМ⁵. Следовательно, люди, превышавшие указанный возраст, по советским меркам уже не входили в категорию молодежи.

Общее число юношей и девушек Центральной России, принимавших участие в налаживании сельскохозяйственной инфраструктуры Казахской ССР в период с 1954 по 1956 г., по имеющимся данным, составило 7308 человек, из которых: ивановцев – 1236 человек⁶, костромичей – 1652 человека⁷, ярославцев – 4420 человек⁸. Ярославская область оказалась активнее своих соседей, отправив на целину в этот период практически в два раза больше добровольцев. Это можно объяснить тем, что в области хорошо обстояло дело с подготовкой механизаторов⁹. В первые годы освоения новых земель целинные районы нуждались в первую очередь

в специалистах сельского хозяйства, механизаторах и трактористах, поэтому меньшее количество ивановцев, отправленных на целину, объясняется тем, что область с развитой текстильной промышленностью не имела в наличии большого количества необходимых для отправки сельскохозяйственных кадров¹⁰. Костромичи, в свою очередь, использовали имеющиеся резервы специалистов и не смогли отправить на целину большее число работников сельского хозяйства из-за нехватки кадров на местах¹¹.

В числе отправленных добровольцев были рабочие разных специальностей: трактористы, учетчики, заправщики, шофера, прицепщики, строители, заведующие гаражами и мастерскими, автомеханики, радисты, нормировщики, разнорабочие и другие¹². Зачастую простым рабочим приходилось осваивать строительные специальности¹³ при организации совхозной инфраструктуры ввиду нехватки кадров. Все это влияло на темпы строительства и качество произведенных работ, но, тем не менее, за первые годы освоения целины руками простых рабочих были построены многие совхозы и колхозы, а также были налажены жилищно-бытовые условия.

В 1954 г. силами ярославцев был основан совхоз «Ярославский» Есильского района Акмолинской области Казахской ССР¹⁴. Стоит отметить, что в первые годы освоения новых земель юноши и девушки Центральной России при строительстве новых хозяйств столкнулись с различными трудностями. Целинникам приходилось жить в палатках и в 35-градусный мороз¹⁵, работать в пургу, рыть землянки, добывать камень для закладки фундамента мастерских, электростанций, лечебных учреждений, магазинов, жилых домов¹⁶.

Несмотря на возникшие трудности, 5 июня 1954 г. в совхозе «Ярославский» лучше других зерносовхозов был осуществлен подъем новых земель, было посеяно до 1600 гектаров пшеницы, план вспашки был выполнен на 26%, в остальных хозяйствах, таких как «Энтузиаст», «Жаксинский», «Кировский», «Любимовский» Есильского района, показатели были снижены до 14%¹⁷. Отмечалась хорошая работа комсомольской организации совхоза.

Вместе с тем, помимо высоких трудовых показателей, на должном уровне была налажена досуговая деятельность в совхозе, работали кружки художественной самодеятельности, в то время как в других совхозах района они не функционировали¹⁸. Сохранились воспоминания Героя Социалистического Труда М. Е. Довжика¹⁹, который работал в совхозе в 1954–1967 гг.: «21 апреля 1954 года мы проложили первую борозду в совхозе»²⁰. «В первый год мы распахали и засеяли 270 гектаров новых земель. Урожай был хорошим. Это был наш первый праздник на целине. Первый колышек нового поселка,

первая борозда. И вот, наконец, первый хлеб. В моей бригаде в совхозе «Ярославский» народ подобрался хороший. Многие молодые люди испытали тяготы войны, знали почем фунт лиха, умели работать расчетливо, с выгодой. Это в небольшой степени и помогло нам пережить тяжелый год. Потерь в личном составе мы практически не имели»²¹. В первый же год работы совхоза удалось наладить эффективную работу, которая принесла положительные результаты. Уже в следующем году молодежь Центральной России на казахской целине приняла участие в организации 13 целинных хозяйств.

В начале 1955 г. вышли постановления Ивановского, Костромского, Ярославского обкомов ВЛКСМ об отборе и отправке на целинные земли новых кадров²². В связи с этим 19 февраля 1955 г. по постановлению Ивановского областного комитета ВЛКСМ было направлено прошение в Министерство совхозов СССР о переименовании совхозов «Бакинский», «Веселый», «Макеевский» Атбасарского района Акмолинской области Казахской ССР, соответственно в «Ивановский», «Кинешемский», «Шуйский» по причине того, что данные хозяйства должны были комплектоваться комсомольцами и молодежью из Ивановской области²³. Также ивановцы приняли участие в работе совхозов «Фурмановский», «Молодежный», «Московский», «Ленинградский»²⁴. В этом же году костромскими добровольцами на территории Иртышского района Павлодарской области Казахской ССР был основан зерносовхоз им. Амангельды²⁵. Весной 1955 г. юноши и девушки Ярославской области укомплектовали зерносовхоз «Москворецкий» Северо-Казахстанской области²⁶ и четыре совхоза в Актюбинской области: «Тылдысайский» (из состава Щербаковского горкома ВЛКСМ), «Бугеткульский» (из состава Переславского горкома ВЛКСМ), «Северный» (из состава Ростовского горкома ВЛКСМ) и «Карабутакский» (из состава Ярославского горкома ВЛКСМ)²⁷. Спустя несколько месяцев в сентябре 1955 г. последний был переименован в «Ярославский»²⁸. Отметим, что в совхозах Северо-Казахстанской и Актюбинской областей в 1954–1955 гг. ярославскими добровольцами в общем счете было вспахано 230 тысяч гектаров целинных земель, что составляло примерно четвертую часть всей посевной площади Ярославской области²⁹.

На втором году массового освоения неиспользуемых земель целинники вновь сталкиваются с трудностями при строительстве новых хозяйств. О положении дел в начальный период работы хозяйства им. Амангельды в своем письме к землякам сообщает секретарь комитета комсомола совхоза А. Данилин: «С основанием совхоза испытывали трудности, жили в палатках, разбитых в голой степи»³⁰. Подобные сведения о бытовом укладе совхоза им. Амангельды мы получаем из письма, адресованно-

го также к своим землякам, комсорга первой бригады Т. Лебедева: «Живем в полевом стане, в палатках и вагончиках, свободное время проводим культурно, есть гармошка, настольные игры, выписываются газеты и журналы, имеется передвижная библиотека, устроена волейбольная площадка»³¹. Как и в первый год освоения казахской целины, жилищную инфраструктуру приходилось создавать с нуля, что требовало больших экономических затрат и человеческих усилий.

Стоит сказать о трудовом героизме добровольцев Центральной России, проявленном на полях казахской целины. В частности, в совхоз им. Амангельды была переправлена группа молодых рабочих с Космынинского торфяного предприятия Нерехтского района Костромской области³². Среди прибывших добровольцев были передовики производства, к примеру, тракторист В. Метлин вспахал за 24 дня 615 гектаров целины, выполнив план выработки на 300 %³³. Невзирая на трудности, выполняли поставленные задачи молодые ивановцы совхоза «Шуйский» Атбасарского района Акмолинской области. В письме³⁴ к своим землякам бригадир второй тракторной бригады В. Казаченко и комсорг бригады П. Пелеха сообщали, что совхоз добился немалых успехов. Хозяйство досрочно выполнило план, подняло 11 тысяч гектаров целины и засеяло 18 тысяч гектаров. Среди других хозяйств Атбасарского района Акмолинской области совхоз занял первое место по показателям производства. Больших успехов на уборке добились молодые коммунисты Н. Лисанов, Г. Смирнова и другие, которые смогли убрать урожай с площади 500 гектаров каждый. На взмете зяби высокие образцы работы показал В. Сотов, постоянно выполнявший дневные нормы выработки на 170 %³⁵. Ивановцы смогли организовать налаженную работу в совхозе на начальном этапе его развития, в результате которой хозяйство разработало инновационные методы обработки почвы – при их использовании улучшились зерновые показатели, о чем свидетельствуют сохранившиеся воспоминания М. Е. Довжика, который работал в данном совхозе с 1967 г. и до пенсии: «В совхозе “Шуйский” мы впервые применили переоборудованные сеялки. В отличие от серийных, эта модель одновременно срезала сорняки, заделывала семена и уплотняла почву. Помимо трехкратного выигрыша во времени, при этом полностью сохранялась накопленная за зиму влага»³⁶.

В совхозе «Ярославский» Карабутакского района Акмолинской области Казахской ССР ярославцы проявили себя не менее активным образом, чем ивановцы и костромичи. Данный совхоз был укомплектован молодежью ярославского завода «Красный Перекоп». Рабочие предприятия вспоминали о начальном этапе развития хозяйства, когда пришлось столкнуться с труд-

ностями по налаживанию инфраструктуры совхоза, в частности ярославцы указывали на то, что в первое время на целине было очень трудно, приходилось жить в вагончиках, добывать камень из-под снега, необходимый для строительства. После работы целинники приходили в вагончики усталые, в намокшей одежде. Много встречалось трудностей на севе. Не хватало запасных частей, инструментов. Плохо обстояли дела с водой, ее подвозили в термосах. Но, тем не менее, по вечерам в вагончике-клубе рабочие пели песни, танцевали. Целинниками было отмечено, что в совхозе шла упорная борьба по устранению различного рода недостатков под руководством директора совхоза А. А. Ташева, который всегда проявлял чуткость и внимание к жителям хозяйства³⁷. Все эти трудности добровольцам удалось пережить, к тому же была налажена плодотворная работа, о чем свидетельствовал впоследствии секретарь комсомольской организации данного совхоза К. Николаев: «Уже в 1956 году совхоз сдал государству 2 миллиона 104 тысячи пудов зерна и обеспечил себя семенами. Совхоз почти полностью окупил расходы, связанные с организацией хозяйства»³⁸. В 1956 г. 70 ярославцев, основателей данного совхоза, были награждены медалями «За трудовую доблесть» и значками ЦК ВЛКСМ «За освоение новых земель»³⁹.

В первые годы целинной кампании юноши и девушки Центральной России самоотверженным трудом смогли добиться хороших производственных показателей и заложили основы для дальнейшего развития. Стоит отметить, что сложности были и в том, что новую инфраструктуру на казахской целине необходимо было развивать на внушительных площадях, что, несомненно, создавало дополнительные трудности. В период освоения новых земель многие участники, как правило, заявляли о том, что трудности и возникающие проблемы при организации новых хозяйств их не страшили и имели лишь временный характер. Спустя десятилетия после начала целинной кампании современники с ностальгией вспоминают этот период своей жизни и дают разную оценку прошедших событий. Ярославец В. Н. Тихов, из числа участников, положительно оценивающих кампанию, вспоминает: «Трудности были, я лично возил для рабочих продукты питания на тракторе с Иргиза. Можете представить расстояние для трактора и человека. Зарплату возил на тракторе из Карабутака, вообще трудности были, но это позади, зато потом собирали горы хлеба»⁴⁰. Другие выступают с критическими суждениями о целинной кампании и говорят о том, что затраты на развитие сельскохозяйственной инфраструктуры Казахской ССР были не вполне резонны, к примеру, об этом рассуждает костромич А. А. Захаров: «Мы сделали огромное дело для Казахстана, но ведь ученые предупреждали,

в том числе агроном Т. С. Мальцев, что целину трогать нельзя, потому что видимость прибыли и достатка были временными»⁴¹. Похожей точки зрения придерживается и ивановец В. Е. Шапиро: «Освоение громадных площадей в зоне рискованного земледелия было не вполне оправдано. Часть средств можно было вложить и в Нечерноземье»⁴².

На сегодняшний день в среде исследователей вопрос, касающийся оценки вклада молодежи Центральной России в развитие инфраструктуры казахской целины, остается дискуссионным. Но опираясь на полученные данные, стоит отметить, что юноши и девушки Ивановской, Костромской и Ярославской областей выполнили большую работу по развитию неиспользуемых земель Казахской ССР, и их вклад в освоение новых земель можно оценивать как весомый.

Таким образом, в рассматриваемый период молодежь Центральной России приняла участие в организации 14 хозяйств на территории Казахской ССР. В частности, ивановцы организовали 4 совхоза – «Фурмановский», «Ивановский», «Шуйский», «Кинешемский», укомплектовали 3 совхоза – «Молодежный», «Московский», «Ленинградский», все хозяйства были расположены в Атбасарском районе Акмолинской области. Рабочие Костромской области организовали на целине совхоз им. Амангельды Иртышского района Павлодарской области. Представители Ярославской области организовали 6 целинных совхозов: «Ярославский» Есильского района Акмолинской области, «Москворецкий» Североказахстанской области, «Тылдысайский», «Бугеткульский», «Северный» и «Карабутакский» Актюбинской области.

Добровольцам Центральной России пришлось столкнуться с трудностями быта, тяжелыми условиями работы, которые им удалось преодолеть. Этот факт подтверждает в своих воспоминаниях Герой Социалистического Труда М. Е. Довжик, который в разные годы работал в совхозах «Ярославский» и «Шуйский», как и другие участники событий, он отмечал усердную работу добровольцев, их инновационные разработки по улучшению обработки земли и подчеркивал хорошую организацию рабочего процесса в новообразованных зерновых хозяйствах Казахской ССР. Особую роль в организации новой сельскохозяйственной инфраструктуры на территории Казахской ССР сыграл личностный фактор: среди посланцев каждой вышеупомянутой области были работники, которые перевыполняли установленные трудовые нормы. Молодежь Ивановской, Костромской и Ярославской областей приняла активное участие в налаживании новой сельскохозяйственной инфраструктуры на территории Казахской ССР, за счет которой удалось в короткие сроки вывести из кризиса зерновое хозяйство Советского Союза.

Примечания

- 1 См.: Хрущев Н. С. О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. М., 1954. С. 3.
- 2 См.: Великий подвиг партии и народа – массовое освоение целинных и залежных земель. Сборник документов и материалов / под ред. И. М. Волкова. М., 1979. С. 8.
- 3 Целинной эпопее 10 лет // Северный рабочий. 1964. 1 марта. № 52.
- 4 См.: Лушников М. В., Лушникова А. М. Курс трудового права. М., 2009. С. 165.
- 5 См.: Устав ВЛКСМ. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5810.htm (дата обращения: 15.01.2018).
- 6 См.: Хохлов А. Юность мужает в борьбе. Ярославль, 1978. С. 194.
- 7 См.: Рыбин А. А. Костромичи на освоении целинно-залежных земель Казахстана (1954–1964 гг.): по материалам периодической печати // Вестн. Костром. гос. ун-та. 2016. № 5. С. 58.
- 8 См.: Шанина О. Н. Имена и даты. К 60-летию начала освоения целины. URL: <http://www.yararchive.ru/publications/details/170/> (дата обращения: 05.01.2018).
- 9 Сайкин Е. Подготовка механизаторов для МТС целинных земель // Сталинская смена. 1955. 1 февр. № 15.
- 10 См.: Государственный архив Ивановской области Ф. П-342. Д. 58. Оп. 6. Л. 24.
- 11 См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 556. Оп. 22. Д. 14. Л. 2.
- 12 См.: В бою и труде. Комсомольцы и молодежь Ивановской области в годы Великой Отечественной войны и послевоенного социалистического строительства (1941–1945 гг.): сб. документов и материалов / ред. В. М. Бритов, сост. Г. П. Бакастова, К. А. Гущина, О. М. Петриченко, Л. Д. Тихомирова (далее – В бою и труде...). Ярославль, 1972. С. 194.
- 13 Соколов А. Люди целинных земель // Сталинская смена. 1954. 26 сент. № 78.
- 14 См.: Подвиг с именем Целина: сб., посвященный 60-летию освоения целинных и залежных земель в Акмолинской области на основе документов Государственного архива города Астаны / гл. ред. А. А. Шокаева. Астана, 2014. С. 47.
- 15 Палкин В. Приезжайте к нам // Сталинская смена. 1955. 25 янв. № 12.
- 16 Кутовых Н. Хлеб уродился на славу // Северный рабочий. 1956. 11 июля. № 135.
- 17 См.: Подвиг с именем Целина... С. 47.
- 18 Там же. С. 50.
- 19 Михаил Егорович Довжик (19.09.1928–13.12.1998), уроженец села Шелюги Запорожской области Украинской ССР. Являлся первоцелинником, по специальности механизатор, Герой Социалистического Труда 1972 года. Депутат Верховного Совета СССР 6-го созыва, Депутат Верховного Совета Казахской ССР 1975 года.
- 20 Дронов О. Н., Мурзин А. П. Великая степь. М., 1984. С. 12.

- ²¹ Кручина Н. Е. А хлеб остается хлебом : К 25 летию освоения целины. М., 1979. С. 89.
- ²² См.: В бою и труде... С. 193 ; Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. П-1018. Оп. 24. Д. 57. Л. 19 ; Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области. Ф. 594. Оп. 33. Д. 1081. Л. 239 (далее – ЦДНИ ГАЯО).
- ²³ См.: В бою и труде... С. 194.
- ²⁴ См.: Бритов В. М. Поступь юности. Очерки истории Ивановской областной организации ВЛКСМ (1918–1988 гг.). Ярославль, 1985. С. 198.
- ²⁵ На целину! // Северная правда. 1955. 30 марта. № 53.
- ²⁶ См.: Хохлов А. Указ. соч. С. 198.
- ²⁷ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 1081. Л. 26.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Штрихи биографии // Юность. 1978. 23 сент. № 114.
- ³⁰ Данилин А. Привет из Казахстана! // Молодой Ленинец. 1957. 25 сент. № 115.
- ³¹ Лебедева Т. Привет с целины! // Северная правда. 1955. 7 нояб. № 221.
- ³² Ильин Н. На целинные земли // Северная правда. 1955. 13 апр. № 73.
- ³³ Лебедева Т. Привет с целины! // Северная правда. 1955. 7 нояб. № 221.
- ³⁴ Казаченко В. Трудные будни // Знамя коммунизма. 1955. 4 сент. № 106.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Кручина Н. Е. Указ. соч. С. 147.
- ³⁷ О работе комсомольцев комбината в целинном совхозе «Ярославский» // Красный Перекоп. 1956. 11 марта. № 11.
- ³⁸ Хохлов А. Указ. соч. С. 200.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ ЦДНИ ГАЯО. Ф. 594. Оп. 33. Д. 1081. Л. 29–30.
- ⁴¹ Рыбин А. А. Костромичи на освоении целинных и залежных земель Казахстана в период с 1954–1964 гг. (по воспоминаниям современников) // Казахстан во всемирной истории : вечные ценности и новые горизонты : Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию независимости Республики Казахстан : тез. докл. / под ред. Ж. С. Сыздыковой ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки. М., 2016. С. 136.
- ⁴² Студенты-целинники Ивановского сельскохозяйственного института : в 2 ч. Ч. 1 / авт.-сост. Л. А. Предыбайло ; ФГБОУ ВПО «Ивановская ГСХА им. Д. К. Беляева. Иваново, 2014. С. 73. (Сер. Жизнь замечательных выпускников ИВПИ, ИСХИ).

Образец для цитирования:

Рыбин А. А. Участие молодежи Центральной России в организации сельскохозяйственной инфраструктуры на территории Казахской ССР в начальный период освоения целинных и залежных земель в 1954–1956 годы (по материалам Ивановской, Костромской и Ярославской областей) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 400–404. DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-400-404.

Cite this article as:

Rybin A. A. The Role of the Youth of Central Russia in the Formation of Agricultural Infrastructure on the Territory of the Kazakh SSR in the Early Period of Development of Virgin and Fallow Lands in 1954–1956 (Based on Materials of the Ivanovo, Kostroma and Yaroslavl Regions). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2018, vol. 18, iss. 3, pp. 400–404 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-4907-2018-18-3-400-404.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

ИСТОРИК В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Рецензия на книгу: Кабытов П. С. Историк в прошлом и настоящем : историографические очерки, исследования и публицистика / Самара : Изд-во «Самарский университет», 2016. 320 с.

В 2016 г. в издательстве «Самарский университет» увидела свет книга известного самарского ученого-историка П. С. Кабытова «Историк в прошлом и настоящем: историографические очерки, исследования и публицистика»¹, в которую автор, по его собственным словам, включил «научные работы, написанные на рубеже XX–XXI вв.».

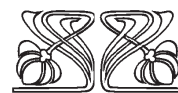
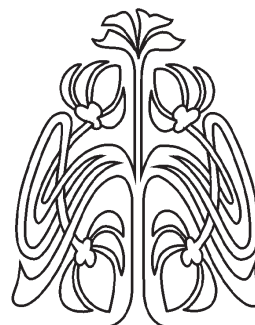
Первый раздел книги составляет фундаментальное исследование о Государственной деятельности Петра Аркадьевича Столыпина, причем, как справедливо отмечает научный редактор издания – член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор В. В. Кондрашин, Петр Серафимович Кабытов «нашел свою “нишу”, акцентировав внимание на личные качества “последнего реформатора” России: публичность и открытость в полемике с оппозицией в Государственной Думе, порядочность, трогательная нежность и любовь к жене и детям, неподкупность и т. д. Разве не актуально все это для современных политиков и граждан России?!»².

Интересно, что в том же разделе автор книги представляет читателю интереснейшего человека – Якова Васильевича Глинку. Автор книги подробно рассказывает о его судьбе до и после революции 1917 г.

Выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета Я. В. Глинка начинал службу в Государственной канцелярии, которая вела дела Государственного Совета Российской империи, затем был направлен на работу в Государственную Думу, где в 1907 г. возглавил отдел общего собрания и общих дел канцелярии Государственной Думы. Находясь в центре политической жизни Российской империи, он вел дневниковые записи, которые, как уверен П. С. Кабытов, в настоящее время «существенно дополняют делопроизводственную переписку, да и стенограммы думских заседаний, что позволяет полнее воссоздать панораму политической жизни Российской империи, показать не только биение ее пульса, но и внести существенные коррективы при реконструкции исторических портретов – характеристик некоторых политических и государственных деятелей начала XX столетия»³. В подтверждение к сказанному автор приводит колоритные характеристики, которые Я. В. Глинка дает будущему российскому премьер-министру А. Ф. Керенскому, председателю III Государственной Думы, лидеру октябристов А. И. Гучкову и др.

Однако октябрьские события 1917 г. прервали карьеру успешного чиновника, и для Я. В. Глинки начинается совершенно иная – вторая жизнь. «Ценой невероятных усилий, – пишет П. С. Кабытов, – он смог преодолеть жизненные невзгоды», а позже и вовсе обрел свое призвание, став театральным художником.

На страницах книги П. С. Кабытов рассказывает, как по крупицам собирал материал об ульяновском периоде жизни Я. В. Глинки, который продолжался 12 лет (с 1938 до смерти 10 августа 1950 г.). Именно в Ульяновске, будучи главным художником областного драматического театра, он смог завершить работу по подготовке к изданию своих дневника и воспоминаний, которые в настоящее время являются уникальным источником по изучению политической истории начала XX в.

**КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ**

В рецензируемое издание включено несколько биографических очерков о незаслуженно забытых государственных деятелях, российских историках, политиках. К примеру, в очерках о Петре Владимировиче Алабине⁴, как и в случае с Я. В. Глинкой, П. С. Кабытов знакомит читателей с прогрессивным общественным деятелем России второй половины XIX в.

«А ведь это был поистине разносторонний талантливый человек, – пишет автор. – Его в равной степени можно назвать писателем, ботаником, археологом, этнографом, историком-краеведом, библиографом, музейным работником, художником, организатором и учредителем школ. Одним словом, перед нами – Просветитель, человек, который внес неоценимый вклад в изучение и сохранение историко-культурного наследия нашего края»⁵.

Очерки, рассказывающие о судьбе П. В. Алабина, в самом деле, вернули этого человека буквально из небытия.

Мы не оговорились: Алабину посвящено два очерка, в одном автор подробнейшим образом рассказывает о жизненном пути «легендарного самарца» и его деятельности на разных поприщах; анализирует его научное и литературное наследие, предлагает формы увековечивания его памяти.

Второй очерк посвящен конкретному вопросу – деятельности председателя Самарской губернской управы П. В. Алабина по организации помощи голодающим в 1891–1892 гг. и анализу судебного дела против него. Автор, принимая детальный разбор неоднозначных и противоречивых оценок как современников и участников тех событий, так и части советских писателей и историков-краеведов, утверждает, что «Многие из тех, кто отрицательно отнесся к деятельности П. В. Алабина, чаще всего брали за основу своих доказательств лишь внешнюю канву событий и не принимали в расчет деятельность царского правительства. Они не пытались вникнуть в сущность явлений и не желали замечать, что имперская власть проявляла, как правило, крайнюю медлительность в оценке масштабов национального бедствия, а потому или не спешила в предоставлении финансовых средств для оказания помощи голодающим, или стремилась урезать до крайнего предела предоставляемые кредиты»⁶.

П. С. Кабытов, анализируя материалы губернской земских собраний, свидетельства участников событий – людей, хорошо знавших П. В. Алабина, делает вывод о невиновности его, а также воссоздает действительную картину событий тех трагических для П. В. Алабина и для населения Самарского края лет.

П. С. Кабытова вполне справедливо называют «патриархом самарского краеведения»: он действительно открыл землякам неизвестные страницы истории Самары, рассказал о многих

людях, оставивших след в жизни Поволжья.

Глубок и информативен материал об ученых-аграрниках: академике Сергее Федоровиче Платонове, Андрее Матвеевиче Анфимове, Сигурде Оттовиче Шмидте, Викторе Григорьевиче Тюкавкине, Ефреме Игнатьевиче Медведеве, Иване Михайловиче Ионенко, Григории Наумовиче Вульфсоне, Юрии Ильиче Смыткове. В каждом рассказывается не только о жизненном пути и основных этапах деятельности, но и дается анализ научного наследия и вклада, который внесли названные ученые в историческую науку.

Нельзя не отметить, что ко всем представленным в рецензируемом издании исследованиям, в каком бы жанре они не были созданы (статьи, очерки, этюды), вполне правомерно добавить эпитет «историографические». Во всех дается подробное изложение источников, что, несомненно, повышает ценность книги, тем более, что многие названные в исследовании работы малоизвестны, а порой и малодоступны широкому кругу читателей.

Заголовок анализируемой нами книги точен – автор пишет о событиях далеких, но в то же время – о дне сегодняшнем. Он убежден, что «проблемы отечественной истории (особенно истории советского общества) нуждаются в более глубоком и всестороннем освещении», что «давно настала пора избавляться от мифов и легенд и при создании биографий видных партийных и государственных деятелей»⁷. Его очерк о В. В. Куйбышеве так и называется: «Валериан Куйбышев: мифы и реальность»⁸. Привлекая множество документальных свидетельств, он показывает роль человека, чье имя несколько десятилетий носил город, и в событиях Гражданской войны и в годы мирного строительства, очищает образ Куйбышева от «хрестоматийного глянца» и в то же время говорит и о свойственных ему недостатках, допущенных ошибках и т. д.

Бесстрашно берется историк и за анализ ельцинской эпохи. Здесь ему приходится опираться на оперативные источники: газетные статьи, интервью, даже телепередачи. Есть у ученого и свой взгляд на эпоху и личность ее вождя, но, будучи истинным ученым, он старается быть объективным, анализируя сделанное, сказанное и написанное, непременно приводит убедительные аргументы, доказывающие собственную позицию.

Такой научный, непредвзятый взгляд на события постсоветского периода очень важен, т. к. позволяет увидеть эпоху в целом, оценить ее «плюсы» и «минусы».

Нельзя не отметить и публицистический пафос, характерный для многих очерков и историографических этюдов.

Вот цитата из очерка «Борис Николаевич Ельцин»: «Русский язык, как и всегда в трагическую эпоху, отразил изменения в обществе. Можно сказать, не выдержал первым: невнятицу соци-

альных отношений, финансовых неполадок стало модно называть иностранными словами – и красиво, хоть не всегда и понятно, и не так страшно. Киллер сменил простого убийцу, выяснение отношений заканчивалось не дракой, а импичментом, – так камуфлировалась реальность. Москва стала походить на Нью-Йорк засильем вывесок на английском языке. Думается, что китайская позиция – как всегда жесткая – была бы более уместна для страны с богатой – вопреки всему культурой: все объявления, все названия, все вывески только на родном языке и только маленькими буквами, не более 20 см, – на глобальном английском. Это не изоляционизм – это самоуважение своей страны, своей культуры, своей истории»⁹.

Или цитата из историографического этюда «Ефрем Игнатьевич Медведев»: «XX съезд КПСС и его решения вселяли веру в то, что процесс демократизации всех норм жизни станет необратимым. ... Несмотря на то что оттепель сопровождалась сильными порывами северного ветра и возвратом к старым, испытанным временем административным методам управления, тем не менее, новые веяния захватили и научную интеллигенцию»¹⁰.

Героями историографических этюдов преимущественно являются люди, которых автор рецензируемой книги знал лично: у одних учился в годы студенчества, с другими сводили общие научные интересы.

«Писать воспоминания о пережитом – дело невероятно трудное, – размышляет П. С. Кабытов на страницах одного из этюдов. – Практически никто из мемуаристов не может сохранить объективность при освещении событий, в которых он или принимал участие, или являлся их очевидцем. Вольно или невольно на первый план выступает сам автор воспоминаний со своими представлениями о жизни, чувствами и переживаниями, зачастую с предрассудками. Поэтому, приступая к первым наброскам воспоминаний о прошедших событиях, я попытаюсь говорить не столько о себе, сколько о людях, с которыми мне довелось встречаться и многие годы работать»¹¹.

Эти рассказы о встреченных на жизненном пути людях очень интересны.

Как живой предстает перед читателем привлекательный образ Сигурда Оттовича Шмидта¹². Автор рассказывает о встречах и беседах с ученым, рисует портрет «стройного, высокого мужчину 40 лет, обладающего особым магнетизмом воздействия на собеседника...», в нем не было ни грана снобизма, ... был интереснейшим собеседником, который не подавлял своей эрудицией, а стремился воссоздать живой и неповторимый образ события, или исторической личности. У него была феноменальная память»¹³.

Очерк «Ефрем Игнатьевич Медведев»¹⁴ знакомит читателей с многогранной личностью

самарского ученого, профессора, отдавшего 52 года научно-исследовательской и преподавательской деятельности. Анализируя его научное наследие, давая высокую оценку его деятельности, он в то же время отмечает, что «попытка с помощью сравнительно-исторического и иллюстративного методов создать широкую панораму событий, в которой бы отражалась вся противоречивость революционного времени, Медведеву не удалась. Вновь, как и прежде, события были представлены односторонне с явной апологетикой тактики большевиков». И тут же мы слышим авторский голос самого Кабытова: «Да и можно ли было ожидать другого? Освобождение от старых прописных истин никогда не происходит мгновенно, если речь не идет о приспособленцах в науке, восхваляющих любой политической режим. А Ефрем Игнатьевич был честным и искренним человеком»¹⁵.

Книга известного российского историка П. С. Кабытова, по его же собственному признанию, является «итогом его научной и преподавательской деятельности», ее можно считать однотомником избранных произведений, а значит, автор включил в нее знаковые для него работы. Анализ статей сборника дает возможность увидеть и в полной мере оценить как значимость исследуемых автором проблем, так и многообразие интересов историка, а также осознать масштаб личности известного российского ученого, внесшего огромный вклад в историческую науку.

Примечания

- 1 Кабытов П. С. Историк в прошлом и настоящем : историографические очерки, исследования и публицистика. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2016. 320 с.
- 2 Там же. С. 6.
- 3 Там же. С. 42.
- 4 Там же. С. 48–82.
- 5 Там же. С. 48.
- 6 Там же. С. 73.
- 7 Там же. С. 83.
- 8 Там же. С. 83–105.
- 9 Там же. С. 109.
- 10 Там же. С. 178.
- 11 Там же. С. 177.
- 12 Там же. С. 135–143.
- 13 Там же. С. 136.
- 14 Там же. С. 177–188.
- 15 Там же. С. 186.

С. В. Любичанковский
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России
Оренбургского государственного
педагогического университета

КАЗАНСКОЕ ХАНСТВО В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Рецензия на книгу: Аксанов А. В. Казанское ханство и Московская Русь : Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.

В последнее время исследователи начинают понемногу избавляться от методологии, которую можно условно обозначить как «прямолинейный позитивизм». Примером попытки критического подхода к тексту источника может служить монография кандидата исторических наук Анвара Васильевича Аксанова, старшего научного сотрудника Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, вышедшая в 2016 г. в серии «История и культура Золотой Орды и татарских ханств».

Автор решил подойти к русским летописям с позиций герменевтического анализа, применив методику, успешно апробированную И. Н. Данилевским¹. (Данилевский является одним из рецензентов книги, что придает ей дополнительную весомость.) Автор книги выяснял, что можно «разглядеть» сквозь завесу летописного текста; проще говоря, он захотел разобраться, что было «на самом деле», и как это «на самом деле» преобразилось в умах летописцев в стройные концепции средневекового источника.

Во введении к своей работе автор заявляет, что «в настоящем исследовании впервые предпринята попытка рассмотреть сообщения о казанско-московских отношениях с помощью методов герменевтики и на основании подробного текстологического анализа. Данный научный подход позволяет раскрыть смысловую нагрузку известий, избежать модернизации исторических явлений и верифицировать результаты предшествующих исследований» (с. 6). Далее автор отмечает, что «на современном этапе развития исторической науки все еще идет процесс переосмысления дореволюционного и советского наследия... В работах последних лет повторяются ошибки предшествующей историографии» (с. 7). Как итог, автор намеревается «представить научно-адекватный взгляд на историческую действительность» (с. 7).

Насколько структура работы адекватна данному замыслу? Глава 1 традиционно для российской историографии рассматривает источники и литературу, вторая глава называется «Становление казанско-московских отношений (1445–1487 гг.)», третья глава озаглавлена как «Казанско-московские отношения в 1487–1521 гг.: от союза к противостоянию», четвертая – «Межгосударственные отношения в годы правления крымских и касимовских ханов в Казани (1521–1549 гг.)», пятая – «Падение Казани (1549–1552 гг.)». Перед нами реконструкция политической истории московско-казанских отношений. Исходя из структуры книги, ее автор

не ставил своей целью «попытку рассмотреть сообщения о казанско-московских отношениях с помощью методов герменевтики и на основании подробного текстологического анализа». В противном случае структура работы должна была бы быть иной. Мы же видим попытку «представить научно-адекватный взгляд на историческую действительность», то есть структура текста автора ближе к традиционному позитивистскому исследованию.

Об этом же говорит нам и название самой работы – «Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте (курсив мой. – Б. Р.) герменевтического исследования». Герменевтика здесь идет именно как контекст. Однако автор смешал две трудновосприимчивые цели – текстологический анализ и желание реконструкции исторической действительности. Последнее почти противоречит первому, и это сказалось на всем тексте исследования. Не до конца ясно, что же все-таки делает автор – реконструирует историческую действительность или занимается текстологией летописей? То, что увидел автор данной рецензии – это попытка извлечь из текста летописей ту информацию, которая ведет нас к «объективной реальности» сквозь дебри летописных известий.

Подтверждает эти мысли анализ заключительных пассажей к каждой главе и «Заключение» в целом. Они содержат реконструкцию политической истории московско-казанских отношений и истории Казанского ханства, как она видится автору книги исходя из текстологического анализа летописных известий, но не выводы непосредственно по текстологическому анализу летописных известий. Напрашивается вывод, что основная цель автора – реконструкция политических реалий взаимоотношений двух государств при помощи методов герменевтики и текстологического анализа, но не герменевтика и текстологический анализ летописных известий как таковые. При этом автор чужд крайностей позитивистских реконструкций.

Общая схема построения основной части работы А. В. Аксанова следующая. Сначала приводится факт или набор фактов, затем дается его интерпретация авторами исследований – историками, после этого дается текстологический анализ разных летописей в отношении данного известия (как оно интерпретировалось различными летописцами и чему из этого можно верить, а чему не стоит). Иногда в этой схеме автор делает перестановки (текстологический анализ перемежается историографией). В целом повествование идет в хронологическом порядке как политическая история, реконструированная на

основе сообщений летописей. Периодически в эту «позитивно-летописную» реконструкцию вкрапляются данные других видов источников (сообщения иностранцев, посольские документы, разрядные книги). Автор пытается понять, что из летописных известий подтверждается «независимыми» источниками, а что – нет.

Во вводной историографическо-историографической главе автор пишет, что «на протяжении веков историки, руководствуясь разными оценочными принципами, пытались достичь общей цели – реконструировать московско-казанские отношения» (с. 36). При этом они, «подчас не аргументируя свой выбор, отдавали предпочтение сообщениям то одного, то другого свода. Так, например, Н. М. Карамзин, К. В. Базилевич, А. Г. Бахтин и Д. А. Котляров опирались в основном на известия великокняжеского летописания, а С. М. Соловьев, М. Г. Худяков и С. Х. Алишев, пытаясь опровергнуть некоторые устоявшиеся положения, делали ставку на Новгородские и Устюжские летописи» (с. 36). По мнению автора, это происходило потому, что «многие наши предшественники работали, следуя установкам ... объективистско-позитивистской парадигмы» – «моделированию... единственно возможного прошлого», то есть реконструировали объективную картину исторической действительности (с. 37). Этими позитивистскими историками «источник воспринимался ... как хранилище фактов, которые можно выделить с помощью критического метода» (с. 37). А. В. Аксанов заключает: «... едва ли стоит говорить о возможности объективно реконструировать ход московско-казанских отношений. В связи с этим в основе нашего изыскания лежит иной принцип научного анализа, согласно которому *в основе исторического познания находится понимание источника* (курсив мой. – Б. Р.). Иначе говоря, наши усилия направлены на изучение картины московско-казанских отношений посредством реконструкции исторической репрезентации событий» (с. 37–38).

Но такое «направление усилий» есть не что иное, как та самая позитивистская парадигма, против которой столь последовательно выступает автор книги. Непонятно, автор пытается понять источник или изучает картину московско-казанских отношений? Второе без первого невозможно, а вот первое без второго вполне возможно. Здесь важен акцент исследования, который, исходя из этой части текста, мне остался непонятным. Охарактеризованный на с. 47–49 комплекс источников исследования А. В. Аксанова также больше подходит для «реконструкции объективной реальности», но не для герменевтического анализа летописных текстов.

В целом, критически относясь к трудам своих предшественников, автор при этом постоянно опирается на историографию вопроса (в основном русскоязычную), приводя достаточно

обширные цитаты из текстов предыдущих исследователей. Он как бы дискутирует с ними, показывая, кто и в чем был прав, а кто – неправ. Я бы не видел смысла опровергать все предыдущие версии на страницах книги. Это сильно усложняет восприятие текста книги.

При этом удивляет выборочность в изучении иностранной (да и не только) историографии вопроса. В частности, автор не упомянул диссертацию Э. Кинана, хотя он знает об ее существовании. Не указана также важная для темы исследования А. В. Аксанова работа Ярослава Пеленски «Россия и Казань: Завоевание и имперская идеология (1438–1560-е гг.)»².

В некоторых случаях автор использует спорные тезисы известных авторов без каких-либо дополнительных аргументов в их пользу, чем делает свой текст уязвимым для критики (например, тезис А. А. Зимина и А. Л. Хорошкевич о том, что «венчание уравнивало статус Ивана IV с казанскими и астраханскими ханами» (сноска 151 на с. 194)). Некоторые пассажи автора вызывают недоумение. К примеру, А. В. Аксанов пишет, что К. В. Базилевич³ «использовал практически ту же источниковую базу, что и М. Г. Худяков» (с. 19). Худяков реконструировал историю Казанского ханства в основном по русским летописям (вслед за В. В. Вельяминовым-Зерновым). К. В. Базилевичем был привлечен широкий круг источников, в числе которых были и ранее не вводившиеся в научный оборот материалы. Это летописи, договорные грамоты, дипломатическая переписка, родословные записи. Но в основном его работа выполнена на основе опубликованных дипломатических источников⁴, то есть тех документов, которые как раз не использовал Худяков. Именно поэтому, полагаю, работа Базилевича актуальна до сих пор.

Иногда А. В. Аксанов ссылается на издания источников, которые явно устарели, и пользоваться ими специалисты не рекомендуют, к примеру, на «Продолжение древней российской вивлиофики» (ПДРВ), изданной в XVIII веке⁵. При этом некоторые из публикаций ПДРВ были в последнее время переизданы на современном уровне, и автору эти публикации известны⁶. В ряде случаев автор просто использует предыдущее издание источника в ущерб более современному и качественному⁷. А. В. Аксанов упустил некоторые важные публикации источников, в частности, указывая на с. 47, что «многие документы посольского архива XV–XVI вв. опубликованы» и приводя эти публикации, автор забыл указать важные публикации⁸. Зачастую автор книги ссылается на ранние работы авторов, неоднократно писавших по одному и тому же вопросу. Предпочтительными являются ссылки на более поздние исследования.

Жанр рецензии изначально располагает к критическому взгляду, хотя работа А. В. Аксанова содержит в себе намного больше плюсов,

чем минусов. К примеру, А. В. Аксанов тонко подмечает нюансы терминологии летописцев, позволявшие заказчикам летописей – политической элите Московского княжества – легитимировать свои устремления в отношении земель, ранее никогда им не принадлежавших. Говоря о событиях июня-июля 1546 г., когда казанцы лишили престола сначала московского ставленника Шах-Али, а затем представителя Крымского ханства Сафа-Гирея (то есть дважды совершили однопорядковое действие), автор пишет: «Официальные книжники показали, что за короткое время казанцы дважды совершили переворот. Причем, по их формулировке, Сафа-Гирея «согнали», а Шах-Али «изменили», то есть власть последнего была законной. В первом случае смена власти стала следствием неоправданных гонений со стороны хана после похода воевод на казанские земли, и виновником случившегося выставлялся Сафа-Гирей. Другое дело – Шах-Али, который был законным правителем (сел на трон по нормам «правды») и лишился ханского престола в результате «измены»» (с. 187).

Книга написана хорошим слогом и грамотным русским языком; ее приятно читать.

В своей книге А. В. Аксанов достаточно четко обозначил, чему не стоит верить в летописных известиях по вопросу межгосударственных отношений между Казанью и Москвой в средние века. Автор «отсеял» не относящуюся к политическим реалиям информацию летописцев, отделив «зерна от плевел». Эта работа весьма ценна и полезна исследователям проблематики.

Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РФФИ и Республикой Татарстан научного проекта «Христианский фактор в политических и социокультурных процессах в Среднем Поволжье и Приуралье в XIII–XVI вв.» (проект № 18-49-160008).

Примечания

¹ Данилевский И. Н. Повесть временных лет : Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004 ; *Его же*. Исторические источники XI–XVII веков // Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники

русской истории. М., 1998. См. и др. его работы.

- ² *Pelenski J.* Russia and Kazan. Conquest and Imperial Ideology (1438–1560s). The Hague. P., 1974.
- ³ *Базилевич К. В.* Внешняя политика русского централизованного государства : Вторая половина XV в. М., 1952.
- ⁴ Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1882. Т. 35 ; СПб., 1884. Т. 41.
- ⁵ Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1786–1801. Ч. I–XI.
- ⁶ К примеру, см.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006.
- ⁷ К примеру, автор использует : *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. Имеется более современная версия издания : *Герберштейн С.* Записки о Московии : в 2 т. М., 2008. Т. I.
- ⁸ Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891 ; *Лашков Ф. Ф.* Статейный список московского посланника в Крым Ивана Судакова в 1587–1588 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). 1891. № 14. С. 41–80 ; *Его же*. Статейный список московского посланника в Крым Семена Безобразова в 1593 гг. // ИТУАК. 1892. № 15. С. 70–94 ; Путешествия русских послов XVI–XVII вв. : Статейные списки. М. ; Л., 1954 ; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995 ; Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003 ; *Моисеев М. В.* К истории выезда татар в Россию в XVI веке // Русский дипломатарий : в 10 вып. М., 2003. Вып. 9. С. 270–272 ; *Комисаренко А. И., Моисеев М. В.* Астраханское ханство по документам ногайской посольской книги за 1551–1556 гг. // Исторический архив. 2004. № 2. С. 199–209.

Б. Р. Рахимзянов,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан